

Per. 277 ^d / 1862, 3.4

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братья и Русьскій Земли «
Владиміръ Мономахъ.

1862

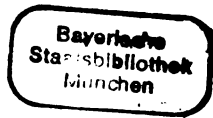
БЕРЕЗІЛЬ

(МАРТЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛІША.

Per. 277 d (1862, 3.4)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 17 апрѣля, 1862 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

LV.

Моимъ соузникамъ.

Згадайте, братія мої, —
Бодай те лихо не верталось! —
Якъ ви гарвѣсенько и я
Изь-за решѣтки визирали, —
И, певне, думали: коли —
На раду тиху, на розмову, —
Коли ми зійдемося знову
На сій зъубоженій землі?
Ніколи, братія, ніколи....
Зъ Дніпра у-купі не пьемó,
Розійдемось, рознесемо
Въ степі, въ лісі свою недóлю,
Повіруємъ ще трѣхи въ волю,
А потімъ — жити почнемó
Межъ людми, якъ люде...
А поки те буде,
Любітеся, браті мої,
Україну любіте,
И за неї безталанну
Господа моліте.
(Ворогівъ) забудте, друзи,
И не проклинайте,
И менé въ неволі лютіи
Ніколи згадайте....

LVI.

Лічу въ неволі дні п ночі,
 И лікъ забуваю!
 О, Господи! якъ то тяжко
 Тіи дні минають!
 А літа плвуть за ними,
 Пливуть собі стіха,
 Забирають за собою
 И добро п лихо:
 Забирають, не вертають
 Ніколи нічого...
 И не благай! бо пропаде
 Молітва.....

Каломутними болотами
 Міжъ бурьянами, за годами
 Три годи сумно протеклі;
 Багато де-чого взяли
 Зъ моєї темної комори,
 И въ море нішкомъ однесли
 И нішкомъ проковтнуло море
 Моє не злато-серебро —
 Мої літа — моє добро,
 Мою нудьгу, мої печалі —
 Тіи незримі скрижалі
 Незримі пїсані перомъ...
 Нехай гнилыми болотами
 Течуть собі міжъ бурьянами
 Літа неволничі! А я...
 (Такая заповідь моя)
 Посижу, трішки погуляю,
 На степь, на море подивлюсь,
 Згадаю де-що, заспіваю,
 Та п зновъ мерэжать захожусь
 Дрібненьку книжечку.... Рушаю!..

Т. ШЕВЧЕНКО.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

3) ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО (1).

1.

Новопетровское укрѣпленіе, 8 октября 1856 г.

Богу милий друже мій, Михайле!

Коротеньке, невеличке та щіре письмо твое отъ 8 августа, получивъ я 28 сентября. Довгенько—такі вонó летіло, та все такі, благодарить Бóга, долетіло. Спасібі тобі, друже мій єдиний, и за письмо твое ласкавее. Спасібі тобі и за грóші. У мене їх теперъ такъ небагато, якъ у того Лазаря, що сліпці співають на ярмарка́хъ. Я сердечне радъ, що ви познакомились съ Семёномъ: добрий, щіривй чоловікъ. Не такъ давно и вінъ мені приславъ 15 руб. Та бреше собі, півроку ёму: пише, що хтось передавъ ёму щобъ послать мені. Може це и булá коли небудь правда, та теперъ така старá стáла що похожа на мифологію, сірічъ на брехню. Це, бачишъ, я до того ведú слово, що познакомившись съ Семёномъ, и ти трóхи вивчивсь въ ёго тее... Исправді, за що ти міні виненъ? — Ні за щó. Спасібі тобі друже мій єдиний! Така неправда лúчше всякоі на світі правди. Тільки ось що: коли и чимъ я тобі заплачу́ за твою братську неправду?

Німець Іёхвмъ мабуть на мене сёрдитця? Не знаю за що бь ёму сёрдитця? Ми зъ нимъ жили и розішлися добримв пріятелями, ні-за-що бь, здаётця сёрдитця. А тимъ часомъ, Богъ ёго знае. Статуэткн мені не дúже потрібні, — обійдúсь и безъ їхъ. А отъ безъ

(1) Листы 1) до Я. Г. Кухаренка и 2) до М. С. Щепкина были напечатаны въ торішній октябський книжці.

чого не обидусь: безъ жизненнихъ прппасовъ, якъ ти пишешъ. Мені теперъ дуже и дуже треба одну акварельну краску, називається вона сепія. Семенъ, я думаю, її знає, бо вінъ такій трохи швидпоритъ въ малярстві. Вона буває різнихъ фабрикъ, але найлучшая Римская сепія; оцѣ тоби форма плитки и надпись. Достать її можна въ красочномъ магазині, що коло академії художествъ; пришлі, ради святого

SEPIA DI ROMA

искства, дві плитки. Та ще, якъ би ти мені съ краскою приславъ пару кистей добрихъ акварельныхъ, толщині въ обыкновенную папіросу: то тоді бъ уже я тоби спасибі сказавъ, тільки кісті уміючи треба вибрати. Не знаю, чи Семенъ тямить що въ сімъ ділі. Тутъ треба маляр-акварелиста. Та въ Семена, я думаю, найдеться знакомиий такий майстеръ. Да ще якъ би до кистей прибавить 6 штукъ карандашей № 3, фабрики Фабера: то тогді бъ тільки Бѣгу помолився бъ, та й більшъ нічого.

Кланяюсь Семенові и жінці ёго, и цілую дочку ёго. Кланяюсь Ѳеодорові и Василеві: — де вінъ теперъ? Якъ побачисся зъ здоровимъ Осипомъ Езучевськимъ, то и ёму кланяюсь. Глухому Ялүзі, коли знаєшъ, и ёму, — и всімъ землякамъ моімъ, которі хочъ згадують про мене.

Напиши мені, будь ласкавъ, про Левицького: — де вінъ повертається?

Прощай, мій искренній, мій єдиний друже! Не забувай безталанного и щиро-любящего тебе *Т. Шевченка*.

P. S. Чи разъ батька вдарить, чи двічі, передъ Бѣгомъ, говорять, одвѣчать однаково. До всього того, що я тебе просивъ, прибавъ ще ось-що: 4 штуки чорного французького карандаша № 2, фабрики Le Conté, и білого, 4 штуки, тиєї жъ фабрики, № 1; та тушовального чорного порошокү 4 золотники. Теперъ уже більшъ нічого не попрошү, бо заразъ письмо печатаю. А якъ би ще день полѣжало, то, може бъ, ще що вдумавъ. Пришлі, мій голубе сізній, а я тоби, на ту весну, киргизя замурзаве пришлю.

Може трапиться, що не достанешъ *Sepia di Roma*, то візьми фабрики Шанеля.

II.

Любий мій єдиний Михайле!

Вмѣстѣ съ послѣдними пятью главами сего произведенія, по-

лучилъ я и письмо отъ Дармограя, въ которомъ онъ проситъ меня, а я тебя прошу, сдѣлать его этуду такое заглавіе:

*Матрозъ,
или старая погудка на новый ладъ.
Разсказъ (а не этудь).
Часть первая.*

Первая часть разсказа заключаетъ въ себѣ десять главъ, а какъ будетъ велика вторая часть, этого онъ не пишетъ; можетъ быть и самъ еще не знаетъ. Еще проситъ онъ поправить ошпбку, правда сказать, довольно грубую. Онъ написалъ, что мѣстечко Лысянка замѣчательно мѣстороженіемъ знаменитаго Богдана Хмельницкаго. Не правда: въ Лысянкѣ родился не знаменитый гетманъ, а отецъ его Чигиринскій сотникъ Михайлъ Хмельникъ или Хмельницкій, и не по словамъ лѣтописи Самовидца, какъ онъ написалъ, а по словамъ профессора Соловьева, который ссылается на Кіевскіе акты. Еще тоже не помню, на которой страницѣ, онъ сдѣлалъ пробѣлъ, а за нимъ и я; нужно было написать фамилію знаменитаго череполога *Лаватера*, но онъ вѣроятно забылъ, какъ прозывался этотъ мудреный нѣмецъ, и я тоже не вспомнилъ. Больше онъ ничего не замѣчаетъ. Я тоже больше ничего не замѣчаю, и онъ передаетъ мнѣ, а я, переписавши на досугѣ, передаю его новорожденное дѣтище въ полное ваше покровительство и распорядженіе. Еще онъ пишетъ мнѣ, что если и будетъ вторая часть этого разсказа, то не весьма скоро. Поэтому я и думаю, что лучше не писать: *Часть первая*.

Теперь отъ що я тебѣ проситиму, друже мій єдиний: якъ би ти самъ побачився съ Писемскимъ: (за знакомство зъ нимъ не будешъ менѣ лаять): та сиптавъ би єго, чи бачився вінъ зъ графинєю Т. и що вона сказала єму про *Киклино К.* Дармограя и чи получила вона мої письма; и що вінъ тобі скаже, напиши мені, друже мій єдиний. Кланяюсь Василеві, Федорові и Семенові. Оставайтесь здорові, искренні друзи мої. Не забувайте сироту на чужині.

8 декабря (1836 г.).
(Изъ Новопетровскаго).

III.

22 априля 1857 г. (Новопетровское).

Христосъ воскресъ, брате мій любий!

Удався жъ мнѣ сѣгорішній великдень! такого святого радісного великодня у мене ще й зроду не було. Якъ разъ 7 априля приїшла до насъ почта и привезла твою дорогую посылку и твоє радіснее письмо отъ 17 генваря. Я тріха не одуривъ, прочитавши єго; та ще якъ закуривъ твою сигару (я десять літ не куривъ сигари), то якъ закуривъ твою гавану, то такъ мнѣ, друже мій єдиний, запахло волею, що я заплакавъ, якъ тая дитина. Отъ що ти наробивъ зъ моїми старима очима! Нехай тобі Господь милосердний заплатить за твою сердешную роботу. Тажъ самая почта привезла мнѣ письмо изъ Черноморіи и 25 р. грошей отъ Я. Кухаренка. (Семень єго повиненъ знать.) Але Кухаренко про волю мнѣ нічого не пише. Та тажъ самая почта изъ Петербурга привезла мнѣ письмо и грошей 16 р. отъ А. Маркевича съ товаришами. Се буде спиз того самого Миколая Маркевича, що написавъ Малоросійскую исторію. Зъ батькомъ єго ми були колись великі приятели, а сина єго, сего самого Андрия, то я здаєтця, шо й не бачивъ, а може й бачивъ, та ще дитиною. Найдй єго тамъ, та поцілуй за мене, мій друже єдиний. Воно квартирує въ Почтамтской, въ домѣ Лобина.

Такъ отъ який у мене бувъ великдень! и чимъ я заплачу вамъ, брати мої, земляки мої щірі, чимъ заплачу я вамъ за моє велике свято! за моє сердечні радісні слези! Слезами — и не чимъ більше.

Якъ побачишь Куліша, поцілуй єго за книги, що вінъ подарувавъ, а особліво за *Записки о Южной Руси*. Такі розумні книги, такого чистого нашого слова, я ще не читавъ. Може вінъ и розсърдетця на мене за те, що я єго алмазний подарокъ, *Записки о Южной Руси*, пославъ на Черноморію Кухаренкові. Такъ щожъ: скажи, — во втерпівъ. И якъ вінъ, крий єго Мати Господня! не видасть второго тома, то не тільки я, ти, всі земляки наші и вся Славянщина проклене єго и назове брехуномъ. Такъ и скажи єму.

А Б—л—з—рський кажешь поїхавъ женітьця, до дому. Нехай ёму Богъ помагá. Отъ ще щіра христіянська душа. Поцілуй ёго за мене, якъ побачишь.

Яка тамъ моя картина була у Езучевського, ей Бóгу не знаю; розіграли, кажешь, въ лотерею и вона досталася тобі. О мій добрий, мій щірий друже! Нехай васъ Богъ такъ не забуде, якъ ви не забули, не покинули мене, безталанного, на чужніні, въ неволі. Я нікуді не поїду, друже мій єдиний, якъ пошле мнї Господь милосердний волю, хибá тільки по дорозі заїду въ Чорноморію на який тїждень, а тамъ прýмо въ столицю до васъ, до васъ, браті мої. Мнї здаеться, що я одурію якъ побáчуся зъ вами, мої рідні, мої єдинї!

Сєгóдня, 22 апреля, прийшла друга почта зъ Гурьєва и не привезла нічого оффіцального нащотъ моєї отставка, и я не знаю щó й думать: Мóже то фóрма трєбує такої проволóки? не знаю. Дождусь и третєї почти, щó тамъ бóде, бо мнї, бачишь, хотїлося прибавить до цєго письма два слова и нічого бїльше, друже мій єдиний.

Лихий ёго знає, де той Осиповъ дївєся? и Писемського кажешь не має въ Петербурсі. А *Княгиня*, пишешъ, у якогось Н. Д. не знаю хтó се Н. Д. Якъ би Княгиню взявъ на свої рúки Кулішъ, чи не лóчче бъ булó? та й Матрóза прибгáвъ би до Княгинї, та причепуривъ би їх гарненько та й пустивъ би въ людє. Дармографі напсавъ ужє и вторýю часть Матрóза, въ котóрой ужє рѣзче обозначилась общая идея розказа; а въ третїй вїнь дýма ужє виставить наголо свою нехїтрую фантазію. Алє коли то те бóде? а мóже й бóде коли небудь. Трєба подождать.

Не пишу тобі, друже мій єдиний, сєгóдня бїльшь нічого, бо нема чогó писать, та и голова въ мене сєгóдня ненáче позичена у москаля-коробєйника, або ипнáче клóччямъ начинена. А все то те лїхо почта наробїла. Подожду другої почти, чи не веселїша бóде. Ось-ось трохї не забудь! Чомъ ти мнї нічого не пишешъ про Василя, и про Федора?

(Дружилъ почеркомъ).

Чортї їх батька знають, щó се вони зо мною рóблять! И досї ще нема нічого изъ Корпусу. Добивáють вони мене, недолюди, не боячїся Бóга! а нудьга, нудьга! Я ще зрóду такої нудьги не коштувавъ. Ні до

чого руки не лежать, а въ голові така нѣхворощъ, що й рада не дамъ. Читāju по одному листочку въ день біографію Гоголя; чичāju та й боюся: може й по листочку не стане, поки-то прийде той одускт. Грошей у мене теперъ дуже небагато, алé якъ би давъ Богъ тую волю, то можна бъ було позичитъ трóхи, щобъ до Москви абó до Чорномóрії допахáтыця, а тамъ ужé я не загину. Ти мині пишешъ про фотографію. Не робить нічого, браті мої, дрóги мої милні, поки я зъ вамп не побáчусь. Съ сїєю пóчтою не пишу тобі—я свобóденъ; чи не дасть Богъ зъ будущею. Нудно мині, дрóже мій одиннїй! думавъ собі, чи не легше бóде якъ зъ тобою поговорю хочъ на папíрi... перó зъ рукъ випадáе. На посїлку твою тілько дивлюся и бiльшъ нічого; въ рóки нічого взяти не хочетця. Бувай здоровъ, мій дрóже одиннїй! Цілюю тебе, Семéна, Куліша, и всiхъ моiхъ и твоiхъ землякiвъ добрихъ и щiрихъ такихъ якъ ти. Не покидайте мене, други мої, браті мої милні!

8 мая.

IV.

20 мая (1857 г. Новонетровское).

Во истину воскресъ! мій дрóже одиннїй!

Спасїбі тобі, сéрце моé, за твоé письмо отъ 11 апреля. Мині полéгшало якъ прочитавъ я ёго. Я дурнїй думавъ, що ще въ январі моє дiло кóнчене, а вопó зъ 7 абó зъ 17 апреля тiлько що начпнаетця. И та сама дурна думка мене такъ тiжко мучила и дóси. Теперъ, слава Бóгу, я повеселiшавъ; а все-таки—за що не вiзьмýся—вiзъ рукъ випадáе. Сéрце якóсь лихорадочно бьётця. Охъ! якъ би то ёго швидче успокоiли!

Ти пишешъ, що бувъ дома. Якъ я тобі завiдую, мій дрóже одиннїй! Тамъ и про мене згáдували. Спасїбі имъ землякамъ моимъ рiднимъ, що не забувають кобзаря свого, старóго, безталанного.

Ти пишешъ що чувъ, що и въ столицi есть добрi дóшi, що хотiть помагáть менi на дорóгу. Спасїбі, имъ добримъ дóшамъ! и чи не бóде той самий А. Маркевичъ зъ товаришами, про котóрого я тобі писавъ?

Ще ти питаешъ, чи багáто минi трéба будé грошей на дорóгу? Я и самъ не знаю, и не знáю ще, якъ я поiду? чи на Оренбургъ, чи Волгою до Нижнёго и на Москву, чи на

Чорноморію? Якійсь би шляхомъ не поїхавъ, то я думаю, що не обійдуся менше якъ 200 рублями. Треба буде одѣжа, бо зъ мене якъ знімуть казѣнну, то я остануся якъ той турецький святий, буквально голий. Получишъ ти на своє ім'я отъ Б. Залеського изъ Мінської губерні 50 рублівъ, то и ті пришли до своїхъ, та й пришли по прѣжньому адресу, съ передачею. Я мож: не дїждуся твоїхъ грошей, а позичу у Іраклія Александровича: то ти вже такъ и посплай на єго ім'я. А якъ що не буде одъ Царя нічого, то не посплай и грошей: на що вони тоді мені? Якъ перепишуть Матроза, то передай єго Кулішеві, та попроси єго одъ мене—нехай вінъ єго прочитає гарненько, та де що побачить—нехай и поправить, а за Записки о Южной Руси подякуй єго ще разъ одъ мене. Не тепѣрь, а коли-небудь іноді я думаю удрать критику на сію воїстинно драгоценную книгу. Але ще тільки думаю, а тамъ Богъ єго знає, якъ вонъ буде. Попроси Семена—нехай вінъ коли небудь розкаже вамъ, якъ замірвши Явдѣха була на тимъ світі и що вона тамъ бачила? У Кулішѣ записане тільки цѣкло, а раю нема, окрїчъ тихъ двохъ діточокъ, що передъ Матірью Божою золоті клубочки дѣржать, а вона панчішечку плетѣ

Вибачай мені, друже мій єдиний, що пишу тобі такъ на швидкѣ. Ніколе. Сѣгодня почта одходить. Цїлюю тебе, Семѣна и всіхъ добрихъ земляківъ моїхъ. Не покидайте, брати мої, старого безталанного *Кобзаря Дармограя*.

V.

30 іюня 857 г. Новопетровское.

Мій искренній друже!

Получивши это послѣднее отъ меня письмо изъ Новопетровскаго уврѣпленія, сдѣлай для меня величайшее одолженіе, а для многоуважаемаго мною Іраклія Александровича еще больше: побывай ты съ человѣкомъ практически и хорошо знающимъ фотографическое дѣло, побывай съ такимъ человѣкомъ у г. Чернягина по означенному адресу. И выберите, покрайней мѣрѣ, освідѣтельствуйте выписываемую И. А. камеру для фотографіи съ приборомъ, въ-особенности обратите вниманіе на объективы *Фохт-ленгера*. Дѣньги г. Чернягину посылаются съ этою же почтою:

вслучаї же недостачи этой суммы, заплати свои деньги, которыми ты съ глубочайшей благодарностью получишь отъ искрення-твоего *Т. Шевченка*.

Ираклій Александровичъ (щобъ ёго лихо не знало) великий мені пріятель; то ви вже, друзи, брати мої любії, зробіть що вінъ та піше,—зробіть для ёго и для мене. Вінъ мене п'ятий рікъ годіе и напувае.

Якъ побачишь Куліша, то поцілуй ёго и скажи ёму, що я ёго *Записки о Южнои Руси* пославъ на Чорноморію,—щобъ тамъ скажуть.

Прішли мені *Метлинскаго*: вінъ недорого коштуе.

P. S. Маркевичъ написавъ мені свій адресь, та чортъ зна який: въ *Почтамской, въ домъ Логинова, а на конвертъ написано другою рукою*—въ домъ полковника *Поссе*: то я теперъ не знаю шо й робить? Найдй ёго, мій друже єдиний, того *неакуратного* Маркевича, поскуби ёго за чубъ, або за ухо, а потімъ скажи ёму, щобъ адресь писавъ добре и по прилагаемой при семъ запискѣ исполнилъ акуратно, — а то бітиму якъ приїду; а якъ що можна, то и ти ёму поможи въ сій роботі: мені це треба.

VI.

1 іюля (1857 г. Новопетровское).

Мій друже єдиний!

Письмо твое я 75 р. грішми, одъ 2 мая, получивъ 3 іюня. Спасибі тобі, друже мій єдиний. Прочитавши твое письмо я перелицювавъ свою дорогу въ столицю: Чорноморію оставивъ до другого разу, а вдаривъ просто черезъ Астрахань Волгою до Нижнёго, а потімъ черезъ Москву и до тебе, мій друже милий, мій єдиний. Перелицювавши шляхъ-дорóгу, я того жъ дня упакувавъ свою мизерію книги, то-що, купивъ пологъ одъ комарівъ волжскихъ, сшивъ изъ шести листовъ папéру тетрадь для подорожного журнала, и сівъ надъ моремъ ждаты погоди, та й досі жаду. мій друже єдиний. И Богъ ёго святий знае, коли я дождуся тиєі доброї погоди? Пóлогъ вже у мене вкрали; тетрадь, шо приготувавъ для дорóги, всю до ластóчка списавъ *мъстными впечатльнїями*, а изъ Оренбурга ни слуху ни духу. Я не знаю шо той Ладіженський тамъ робить? Шкóда, що ти й просівъ ёго. Почта изъ

Оренбурга в Уральська получитця тутъ нераньше 15 іюля, и якъ що принесе́ мині свобѳду, то на дрўгвй же день покину оце смердаче укрѳленіе, и дасть Богъ, въ половині августа бѳду ціловать тебѳ, мій єдиний дрўже. О Бѳже, якъби то такъ сталося! Моно милосѳрднога Бога, щобъ оцѳ було послїдне письмо до тебѳ изъ цѳго проклѳтого укрѳленія. И ти не пиши вже до мене сюда. Якъ побѳчися зъ Мѳркевичемъ, то поклонися ѳму одъ мене и скажи нехай не торбѳетца, не шукае тогѳ — полковника К—скаго: я самъ ѳгѳ найду якъ приїду; а тебе добрѳ ще разъ прошу: найди чоловіка знающаго фотографію та вибери у Чернягина камеру для Ираклія Александровича; вінъ тобі велике спасиби скаже.

Якъ бѳду виїзжѳть изъ цѳгѳ поганого укрѳленія, то напишу тобі, куди я поїду: може ще потребують въ Оренбурґъ, сохрани Бѳже. Прощай, мій добрий, мій єдиний! Пароходъ парі розвѳдить. Поцілуй ѳедора и Семѳна.

VII.

Мій єдиний друже! Я свободенъ. Я уже въ Астрахані и завтра 15 августа, якъ Богъ поможе, на парохѳді Меркурій, попливу за 5 карбѳванцівъ на пѳлубі, въ Нїжній Новгородъ. Ранше 15 сентября я не допливу до Нижняго, и ранше 1 октября я не поцілѳю тебѳ, дрўже мій єдиний. Гѳспѳди милосѳрдный, скороті путь и врѳмья для нашого свиданія съ тобѳю. 21 іюля получѳно офиціальное извѳстие о моїй свободі. На дрўгвй день я просивъ Ираклія Александровича дати мені пропускъ черезъ Астрахань въ Петербурґъ, алѳ вінъ одказавъ мені. 23 іюля написавъ я и послѳавъ черезъ Астрахань письмо графу Толстому. Писавъ я ѳму, що я поїду черезъ Оренбурґъ.

1 августа приїшла почта и привѳзла мені разрѳшеніе іхати куди я хѳчу. 2 августа я вирвався зъ своєї тюрми, а 5 августа я гулявъ уже по славному гѳроду Астрахані. 14 августа пишу тобі оцѳ письмо невеличке, а завтра дасть Богъ попливу вверхъ по матушкѳ по Волґѳ, ажъ до Нїжнѳго. До свиданія, мій дрўже єдиний. Цілѳю Семѳна, ѳедора и всїхъ и вся. А якъ побѳчишъ Мѳркевича, то поскубі ѳгѳ за ухо, за те що я не дождавъся ѳгѳ письма въ Новопетровскому укрѳленію. До свиданія ще разъ, мій єдиний дрўже. Не забувай твого щїрого *Т. Шевченка*.

14-го августа.
Астрахань.

VIII.

8-го октября. Н. Новгородъ.

Друже мій єдиний! 19 сентября прибылъ я въ Нижній Новгородъ и только сегодня; слава Богу. собрался съ силою написать тебѣ о случившемся со мною. Никто больше какъ чортъ, врагъ добрыхъ нашихъ помышлений, перешелъ мнѣ дорогу въ Питеръ. Новопетровскій комендантъ по моей просьбѣ выдалъ мнѣ пропускъ прямо въ Петербургъ; а командиръ баталіона, мой ближайшій начальникъ, обидѣлся распоряженіемъ Ираклія Александровича и увѣдомилъ Нижегородскаго полиціймейстера, чтобы меня задержать и прислать въ г. Уральскъ для полученія указа объ отставкѣ съ какими-то ограниченіями. Я занедужавъ. Спасибі, найшлся здѣсь добрые люди, которые приютили меня и черезъ посредство которыхъ написано въ Оренбургъ обо мнѣ Катенину, чтобы онъ объяснялъ мое отвратительное положеніе.

Писалъ я графу Ѡ. П. Толстому изъ Новопетровскаго укрѣпленія, что я отправляюсь черезъ Оренбургъ; но послѣ упросилъ Ираклія Александровича отпустить меня черезъ Астрахань. О случившемся здѣсь со мною я теперь не пишу ему, а прошу тебѣ, друже мій єдиний, посѣти ты графиню Настасію Ивановну Толстую: расскажи ей о моемъ гнусномъ положеніи, а главное—благодари её отъ меня за ея святое о мнѣ ходатайство, а также и добрѣйшаго графа Ѡсдора Петровича. Друже мій єдиний! Во имя глубокой моей любви къ тебѣ, не откажи мнѣ въ этой великой просьбѣ.

Не знаю какъ долго продлится мое сядѣніе въ Н. Новгородѣ: думаю что я не скоро вырвуся; пришли мнѣ сколько нибудь денегъ; я почти не одѣтъ, а слѣдовательно не могу показаться въ люди и начать работу за деньги. Если получилъ ты письма отъ Кухаренка и отъ Залесского, то перешли мнѣ. Отъ Залесского должны быть и деньги; не знаю только, какъ велики.

Прощай, мій друже єдиний! Поцілуй Семѣна и Маркевича и не забудай искренняго твоего *Т. Шевченка*.

Въ другій разъ буду тобі писать бильше, а теперъ не здужаю. Адресуй свое письмо: въ Нижній Новгородъ, его высокоблагородію Павлу Абрамовичу Овсянникову, въ контору парашодства Меркурій.

ІХ.

19-го октября (1857 г.) Нижній Новгородъ.

Мій друже любий, мій єдиний! Сьогодні 18-го октября получивъ я твоє братнє — сердечное письмо. Спасибі тобі, моє серце! Ти пишешъ, що Усковъ уже писавъ тобі о якимсь тамъ недорозумѣніи; чомъ же вінъ не написавъ, якé тамъ именно недорозумѣніе? И тутъ ёго ніхто не знає; я и самъ не знаю якé тамъ те прокляте недорозумѣніе! Въ Оренбургъ уже давно писано изъ Нижняго але изъ Оренбурга ще нема нічого. Я самъ не знаю, що се зо мною буде. а тимъ часомъ живу собі добре и весело отутъ межъ добримъ людьми. Овсяниковъ — тутешній архитекторъ — благородний, добрий и розумний чоловікъ. а до всёго того ще и землякъ: Конотопський. Мені тутъ добре зъ нимъ; шкода тільки, що морози настали; не можна нічого рисовать съ натури, а то було бъ и геть те весело.

Спасибі тобі, друже мій єдиний, що ти побачився зъ графинєю Н. И. Незнаю, чи получила вона моє киргизя одъ Сигизмунда? и чи получивъ графъ Ө. П. моє письмо изъ Новопетровська? Якъ будешъ у него, то спитай, будь ласковъ, и мені напиши. Письма теперъ до графа писать не буду: треба дождатця, що тамъ мені напишуть изъ Оренбурга. Я просивъ Герна написать мені; а ти, якъ получишь моє письмо, то іди до графа Ө. П. и подякуй ёго одъ мене за его доброе человеколюбивое участие, которимъ я радостно воспользуюсь, якъ прийдетца мені до скруту.

Поздравъ и поцілуй за мене Б—л—з—рського и ёго жіночку. Чому ти не оженився? Чи ми вже съ тобою разомъ поженемось? Не швидко, я думаю, це лихо скрутитця.

Що тамъ робить Кулішъ? и де теперъ ёго жіночка? Якъ побачишь її, то и її цмокии разивъ зо трп за мене; а Кулішеві скажи — нехай мені пришле другий томъ Записокъ о Южной Русі. Тутъ есть одна книжная лавка та й въ тій тільки букварі продаютця. А якъ буде послать второй томъ, то нехай и цервий прикіне, бо я первий томъ З. о Ю. Р. подарувавъ нашимъ кievскимъ землякамъ въ Астрахані. Поцілуй же ёго та и попроси — нехай мені вишле свої любіи Записки о Ю. Русі. А я ёму за те не пришлю, а дасть Богъ, самъ привезу гостинець изъ самого Киргизского степу.

Чптать у мене теперъ, слава Бóгу, ё що, поздорóвъ Бóже добрихъ людéй, алé свогó рідного нічогісінько нема, опрічъ Богдана Хмельницького, Костомарова. Отъ цéй вчїстивъ книгу такъ-такъ! Въ Саратові бачився я зъ старóю Костомáрпхою; вона ждала ёго пзза гряніці къ 13 сeнтября. Не знаю, чи вернўся вінъ, чи ні ще? чи не чутъ у васъ тамъ про ёго чогó-нéбудь?

Що тамъ рóбить отóй гульвіса Семéнь, що нічогó мені не пише. Поскубї ёго за ухо п поцїлуй за мене, а жїночку ёго п діточокъ не скубї, а тїлько поцїлуй.

Перелякáвъ тп менé чорною печáтью на своїмъ письмі! чи не случїлось тамъ у тебе кривї Бóже чогó недóброго?

Прощáй, моé сёрце, мїй гóлубе сїзні! Я теперъ. слава Бóгу, здоровий п весéлпї п щїро любящпй тебе, моего єдиногo дрўга.

Т. Шевчéнко.

Якъ побáчнесся зъ графїнею Н. И., то спитáйся, чи бувъ у нéї Сапожнпковъ, съ которимъ я плпвъ пзъ Астраханї въ Нижнїй.

X.

Мїлий мїй дрўже! Позавчóра чóртові не було чогó рóбить, то вінъ носивъ менé въ Балáхну трóхи не за трїдцять верстъ одъ Нижнёго, а Фёдоръ якъ разъ въ той день п переїхавъ черезъ Нижнїй! И щобъ ёму було пдождáть до завтра. Недóбрпй вінъ; поцїлуй п ёго за мене.

Письмó твоé нашвидкў писане я получилъ; дякую тобі за ёго, а то вже я дўмавъ, що ти, кривї Бóже, занедўжавъ. Ти пишешъ, чи получилъ я отстáвку изъ Оренбурга. Получївъ, чїсту получилъ; а ще до полученїя цїей поганой отстáвки писавъ я графїні Н. И. п графу Ф. П. письма. Не знаю, чи получилъ вонї їхъ, чи нї? Довїдайся, бўдь лáскавъ, та й напиши мені; п напиши мені, чи доладў я написáвъ письмо графу Ф. П., бо я на такі химéрні письма не великпй маїстеръ. Та не забўдь спитать у графїні Н. И., чи бўвъ у нéї зъ моїмъ поклономъ Сапожнпковъ.

Подякуй дóброго п розўмнрго Кулїша за ёго »Чóрну Рáду« п за Записки о Ю. Р. Я вже въ дрўгпй разъ чптáю Чóрну Рáду, п якъ прочитаю, то напишу ёму прездорóвénнпй мадригáль, а

поки що буде, пославъ я ёму зъ Варенцовимъ »Москалёву Кри-
ницю« и »Ченця«; та якъ би бувъ знавъ, що вінъ має одъ Щёп-
квнн, то пославъ би що небудь друге. У мене есть багато де
чого, — тільки все то те понедороблюване. Якъ застане оце пись-
мо Варенцова въ Петербургъ, то перешли мені зъ нимъ наші
народні думи, пзданніи Метлинськимъ, абó хочъ по́чтою пере-
шли, бо я ще и не бачивъ ціи хваленої кни́ги.

Нарисувавъ я карандашемъ для тебе свое полпичче, та нема
съ кимъ прислати ёго, а по по́чті боюся — зотреця; думавъ пере-
слать зъ Оѳодоромъ, такъ чортъ — врагъ добрихъ нашихъ помыш-
леній — бачишъ, що зробивъ.

Піше мені старій Щёпкинъ и просить, щобъ я приїхавъ
до ёго на прázники въ гóсті. Въ саму Москвú мені їхать не мóж-
на, то вінъ прóсить мене до сво́го сина на хутіръ, десь недалé-
ко кóло Москви. Я жду, одъ ёго на дняхъ, письма; вінъ мені не пі-
ше, де той хутіръ и коли туди мóжна приїхати. А що, якъ би
и ти, взявши Кулішá та и Семéна съ собою, та й ви приїхали
на той благодáтний хутіръ. А дóже бъ дóбре бу́ло! Я тобі на-
пишú. якъ получú одъ старóго письмо; а поки-що — прощáй; не
забува́й велико́ї прóзьби твогó искренняго *Т. Шевчénка*.

18-го ноября (1857 г.)

Ижній.

XI.

4-го января 1858 года.

Вибачъ мені, моє сёрце, мій голубе сизий, що я такъ давно
до тебе не пишú: нічого бу́ло писати. А тепёръ набралюся такъ
багато того писання, що ніколи писати. Дóбрый оцёй чоловікъ
зáвтра иде въ столицю, зайде до тебе, и ти зъ нимъ, якъ мати-
мешъ часъ, дóбре набалáкайся.

Приїзжавъ до мене колядувати старій М. С. Щёпкинъ; то я
після ёго колядки ще и дóси хожú инна́че після похмíлля. Нехáй
ёму Господь шле дóбре здоровья.

Поздравляю тебé зъ новимъ гóдомъ. Дай Кулішеви кóпу се-
ребромъ, и поцлúй за мене графію Настасію Пвановну, и
бiлшь нічого. Ніколи. Не забува́й мене, голубе мій сизий. Чи не
знаешъ ти, де живé отóй Жемчужниковъ? Якъ знаешъ, то на-
пиши мені. Метлинського я получилъ, спаси́би тобі. Прощáй моє
сёрце. *Т. Шевчénко*.

XII.

21-го января (1858 г.)

Мій милий друже!

Рекомендую тобі одного изъ Нижегородськихъ друзей моихъ, Константина Антоновича Шрейдерса. Привітай ёго во имя дружби нашої. Чи бувъ у тебе Овсянниковъ? Возьми у Куліша, та прочитай мої *Неофіти*. Вони ще не викончені. Шрейдерсъ швидко вернетця въ Нижній, то щобъ Кулішъ переписавъ *Неофіти* и давъ ёму для передачи Щепкину, — а ти мій друже единий, купи мені Шекспира, переводъ Кетчера и пісні Беранже, Курочкина; та якъ успієшь, то оддай и переплести Шекспира. Оставайся здоровъ, нехай тобі Богъ помагає на все добре. Не забувай щирого твого *Т. Шевченка*.

XIII.

22-го февраля (1858 г.)

19 февраля вернулся Шрейдерсъ изъ Петербурга, привізъ мені Беранже Курочкина, чотири екземпляра верукотворённого образа и твое братне сердёчне писаніе. Спасібі тобі, друже мій единий, за все и за вся. Добре есп зробивъ що заказавъ 50 штукъ помянутого образа: нехай, поки-що, земляки дивлятця хоть на сей обликъ бородатого недобитого кобзаря свого. Думаю на тёмъ тяжкі покинуть оцей поганый Нижній. Поїду ажъ підъ Москву въ гости до мого старого — батька до М. С. Щепкина, та въ ёго до весні пробуду; а весною якъ не буде мені якої ради зъ тими поганими столицями, то чкурну въ Харьківъ, абó въ Кіівъ, а може й дальше якъ Богъ помóже. Дожидāju Овсянникова съ чемоданомъ, а тобъ я вже давно вїхавъ. Чи здорова графиня Н. И., Бувъ у мене въ гостяхъ Яковъ: славный хлопецъ! Шрейдерсъ не нахвалятця тобою и Семёномъ и тепёръ цілує васъ обóхъ. Добре зробивъ, що не купивъ Шекспира: цуръ ёму, який дорогій! Поцілуй за мене Семёна та й прощай, мій друже единий. Посилаю тобі оцію недавно спечену штóку; для того и пишу

мало щоб папіру білшъ осталося для новорождѣнного чада (Дбля, Мўза, Слава). Не забувай свого искривнѣго *Т. Шевченка*.

Марко Вовчокъ — це псевдонимъ якоїсь пані Марковичъ. Чи не знаєшъ ти її адреса? якъ не знаєшъ, то спитай у Каменецького, въ типографіі Кулішъ. Я чувъ шо вінъ її дѣбре знає. Якъ довідасся, то напиши мені: треба бѣде хочъ псьмомъ подякувати її за її сердѣчніі, щірні «Оповідання». Шкода що не оставивъ тобі Кулішъ Неофіта. Може вони єсть у Каменецького. Спитай.

XIV.

25-го февраля (1858 г.)

25 февраля, въ 7 часовъ утра, получилъ я твое письмо. Никто зрѣду не поздравлялъ менѣ зъ именинами такъ весело, какъ ты менѣ сѣгодня поздравилъ. Спасібі! Поцілуй тричі графиню Н. П. и графа Ѡ. П., а черезъ тиждень, або два я самъ їхъ поцілую, и тебѣ и Семѣна и всіхъ добрихъ людѣй. сущихъ въ Петербурсі. Твій именинникъ *Т. Шевченко*.

Шрейдерсъ цілує тебѣ и Семѣна.

XV.

12-го марта (1858 г.) Москва.

Я — въ Москві. Нездужаю. Око роспѣхло и почервоніло, — трѣхи зъ лѣба не вилізуть. Докторъ посадивъ менѣ на діету и не велівъ виходити на улицу. Отъ тобі й столиця! Самъ чортъ простягся поперекъ шляху, та й не пускає менѣ до васъ. Нічого робити! противъ єго, сучого сїна, нічого не влію. Докторъ говорять що я неділю, або й дві, остануся въ Москві. Прошу тебѣ, зайді до графині Настасіі Ивановни и розкажи їй про моє ліхо.

Зъ завтрешню почтою посилаю тобі два рисѣнка. Закажи снять фотографу дві копії въ половіну мѣньше — одну для себе, а другу для мене, а потімъ передай рисѣнки графу Ѡ. П. и попросі єго, щобъ вінъ, при случаі, передавъ їхъ Марї Николѣевні для альбѣма, коли вони бѣдутъ варті того. Я самъ дѣмавъ передати їхъ лично, та, бачъ, щѣ зо мною зробілось.

Будь ласкавъ, найди тамъ того гульвісу Овсянникова и скажи єму, щобъ вінъ непременно побачився зо мною въ Москві. Сижу я у Мпхайла Семеновича Щепкина, близь Садової улиці, въ приходѣ старого Пивена, въ домѣ Щепотьевой.

Незабувай мене, друже мій єдиний. Поцілуй за мене Семена.

Т. Шевченко.

На-щоть рисунківъ — якъ найде графъ и що вінъ зъ ними зробить,—напши мені. Не держи їхъ тільки довго у фотóграфа.

XVI.

19/21 марта (1858 г.) Москва.

Друже мій єдиний! Радъ би на крилахъ летіть до васъ, та прокляте око—шобъ воно не вилізло!—не пускає. Сѣгодня бувъ у мене докторъ и ранше великодної неділі не пускає мене въ до-рогу. А єго, розумного, треба послухать, а то не буде чимъ дивитьця на світъ Божий и на тебе, мій друже єдиний!

Рисунки мої, я думаю, теперъ уже получені. Нехай фото-графъ зробить хочъ одинъ екземпляръ. Бо мені хочетьця, шобъ графъ Ө. П. (якъ що вінъ найде їхъ достóйными того), шобъ передавъ їхъ на святкахъ М. Н. Добре було бъ, якъби такъ зробилось.

Де той тамъ у чóрта Овсянниковъ пропадає? Я не знаю, чи купивъ вінъ мені чемоданъ, чи ні? якъ-що купивъ, то нехай хочъ соломóю напха та пришло мені, а то доведетьця въ Москві купувать. Прощай мій друже єдиний. Поцілуй Семéна за мене. Щірий твій *Т. Шевченко.*

Якъ передаєшъ рисунки графу Ө. П., сідай на чугу́нку та й до мене, та вку́пи и вернемося въ Питеръ. Ей-Богу, дóбре бъ було бъ.

XVII.

10 июля (1859 г.) Межиричъ.

Спасибі тобі за твоє письмо и за письмо М. А. И оцé думаю їхать у Гирівку; дóбре бъ було, якъби и ти туди хочъ къ половині

августа приїхавъ, а ранше—то ще лѹчче бѣ. А пѳки те бѹде, пошлѣ мѣй коротѣнький листъ Мѣры Алексѣндровнѣ. Та щобѣ недѣромѣ нѣмцѣ возѣли папѣрѣ, то напиши и ти їй на дрѹгѣмѣ чѣстѣмѣ бѳцѣ: вона, я знаю. бѹде дѹже, дѹже рѣда.

Дѳбре булѳ бѣ, якѣ бѣ ти побѣчився съ Кожѣнчиковимѣ та рѳспитѣвѣ бѣ їгѳ про цензѹру. Якѣ побѣчишь Костомарова, то поцѣлѹй їгѳ за мене тожѣ, а Александрѹ Ивановнѹ ажѣ трѣчѣ. Оставайся здоровѣ! нехѣй тобѣ Богѣ помагѣе на все добре.

Чи графѣ Ѳ. П. вѣ академѣї, чи нѣ?

Т. ШЕВЧЕНКО.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕЦКА.

Девятый отрывокъ.

4 октября 1857.

До 12 часовъ я велъ себя хорошо. Не кончивши портретъ Аделаиды Алексѣевны Брылкиной, попросилъ я, у Николая Александровича Брылкина, экипажа, съ намѣреньемъ сдѣлать визиты, пришелъ домой, вырядился, съ помощію Павла Абрамовича Овсянникова, какъ первостатейный фрагтъ, и началъ свою визитацию съ г. В—рна. Г. В—рнъ, на первый разъ, показался мнѣ, въ домашнемъ быту, человѣкомъ аккуратнымъ, но не чопорнымъ; вели мы рѣчь о томъ, что у насъ пути сообщенія больше нежели гнусны; напримѣръ, въ Черниговѣ, въ 1843 году, на базарѣ продавали муку 20 к. ср. пудъ, а въ мѣстечкѣ Гомели ту же самую муку продавали 1 р. ср. пудъ. Поговоривши о путяхъ сообщенія, мы слегка коснулись и военнаго сословія, однимъ словомъ: «совсѣмъ незавидное», — что, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Заключивши наше обоюдное любезничество такимъ мнѣніемъ о военномъ сословіи, я простился съ г. генераломъ и поѣхалъ къ доктору Гардвигу. (Написано чужой рукою: Далѣе слѣдуетъ рукою Тараса Григорьевича:)

5 октября.

Михайло — хорошій слуга, но въ секретари не годится, малограмотенъ. Я хотѣлъ по примѣру Юлія Цезаря и работать, т. е. рисовать, и диктовать; но мнѣ ни то, ни другое не удалось. За двумя зайцами погоняться — ни одного не поймашь. Пословица очень справедлива. Не знаю, умѣлъ ли Юлій Цезарь рисо-

вать, а диктовать, говорить, онъ могъ разомъ письма о пяти совершенно разныхъ предметахъ, — чему я почти не вѣрю. Но не о томъ рѣчь, а рѣчь о томъ, что у меня еще и сегодня колеблется десница отъ позавчерашняго глумленія пьянственнаго, и я вчера только видъ показывалъ, что я будто бы рисую, а гдѣ тамъ! и фонъ не могъ *конопатить*... Такъ только, абп-то.

Остановились мы на томъ, какъ я приѣхалъ къ доктору Гартвигу.

6 октября.

Вчера только я успѣлъ обмокнуть перо въ чернило, описать визитъ мой доктору Гартвигу и перейти къ нецеремонному визиту г. Кудлаю, какъ дверь съ шумомъ растворилась и вошелъ въ комнату самъ Кудлай. Разумѣется, я положилъ омоченное въ чернило перо, встрѣтилъ дорагаго свѣтскаго гостя въ подштаникахъ и послѣ лобызаній, *ударилсь* сначала въ обыкновенный пустой разговоръ, а потомъ перешли къ воспоминаніямъ о Питерѣ, о покойномъ Петровскомъ и о великомъ Брюловѣ. Воспоминанія наши были прерваны приходомъ слуги отъ Н. А. Брылкина съ предложеніемъ обѣда. Я проводилъ моего гостя, одѣлся и отправился къ Н. А. обѣдать. Послѣ обѣда, рѣзвуха мамзель Авхенъ Ш-бе предложила соучествовать ей въ театрѣ; я съ удовольствіемъ принялъ ея предложеніе, и во второй разъ слушалъ музыку Моцарта изъ Донъ-Жуана, а въ первый разъ видѣлъ драму Коцебу *Сынъ Любви*, — о существованіи которой я зналъ по слуху. Драма моей рѣзвой соучилицѣ очень понравилась, какъ произведеніе Коцебу, а мнѣ, къ ужасу моей дамы, тоже понравилась — *только не совсемъ*, за что я получилъ изъ улыбающихся устъ восторженной нѣмки названіе грубаго варвара, неспособнаго сочувствовать ничему прекрасному и моральному. Роль Амаліи, дочери барона, исполняла артистка Московскаго театра госпожа Васильева, натурально и благородно; а прочіе, кромѣ г. Платонова (роль барона) — лубочно. За драмою послѣдовала *Путаница*; по здѣшнему — хорошо, а по моему — тоже лубочно. Спектакль кончился въ первомъ часу къ удовольствію публики вообще и моей спутницы въ особенности.

7 октября.

Морозъ закалилъ наконецъ непроходимую грязь; это хорошо. Нехорошо только то, что если онъ установится, то лишитъ меня возможности нарпсовать здѣшнія старинныя церкви, которыя мнѣ такъ понравились. Въслѣдствіе-уже не слякоти, а преждевременнаго гостя-мороза, я сидѣлъ дома, написалъ Махайлу Лазаревскому о притчѣ, случившейся со мною въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и просилъ прислать мнѣ сколько-нибудь денегъ, потому что я на публику здѣшнюю плохо надѣюсь.

8 октября.

Пользуясь хорошею погодою, я позавтракалъ сыто и пошелъ гулять. Обогнувши два раза Кремль и полюбовавшись окрестными видами и коническими старинными колокольнями, какъ липца виноградомъ, зашелъ къ моему поставщику чтенія, къ милѣйшему Константину Антоновичу Шрейдерсу, бывшему студенту Кіевскаго университета и, въ нѣкоторомъ родѣ, земляку моему. Встрѣтилъ у него нѣкоего барона Торнау, полковника генеральнаго штаба, человѣка либеральнаго, прекрасно и неутомимо говорящаго. Во время послѣдней войны онъ былъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, военнымъ агентомъ; слѣдовательно ему есть о чемъ говорить. Жалѣю, что разговоръ его длился не болѣе получаса; онъ здѣсь проѣздомъ и, кромѣ того, торопился на обѣдъ къ губернатору.

Баронъ Торнау, между прочимъ, рекомендовалъ мнѣ на всякій случай своего близкаго пріятеля, извѣстнаго путешественника Ег. П. К — го, человѣка много-могущаго.

9 октября.

Сегодня поутру любезный Н. А. Брылкинъ принесъ мнѣ давно-жданное «краткое историческое описаніе Нижняго Новгорода», составленное нѣкимъ Н. Хранцовскимъ. Но такъ какъ сегодня погода довольно сносная, то я, оставя сію интересную (книгу) до-вечера, отправился къ Печерскому монастырю. Кое-какъ набросавъ видъ монастыря, я съ окочевѣлыми руками прибѣжалъ домой. Позавтракалъ, поотогрѣлся и принялся за книгу. Книга хо-

рошая и достаточно знакомить съ исторіею края и города. Жаль, что г. Храпцовскій объ архитектурныхъ памятникахъ, и вообще о памятникахъ старины, говоритъ слишкомъ скромно. Но и за то спасибо. Печерскій монастырь, что я сегодня рисовалъ, построенный при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ 1597 г. вмѣсто разрушившагося древняго монастыря, основаннаго архимандритомъ Діонисіемъ.

10 октября.

Сегодня погода не поблагопріятствовала моему доброму намѣренію рисовать Архангельскій соборъ въ Кремлѣ, и я предложилъ сеансъ Н. А. Брылкину и нарисовалъ его портретъ.

11 октября.

А сегодня, съ горемъ пополамъ, отправился поутру рисовать Архангельскій соборъ, озябъ до слезъ и ничего бы не сдѣлалъ, еслибы не попался на глаза генералъ Веймарнъ, командиръ учебнаго карабинернаго полка и, разумѣется, главный хозяинъ въ казармахъ, подъ которыми я расположился рисовать. Я рассказалъ ему о своемъ горѣ, и онъ обязательно позволилъ мнѣ помѣститься у любого окна въ казармахъ, чѣмъ я и воспользовался съ благодарностью. Поработавши, отправился я обѣдать къ Н. К. Якоби. Вмѣсто десерта онъ угостилъ меня одной брошюрой. Сердечное, задшевное, человѣческое слово!

12 октября.

Окончилъ вчера начатый рисунокъ Архангельскаго собора. Оригинальное, красивое и самое древнее, прекрасно сохранившееся, зданіе въ Нижнемъ Новгородѣ, соборъ этотъ построенъ во время великаго князя нижегородскаго Юрія Всеволодовича, въ 1227 году.

13 октября.

Рисовалъ карандашами портретъ Анны Николаевны П—ой, слывающей здѣсь красавицей первой стати. Первый портретъ рисую

за деньги, за 25 р.; посмотримъ, что дальше будетъ. Не худо бы, еслибы такихъ тароватыхъ красавицъ было погуще въ Нижнемъ. Хоть бы на портного заработалъ.

Послѣ сеанса, отправился обѣдать къ Н. К. Якоби, а послѣ обѣда отправился въ театръ. Спектакль былъ хоть куда: Васильева, въ особенности Піунова, были естественны и граціозны. Легкая, притягивая роль ей къ лицу и по лѣтамъ. Увертюра изъ *Вильгельма-Телля* была исполнена прекрасно, словомъ—спектакль былъ блестящій.

Каковы-то теперь спектакли въ Птерѣ, на Большомъ Театрѣ! Хоть бы однимъ глазомъ взглянуть, однимъ ухомъ послушать.

14 октября.

Къ величайшему удовольствію, сегодня портретъ окончилъ, отдалъ, и весело вечеръ провелъ съ моимъ милымъ капитаномъ В. В. Кошкинымъ. На дняхъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Когда же я поѣду въ Петербургъ? Огвратительное положеніе. Немногимъ лучше чѣмъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

15 октября.

При вѣтрѣ и морозѣ нарисовалъ видъ двухъ безыменныхъ башень, часть Кремлевской стѣны и видъ на Заочье. Въ цѣломъ вышелъ порядочный рисунокъ. Я тороплюся сдѣлать побольше эскизовъ, на случай если придется мнѣ здѣсь зазимовать, такъ чтобы была хоть какая-нибудь работа. Обѣдалъ у Н. К. Якоби. Первую часть вечера провелъ у Брылкиныхъ, а вторую-съ Овсяниковымъ въ клубѣ, за *Пчелой* и бутылкой эля. Въ клубѣ познакомился съ г. Варенцовымъ. Это инспекторъ Института благороднаго при здѣшней гимназій, и товарищъ по университету Н. И. Костомарова. Отъ него я узналъ, что Костомаровъ еще не возвращался-изъ за границы въ Саратовъ, и что Кулишъ издалъ второй томъ *Записокъ о южной Руси*.

16 октября.

Отъ нечего дѣлать зашелъ я сегодня къ Варенцову. Заговоривъ, разумѣется, о Костомаровѣ, и онъ сообщилъ мнѣ (по из-

вѣстимъ. полученнымъ имъ изъ Москвы), что будто бы въ Москвѣ, между молодежью, ходитъ письмо Костомарова, исполненное всякой истины, и вообще пространнѣе и разумнѣе письма Г—на, адресованнаго тому же лицу. Письмо Костомарова якобы написано изъ Лондона. Если это правда, то — благослови его, Господи, на семь великомъ поприщѣ!

Отъ Варенцова зашелъ я къ новому знакомому Петру Петровичу Голиховскому, милому и любезному человѣку. Онъ здѣсь мимоѣздомъ изъ Питера въ Екатеринбургъ. Онъ отрекомендовалъ меня своей красавицѣ женѣ. Она — мужественная брюнетка, родомъ молдованка. — — П. П. Голиховскій, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что въ Парижѣ образовался русскій журналъ, подъ названіемъ *Посредникъ*, редакторъ *Сазоновъ*. Главная цѣль журнала быть посредникомъ между Лондонскими періодическими изданіями и рускимъ правительствомъ, и еще — обличать *Пчелу, le Nord* и вообще наши газеты. Прекрасное намѣреніе! Жаль, что это не въ Брюсселѣ или не въ Женевѣ. Въ Парижѣ какъ разъ подружески прихлопнуть это поворожденное дитя.

Послѣ обѣда у Поповыхъ, зашелъ я къ Н. К. Якоби, и познакомился у него съ нѣкимъ Симбирскимъ барономъ Киндяковымъ, родственникъ Т—шева. Такъ-какъ Киндяковъ ѣдетъ въ Петербургъ, то я и просилъ его узнать отъ своего родственника, долго ли еще продлится мое изгнаніе, и могу ли я когда-нибудь надѣяться на совершенную свободу?

У Якоби же встрѣтился и благоговѣбно познакомился съ возвращающимся изъ Сибири Иваномъ Александровичемъ А—овымъ. Сѣдой, вслнчественный, кроткій изгнанникъ, въ рѣчахъ своихъ не обнаруживаетъ и тѣни ожесточенія, — даже добродушно подтруниваетъ. —

Говорили о возвратившемся изъ изгнанія Николаѣ Т—евѣ, о его книгѣ, говорилъ о многомъ и о многомъ и, въ первомъ часу ночи, разошлись, сказавши: до свиданья.

17 октября.

Сегодня получилъ письмо отъ М. Лазаревскаго и два письма отъ милаго моего, неизмѣннаго Залесскаго. Лазаревскій пишетъ, что онъ видѣлся съ графиней Настасіей Ивановной, и что онѣ

усовѣтовали, въ случаѣ воспрещенія мнѣ вѣзда въ столицу, просить письмомъ графа Ѳ. П., чтобы онъ всходайствовалъ мнѣ это разрѣшеніе черезъ президента нашего, для академіи художествъ, классы которой я буду съ любовію посѣщать, какъ было во время оно. Добрые, благородные мои заступники и совѣтники!

Залесскій, кромѣ обыкновеннаго своего сердечнаго искренняго прелюдія, пишетъ, что рисунки мои получалъ всѣ сполна, что нѣкоторые изъ нихъ уже привстроилъ въ добрые руки и денегъ 150 р. переслалъ на имя Лазаревскаго. Неутомимый другъ! Знакомитъ онъ меня еще съ какой-то своей землячкой-Литвинкой, недавно возвратившейся изъ Италіи, съ огромнымъ грузомъ изящныхъ произведеній. Для меня и за глаза подобныя явленія очаровательны, и я сердечно благодарю моего друга за это письменное знакомство.

Что значитъ, что Кухаренко мнѣ не пишетъ? Неужели онъ не получилъ моего *Палія* и мою *Москалёву Криклицу*? Это было бы ужасно досадно. Упившись чтеніемъ этихъ дружескихъ милыхъ посланій, вечеромъ, вмѣстѣ съ Овсянниковымъ, отправились мы въ красавицѣ Молдованкѣ. Страшная, невиданная женщина! Мы пожелали ей счастливой дороги до нелюбимаго ею Екатеринбургъ, и расстались, быть можетъ, навсегда. Чудная женщина! Неужели кровь древнихъ сабинянокъ такъ всемогуще, безконечно жива? Выходитъ, что такъ.

18 октября.

Написалъ и отослалъ письма моимъ милымъ друзьямъ, М. Лазаревскому и Б. Залесскому.

19 октября.

Въ клубѣ великолѣпный обѣдъ съ музыкою и повальная гомерическая попойка.

20 октября.

Ночь и слѣдующіе сутки провелъ въ очаровательномъ семействѣ мадамъ Г — е.

22 октября.

Вздумалось мнѣ просмотрѣть рукопись моего *Матроза*. На удивленіе безграмотная рукопись! а писалъ ее някто иной, какъ

прапорщикъ Ор. корпуса, лучшій изъ воспитанниковъ Неплюевского кадетскаго корпуса. Что же посредственные и худшіе воспитанники, если лучшій изъ нихъ безграмотный?

23 октября.

При свѣтѣ великолѣпнаго пожара, вечеромъ, часу въ 9-мъ, встрѣтился я съ А. К. Шрейдерсомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что обо мнѣ получена форменная бумага на имя здѣшняго военнаго губернатора, отъ командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Для прочтенія сей бумаги, зашли мы въ губернаторскую канцелярію, къ правителю канцеляріи, милѣйшему изъ людей Андрею Кирилловичу Кадинскому. Бумага гласитъ о томъ, что мнѣ воспрещается въѣздъ въ обѣ столицы и что я обрѣтаюсь подъ надзоромъ полиціи.—

Что же я теперь буду дѣлать безъ моей академіи? безъ моей возлюбленной акватинты, о которой я такъ сладко и такъ долго мечталъ? Что я буду дѣлать? Обратится опять къ моей святой заступницѣ, графинѣ Настасѣ Ивановнѣ Толстой? Совѣстно. Подожду до завтра. Посовѣтуюсь съ моими искренними друзьями, съ П. А. Овсянниковымъ и съ Н. А. Брылкинымъ. Они люди добрые, сердечные и разумные. Они научатъ меня, что мнѣ предпринять въ этомъ безвыходномъ положеніи.

24 октября.

Сегодня мы усовѣтовали такъ: на неопредѣленное время остаться мнѣ здѣсь, по случаю мнимой болѣзни, а тѣмъ временемъ писать графу Ѳ. П. Толстому и просить его ходатайства о дозволеніи мнѣ жительства въ Петербургъ, хотя на два года. Впродолженіи двухъ лѣтъ я, съ помощію Божіею, успѣю сдѣлать первоначальные опыты въ моей возлюбленной акватинтѣ.

25 октября.

Продолжаю по складамъ прочитывать и поправлять *Матроза* и ругать безграмотнаго переписчика. Прочитывая по складамъ мое твореніе, естественно, что я не могъ слѣдить за складомъ рѣчи. Убѣдился только въ одномъ, что названіе этого разсказа

необходимо переимѣнить. Пока не придумаю моему *Матрозу* другого, болѣе приличнаго, имени, назову его такъ: *Прогулка съ пользою и безъ морали*.

26 октября.

Заходилъ къ Варенцову и взялъ у него для прочтенія два номера 2 и 3 *Русской Бесѣды*. Въ эпиграфъ къ *Черной Радѣ*. П. А. Кулпшъ, говоря о Гоголѣ, Квиткѣ и о мнѣ грѣшномъ, указываетъ на меня, какъ на великаго самобытнаго народнаго поэта. Не изъ дружбы ли это?

Во 2 номерѣ *Русской Бесѣды*, я съ наслажденіемъ прочиталъ трехъ-куплетное стихотвореніе Ѳ. Тютчева.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Рускаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплемennyй —
Что скользятъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношею крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ царь небесный
Исходилъ благословляя!

27 октября.

Нѣсколько дней сряду хорошая ясная погода, и я сегодня не утерпѣлъ: пошелъ на улицу рисовать. Нарисовалъ церковь пророка Іліи, съ частію Кремля, на второмъ планѣ. Церковь пророка Іліи построена въ 1506 г., въ память огненнаго стрѣлянія, спасшаго Нижній отъ Татаръ и Ногаевъ.

28 октября.

Сегодня погода тоже почти позволила мнѣ выйти рисовать на улицу. Нарисовалъ я кос-какъ церковь Николая за Почайной, построенную въ 1372 г., вѣроятно тоже въ ознаменованіе какого нибудь кровопролитія. По дорогѣ зашелъ я къ моему любезному

доктору Гартвигу, засталъ его дома, позавтракалъ, выпилъ отличнѣйшей вишневки собственнаго приготовленія, и въ старомъ изорванномъ Нижегородскомъ адресѣ—календарѣ прочиталъ, что въ Княжнинскомъ уѣздѣ Н. губерніи, въ селѣ Вельдемановѣ, отъ крестьянина Мины и жены его Марьяны, въ 1605 г. въ маѣ мѣсяцѣ. родился знаменитый патріархъ Никонъ.

29 октября.

Ходилъ къ Трубецкому, весьма милому князю-человѣку, и не засталъ его дома. Обѣдалъ у Н. К. Якоби, а послѣ обѣда, въ театрѣ, слушалъ между прочимъ увертюру изъ *Роберта*, Мейербера, въ антрактахъ какой-то кровавой драмы. Возможно ли двадцати-инструментнымъ, вдобавокъ нетрезвымъ, оркестромъ исполнять какую бы то ни было увертюру, а тѣмъ болѣе увертюру *Роберта*, *Мейербера*. Прости мнѣ, не вѣдятъ бо, что творять. Къ концу кровавой драмы, половина лампъ въ залѣ погасла, и тѣмъ кончился великолѣпный спектакль.

30 октября.

Пользуясь погодой, я совершилъ прогулку вокругъ города съ удовольствіемъ и не безъ пользы. Въ заключеніе прогулки нарисовалъ Благовѣщенскій монастырь, старое, искаженное новыми пристройками, зданіе. Главная церковь, колокольня, несовѣтъмъ уцѣлѣли отъ варварскаго возобновленія. Остался только двѣ башни надъ трапезой неприкосновенными. И какія онѣ красавицы! Точно двѣ сосны, прекрасныя, чистыя отроковицы, подняли свои головки къ подателю добра и красоты, и какъ бы благодарятъ его, что онъ заступилъ ихъ отъ руки новѣйшаго архитектора. Прекрасное, ненаглядное зданіе!

Благовѣщенскій монастырь основанъ въ XIV столѣтіи св. Алексѣемъ митрополитомъ; къ этому времени принадлежатъ и прекрасныя башни. Соборная церковь монастыря построена въ 1649 г. Мѣстоположеніе монастыря очаровательное.

31 октября.

Сегодня только наконецъ дочиталъ своего *Матроза*. Онъ казался мнѣ слишкомъ растянутымъ. Можетъ быть отъ того, что

я по складамъ его читалъ. Прочитаю еще разъ въ новомъ экземпляръ, и если окажется сноснымъ, то пошлю къ М. С. Щепкину: пускай гдѣ захочетъ, тамъ его и приютить.

Вечеромъ Н. П. Грасъ познакомилъ меня съ Марьей Александровной Дороховой, директрисой здѣшняго Института. Вышешная, симпатическая женщина! Несмотря на свою аристократическую породу, въ ней такъ много сохранилось простаго, незаписимаго человѣческаго чувства и наружной силы и достоинства. — Ова еще мнѣ живо напомнила, своей отрывистой прямою рѣчью, жестами и вообще наружностію, моего незабвеннаго друга, княгиню Варвару Николаевну Р—ну. О. если бы побольше подобныхъ женщинъ-матерей!

1 ноября.

Рисовалъ портретъ М. А. Дороховой, и послѣ удачнаго сеанса, по дорогѣ зашелъ къ Шрейдерсу, встрѣтилъ у него милѣйшаго М. И. Попова и любезнѣйшаго П. В. Лапу. Выпилъ съ хорошими людьми рюмку водки, остался обѣдать съ хорошими людьми и съ хорошими людьми за обѣдомъ чуть-чуть не нализался, какъ Селфавъ. Шрейдерсъ оставлялъ меня у себя отдохнуть послѣ обѣда, но я отказался и пошелъ къ мадамъ Г — е, гдѣ и положилъ якорь на ночь.

2 ноября.

Возвращаясь домой съ благополучнаго ночлега, зашелъ я проститься къ Варенцову. Онъ сегодня ѣдетъ въ Петербургъ. У меня было намѣреніе послать съ нимъ въ Москву своего *Матроза*, но переписчикъ мой тоже съ добрыми людьми загулялъ и рукопись остановилась. Досадно. Придется подождать Овсянникова. Когда я сбуду съ рукъ этого несноснаго *Матроза*!

Прийда, я, отъ нѣчего дѣлать, раскрылъ генварскую книжку Отеч. Записокъ, и какая прелесть случайно попалась мнѣ на глаза! Это стихотвореніе безъ названія Э. Туръ.

Во время сумерокъ, когда поля и лѣсъ
 Стоять окутаны полупрозрачной дымкой,
 Съ воздушныхъ ступеней темнѣющихъ небесъ
 Спускается на землю невидимкой

Богиня стройная съ задумчивымъ лицомъ.
 Для ней нѣтъ пчени. Она пугливѣй грезы;
 Печальный взоръ горитъ привѣтливимъ огнемъ,
 А на щекахъ замѣтны слезы.
 Съ корзиною цвѣтовъ, съ улыбкой на губахъ,
 Она украдкою по уллицамъ проходить,
 И озирается на шумныхъ площадяхъ,
 И около дворцовъ пугливо бродить;
 Но увидавъ подъ крышею окно,
 Гдѣ одинокая свѣча горитъ мерца,
 Гдѣ юноша себя и всѣхъ забывъ давно,
 Сидитъ, въ мечтахъ стихъ жаркій повторя,
 Она порхнеть туда и, просіявъ, войдетъ
 Въ жилище бѣдное, какъ мать къ родному сыну,
 И сядетъ близъ него, и счастье разошьетъ,
 И высыплетъ надъ нимъ цвѣтовъ корзину.

3 ноября.

Сегодня воскресенье, и я, какъ поридочный человекъ, *причистился* и вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ навѣстить моихъ добрымъ знакомыхъ. Зашелъ я къ первому мистеру Гранду—англичанину, отъ волоска до ноготка, и у него, у англичанина, я въ первый разъ увидѣлъ сочиненія Гоголя, изданныя моимъ другомъ П. Кулишомъ. Здѣсь портретъ автора до того плохъ, что я удивляюсь, какъ знаменитый Іорданъ позволялъ подписать подъ нимъ свое прославленное имя.—

4 ноября.

Кончилъ сегодня портретъ одной дѣвушки — побочной дочери П—а. — Удивительно милое и рѣзвое созданіе! Но мнѣ какъ-то грустно дѣлается, когда я смотрю на подобныхъ дѣтей. Я никому, и тѣмъ болѣе заступнику свободы, не извиняю этой безправственной независимости, такъ туго связывающей этихъ бѣдныхъ побочныхъ дѣтей. Простительно какому-нибудь забубенному гусару, потому что онъ только-гусаръ, но никакъ не человекъ; или какому нибудь помѣщику-собачнику, потому что онъ собачникъ — и только. Но гражданину, понесшему свой крестъ въ пустынную Сибирь во имя человѣческой свободы, подобная независимость не простительна. Если онъ не могъ стать выше обыкновеннаго человека, то не долженъ и унижать себя передъ обыкновеннымъ человекомъ.

5 ноября.

Сегодня окончательно проводилъ Варенцова въ Петербургъ и сегодня же черезъ него получилъ письмо отъ Костомарова изъ Саратова. Ученый чудакъ пишетъ, что напрасно прождалъ меня двѣ недѣли въ Петербургѣ и не хотѣлъ сдѣлать ста верстъ кругу, чтобы посѣтить меня въ Нижнемъ. А сколько радости привезъ бы своимъ внезапнымъ появленіемъ! ничего не пишетъ мнѣ о своихъ глазахъ и вообще о своемъ здоровьѣ.

6 ноября.

Написалъ письмо Костомарову и моимъ астраханскимъ землякамъ-друзьямъ. Хотя погода и несовсѣмъ благопріятствовала, но я все-таки отправился на улицу. Съ нѣкотораго времени, мнѣ, чего прежде не бывало, правится уличная жизнь, хотя нижегородская публка, ни даже въ воскресный ясный день, не показывается на улицѣ, и Большая Покровка, здѣшній Невскій проспектъ, постоянно изображаетъ собою однообразный, длинный карантинъ, а я все-таки люблю побродить часъ, другой, вдоль этого пустынного карантинна. Откуда же эта нелѣпая любовь къ улицѣ? Послѣ десятилѣтняго поста, я разомъ бросился на книги, объѣлся и теперь страдаю несвареніемъ въ желудкѣ. Другой причины я не знаю этому томительному, нравственному бездѣйствію. Рисовать ничего порядочнаго не могу, не придумаю, да и помещеніе мое не позволяетъ. Рисовалъ бы портреты, за деньги — не съ кого, а даромъ работать совѣстно. Нужно что-нибудь придумать для разнообразія, а что — не знаю.

Погрузившись въ это мудрое размышленіе или сочиненіе, я нечаянно наткнулся на домъ Якоби. Зашелъ пообѣдать, и послѣ обѣда отправился въ гостинную, на чай, къ старушкамъ, т. е. къ т—те Якоби и ея сестрицѣ. Въ числѣ разныхъ, по ея мнѣнію, чрезвычайно интересныхъ приключеній быстро-минувшей юности, она рассказала мнѣ о Лабзинѣ, о томъ самомъ конференцъ секретарѣ академіи художествъ, который предложилъ Илью Байкова, царскаго кучера, выбрать въ почетные члены академіи, потому что онъ ближе Аракчеева къ государю. За эту остроту Аракчеевъ сослалъ его въ Симбирскъ, гдѣ онъ и умеръ на рукахъ

моей почтенной собесѣдницы. Мнѣ пріятно было слышать, что этотъ замѣчательный мистикъ-массонъ до самой могилы сохранилъ независимость мысли и христіанское незлобіе.

Послѣ Лабзина, рѣчь перешла на П. А. Анненкова, и я изъ разсказа моихъ собесѣдницъ узналъ, что происшествіе, такъ трогательно разсказанное въ воспоминавіяхъ про Ивашева, случилось съ супругою П. А. Анненкова, бывшей некогда гувернанткой мадмуазель Поль.

Она жива еще и теперь; меня обѣщали старушки познакомиться съ этою достойнѣйшею женщиною. Не знаю, скоро ли я удостоюсь счастья взглянуть на эту безпримѣрную, святую геронню.

Дюма, кажется, написалъ сантиментальный романъ на эту богатырскую тему. — —

7 ноября.

— — Интересно знать, что дальше будетъ.

8 ноября.

Рисовалъ сегодня до обѣда портреты М-г и М-те Якоби, а вечеромъ пошелъ къ Веймарну: у него сегодня полковой праздникъ и, слѣдовательно, шурушка. Войдя въ первую комнату, я совершенно растерялся: меня поразила (толпа) военныхъ людей. Я этихъ почтенныхъ господъ давно уже не встрѣчаю. Въ-особенности одинъ между ними такъ живо напомнилъ мнѣ К—рева, что я чуть-чуть не вытянулъ руки по швамъ и не возгласилъ: здравія желаю, ваше благородіе! Изъ этого отвратительнаго состоянія вывелъ меня самъ гостепріимный хозяинъ, пригласивъ меня въ гостиную. Между прочими гостями, въ гостинной встрѣтилъ я П. А. Анненкова, и, продолженіе вечера, я не расставался съ нимъ.

9 ноября.

Окончилъ портреты Якоби.

10 ноября.

Получилъ отъ Кулиша книги: *Записки о Южной Руси* два тома, и *Черну Ряду*. — Какой милый оригиналъ долженъ быть этотъ А. Жемчужниковъ! Какъ бы я счастливъ былъ увидѣть человѣка, который такъ искренно, нелицемѣрно полюбилъ мой милый родной языкъ и мою прекрасную, бѣдную родину!

ИНСТИТУТКА.

Т. Г. Шевченку.

I.

Люде дивуютьця, що я весела: надійсь, горя—біді не знала. А и зъ-рѳду така вдалася. Уродись, кажутъ, та и вдайся... Було мене й бють (бодай не згадувать!)—не здержу серця, заплачу; а роздумаюсь трохи—и сміюся. Бува лихо, що плаче, а бува, що й скаче,—то такъ и моє лишенько. Якъ-би міні за кожною бідюю моєю плакати, досі бъ и очі я виплакала. Батька-матери не зазнаю: сиротою зросла я. при чужині, у людяхъ. Хочъ не було діла важкого,—такъ забували про мене, чи я не голѳдна, не холодна, чи жива я....

На десятилітьхъ взяли мене въ двіръ. Старá пánи була не що, сумірна собі,—може, томú, що вже благенька була, лѳдві ноги волочила, а заговорить—тільки шамъ-шамъ; одъ разу й не розберешъ: такъ куди вже бійка! не на умі. Увесь день на ганочкахъ; вічка йде—охае та стогне. А за молодого віку, славлють, вигадочки були чимáлі и въ нѳї.... та трѳба жъ колісь и перестати.

За мене, то вже въ дворі жили ми спокійненько: одиѳ було горе, що зъ двѳру й ступити не цустать. Хибá вже на велике свято, що до цѳркви одпрѳсимось, а въ неділю й не думаѳ. »Розволѳчнтесь», було каже пánи, гнѳваючись.—»не пуцú!.. Не той ще вікъ вашъ, щобъ Бѳга пильнувати: ще матимете часъ,—не заразъ вамъ умірати».

Сидимѳ було день при днѳ у дѳвѳчий та рѳбимо. А тихо коло тебе, якъ зачарѳвано. Тільки пánи заѳха, абѳ хто зъ дѳвчатъ на

Ухо за чимъ озвѣтця, — котóra зідхне зъ нуду. Докучає було та робота, докучає, — ажъ пече; та що вратишъ? Спасибі хочъ за те, що не б'ють дѣсять разъ на день, якъ отъ по іншихъ чуюмо.

А якъ коли, то було звесіємо не-знать-чого. Веселенько намъ, — ажъ сѣрце трепече! Колибъ воля, заспівавъ би такъ, щобъ и на селі дувало... Не всмілюсь!.. Изглядуємось, та сміхъ насъ такъ и бере. То одна моргне бровою, а друга її одморгує; то приважують тую до стільчика косою; інша зскочить та почне вистрибувати дїбки-дїбки, щобъ пані не почула, — крутитця, вертитця, тільки рукава май-май-май... Чого було не виробляємо!

У старій паніі не було рѣду, окрімъ мала собі унучечку, — у Київі обучалась у якомусь тамъ... отъ колибъ вимовити .. пн-сти-тї-ті. Було частенько до старій листі шле; а старá тїі листі що-дві вичїтує, — и попошлече надъ ними, и попосмієтця. Коли піше унучечка, щобъ ужé прїїздити за нею та додому забирати... Мати Божка! увесь будїнокъ зворухнўвся: біліти, мити, прибирати!.. Пáнночки сподїваємось! пáнночка буде!

Старá паніі немѡвъ одужала: коливáє сь кїмнáти до кїмнáти, виглядає у кожне вікѡнце на шляхъ, и насъ туряє за селѡ дивїтись, чи не їде пáнночка. А памъ того и трѣба. Ми за той тїждень, що її виглядали, сказáть, нажплїся. Шлють, то бїжимѡ-летвѡ... Весело зьбчїти степъ, поля красні!.. Степъ зелєний нáче втїкає въ тебе передъ очїма, далѣко кудїсь, далѣко... Любо на волі дїхнїти!

Квітѡкъ було назривáємъ та позаквїчуємось, якъ молоді, та до сáмого двѡру тїмі вїнками величаємось. А вступаючи въ двіръ, схѡпимо зъ сѣбе, позакїдаємо, — та такъ було жáлко тихъ вїнкївъ кїдати, такъ жáлко!

II.

Дїждáли пáнночки, прїїхала... И що жъ то за хорѡша зъ лиця була! И въ кѡго вона така вродїлася! Здаєтця, и не змалювати такої крáлі!.. Старá, якъ обїїняла її, то и зъ рукъ не випускає; цїлує и мїлує та любує. И по кїмнáтахъ вѡдить, усє показує, усє роказує; а пáнночка тільки обертаєтця тудї-сюдї та на все цїкавимъ ѡкомъ спознрає.

Посадила її старá за стіл. И плаче, и радíе, и роспíтуе, и частує: »Мóже, тобі тогó ззісти? мóже, тогó спíти?« Наїдківъ, напíтківъ понастанóвлювала: самá сіла коло неї, — не надівштя. А пáнночка усé прибіра, нáче той горобецъ, хутенько й чистенько. Ми зъ-за дверей дивимось на нихъ и слухасмо, щó-то пáнночка говорíтíме, — чи не дíйдемо, якí тамъ у неї думки, якá вдáча, звíчай.

— Якогось-то жилóсь тобі, сёрденько, самій?« пítáе старá. »Ти мнi не кáжешъ нiчóго.

— Ай, бабúсечко! щó тамъ роскáзувати! нúда такá!

— Вчíли багáцько?.. Чогó жъ вивчпíл тебе, кришко?

— Отъ захотíли щó знáти!.. Дóбре вамъ, бабúню, булó тутъ жíти на вóлi; а що я вiтерпíла за тимъ учíнемъ!.. И не вагáдуйте мнi нiгó нiкóли!

— Голубочко моя!.. Звiсно вже, чужí люде; обiждáли тебе дуже... Чомú жъ ти мiнi зáразъ сéгó не прописáла?

— Щó се ви, бабúню? Якъ мóжна?.. Зáразъ дознáютця...

— Бiдолáшечко мой!.. Скажи жъ мiнi, якъ тебе тамъ крiвди́ли ти́ невiрнi дúшi?

— Охъ, бабúсечко! и мóрено й мучено насъ—та все дури́цею. И те вчi, и дрúге, й десáте й пiте... товчi та товчi, та й товчi!.. Нá що мiнi те знáти, якъ по нéбу зóрi хóдять, абб якъ люде живúть поза моря́ми, та чи вь iхъ дóбре тамъ, та чи вь iхъ недóбре тамъ? Абi я знáла, чимъ мiнi себе мiжъ людьмi показáти...

— Та нá щось же учáтця люде, мóе зóлото. Отъ и нáшi пáнночкi—на щó вже бiдóта, та й тi верещáть по-францúзькiй.

— Э, бабúню!—защeбетáла пáнночка: — до фpанцúзькóй мóви и до музiки дóбре й я брáлась, — до тáнцiвъ тожъ. Щó трéба, то трéба. На се вже кóжний уважáе, кóженъ и похвáлить: а все iнше—тiльки морóка. Учiсь, та й забúдь! И тiмъ, що учáть—нúда, и тiмъ, що вчáтця—бiдá. Багáцько чáсу пронáло мáрно!

— Такъ якъ же оце? погáно вчáть?

— Кажú жъ вамъ, що й нúдно, и погáно й мáрно. Вони тiльки й дúмають, якъ би iмъ грóшi виплатiли, а ми дúмаемо. Ягъ би хúтче насъ на вóлю випустили... Чогó жъ ви задúмáлись, бабúсю?

— Та то, серденько, що гроші брали за тебе добрі, а вчили погано. Що жь, якъ ти далі и все позабуваєшь?

— Чи подоба жь се, бабуню? Богъ изъ вами! Якъ же бь то міжъ гостями, або въ гостяхъ, позабувати музику, або танці, або хочъ би й мову французьку?... А про ту заморську вісенітницю, то я въ одно́ ўхо впускала, а въ друге випускала, та й зовсімъ такі не знаю. Цуръ їй!

— А якъ же часомъ хто въ тебе спитає, якъ тамъ тії зорі по небу ходять, або-що? Люде й осудять заразъ: вчилася, та й не тямить!

— Та що се ви, бабусю? Та се я тільки вамъ призналась, що не знаю, а чужі зь-роду того й не дошумраютця, нехай хочъ пілий день питають. Я зо всього вікручусь, ище й їхъ оступачу: онъ якъ, бабусю! Хочете, я вамъ заспіваю? Слухайте!

И заспівала, затягла,—наче тее срібло пересипаєтця.

Старá її цілувати: »Серденько мое! втихо моя!»

А панночка до неї ласитця та просить:

— Куніть міні, бабусечко, по новій моді убрань хорошихъ!

— Про се не турбуйся, дитя моє. Буде въ тебе всього. Ты въ мене будешъ царівна надъ панночками!

Ми, дівчата, наглядуємось: чого тамъ панночки нашої не навчено! а найбільшъ, ба́чця, люде́й туманити!

III.

— Ходімъ-лишень, голубко, говорить старá пані:—я хочу, щобъ ти собі обрала котру́ дівчину.

Та й ведé її до насъ.

Ми одъ дверей та въ кутокъ, та куюпою въ куточку й збівляся.

— Се ваша панночка,—промовляе до насъ пані. —Цілуйте її въ рúчку.

Панночка, чи гляннула на насъ, чи ні, простягла дві пучечки поцілувати.

Старá всіхъ насъ показує:—Се Ганна, а се Варка, а це Домáха.

— Бóже мій! ажъ крикнула панночка, разомъ стрепенувшись

и въ долоні сплеснувши:—чи зуміє жъ хто въ васъ мене зачісати. ушнурова́ти?

Стоїть и рѹки заложила, и дѣвѣтця на насъ.

— Чому́? ка́же старá. Зуміють, се́рце. А ні, то на́вчимо.

— Якъ тебѣ зову́ть? пита́е мене́ па́нnochка, та, не слѹхаючи мене́. до па́ннi: — Ся бу́де ми́ні!

— Такъ и до́бре жъ; яку схочешъ, се́рце: нехай и ся.—Гляди́ жъ, Усти́но (на мене), служи́ до́бре, — па́нnochка тебѣ жа́луватиме.

— Ходи́мъ уже́, бабу́ню; го́ді вже! перехопи́ла па́нnochка; са́ма скриви́лась и перехпли́лась на́ бікъ, и о́чі чо́гось запліо́щусь, и зъ ми́сця зривáетця, —о́тъ стемѣнний кíтъ, якъ ѓму́ зъ лю́льки у вѹса пíхкають...

— Тре́ба жъ, голу́бо, ка́же старá, ii на ро́зумъ навчи́ти: се дурні го́лови. Я скажу́ те́, а ти що́ дру́ге, то ѓ ви́йде зъ не́і лю́дина.

— Шко́дá, бабу́ню, що́ спѣршу iхъ не вче́но! Тепѣ́ръ по́райдся! Було́ яку́ відда́ти до ми́ста.

Та ѓ гово́рять собі, на́че про ко́ней, або́-що.

— Оа́ Усте́чко! жу́ратця дiвча́та:—яко́во-то бу́де то́бі, що во́на та́ка непри́вітна́!

— А що́ жъ, кажу́, дiвча́та! жу́рбою по́ля не пере́йдешъ, та ѓ одъ до́лі не вте́чешъ. Яко́во бу́де — побáчимо.

Та ѓ собі заду́малась.

IV.

У ве́чері кли́чуть: »Иди́ до па́нnochки—розби́ра́тис.

Вийшла́; а па́нnochка стої́ть передъ дзе́ркаломъ и вже усѣ зривáє зъ се́бе.

— Де се́ бігала? Шви́дче мене́ розби́рай!.. Шви́дче: я сиáти хóчу!

И розби́раю, а во́на все покри́кує на мене́:—Та ху́тче жъ бо, ху́тче!

Кину́лась на лі́жко: —Роззу́вай!.. А вмiешъ ти во́лосся звивáти? пита́е.

— Ні, не вмiю.

— Бóже мій! гóре мое! Яка жь вона дурна!.. Иди собі!
Дівчата вже мене дождівають: »А щó, Усте? щó, сестрице?
яка вона, голубко?

Щó імъ казати?

— Дурна я, кажú, дівчата, бо не вмю кісь извивати!

V.

Другого дні ранесенько прокинулася наша пánночка. Умíлась, прибрáлась, оббігла усі будінки, увесь двіръ, п вь садку була. Така веселенька:—Дóма я! каже, дóма! Усé мині вільно!

Цілує старú пánю та разь-у-разь питає:—Чи скóро вь гóсті поїдемо, бабúсечко? а коли гóсті до насъ наідуть?

— Та нехай же я пёрше самá тобою натішусь, рíбко, нехай на тебе надивлюся!

— Та коли жь то вже я дїждусь, бабúню! Вь мóне тільки булó й думки, що прїду додóму—весело бóде, людно, музїкц, тáнци... Бабúсенько мíла, лóба!

— Ну, дóбре, птáшко! Нехай трóшки приберемось, та тоді вже заразъ и гостей просїтиму.

Почалось прибрáння тее. Старá скрїві сь комóри викóчує та оксамїтв. рубкї тонкїї. вибїрає, та кроїть, та примїряє на пánночку. Пánночка ажъ підскакує, ажъ изъ рáдощївъ черво-нїє. То до одного дзёркала скóчить, то у друге зазрнє; склянку водї візьме, то й тамъ лóбує, яка вона хорóша. То заплетє кóсь, то росплїтає, то стрїчками перевьє, то вквічаєтця...

— Ахъ, бабúсечко! булó вїкрїкне, »коли вже я вь атласову сўкню вберуся!

— Якъ заручисся, дитїно моя, одказує старá. Дамъ тебе за князя чи за графа, за багатиря всесвітнєго!

А пánночка й гóлову задёрла. и вступáє такъ, нáче вже вона княгїня великорóдна.

Та тільки вь нихъ и мóви булó, що князі та пánї вельмóжнївї. Булó и кь весіллю зовсімъ приберутця, и будінки поставляють камяні, и кóней воронїхъ позапрягають,—ажъ лїхо! Пересипáють такеньки, переспáють,—пánночка й зідхнє:—Щó, бабúню! тільки говорїмо... Идóсі ще нїкого вь насъ не булó!

— Та зажді жь бо тріхи: наїде такого, що й не потовп-
лютця.

VI.

Та й справді перхнуло до насъ гостей,—якъ на погоріджу. Одні зъ двора, а другі у двірѣ. Немá намъ ні сну, ні спочівку: бігаємо, вслугуємо, клопочемось зъ ранку до вѣчора. Часомъ така юрма їхъ ужене, що дивуємось, якіхъ-то вже міжъ ними панівъ нема! Все тее регочетця, танцює, їсть, п'є; все тее гуляще, дакъ такє віпещене! Инша добродійка у двері не втòвцтця. А панпчівъ щò-то въ насъ перевернулось! Ажъ роємъ коло нашої панночки звиваютьця,—такъ якъ ті джмелі гудуть. Обійшла лобòнь вона їхъ усіхъ,—кого словами, а кого бровами: одіого на здо ровья любенько питає; другому жалптця. що безъ єго чогось їй смутно та дивно; котóрого коло себе сядовить, скажи, начебъ свогó посим'янина. Бідáхп роскохáлись, ажъ зовсімъ подуріли, зъ лиця зпáли, схнуть. День-у-день наїздять до насъ, одпо одногó попережáючи та зїзпмъ óкомъ накривáючи. Чи такъ вона всімъ до душі прийшла, чи не було їмъ тоді чогó їншого розвáжитись, тільки такъ комахою й налázють п налázють. Бо, бачъ, чимъ їмъ у світі розвáжитись? якъ свій молодій вікъ собі скрасити?.. Сбòлдоко ззісти, п'яно спити, хóроше походити,—а більше щò?

VII.

Потрòху та помáлу усє панночка на свій ладъ перевернула—
жпте и господáрство.

— Покінте жь бо, покінте, бабуню, плесті! Хвбá вікому
въ васъ діла робіти? Хто приїде, а ви все за чўлкою мавáчте,
пáче прислужниця, абò-що.

— Та нудно безъ робóти, дитино! одгáзує старá.

— Возьміть книжку почтáйте.

— Щò я читáтиму? Я вже не бáчу читáти.

— То такъ погуляйте, тільки, голубочко, не плетіть! Ви мін;
лўчче óко вікольте тмъ дрóтикомъ!

— Та дóбре жь. дóбре, угамўйся!

Покіне плесті старá й нудитця. Убрáла її пáнвочка у чіпчикъ зъ стрічкáмп рябѣнькими, та й посадовíла на кріслечку середь кімнати. Прийдуть гóсті—вона напоготóві, привітає їхъ.

Старá вже світомъ нудить, а пáнвочка втішаєтця:—Якъ славно, бабусечко, якъ славно! якъ увасъ велично та пішно!

VIII.

Насъ, дівчáтъ, усіхъ гаптовáти посадовíла. Самá й учить, та разъ-пó-разъ надбíга, чи шíємо. Й обідати йдемó, то вона хмýрнїтця и свáритця. Дáлі вже, що-день, то вона сердїтїша; вже й лає; чáсомъ щіинне, абó штóвхне стїха... та й самá почервоніє, якъ жаръ,—засорóмитця. Пóки жъ тїльки не звїчплася; а якъ огóвталася, обжплáся, то пізнали ми тоді, дé вонó вь світі лїхо живé.

Прийдú булó її вбíрати, то вже якої варúги я одъ неї не на-терплюся!.. Заплітаю коси—не такъ! Зновъ росплітую та заплітаю,—зновъ не такъ! Та цілий рáнокъ на томú пробáвить. Вона менé й щипáє, и шпирхáє, и гребінцёмъ менé скорóдитъ, и шпилькáмп кóле, и водóю злвáє, —чогó, чогó не докáзує надъ моєю голóвонькою бідною!

Одно́го рáзу дожидáли вь насъ полковїхъ зъ мїста. Двїрць замелї шé зъ вéчора; у будївкy прибрáли, якъ вькъ Великодню. Сїла пáнвочка зачїсуватись... Лїшечко жъ моє! лúчче бъ жару червóного у рúку набрáла, якъ мїні довелось туманїти коло її рúсої косї!.. И така, и онака, в геть-прїчъ пішла, и зновъ сюдї посту́паї; и пхáти менé и наскáкувати на мене,—ажъ я злякáлась! Та репéче, та дзвякотїть, та тупóче-тупóче, а дáлі якъ заплáче!.. Я вь двéрі, а вона за мною вь садъ. »Я тебе на шматкї розірвú! задушú тебе, гáдно!« Оглянусь я на неї,—страшна така зробїлась, що вь мене й нóги захпáлись. Вона менé якъ схопить за шїю обіручть!.. рúки холодні, якъ гадюки. Хóчу скрпчáти,—духъ мїні захопїло; такъ и рúхнула коло яблунї, та вже одъ холодної водї прокїнулася. Дивлюсь—дівчáта коло мене скúпчилсь, бїлі усї якъ крѣйда. Пáнвочка на стїльчикy роскїнулася, плаче; а старá надъ моєю голóвою стоїть, и такъ-то вже менé лає, така вже люта,—ажъ иї у ротї чóрно.

— Що ти наробила, ледашо! Якъ ти сміла пánночку гнівѣти! Я тебе на Спбїрю зашлю! Я тебе зъ свѣта зжену!

А пánночку вмовляє: Не плачь, не плачь, янгеляточко моє: слізъ твоїхъ вона не годна! Ще занедужаєшъ, Боже бороні чо-го! Бачъ, рúченьки холоднісінькі. Бúде бо вже, бúде! Нá що самá бересся? Мíні внось, щó тобі не вгóдно.

— А тобі, ледацице, (зновъ свáритця на мене)—а тобі бúде!

Та й не знаю, якъ ще дрúгої бідї вбїгла, що мене не бѣ-то. Мабуť тогó, що вже дúже була я слабá,—такъ пáні тільки ногою мене совманула, та заразъ и звеліла дівчатамъ до хáти одвѣсти.

Дівчáта пídняли мене й понесли, а въ хáті такъ и впáли ко-ло мене, плачучи: »Устївно сéрденько! оплáкана годївонька твоя!.. Мáти Бóжа! зá що се надъ нáми такé безголовьячко?«

IX.

Цілу вѣсну мене тéплимъ молокомъ наповáли, пóки я трóхи очѣньпала.

Лежý самá,—усі на пánцпні —лежý та все собі дúмаю: »Такé молодé, а такé немилосéрдне, Гóсподи!«

У хáті холодóкъ и тїхо; стїни бїлі й нїмі; я самá зъ своєю душєю. Вітрéць шелéсне, та првхїлить мíні у вїкóнце пахúчий бузóкъ. Опівднá сояшний прóмїнь гарячий перекине черезъ хá-ту яснý стáгу трепéчущу... вáче мене жáромъ обсіпле. Дúшно мíні, дрímóта, а сну нємає. И такъ усé самá-самісінька изъ сво-їмъ думкáми—якъ у свѣті жити!.. Рáда булó,—Бóже мій, якъ рáда!—колі зашумїть садóкъ, стемнїє свѣтъ и загурчїть дощъ объ зéмлю!.. Отъ, чýю, щось затупóче... рéгїть и гóмїнь... у хáту до мене згрáя дїтѣй усїпле. Весéлі, червóні; вїтають мене; впрїскають мене дощémъ изъ сéбе; пнúтця на вїкнó, нетерплáчі, коли той дощъ ущúхне; співáють, вигúкують:

»Зїйдї, зїйдї, сóнечко,
На попóве полечко,
На бáбїне зїлечко,
На нáше подвїрзечко!«

Скоро сонечко зъ-за хмари ви́грало, вони́ такъ и замелісь въ хати. А міні ще довго-довгенько оддаётця то у тому́ кутку́ регіть, то у тому́, наче хто у дзвіночки срібні видзи́влюе.

У-вечері, смеркомъ ужé, верта́ютьця съ панщини люде́ пото́млені и ва́ромъ со́яшнимъ, и тяжко́ю пра́цею; всі мовча́ть, — лп-ба́ якій зідхне́ ва́жко, абó заспіва́е сумно́і, сумно́і сти́ха...

Ча́сомъ несподівано́ котора́ дівчи́на вбі́жить до мене́ зъ бу-дінку.

— Усти́но! голу́бко!

— А що́ тамъ у васъ діетця, сестри́це? спита́ю її.

— Хочъ не пита́й, Усти́но, — ли́хо! Га́нну се́годні́ бі́ли, учо́ра Па́раску, а за́втра, ма́бутъ, ужé мо́я черга́. Ой, ма́тинко! коли́бъ тамъ не огле́ділсь пщé за мене́! Охъ, Усте, бі́дна на́ша голу-вонька!

— Про мене́ нічо́го?

— Де бъ то нічо́го!.. Чому́ не йде́ до свого́ діла? Що́ вона́ ніжитця, мовъ па́ні зъ Баса́ні? Отъ що́, коли́ хочъ зна́ти... Ой, за-барі́лася жъ я! Бува́й здоро́ва, Усти́но!

Х.

Одно́го ра́нку лежу́ я та ду́маю, коли́ въ ха́ту вбі́гла Ка́тря.

— Иди́, йди, хуте́нько йди, Усте!

— Куди́ йти?

— До па́ночки, до па́ні! та хуте́нько жъ бо, Усте! Посла́ли по тебе́, щобъ за́разъ ишла́. Па́ночка пожа́лкова́лась на тебе́ старій, що́ ти вже зовсімъ оду́жала, та не хо́чешъ робі́ти, слу-жити. Иди́ жъ бо, йди!

— Якъ же йти, Ка́тре, не здо́люю я по землі́ ступа́ти!

— Я тебе́ доведу́, голу́бко! Змо́жиса, щобъ ище́ гіршъ то́би не було́. Ходи́мо бо, ході́мо!

Ле́дві я доплелася́ до буді́нка. На поро́зі стрі́ла па́ночка.

— Чо́го се́ ніжисся? чо́му не йдешъ служи́ти? ле́дащо́ ти! По-стріва́й! я то́би таку́ ка́ру вимислю́, що́ ти й не ба́чила й не чу́ла.

Та кричи́ть же то, Бо́же! ажъ заді́халась; штовха́е мене́, за рука́въ смі́кае... Го́диновько́ жъ мо́я! Якъ вона́ охи́жіла, якé стра́шне зро-бі́лося въ не́й те личко́ го́жее!..

На той крикъ и пани не задлялася прилѣзти... даваѣ менѣ лѣтп. Ще пахвалаляся и битп. А ми, спасібі Бѣгу, тогѣ не дознаваѣли одъ неѣ, пѣкп не вселѣлася панночка. Всчалися тоді въ насъ кѣрности щодѣннѣ, щодѣннѣй плачь. Чи хто всмѣхнѣтця (вѣчѣсто всмѣхѣлися!)—панночка бѣжѣтъ до старѣѣ: »Бабуню, менѣ не шанунютъ!« Чи хто заплаче: »Бабуню, дѣла не рѣблятъ та ще ѣ плачутъ!« Та на всѣхъ тѣкѣвѣкп вѣдѣтъ та ѣ вѣдѣтъ, навадѣнѣця наѣша. А старѣ лютуѣ, насъ караѣ,—молодѣѣвѣкъ вѣгадаѣла!

XI.

Тѣлько ѣ дѣшемо булѣ, якъ наѣде гостѣѣй-панпчѣвъ та трѣхп забудѣ про насъ панночка. Вѣѣде до нѣхъ—ляскотѣтъ по пѣашѣному, прѣвѣтнѣя. лѣубѣ—и щѣ-то?—не пѣзнѣти!.. А вѣже якъ тѣ панпчѣ коло неѣ. Той пѣрѣучъ изъ неѣю шѣнѣтця, а тоѣ съ куткѣ на неѣ очѣма свѣтѣтъ; сеѣ за неѣю у трѣну тѣчѣтця, а тоѣ зновъ збѣку пѣглядѣмѣ забѣраѣ. Вѣна жѣ мѣжъ нѣмѣй, мѣвъ тѣя перепѣлѣчка, звѣваѣтця.

— Кѣтѣрѣѣѣ-то зъ нѣхъ попадѣтця? гѣвѣрѣмо булѣ дѣвчѣта. Дѣзнаѣ небѣракъ, по чѣмъ кѣвшъ лѣха!

Спѣршу старѣ пани тѣшѣлася вѣлѣнѣко тѣмѣ гѣстѣмѣй. а далѣ, якъ почѣлѣсь мѣжъ нѣмѣй свѣрѣкп, стѣла дѣмѣтѣ та гѣдѣтѣ:—не рѣда вѣже ѣмъ, да не одѣбѣтп. Наѣде ѣхъ сѣлѣчка одѣна, та кѣжнѣѣй же то домагаѣтця панночѣнѣного прѣвѣту собѣ; одѣнъ одѣного зѣневажѣѣ, та ѣ свѣрѣтця, и грѣзѣтця. Почѣла вѣже ѣхъ старѣ пани собѣкамп (зѣ очѣ) звѣвѣтп. Ажъ такъ наѣдъ ѣсѣнѣ дѣля панночѣнѣна прѣѣшлѣ—и шарѣхѣнули вѣнѣ усѣ одъ неѣ въ-рѣзѣвѣпъ, себѣ самѣхъ сорѣмѣячѣся.

XII.

Спѣзѣваѣся съ панночѣкою полѣковѣѣй лѣкаръ, та ѣ почѣвъ щѣднѣя вѣщѣтѣтп. Такѣѣй вѣнъ буѣвъ тѣхѣѣй, звѣчѣѣѣнѣѣй, до кѣжнѣного прѣвѣтнѣѣѣй,—и на панпчѣ не похѣдѣвѣтъ!.. А якъ зъ неѣю спѣзнѣваѣся? Вѣже давнѣнѣько панночѣкѣѣ прѣѣѣжѣѣ перѣнѣѣспѣлп, щѣо якѣѣѣѣѣ-то вѣже тамъ лѣкаръ полѣковѣѣѣй хорѣѣѣѣѣй! и брѣѣѣѣ ѣмѣ чѣрнѣ. и устѣ рѣмѣянѣ, и стѣанѣмъ вѣсѣѣѣѣѣѣѣй,—такѣа вѣже красѣа, щѣо ѣ не сказѣтп.

Тільки що гордий дуже, — на жадну не погляне, не заговорить, хочь тамъ якъ до ёго ні заходь...

Панночка, чуючи такє, було частенько говорить старій: »Якъ бї вп, бабўсечко, того лікаря до насъ завіталь, — нехай побачу, якїй!

А старá було на те: »Моя дитїно! нацокотали тїи верхоўмки, скосїрні, а ти вірп поняла... Велике дїво — полковїй лікарь! Се змїдні, бїдота! Щоб тобї сь такїми заходити?

— Та нехай я тільки ёго побачу, бабўно! чи справдї вінъ такїй, якъ славляють.

Цуръ ёму! ще ввїжетця! И такъ ужє багáто коло тебе звиваетця, а жодень не свáтає. Одинъ одного перебиває та свáрютця, — бодаї ви вїказались!

Отъ же, якъ старá одмагáлась! а внўчечка якъ на пню стáла: лікаря, та й лікаря! Першого жь наїзду, якъ жарнўвъ полковїй начáль, мўсила старá нїми переказувати, що лікаря до себе въ гостїну запрошує. Тї живо погодїлись: »Привеземó, привеземó«, кажутъ.

— А коли жь ви насъ одвідаєте? питає панночка, сюдї-тудї обертáючись, та въ вїчі їмъ заглядаючи, ни мовъ якъ лисенїя: »чп хўтко?«

— Коли ви такї ласкаві, то ми й позáвтрєму бўдемо, кажутъ гостї, якъ на ногахъ не підлїтуючи.

И поїхали, радєнькї, що дурнєнькї.

XIII

Та вже й убрáлась того дня панночка хóроше! А старá сўпитця та все бурчїть: — На що намъ та голь нещадїма зда-лася!

Панночка наче не чўє того слóва. Старá тільки тимъ вимїщає, що насъ дўшить.

Колї наїхали полковї, а лікаря нема. »Дякує«, кажутъ, »за ласку, та нема въ ёго часу ані годїни: недўжихъ у ёго багáто, — лїчать.

— И не сїлуйте ёго, — каже старá: нехай лїчить зь Бóгомъ! Панночка тільки почервонїла и устá закусїла.

Та й було жъ намъ, якъ гостей вїпроводили! За все ми од-терпїли!..

Того жъ такі тїжня самого заведужала пánночка. Охаче и стогне, и крпчїть. Старá злякалась, плаче, по лікаря шле. А полковїй знающїй, кажутъ, та й живє близьче за всіхъ,—по ёго!

Тимъ часомъ пánночка вбралась, якъ найкраще, та й лежить у ліжку, якъ малёвана,—дожидáе.

Прїхавъ вінъ, подпївсь, распитáвъ. А вона жъ то вже—и головку хїлить, и говорить, помїсь співае. Побувъ яку годинку, та й прощаєтця: »Зáвтра навідаюсь.«

Старá питá у внучечки, внучечка задумалась,—тїлько їй на питáння головою кивáе. А якъ старá спитáла: »Шó, якъ лікаръ? показався якъ? то вона стрепенулась: »Гóрдий«, каже,—такїй, якъ пánъ вельможний... И щó вївъ собі думае!..

Личївъ-личївъ той бїдолаха, та й закохався. Покохала ёго й пánночка. Почули духомъ папичі, кудї потягло,—постерегли одъ разу, щó вонó е, та й зслизли.

Старá пánї тїльки що головою въ муръ не бьётця, та нічого не врадить: »якъ ви міні, бабўню, на перешкодї станете, умру!.. И не гомовїть! не домовляйте! змїлуйтєся!«

Старá й гóді, тїльки óхаче.

XIV.

Спустило пánське подвїр'є; не тупóчуть кóпї; не торохтáть ко-лясп. И пánночка тїхша: не лае, не бье, не обскаржуе,—все сидїть та думае...

Було, скóро сóнечко вїйметця, лікаръ и кóтить у-двукóнь. Пánночка вже дожидáе коло вїкнá. гáрна та ўбрана, и румяніе, якъ червóна маківка. Вінъ хутенько вбїжить. Яка зъ насъ підъ той часъ мигнётця: »Здорóва була, дівчино! А щó пánночка?«

Цїлий день прогостїоє було. Усё коло пánночки сидїть, не відступá й ступня. А старá пánї то съ тихъ дверей зиркъ, то зъ дрўгпхъ зиркъ, та прислухáетця, щó вони тамъ мїжъ со-бóю говорять удвїпáї, та вже така її досáда гризёе, що вони вкўп-ці, а розлучити не сила: боялася й вона внучечки.

Отó вже й свѣтае вінъ пánночку. Плаче старá и журитця тѣжко:—Я жъ сподівалась тебе за князя ддати, за багачá, за вельмóжного!

— Охъ Бóже жъ' мій! крикнула пánночка плачучи.—Та ко-
либъ же вінъ бувъ багáтий та вельмóжний, я бъ и гáдки не мá-
ла! давнó бъ ужé булá за нимъ! Та коли жъ такé безталáння
моé! такá мiнi дóля гiркá вiпала!

— Та хибá жъ таки крáщихъ за ёго нема?—не смiючи вже
одмовляти, а тiльки шiби питаючи, озвѣтця зновъ старá.

— Длÿ мѣне нема у свiтi крáщого,—нема й не бóде!

Засумовáла пánночка, ажъ змарнiла и зблiдла. Старá зовсiмъ
скругiлася,—не зна дáли, на яку ступiти. Наменé на те, що
не йди за ёго,—унúчечка у гнiвъ та у плачъ великий. Хóче
втiшати: »ось поберетесь, унúчечка свою дóлю проклинáе.

— Се Господь мiнi лiхо наслáвъ, кáже:—я якъ томú лiхо-
ви запобiгти, не знáю.

Молодий ставъ помiчати, турбóетця:

— Щó такé? чогó смутнá?

— Та я не смúтна!

— Скажи мiнi усю правдоньку, скажи! прóсить, у рúку ii
цiлúе.

— Поберемось,—говóрить вона ёмú:—а якъ жити съ тобою
бóдемо? вбóго!

— Отъ щó тебе журить, сёрденько!.. Нá що намъ тѣе пán-
ство, багáтство, коли бóде нáше життá крáсне, нáша дóля весѣла?

— Бáчъ, ти объ мiнi й не дúмаешъ! домовля ёмú.—А лóбо
жъ тоби бóде, якъ приде хто до насъ та бóде зъ насъ глумi-
тись: »отъ живúть-бiдúють!«

Та й заплаче.

— Сёрденько моé! щó жъ мiнi, бiдному, въ свiтi робiти? де
взяти? Я зъ рóду не жадáвъ багáтства, а тепѣрь прáгну всiхъ
роскóшiвъ длÿ тебе, тоби на втiху... Щó жъ в вдию? Радъ би я,
кáже,—небо прихлiти, та не хiлитця!

И почвúть оттáкъ обóе собi журiтись.

XV.

Любiла вона ёго, та якось чúдно любiла, не полюдськiй.
Отто навѣрнетця булó хто зъ пánночóкъ-сусiдокъ, допитуютця:—

Чи правда, що тая гордіня та въ тобі закохався?.. Сватає?.. Ревнивиѣ?.. Які дари тобі дарує?.. Чи ти ёго поважаєшъ, чи *вѣнъ* тебе слухає?

— Вважайте самі, одказує панночка, всміхаючись.

Та ѣ почвѣ передъ панночками наругу на ёго зволти. — Слухайте, каже до ёго: — ідте до міста та купіть міні те ѣ те, та хутенько! Поскорітця жъ, щобъ я не гнівалась!

Вінъ заразъ иде, купує тамъ, що казано.

— Бóже мій! чогó се понакуповували? Я сего не хóчу! Ідте та змініть! Міні тако́го не треба! Отъ добро вишукали!

Зновъ иде вінъ, миняє.

Або такъ. Хóче вінъ воді напїтись, — вона: »Не пїйте, не пїйте!«

— Чому?

— Я не хóчу! не пїйте!

— Та коли жъ я хóчу пїти!

— А я не хóчу! Чуєте? не хóчу!

И вже такъ гляне чи всміхнѣтця, що вінъ послухає. Коли, то ѣ розгніваєтця, одвертаєтця одъ ёго, не говорить. Вінъ ужé и перепрошує, и благає — трóхи не плаче.

Панночки приїжжі дивуютця: — Отто! чи хто сподівавсь одъ ёго тако́го кохання! И що ти робила? якъ ти Бóга просіла?

Наша панночка тілько всміхаєтця.

Питають, що вінъ їй подарувавъ, — вона передъ ними стэле оксамїти та атласи, що відъ старої панї має, та хвалотця: — Се *вѣнъ* мене обдарувавъ!

Чудне паньске кохання!

А вінъ на тихъ сусідочокъ важкимъ духомъ дїше: — Бодай, їх слідъ запавъ!

Старá тимъ часомъ роспитує про ёго, якъ вінъ собі маєтця, та ѣ напїтала, що въ ёго хутіръ е.

— Дитино моя! въ ёго хутіръ е!

— Сиравді? покрикне панночка, зїрвавшись зъ місця. — Де? хто казавъ?

— Та недуже далéко за містомъ. Недавно, кажуть, одъ якоїсь тїтки у спадку ёму достався. Тїтка була бездїтна; вінъ на її рукахъ и вїрїсь.

— Ахъ, Бóже жъ мій милостивий! Чому жъ се вінъ мїш не

похвалився? Мабуть невеличкий хуторець, — нічимъ гарádzъ хвалитсь. А все жь хутірць! усé жь дёржава!

Стрiла ёго веселёнъка, привiтала любо, а винъ радiе. Не знае, що то вiтають не ёго, — хуторець вiтають!

XVI.

Объ Рiздвi iхъ заручили. Гостей-гостей нахало!... Пiвночка така весела, балаклива; очи блищать; водитця зъ нмъ попидъ руки. А винъ и очей зъ неi не зведé, — ажъ спотикаетця на ходi. Гульба точилась до самого свiту.

Отъ же, скоро женихъ и гости зъ двора, пiвночка въ плачь. Плаче та на свою долю нарикáе: — Що се я поробила! що се я починила! Та якé моё житте бiде вбогé! Пá що менé мати на свiтi породила! Горенько моё! доле мой спритська!

Старá тимъ и заручинамъ не рада, та втiшае унiчечку, вмовляе: — Чогó плакати, моя дитино! Годi жь бо, годi!

— Чому Господь не давъ ёму пiнства-багатства! — вiкркне пiвночка, та такъ и вийетця слiзонькамъ, по кiмнатi бiгае, рiкi заломуючи.

— Дитино моя! сiрце моё! не плачь!... Не будешъ ти багатша одъ усiхъ, та й убогою не будешъ. Усé, що я маю, все твоё.

Вона якъ кинетця до староi, обiймае, цiлуе: — Бабусечко моя, матiнко! дякую вамъ зъ души, зъ сiрця! Ажъ свiтъ мiнi пiднявся вгору! одродили ви менé, рiдна матiнко!

— Годi вже, годi, а то й я зарумаю! Оцé жь бо! промовля старá, та й самá й плаче й смiётця.

— Бабусечко, голубочко! то ви зъ нами житимете?

— Чогó бъ то й бажати, та не впадае. Я тiкеньки мiркую: зостанусь я тiтечки, у Дубцяхъ, бiду вамъ господарства доглядати, поряджати, а ти у хуторi хазяйствуй. А що жь? чи тамъ, чи тамъ покинути, — и хазяйство переведетця и впокою души не мiтнешъ. *Пiнське око товáрь тiчить*, — не дiрно скáзано.

— Дiбре, дiбре, бабусю! нехай такъ бiде!... Ахъ, бабусю! ви менé, кажi, на свiтi одродили!

— То будь же въ мене веселёнъка, — не плачь...

— Не бiду плакати, бабусю, не бiду!

Тільки що жовіхъ на порігъ, пánночка до ёго:—Бабу́ня намъ Дубці дае! бабу́ня Дубці дае!

Вінъ спокійненько собі й ка́же, ласка́во ій усміха́ючись: Ти радіешъ, то й я радъ. Я самъ дуже люблю Дубці. Тутъ ми спізна́лись и покоха́лись.... Памята́ешъ, який бувъ тоді садокъ зелененький, квітча́стий,—якъ було съ тобою похожа́емо, гово́римо?

А вона ёму:—Садокъ зелененький, садокъ квітча́стий.... Ти згада́й, се́рце, які Дубці дохідні!

Молоді́й ажъ издрігну́вся и дівитця на не́й,—ніби ёго щось ра́зомъ здпву́вало, зляка́ло, у се́рце вжа́лило...

—Що́жъ? пита́е пánночка:—чо́го на мене дивисся такъ? Хпба́ я що нелю́дське сказа́ла? хпба́ не хо́чешъ зо мною хазяйнува́ти?

И берé ёго за ру́ку, сама́ всміха́ється любе́нко. И вінъ усміхну́вся:—Ти жъ мо́й, ка́же, хазя́чка коха́на!

XVII.

Повесели́шала пánночка, клопо́четця своїмъ поса́гомъ, зага́дує та й опоря́ждає, и сама́ до всёго берéтця. Навезлі́ зъ міста шевці́въ, кравці́въ, швачо́къ, крамарі́въ и крамаро́къ. Сама́ ганя́є, жониха́ турля́є,—купі́є, кра́є, скла́дує... якъ у казані кипіло! Було тоді намъ лі́шко тяжке! бо такé ва́ше діло: хочъ панамъ до́бре ведéтця, хочъ імъ го́ре йме́тця, а намъ пёвне одно́: *кому́, ка́же, весі́лля, а ку́рці — сме́рть!*

На весі́лля пані́въ, па́вій понаі́зділо,—гудé у буди́нку, якъ у ву́лені. Ціка́ві пánночки поса́гъ розгляда́ють, дивю́тця.—Охъ, та якé жъ оцé хоро́ше!... Охъ, и се сла́вне!... Онъ це яké!... А се, ма́буть, дуже ко́штóвне!—И́нша, якъ побачи́ть що́,—ху́сточку, чи су́кню яку́,—ажъ о́чі заплю́щять: такъ і́ за се́рце и вхо́пить. Такъ вони́ и лі́пнуть до то́го, якъ му́хи до ме́ду! Ле́дві вже ми їхъ збу́ліся.

XVIII.

За тимъ ва́товпомъ, кло́потомъ та трусо́ю, то я не урва́ла й го́динки зъ лю́дми попроща́тись. Вже ко́ні сто́ять за́пряжені,—

тоді я побігла. Не можу й словечка вимовити, тільки обіймаю старіхъ и маліхъ.

Молодий пріхавъ за нею на четверикю. Кони ворони, баскіи. Правий візника плечастий, усатий, у високій шапці. Зъ нашихъ такі людеі, та до вельможної вподоби вівчений. Тутъ пані прощаютьця, гомонять, плачуть, а візника той сидить, якъ викова-ний зъ заліза, — не обернетця, не гляне.

Посідали пані у той повізъ. Мене причепили позаду, на яко-мусь височенному причинку.

— Зъ Богомъ, Назаре! — покрикнувъ панъ веселенько.

Тішого та ясного ранку виїздили ми зъ села, а морозъ ажъ тріщить. Івсї запусивъ вѣрби; біліли вітн в сяїли проти сонця. Дівчата виіспали на ўлицю; кланяютьця мнї... Швидко-швидень-ко бігли коні, — тільки въ очяхъ усє тее промгало. Немá вже села Дорóга й дорóга, безлюдная доріженька попередо мною...

XIX.

Хутко перебігли до міста; начо межн комашню виали. Ідуть и ідуть, продають, купують. Люде, пані, москалі, перекупки. А жиді довгонолі, куди ші глянешъ, усюди вони, наче тіи хрупці шершавіють.

Панъ звелівъ коней зупинити коло заїздиого двору и повівъ своєю молодю у кімнати. Візничі грошей давъ — пообідай, а про мене й байдуже.

Сиджү я собі та дивлюся. Усє чужє, усє не наше! Коли хтосъ якъ гукиє: — Гей, хорóшая, вродливая! — Я ажъ здригнулась. Се візника на мене гукáе. Придивлюся до єго: то-то жъ чорнявий, матинко! такий чорнявий, якъ есть тобі воронъ. Засміявся — зубівъ у єго незліченно, а білі ті зүби, білі, якъ сметана.

— А когó вамъ трéба? питаю єго.

— Эгє, когó!... Якъ бо тебе звáти?... Устїна, здаєтця?... Ходи-мо зо мною, зъ Назаромъ, пообідаймо.

Дуже я змерзла, а піти — дүмаю — якъ єго піти? ще пані бучу зніме!

— Спасібі вамъ, одказую: — я не хочу їсти.

Візника всміхнувъсь: — Якъ собі знаєшъ, дівчиво! — та й пішовъ.

XX.

Чималу жъ я годину пересиділа, піки вийшли пані. Панъ тоді зиркъ на мене!

— А що ти сидишь тутъ, Устинко? — питае. — Чи обідала ти?

— Гей! — крикнувъ на хазяіна бородатого, що тутъ на рундуці грóші въ долóні лічи́въ, звя́каючи: — да́йте дівці пообідати!

Хазяінь грóші въ кишéню, та й побігъ.

— Що́ це, що́ це? — жакну́лась пáні: — ми її ждáтимемо?

— А якъ же, сёрденько? — одказáвъ панъ. — Адже вона́ голóдна, та й намéрзлась дóбре!

— То що́? Вони́ до сéго звичені. Спізнимоєъ; я бо́ятимусь.

— Біга́й, дівчи́но, та хутéнько! — ка́же міні панъ. — Не зага́йсь, щобъ тебé не дожидáти.

Пáні почервоніла по сáмо волóссе.

— Часъ їхати!

— Та вона́ жъ голóдна, сёрце... Дивісь, якъ змерзла!

— Я змерзла, я, я! — та такъ ужé на те я накрикуе!

— Сидáй! — грімнула дáлі на мене, и самá у пóвизъ ускóчила.

Панъ здивува́вся: не знае, що́ ёго́ думати, що́ ёго́ казати, — стоїть.

— Що́ жъ? — питае пáні: — хўтро?

Тоді серде́га сидае коло неі...

А хазяінь бородатий: — Дівці *абéду* не прикажете?...

Довгéнько гомоніли пані міжъ собóю, а ще довше після́ то́го мовчáли.

XXI.

Прісмеркомъ дочáпали до хўтора. Въ хўторя́нськихъ хáтахъ де-не-де́ світілось. Ідемо ўлицею; стáли коло будінку. На рундуці кўпкою сто́ять люде́ изъ світомъ, съ хлѣбомъ святі́мъ. Кла́няютця, вітають молоді́хъ

— Спасі́бі, спасі́бі, — дякуе панъ, при́пмаючи хлѣбъ на свої́ рўки. — Приві́зъ я вамъ пáнію молоду́, — чи вподóбаєте?

Самъ смієтця, радіє: комў-то вже така краля не сподобна бўде!

А пани, якъ гляне на ёго,—ажъ йскри її зъ очей скакнули; на лиці мивитця. Люде до неі — щобъ то її по своёму вітати; а вона вихопила въ когось изъ рукъ свічку та въ двері—стрибъ! Люде такъ и шугнулі одъ тихъ дверей, нічого панові й не одмовили.

Панъ, неспокійний, смутний, пішовъ собі, похиливши голову.

Вийшла в я. Дивлюсь, роздивляюсь. Світлички невеличкі, та гарні, чистенькі. Стільчвки, столики—все те новеньке, ажъ лощитця. Чую — говорять пани. Прислухаюсь — пани мої хліпає, а панъ такъ-то вже її благає, такъ благає!

— Не плачь, не плачь, житте моє, сэрце моє дорогé!... Колибъ же я знавъ, що я тебе ображу, — зъ віку бъ не казавъ!

— Ти, мабуть, усіхъ мужиківъ такъ изучивъ, що вони съ тобою за панібрата!... гарно!... оглядають мене, всміхаютьця до мене, трюхи не кинулись мене обнімати... Охъ, я нещаслива!... Та якъ вони сміють! — викрикне на-остатку.

— Сэрце моє! люде добрі, прости...

— Я не хочу нічого знати, слухати, бачити! — задріботила пани. — Ти мене зъ світу хочешъ оцє зігнати, чи що? — вигукє ридяючп.

— Годи, годи. любочко! ще занедужаєшъ... О, не плачь бо, не плачь! Робитиму все такъ, якъ ти сама надумаєшъ. Подаруй міні сеї случая!

— Ти мене не любишъ, не жалуєшъ... Богъ пзъ тобою!

— Грїхъ тобі такъ говорити! Я тебе не люблю!... Сама ти знаєшъ, яка твоя правда!

Чую — поцілувались.

— Гляди жъ, — каже пани: — якъ ти не будешъ по-моёму робити, то я вмиру!

— Бўду, сэрденько, бўду!

XXII.

Проходила я по всіхъ кімнатахъ — нема нікогоісінько. — Се чи не одъ насъ повтікали? — дўмаю собі. Вийшла на рундукъ, — нічь місяшна, зоряна. Стою та роздивляюсь; коли чую: — Здорова

була, дівчинонько!—якъ на струні брязнуло обікъ мѣне. Стрепетулась я, дивлюсь: високій п'ярубокъ, ставний, поглядѣе, всміхаетця. И засоромилась, и злякалась; стою, якъ у камени, оніміла, та тільки дивлюсь ёму въ вічи.

— Стоїшь самá тугенька, — зновъ озиваетця п'ярубокъ: — мабуть, не знаешъ, куди йти?

— Якъ-бі не знала, то васъ би спитала, — одмовила ёму, скаменувшиися трохв. — Бувайте здорові!

Та швиденько въ двѣрі.

— Бувай здорова, сѣрденько! — сказавъ міні у слідъ.

XXIII.

А пані все по покояхъ ходять. Молодá у кожній кутікъ зазирає, щó ї якъ. Забачила зіллячко за образами: — Щó це такé?

— Се баба божничокъ уквичала.

— Щó?... То вона въ тебе тутъ порядкуе! Випнь те зілля, сѣрце! Се вже зовсімъ помужичьвий.

— Дѣбре, сѣрденько.

Тоді вона ёго цілує: — Голубе мій!

Отъ, находилсь, наговорились.

— Щó це, — каже панъ, — що нікого нема? Куди се баба поділась?

— А бачъ, бачъ, — зацокотала пані, — які вони въ тебе пореспущувани! Схотіла, то й пішла.

— Та не дѣ диветця. Ось я її гукну.

Та й кинувсь гукати: — Бабо! бабо! бабо! — якъ той хлопчикъ слухняний.

— Заразъ, сѣрденько, баба прийде, — говорить паніі, вмовляючи її.

— Та де вона була?

— Певно щось робила, любко. Се моя вся прислуга.

— А де мой Устіна? И вона изучилась бігати, не питаючьсь? Устіно! Устіно!

Я стала передъ нею.

— Де була?

— Ось у цій кімнаті.

Стала я зновъ за дверима; зновъ дивлюсь и слухаю.

XXIV.

Увійшла бабуся старосенька-старосенька, — аж до землі поникає, та вся-усенька зморщена; тільки її очі чорні щеще живуть и ясніють. Увійшла, тихенько ступаючи, вклонилась паніи та й питає: — А що вамъ треба, пане?

Пані ажъ зъ місця зірвалась, що старá така сміла.

— Де се ти, бабо, була? Я тобѣ вже самъ мусивъ гукати, — каже панъ.

— Коло печи була, паночку: Гáнни помагала, щобъ добра вамъ вечеронька була.

Панъ бачить, що вже жінка важкимъ дѣхомъ дїше, а все не важитця вінъ бабусю наляяти: лѹпа очима та кашляє, та ходить, — не знає, що вже єму й робити. Пані одъ єго одвертається. Бабуся стоїть одъ порога.

— Що жъ, вечера готова? — питає панъ, уже хмурнїше.

— Готова, паночку, — тихо и спокійненько одказує бабуся.

— Сѣрце (до паніи), може бъ ми повечеряли?

— Я не хочю вечеряти! — одказала пані, вибігла и дверима грюкнула.

— То й я не бѹду вечеряти, бабусю, — каже панъ смутненько вже.

— То я собі пійдѹ. На добра-нічъ вамъ, паночку!

— Идї. Та треба глядїти, старá, щобъ я не бігавъ за тобою самъ! — загомонївъ бувъ на неї, та заразъ и вгамувавсь, якъ бабуся єму на те звичайненько одмовила: — Добре, паночку!

Вклонилась и пішла собі.

XXV.

Ходївъ-ходївъ панъ по кімнаті. Чутно єму, що пані плаче за стїною. — Боже мій! — промовивъ самъ до сѣбе, — чогó вона плаче! — И такъ вінъ те слово тихо, такеньки смѹтно, промовивъ!

Не втерпївъ — пішовъ до неї; цілує, вмовляє. Чималу годїну вінъ її благавъ, поки перестала.

— А вечеряти не хочю, — каже панові. — Я на твої слуги—

не то що—п дивітись не міжу! Такъ пзъ тобю поводитця, якъ изъ своїмъ братамъ.... рідичі, та й гді!

XXVI.

Сиджү самá у дівочій; сүмно; тїша така.... Отто житте моё бѹде! всюди красне!.. — Теперевкп, — дүмаю собі, — наші дівчá-та нажпвѹтця безъ моєї пánї! Веселѣнько та любѣнько імъ укүп-ці.... А міні — чужá сторона, п душі нема жпвої!..

Коли щось у віконце стукъ-стүкь!... Такъ я й згоріла!.. Самá вже не знаю, якъ, а догадалась.... Сиджү, ніби не ч҃ю.

Переждало трохп, — зновъ стүкае. Метнүлась я та двѣри всі попричиняла, щобъ панї не почүли.

— А хто се тутъ? — питаю.

— Я, дівчино-гóрлпчко!

— Мáбуть, — кажү, — чи не помплілись: — не въ те віконце лобувáетесь!

— То жъ бо й не въ тее! Нá що жъ п бчї въ лóбі, коли не збóчптп когó трѣба!

— Не такъ-то кóнче й трѣба!.. Оцѣ найшли розмóву крїзъ подвійне скло!... Гѣтте! ще панї почүють!

Та й одхилїлась одъ вікнá.

А вінъ такї: — Дівчино! дівчино!

— Чогó се ти попідъ віконню вкопáвся, Прокóпе? — загомонївъ хтось потїху. — Онъ, вечѣря вже готóва ще одкóлп, а васъ нікого нема!

XXVII.

Хтось уступївъ у сїнци. Я відчиняла, ажъ се бабүся.

— Здорóвенька булá, дівчино, — промóвила до мене. — Прóсп-мо на вечѣрю, зозүлько!

— Спасїбі, бабүсю!

— То й ходїмо.

— Ось я пáнеї спитáюся.

— Чогó питáтись, любко? То жъ вечѣря!

— Чи звелїть птї.

Бабўся перемовчала хвилінку, та й каже: — То йди, мої дитино. Я тебе тутеньки подожду.

Пані спдіять у-купці любенько, веселенько; щось межі собою розмовляють. Я ввійшла; а пані: — Чого сунесся?

— Пустіть, — кажу, — пані, мені повечеряти.

— Иди собі, — вечеряй!

XXVIII.

Пішла я за бабўсею через двір у хату.

— Оце привела вам дівчину, — каже бабўся, вводячи мене в хату.

А в хаті за столом сидіть Назарь чорнявий и молодічка гарисенька, жінка Назарова. У печі палає, як у гуті. Одсвічують весело білі стіни и божничокъ, вишиванимъ рушникомъ вавішений, квітками сухими и зіллямъ уквічений. Зъ полиці, місц, мискі й мисочки, и зелені й червоні, и жовті, наче каміння дороге, викрашаютьця. Усе такє веселе в тій хаті було, прибранє, осяюще: и кўжіль м'якого лёну на жердці, и чорний кожухъ на кілку, и плетена колыска зъ дитинкою.

— Пріслимо до гурту! — привітали мене и вклонілись.

— Може бь, поручъ зо мною така краля засідала, га? — каже Назарь.

— Хибá жь ви гутечки найкращі, дядьку? — питаю. Самá озвирнулася, ажъ той парубокъ ужє тутъ, — съ кутка на мене задвівся, ажъ гаряче міні стало.

— Атó жь ні? — каже Назарь. — Придивись-лишень до мене дóбре: то-то жь гарний! то-то жь хорóший!

— Хибá поночі! — одмовила ёму весела молодічка.

Славна була то живочка, — звали Катреку: білявенька собі, трóшки кирпатенька, очіці голубоцвітові, ясенькі, а самá кругленька и свіжа, якъ яблучко. У червонову очіпку, у зеленій юпочці баєвій. Смішлива була й гордоватенька, а що вже шамкає! И говорить, и діло робить, и дитину колыше; то коло стола її вишивані рукава мають, то коло печі її перстені блискотять.

— Ну, ну! — каже їй Назарь: — колибъ оце не галушкы, я бь тобі одказав!

Тутъ бо саме Катря ёго поставила на стілъ миску зъ галушкѣми.

Назаръ моргнувъ на мене: — Не гріхъ тому́ добре повечеряти, хто не обідавъ!

XXIX.

Катря хочъ и говорить и жартує, а здається все чогось сумна и неспокойна. Бабуся, сідючи за столómъ тихенько и величненько, якусь думку собі думала. Тільки Назаръ пустує та вигáдує, та рого́че, поблискуючи передъ каганце́мъ зубами, а зуби, я жъ кажú, якъ сметана! На того́ пáрубка я вже не дивилась.

— А щó, пташечко,—питає въ мене бабуся: — при молодій пані́ давненько слúжишъ?

— Якá вона гáрна!—закíнула молоді́чка.

— Помóжетця, що гáрна!—гукну́въ Назаръ, — коли́ дивитця такъ, що ажъ молоко́ кíсне!

Бабуся зідхну́ла важенько:—Гóді тобі, гóді, Назаре́!

— А нашъ панъ такий звичáйний,—заговори́ла молоді́чка:—вiнъ, ма́бутъ, изъ-рóду ні́кого не скривдивъ.

— Дай ёму́, Бóже, и пáру такú!—промови́ла бабуся.

— Якъ-то тепереньки намъ бóде!—сму́тненько ка́же молоді́чка. Зідхну́ла и задумалась.—Якъ-то бóде!—зновъ тихо вимовля́є, дiвлячись на мене, наче бъ випiтувала очiма.

А я мовчú.

— Бóде, якъ Госпóдь дасть, голúбка,—ка́же бабуся.

— Ну, щó буде, те й бóде,—ми все перебóдемо!—гукну́въ Назаръ.—А теперъ—до галушóкъ берiтесь. А ти, Прокóпе, чомú не йдешъ? Пані́ тобі въ óко впáла?... чи, мóже, ця крáля?

Та й моргну́въ на мене.

— Нехáй мiні та пані́ й не снитця!—одмóвивъ пáрубокъ, сiдаючи проти мене:—дé вона й вродiлась такá непри́зна!

Тоді́ молоді́чка до мене: — Дiвчи́но-сёрденько! скажи́ намъ усю́ щiру пpáвдоньку, якъ душá до души́....

Та й спвiялась. Всi на мене дiвлятьця пiльно. . И пáрубокъ очéй зъ мене не зведé. Якъ-би́ мiні не той пáрубокъ, то все бъ ні́чого; а при ёму́ сорóмлюся та червонiю, — трóхи не заплачу.

— Дівчино! лиха наша пані молода?—вiмовить Катря.

— Недобра!—кажy їй.

— Господи милосердний!—крикнула:—чyло моє серце, чyло!... Дитино мой!

Кинулась до колiски, схилилась надъ дитиною:—Чи того жъ я сподiвалась, плучи вильна за панського! Вона вже й окомъ своимъ насъ пожерла!

Та плачє жъ то такъ,—слизa слизy побиває.

— Не такий чортъ страшний, якъ намалєваний,—каже Назаръ.—Чого лякaтись? треба першъ роздивитись.

А вона плаче, а вона тужить, наче вже й справдi її дитину панi своимъ окомъ пожерла.

— Годи, голубко!—вмовляє Катрю бабуся:—чого намъ дуже тривожитись? Хибa надъ нами нема Господа милосердного?

Парубокъ ани пари зъ усть; тилько куди я не гляну, усє на єго поглядъ очима спадy.

XXX.

Повечєравши, поблагословившись, бiжy назадъ у будинокъ. а за мною:—На добра-ничъ, дiвчино!

— На добра-ничъ вамъ!—одказала, та й ускочила въ синя.

Увійшла въ дiвочу,—серце въ мене бьєтця, бьєтця!... Дyмаю та й дyмаю... що якъ вінъ вдивився въ мене очима!... И панi моя тожъ мiнi на дyмку наvertsєтця: лєдвi y двiрь ступила, вже всiхъ засмутила... И чого той парубокъ чiпляєтця?... Бодай же єго, який хорощий!... Мiсяць стоить проти мене у-пiвнi....

»Он мiсяцю-мiсячєнку,
Не свiтi нiкому!...«

Пiсня такъ и пiдмиває мою дyшу.... Самa не знаю, чого душа моя бажає: чи щобъ вінъ зновъ озався пiдъ вiкiнцемъ, чи щобъ не приходивъ.

XXXI.

Минає день, тиждень, мiсяцi, и пiвъ року збiгло за водою. Здаєтця, що въ хyторi тихо и мiрно; цвiтє хyтирь и зеленiє. Коли бъ же поглянувъ хто, що тамъ коiлось, що тамъ дялось! Люде

прокидались п лягали плачучи, проклинаячи. Усе пригнула по-своёму молода пані, усімъ роботу тяжкѣ, усімъ лихо пекѣче, изнайшла. Каліки нещасливі, діти кришеняточка, и ті въ неї не гуляли. Діти садї замїтали, пидіківъ пасли; каліки на городї сидїли, горобцівъ, птаство полóшили, да все жъ-то те якоесь умїла пані приправляти дорїканнемъ та гордованнемъ, що справді здавалося усяке діло каторгою. Стобка наче вона була, все бачила, всюди якъ та йщїрка по хўтору звивалась, и Богъ її знає, що въ її такє було: тільки погляне, то наче за сєрце тебе рукою здавить.

А панї-сусїде нашу панію похваляють-величають: — Отто хазїйлива! отто розумна! Дарма, що молодєнька, — добре бъ намъ усімъ у неї вчїтсь!

Спершу люде на пана вповали, та незабаромъ зрєклїся надїї й думки. Вінъ бувъ добрий душею и милостивий панъ, та плохий зовсїмъ, — ні що зъ єго. Спїтувавсь вінъ жїнку вмовляти, та не така-то вона. Далї вже и наменїти на сю рїчъ боявся, — мовъ не бачить нічо́го, не чує. Не було въ єго ні дѣху, ні сїли. Сказано: добрий панъ, — *не бє, не лїє, та нічимъ и не дбає*. Якъ почне панї обмірати та стогнати, та въ крикъ викрикувати, то вінъ рѣки и нóги її вицїлує, и плаче, и самъ людєй лїє: — А щобъ васъ! а бодай васъ!... отъ умóрять мїні дрѣга!

— Не бѣде зъ єго нічо́го, — каже Назаръ. — Я одъ разу побачивъ, що кваць, — ще тоді, якъ вінъ Устїну обїдомъ нагодувавъ.... Якъ-би такѣ жїнку та мїні, — я бъ її у ковшню втрѣчивъ, — нехай би пїхкала!

Та й зарєгоче на всю хату. Такий ужє чоловікъ бувъ той Назаръ: усє єму жартї. Здаєтця, хочъ єго на огнї печї, вінъ жартуватимє.

А що Катря слїзъ вїлила, то дє вже тїї и слєзи бралїсь! Візьме своєю дитїну на рѣки та плаче-плаче! а далї й зарїдає у гóлосъ.

И Прокїпъ дѣже зажурился. Усє щось собі думає и зо мною вже не пожартує.

— Оцє жъ бо які ви смутні! — скажѣ єму одного разу: (се було ввєчєрї, прїсмеркомъ): — чо́го ви такі смутні?

А вївъ менє за рѣку, — пригорнѣвъ и поцїлувавъ. Заки я схамєнулася, єго вже й немає.

XXXII.

Усі люде повъяли, змарніли; тільки бабўся велична, якъ и була. Якъ ні лае, якъ ні кричїть на неї панї, — бабўся не лякаетця, не метушїтця: идє тихо, говорить спокійно, дївитця ясно своїми очїма ясними. И не счўсся було, якъ до неї пригўрнесся, та й заплачешъ, — отъ якъ дитїна до мäterи своєї рїдної гўрветця.

— Не плачь, мой дитїно, не плачь! — промўвить бабўся стїха, ласкаво. — Нехай недобри плачуть, а ти перетрївай усє, вїтерши бїдочку!... Хибá жъ такї й перетерпїти не мўжна?

Гўсподи! якъ же смўтно й сўмно жилўся! Не чўти смїху, не чўти гласу людського. У двірь душá живá не навідаетця, — хлбá за діломъ, — та такъ бўязько оглядуетця, такъ поспїшаєтця вже, нáче емў сь пўщи вїхонитись одъ звїря лўтого идєтця.

Спїзнїлась якомь вечєрявши, та й бїжў хутєнько. — И чомў хочъ Прўкїпъ не прищўвь вечєряти! — дўмаю. Коли вїпъ такъ и вродївсь передъ очїма моїми! Переймає менє и оббїгти не пускає.

— Устїно! скажи мнї правдоньку: чи ти менє любившъ?

Утїклá бь одъ ёго, такъ ноги менє не несўть. Стою; горю....

Вїнъ тодї менє за рўку!.. Обїймає, пригўртає, та все питає: чи любишь? — такїй чуднїй!...

Посїдáли, поговорїли, покохáлись, — усє лїхо забўлось. Весєла душá моя, и свїть мїні мїлий, и такє вь свїті гáрне все, такє красне!... Чогó вже, коли й панї постерегла: — цўо це тобї? — каже. — Чогó се такъ росчервонїлась, нáче хто вїбивъ? Чи, мўже, цўо вкрáла?!..

XXXIII.

Бўже мїй мїлий! якъ-то вже я тогó вєчора захистнўго, тємно-го, дожидáю!... Звелїть панї на вечєрю йти, — Прўкїпъ менє дождáє. Перєйме та постўїмо у-двїйзї, погорўємо оббїкко.... Бо денної порї хочъ и стрїнемось, — тїльки зглянемось, — словєчка не перемўвимо, розїйдемось.

— На лїхо ви покохáлись!—каже було Кáтры.

— Зъ біса розумна ти, мой люба! — кепкѹе зъ неі Назаръ. Колибъ теперъ ти въ-друге менѹ полюбіла, то бъ и лапки полизала-еси!

— Кохавне въ мене на умі!... Міні й вони двойко сѹрце сѹшять, якъ подѹмаю-погадаю....

— Чого се ви дівчину сѹшите та лякаете? — озвѣтця бабѹся. — Коли вже покохала, нехай кохае: то ій судьба така суділася.

XXXIV.

А пані, куди далі, то все зліслива, усѹ лютиша: абі я трѹхи спізнилась, забарілась: — де була? — та й стріне менѹ на панському порѹзі лиха годіна.

Перво тугѹю тужила я тяжко, а тамъ усѹ міні стало не въ дивовіжѹ, усѹяка ганьба байдѹже. Сказано: *Встань лихо, та й не ляжь!*... Було, поки лае, коревіть, — не сила мой — слѹзи ринуть, а наплачѹся добре, утрѹсь, — така собі веселѹенка, жартѹю, пустѹю!... И коса заплѹтена дрібнѹенко, и сорѹчка на міні біла, — вікому було й не хвалѹся. Щѹ міні помѹжуть? тільки своѹ лихо тяжкѹ згадають!... А Прокіпъ, наче нічъ тѹмна, хѹдить, и вже тоді ні до їда, ні пѹтва, ні до розмѹви.

Гѹсподи милий! своѹ лихо, чужѹ лихо, — не звать, щѹ й робіти, щѹ починати. У Кятрі дитінка занедѹжала: а тутъ обідъ панамъ зварі, вечерю зварі, та горѹдъ скопай, обсій, — та ще пані грімае: — Нічого не рѹбишь, лѹдащо! дѹрно хлѹбъ мій ісі! Ось я тебе навчѹ робіти!

Цілу нічъ Кятря не спить надъ дитіною. На день благословітця, — до робѹти. Бабѹся тоді пильнѹе малѹи, розважаѹ Кятрю; то дитінку до неі вінесе, то сама вийде та розкаже: — стїхла мала! — абѹ: спить мала! — И такѹенки, наче благодать Бѹжа, допомагаѹ, невтомліва, невспѹща.

— Чого се ви, Кятре, такъ надкаетесь, безъ спочінку? — кажѹ ій.

— Робітиму, робітиму, поки сила. (А ѹчі въ неі такъ и горѹть позападавши). Мѹже, вгожѹ, мѹже вмплосѹрджѹ!

Отъ же не вгодила й не вмплосѹрдила. Робіла й не спала, поки ажъ нечувствѹенний сонъ її обнявъ, коло коліски. Прокіне-

тця,—до дитини,—а дитинка вже на Божій дорозі. Тільки глянула на ёго бідолашна мати, тільки вхопіла ёго до сэрца,—вонó й переставилосьь.

Ї побивалася жь Кáтрыя. и мучилась. и радíла:

— Нехáй же моё дитя, моё кохáне-дорогё, бúde янголяткомъ Божимъ, — дíха не знáтиме моё рíднёсеньке! — А дáлі й заголосить: — А хто жь до мене рученята простáгне? хто мене звеселить у світі?... Дитино моя! покинула мене, моя дóнечно!

Назáръ — ніби й нічо́го, розважае свою Кáтрыю, молодímъ її вікомъ заспоко́юе, а въ само́го вже помякшавъ гучний гóлосъ,—пóтай усіхъ сумуе.

По тій печáлі зовсімъ захíрила, занепáла Кáтрыя. Не то, щобъ робíти, вже й по світу ходíть нездúжае. А пáні все-такі: — Чомý не рóбншь дíла? Я тобі те! я тобі дрúге!

— Тепёръ я вже не боюсь васъ! — одказáла Кáтрыя: — хоч менé живцёмъ вззі́йте тепёръ!

Далá жь їй себе знáти пáні!...

— Прокóпе! — кажú я: — щó оцé зъ нáми бúde!

— Устíвно-сёрце! звязáла есá мíні руки!..

XXXV.

Прогнáла пáні Кáтрыю зъ двора́ на пáнщину: не ввáжила й на її чоловіка-вiзні́ку.

Панъ, нiшкомъ одъ пáні, давъ їй карбóванця грóшей, та не взяла́ Кáтрыя; вінъ положíвъ їй на плечé, — скíнула, зъ себе náче жабу, ті грóші. Якъ упáвъ же тої карбóванецъ на му-рiгъ, — в залiгъ тамъ, ажъ счорнiвъ: нiхтó не доторкнúвся. Та вже самá пáні, похожáючи по двору, вздрiла и зняла́.

— Се пéвно ти грóші сiешъ? — ка́же на пáна. — Ой Бóже мiй, Бóже мiй!

Панъ на те нічо́го не одказáвъ, тільки счорвонiвъ дúже.

А Кáтрыя не схотiла на свiті жити. Щось їй приключiлось пiсля тої нарúги. Бiгала по гаяхъ, по болотáхъ, шукаючи своiї дитiни, а дáлі я́кось и втопи́лась бiдолашна.

Панъ дúже зажури́вся; а пáні: — Чо́го тобі смутiтись не-зна́ть чимъ? хибá жь ти не помітивъ по їй, що вона́ й здáвну

навіженна була? И́ б́чі якісь страшні, и загов́рять, то все не п́тне....

— И справ́ді, — вхоп́вся панъ за те сло́во: — не по́вно въ не́ї ума́ було!

Навіженна та й навіженна.... На́ що й краще! Пора́дились поміжъ собо́ю та́кеньки, та й спо́кійне́нькі собі....

XXXVI.

Згоди́ли яко́гось моска́ля зъ м́ста за кухова́ра. То жъ бо й бувъ чудни́й! Якъ зва́рять панамъ їсти, самъ пообідає, то ля́же на ла́ві, та все сви́ще та сви́ще, та сви́ще, та ра́птомъ якъ спи-воне́! — дзвінко-товене́нко, помісь півень кукура́кає. Се́му байду́же було́ на́ше ліхо; тільки́ було́ спита́є: — се́годні́ б́то? — та й дода́сть: — ина́чий и не мо́жна: на те сл́жба!

Наза́ръ уже́ не той ставъ, уже́ й ви́нъ я́кось пони́къ, а все жарту́є: — Ко́либъ ми́ні хочъ оди́нъ де́нь хто послужи́въ, до-віку́ бъ зга́дувавъ!

Па́ні то́го кухова́ра ду́же хва́лять, що та́кий, мовля́є, чолові́к ви́нъ хоро́ший, та́къ мене́ поважа́є! А ви́нъ було́ якъ стои́ть передъ па́нією, то мовъ стри́ла ви́стромитця, ру́ки спу́ститъ, б́чі вто-ро́пить на не́ї: — Лови́въ я рябе́ порося́; вти́кло рябе́ порося́ у бурзя́ни; то я до чо́рного порося́ти: влови́въ чо́рне порося́, ошпа́ривъ чо́рне порося́, спи́къ чо́рне порося́.... — Та́кеньки усе́ чи́сто одбубони́въ и дожди́ає, що́ па́ні ё́му одка́же; самъ тільки́ очы́ма лупъ-лупъ!...

А па́ні ё́му разъ-по-разъ: — До́бре! до́бре! усе́ до́бре!... Тільки́ ты гляди́ въ мене́, — не розледа́щій ми́жъ мо́їми вовкоду́хами.

— Ни́коли то́го не всмію́, ва́ше високобрагоро́дце!

Вкло́нитця і́й ни́зько, впра́во, вліво нога́ми човгъ! та и зъ ха́ти, та на ла́ву, — и зво́въ сви́ще.

— Бода́й ва́сть! — кажу́ ё́му я́кось: — коли́ вже ви переста́нете то́го сви́сту! Тутъ го́ре, тутъ наца́сть, му́ки живи́ї, а ви....

— Не горю́й, не горю́й, дівко! На те вона́ сл́жба назива́єтця. Онъ, бачъ, скільки́ въ мене́ зуби́въ зоста́лось... На сл́жби втеря́въ!... Бувъ у насъ копитанъ... ухъ!

Та́ тільки́ ўхну́въ.

— А ти щó думала? Якъ у світі жити? якъ служити? якъ ви-служитись? Тебѣ бьють, тебѣ рвуть, морочять тебѣ, порочять, а ти стій, не моргни!... Ш! крий Бóже!

Зговорівши тѣс, зновъ свистіти! А Прóкiпъ зъ сѣрця ажъ люльку óбъ землю гѣннувъ.

— Воли въ ярмі, та й ті ревуть, ато шобъ душá християнсь-ка всяку догáну, всяку кривду терпіла и не озвáлась! — гримнувъ на москаля, ажъ той свистати перестáвъ. Дивитця на ёго, якъ козѣль на нові ворóта. — Не така въ мене вдáча! — каже Прóкiпъ: — я тákъ: абó вірятьуєся, абó пропаді!

— А въ мене така зновъ удáча: утечі! — зареготáвъ Назáръ. — *Мандрівочка — рідна тiточка.*

— Піймають!—скрікнувъ москаль, схопившись: — піймають — пропáвъ!

Щó тамъ у ко́го було на сѣрці, а всі засміялись.

— Не ко́жний копитáнъ швидкій уда́стця, — каже Назáръ:— и́нший побіжить, та й спітквѣтця. А ти ось-щó лúчче скажи: куді втікати?... Одъ якої втікъ, такú й здібавъ. Изъ дрáнки та вберѣсся въ переперáнку....

»Та все пані, та все дúкв. ...«

заспівáвъ — якъ у дзвінъ ударивъ.

XXXVII.

У рікъ старá пані вмѣрла. Не хотілось дúже їй умірати! Усѣ молитви, святѣ писмó читáла, по церквáхъ молѣбні правіла; свічки передъ богáми негасимі палáли. Якось дівчпвка не до-пильнувала, та погáсла свічечка, — веліла дівчинку ту вісікти. — Ти, грішнице, и мо́ему спасѣнню шкóдишь!

XXXVIII.

Нáша пані журілась и пла́кала за старою дúже. — Вже те-пѣреньки самá я въ світі зостáлась! Обдеруть мене тепѣреньки, якъ тую ліпку! Моѣ óко всѣго не доглядить; а на тебе, — каже пáнові, — якá ми́ні надія? Ти ми́ні не придбаєшь, хіба розне-сѣшь и те, щó ма́емо. Ти й не дúмаєшь, що хúтко вже намъ Богъ

дитину дасть. Для дитини, коли не для мене, схаменійсь, мій друже! Хазинуй, доглядай усєго, а найперва річъ — не псуй міні людєй.

— Що це ти, любко? Богъ съ тобою! Оце зновъ усїмъ турбуєся! Та я все зроблю, що хочешъ, усє!

Такепки було вмовляє її.

Одного разу хотїв вінъ її розвājити, та й каже: — Годи тобі, голубко, клопотатись. Ось послухай лишєнь, що я тобі скажў: я вже кўма пригласївъ.

— Кого жъ ти просївъ? — перехопила єго пані.

— Свого товариша. Такий славний чоловікъ, добрий!

— Божє мій! я одразу догадалась!... запросївъ якєсь убожество! Та я не хочу сєго й чўти! Не бўде сєго! не бўде!

А самá у плачъ рєвний.

— Сєрденько, не плачъ! — благáє панъ: — сєрденько, занедужаєшъ!... Не бўде того кўма: я єго перепрошў, та й кивєць. Скажї тільки міні, кого ти хочешъ, того й завїтаю.

— Полковника трєба прохати, — отъ когó!

— Полковника, то й полковника. Завтра й поїду до єго. Ну, пзбáчъ міні, любонько, що я тебе засмутївъ!

— Отгó-то й єсть. що ти менє зовсїмъ не жалуєшъ: усє менє журишъ!

— Голубко моя!—промóвивъ панъ стїха.—пожалуй и ти менє. Ти знай сєрдисєя, кричишъ, свáрисєя; а я сподїваєся....

Та якъ заридáє!

Пані до єго: — Чогó се ти, чогó?

За рўки єго хоче брати; а вінъ затуливсь обомá, та ридáє-ридáє!... Лєдвї вже єго розговорїла: и цілувала вже, и обнімала, — насїлу стїшнєся.

— Та скажї жъ мівї, чогó се ти заплакавъ? ну, скажї!—прóспь єго.

— И самъ не знáю, моя любо, — одказує панъ, нїби всмихаючись: — такъ чогось.... Не здўжаю трóхи. Ти объ сємў не дўмай, а насмїєсь міні, що я, нáче малєнький, росплакавєся.

А самъ зїдхнўвъ.

— Ти, мóже, дўмаєшъ, що я вже тебе не люблю? — говорить пані.

— Нї, любишъ.

— Люблю, та ще якъ!... А вкўпці неможна разъ-у-разъ сидіти: треба господарювати, моє серце!

Та й поцілувала ёго.

Уранці поїхавъ панъ, и полковника завітавъ у кўми.

XXXIX.

Народився синъ у паніі. Що тихъ гостей наїхало на христївнї! Обідъ справили бўчий. Кумъ-полковникъ вкотївъ у двіръ сївими кївми, побрязкуючи, позвякуючи бубонцями. Самъ огрядний, круглобїдний, червоний, усє вуса закручує правїцею, а лївою шаблю прїдєржує, та плечїма все напинаєтця вгору.

Я рада, що мїні трошкп вільніше,—вїбїгла до Прокїона,—стою, розмовляю зъ нимъ коло рундука. Коли де ип взявся панъ, — весєлий такий, якъ ще бувъ за свого женїхання съ панїєю.

— Чогó се ви тутъ стоїте обóйко? Щó розмовляете? — смїєтця.

А Прокїпъ ёму: — Пане, оддайте за мене дївчїну!

— Дóбре, берїи, Прокїоне! я не бороню. Повїнчаїтєсь, та й жпвїть собі любєнько.

— А панї? — каже Прокїпъ.

Панъ зїдхнўвъ и задумався, а далї й каже: — Идїть за мнóю! Вїзьмї її за рўку, Прокїоне!

Самъ пїшовъ у кїмнати, а Прокїпъ ведє мене за нимъ, стїскаючи мою рўку.

— Любо! — сказавъ панъ: — я оцє до тебе молодїхъ привїв. Чи вподобашъ?

А тутъ у кїмнати панївъ, панїй!... И полковникъ помїжъ усїма, неїначе той пидикъ Переяславський, похожає, та все по-трóху пїрхає.

Пана сидїть у крїсlecky. Зпрнўла на насъ и одвернўлась. Усмїхъ весєлий протїгъ, гнївно на пана згляне й питає: — щó се такє?

Прокїпъ кланлетця, прóсить.

— Я вже позволївъ, — каже панъ: — не боровї й ти, моя кохана Давъ намъ Господь щастя, — нехаїи и вони щаслїви бўдуть!

Пані все мовчить та уста грізє. А полкóвникъ и вѣрветця ѣ загудє, якъ на трубі: — До-пáри, бiсови дiтв. до-пáри! оббє хорóшi! Трєба їхъ звiнчáти, кúмо моя мiла. — Хóчешъ зáмижъ, дiвко? — питає менє, та що хóче моргнути, то ѣ очi заплюццять: не моргнє; вже не сiла — вiпивъ пóвно.

Усi панi за нимъ пiдхонiли: — Одружитъ їхъ, одружитъ! Чýте: кумъ вашъ, полкóвникъ, говорить, що до пáри...

Тодi вже ѣ панi: — Та нехай собi!

Мп ѣ несчúлся, якъ за поригъ переступили. Кiнулись дýхомъ и, не справивши ничогiсiнько, пóхапцемъ звiнчáлися, щобъ ще не розлучила насъ панi.

Дúже вона гнiвалася на пána: — якъ ти менє пiдвiвъ! — дорiкає. — Я сєгó не можú тобi подарувáти, якъ ти менє пiдвiвъ!

— А тобi, — свáртця на мєно: — тобi бúде!

— Нехай ужє бúде, щó бúде, — дúмаю, — та вже ми побрáлися! Вєлпко тiшить менє, що тепєрь озвáтисъ до єго мóжна при людяхъ, глянути на єго, що вже — мiй!

XL.

Я зостáлась при панi, якъ и була! Ще гiршъ надо мнóю коверзує вона, ще гiршъ вáрить зъ мєне вóду, та все примовляє: — А щó? яковó тобi у замúжжi? покращало?

Якъ не заговорить чоловiкъ, якъ не пожалує, то часомъ такъ прiйде, що примигъ би крiзь зємлю пiшовъ. А зiйдúся зъ нимъ, — вєсело ѣ любо; усє лихо забúду. Тiльки чоловiкъ мiй, куди дáли, то все хмурнiший хóдить, ажъ минi сєрце болiть.

— Чи ти вже менє не любишъ, Прокóпе?

Вiнь пригóрне менє та подiвитця въ вiчi такъ-то любо, що чúю, náче въ мєне крiла виростáють.

— А чогó жъ усє смутнiй, Прокóпе?... Отъ ми вже тепєреньки вкúпци на-вiки.

— О, моє сєрденько! тiжко булó безъ тєбе, а сь тобóю ще тiжче... Яковó-то сподiвáтисъ що-годiнки въ Бóга—догáни тобi та мúки!.. А боронiти — не сiла... Вáжко, Усте!

— Якъ-небудь и зо мною бідү перебудемо, Прокóпе. Якъ на мене, то все удвівізі легшъ.

— А може, й справді такъ, рибонько!

Та й усміхнѣтця, и пожаљуе мене.

Такъ-то вже я радію, якъ розговорю ёго, розважу!

XLI.

Жили ми такеньки зъ бідюю та зъ журбою до осени. Тутъ и счинилось...

Одиого дня трусили въ садү яблука въ коші, а чоловікъ мій сгрушуе, та все зъ яблуні на мене поглядас то зза тві гілки, то зза тві. Трохи вже й притомілась бабуся, — сіла одпочіти.

— Отъ ужé й літечко krásне минүлося! — промовила:— сонечко ще світить, та вже не гріе.

Сее кажучи, роздивляетця навкругі.

— Устіно-голубко! адже отó неначе дівора зза ліси визирае? — питае мене.

Я глянү — ажъ справді коло тіню кўпка дітокъ.

— А цо́, дітки? — питае бабуся. — Чогó прийшли, мої соколята?

Малі мовчать та тільки о́комъ закидають у коші зъ яблуками.

— Ходіть лишень ближче, хлопчєята: я по яблучку вамъ дамъ! — каже на їхъ бабуся.

Дівора такъ и спинула въ садъ. Обстуніли старү, якъ горобці горобіну, а старá обділя їхъ — а старá обділя... Загуготило, загомонило коло насъ: звісно, діти. Коли се, зненáцька, якъ грімне пáні: — А то цо́?

Перелякáлись діти. Котóрі въ плачь, а хто въ но́ги, — тільки залонотило. И въ мене сёрце заколотілось.

Бабуся спокійнєнько одповіщае: — Се, каже, я по яблучку діткамъ далá.

— Ти далá? ти сміла? — заверещіть пáні: (самá ажъ трүситця). — Ти, мужічко, моє добро крадешъ!... Злодійко!

— Я—злодійка!?—вимовила старá... зблідла, якъ хўстка, и очі їй зассяли, и слєзи покотілись.

— Більш красти не будеш! — кричить пані. — Я тебе давненько пристерегаю, — ажь отъ-колі піймалась... Панські яблука роздавати!

— Не крапа я зъ рóду-віку мого, пані, — одмовляє старá вже спокійно, тільки гóлосъ її дзвинить. — Панъ ніколи не боронивъ, самъ дітєй обділяв. Богъ для всіхъ рóдить. Подвітця, чи для вáшої жъ душі мáло?

— Мовчи! — піснула пані, наскáкуючи.

Хрúснули віти. Зза зелéного лiста визпрає мій чоловікъ, та такий у ёго поглядъ страшний! Я тільки очима ёго благаю.

— Злódийка! злódийка! — картає пані бабúсю, вкогтiвшись її у плечé, и совáє старú, и штовхає.

— Не по-правди менé обмовляете! Я не злódийка, пані! Я вікъ извікувала чéсно, пані!

— Ти ще зо мною заходишь?

Та зо всёго маху, якъ сокiрою, старú по облiччю!

Захитáлась старá; я кiнулась до неi; пані — до мене... мій чоловікъ — до паніi.

— Спасибi, моя дитино, — промовляє до мене бабúся. Не турбуйся, не гнiви паніi.

А пані вже вчепiлась у моi коси.

— Гóди, пані, гóди!—грiмнувъ чоловікъ, схопивши її за обiдвi рúки. — Сёго вже не бóде! гóди!

А пані у гнiвú, у дiвi великому, тільки викрикує: — щó? якъ? га?

Схаменúвшись трóхи, до Прокóпа. А той своé: — Нi, гóди!

Тодi вона у крикъ. Назбiгалися люде, дiвлятця. Панъ, що було въ ёго дúху, пригнався: — Щó се?

Мій чоловікъ випустивъ тодi панiю зъ рукъ.

— Отъ твоi щiрнi душi! — лéдвi промóвила пані. — Дякую тобі!... Та чо́го жъ ти мовчишь? — скрикнула ще голоснiшь. Мiнi мáло рукъ не вложили, а ти мовчишь!

— Щó се поробiлось? нитає панъ на всi стóрони, у великiй трéвóзи.

Панi й почала: и обiкрапа її старá, и всi хотiли її душi, — тако́го вже наковчпала! Самá и хлипає, и кричить, и кленé, що вже и панъ розлютувався. Якъ кiнетця до мого чоловіка:—Розбишака!

— Не підходте, пане, не підходте! — озвався мій повуро.

— Э, бачу! каже панъ: — тобі тутъ місця мало. Постой же: розшибатимесся у москаляхъ — скільки хотя!

Пані ажъ верещить: — у москалі ёго, у москалі!... Тепоръ и прїємъ у городі; заразъ п вези ёго!

— Візьміть ёго! крикне панъ на людѣй:—звляжить ёму рўки!

Прокіпъ не пручався, самъ рўки простягъ, ще й всміхнўвся.

А Назаръ идъ той гукъ до мене: — чого злякалась? чого плачешъ? гірше не буде!.. Отъ, чи буде краще, — не звяю?...

XLII.

Повелі Прокіпа въ хату. Сторожа стоить коло дверей. На дворі візокъ запрягають. Назаръ запрягає коні підъ пана.

Довго думавъ мій чоловікъ; далі каже:— Устїно! сядь коло мене! — — —

— Що ти починивъ, мій голубе! що ти сподїявъ! говорю ёму.

— А що я сподїявъ? Будешъ вільна, —отъ що! будешъ вільна. Устїно!

— Воль. — кажў, — та безъ тебе!

Такъ міні гірко стало!

— Воль! — покрикне вінъ, — воль!... Та на волі я ліхо, и напастъ — ніщо не страшнє. На волі я гори потоплю! А крепакў хогъ якъ щастїтця, усє добрє на ліхо стане.

Ажъ ось, заторохтівъ на дворі візокъ. Повелі Прокіпа. Я, въ чімъ була, схонїлась до ёго на візокъ. Старá менє благословляє и ёго: — нехай вамъ Мати Божка допомагає, діти! — А слєзи тїхї такъ и бїжїть зъ очей ласкавихъ.

Помчали насъ. Якъ-то ще пані не схаменўлась про мене, наставляючи на дорєгу пана: не пустила бъ!

Ідемъ мовчки, побравшисъ за рўки. Я не плачу, не журюся: тільки сєрце моє колотїтця. сєрце моє трепєчетця....

Підїжджáємо до міста. Панъ закурївъ коло насъ и вїпередївъ. Вїхали въ місто. Хўтко проторохтіли ўлицями. Коло впсєкого будїнку стали.

Випустивъ Прокіпъ мою рѹку: — Усте, не журіся.

Повелі ёго до приёму Я на рундуці сіла, якъ на гробовиці.

— Не давайсь у тѹгу, — каже Назаръ. — Бісь бідѹ перебуде: одна минé — дéсьть буде.

А самъ почавъ ужé сівимъ во́лосомъ, якъ сніжкóмъ, присипатись: розважає менé, а самого, відно вже, що ніхто не розважить.

Коли виводять мого чоловіка... Бóже мій, світе мій! Сéрце въ мене замéрло; а вінъ весéлий, якъ на Великъ-день....

XLIII.

Зосталась я зъ чоловікомъ у місті. Перебігла годіна тая швидко, якъ святá йскра спажну́ла, та до-віку не забуду!

Заразъ мого чоловіка приручили дядькові, моска́леві істнѣму, вича́тись ви́йськово́ї нау́ки. Дядько бувъ ста́номъ висóкий, о́чі чорні; во́лосся п вусь, якъ щоті́на, пужа́тця; хóдить пря́мо; го-во́рять гучно; пово́дитця го́рдо.

Отъ ми ёму́ кла́няёмось, а вінъ вічо́го; тільки пону́ро оглядає Прокóпа. Даé ёму́ Прокіпъ грóші: — виба́чайте, дядьку, що ма́ло: крeпакъ не бага́цько розгорі́е.

Дядько кашля́нѹвъ, плю́вѹвъ: — ході́мъ!

— Ході́мъ на місто, дру́жино моя́, погуля́ймо! — ка́же міні Прокі́пъ.

Та й пішла́.

Хóдимо ў́лицями и заў́лками, гуля́емо собі; а вінъ пита́е: — А щó, Устїно, чп ти чу́єся, що вже ти вільна душа́?

Та й сміётця, загляда́ючи міні въ ві́чі.

Хочъ якъ бу́ло міні невпо́кійно, хочъ якъ тужі́ло моé сéрденько, а й я всміхну́лась п ніби чо́гось раді́ла.

Набри́ла я й ха́тку такú, що найма́лась, а грóшей нема́. Та й добу́ти звідки? Прода́ти нічо́го. Я поі́хала, — нічо́го не взяла́. Та й не великі́ скáрби бу́ли тамъ у мене: кі́льки сорочо́къ та снід-ни́ць дві, та ще тамъ яка́сь ю́почка та ко́жуща́ночка. Не до то́го міні бу́ло тоді́, щобъ те за́бирати; а по́слі вже па́нї не оддала́. Отъ я й наду́мала собі: — Піду́ я поде́нно робі́ти! — Пора́ди-

лись изъ Прокѣномъ, та й вдались до хазяйки, що хату наймала. Своє лихо оповістили,—питаємо:—чи буде її рада на те, щобъ ми поденно за хату їй силачували?

— Добре, — каже. — Будуть гроші — оддаватимете поденно; а не будуть, то я й подожду вамъ.

Ми й перебрались до неї въ хату.

XLIV.

Хазяйка наша була удовиця старенька, привітна й ласкава, а що говірка! Росказує та й росказує, та все про своє лихо, що весь рідъ їхъ звівся, що сама вона въ світі зосталась, якъ блина въ полі. Зідхає разъ-у-разъ, частенько було й сплакнє. Та й за нами чимало вона слізъ виляла: якъ було сидимѡ съ чоловікомъ укѹпці та говоримо, вона й почне плакати та примовляти, що—ось ми молоденькі, ось ми и хорощі—ні врѡку: жити бъ та жити, та людей собѡю веселити... Прикладає та й плаче. Ми вже її вмовляємо! Хибá тоді ущухне, якъ надійде дядько, та гримне на неї: — зивѡв баба кисне!

А вона ёго боялась дѹже, що такий вінъ: ані до ёгозаговорити, ані ёго спитати.

— Що се за чоловікъ у світі! — каже було старá: — який же вінъ грізний та неласкавий — вехай Богъ боронить! Чи вінъ ніколи рѡду не мавъ, чи що такєс? Богъ ёго знає!

Рáно-ранієнько схоплює; біжу на поденщину. Повертаюся пізно. Въ руці въ мене зарѡблені гроші. Весело поспішаюєь до дому.

Ще на дорѡзі стріне менє чоловікъ; любо та міцно стисне за рѹку и питає тихенько: — Чи добре натомілась, Усто?

XLV.

Отъ якось сидимѡ ввечері: москаль на лаві зъ лѡлькою, хазяйка коло вікѡнця, а ми съ Прокѣномъ оддалікъ. Сидимѡ мѡвчки всі; коли у двѡрі хтось стукъ-стукъ; а далі: — здорові були! — гукнуло щось за дверіма.

Се жъ Назаръ!

Увійшовъ п стоить передъ нами, стѣлю підпріаючи: люлька въ зубáхъ; п свізна, ти бъ казавъ, у густі кучери поховáлась.

— Хазяйці п всімъ нехáй Богъ помагáе!

— Спасібі! мѣлости вáшої прóсимо! — вітае ёго старá.

— Звіткп се ти звáвся, Назáре? — питае Прокіпъ. — Отъ пáче зъ землі вѣйшовъ!

— Я звітти, — кáже, — звітки дóбри люде мандрівки вглядáють.

Дядько поворушивсь — поглядáе на двѣрі.

— А чо́го се крутисся, пáне москалю? Одніі віри, — не цура́йся!

Дядько все дівитця на вікуа, на двѣрі.

— Оввá, якій же баскій! Чи не вітра въ полі хочешъ пѣмáтп?... Да ти й самъ, бачу, степовікъ... Отъ же й не прóбуєй, — не пѣмáешъ. А лúчче дай мѣні люльки заналити... Якъже вамъ ведѣтця тутъ? — питае насъ. По чо́му въ мѣсті молодіці моторні та гáрні? — (моргáе на мѣне).

— А въ васъ тамъ якъ? — питаю въ ёго.

— Якъ?! на вѣбірѣ даіотъ, на людськúю волю: хочъ утопѣсь, хочъ такъ загіннь.

— Охъ мнѣ лішечко! годіно моя! — (зажурилась хозяйка).

Дядько тѣльки вúса покрути́увъ.

— А старá? — питаю.

— Живѣ. Старá все перетѣрпить. Клáняетця вамъ.

Питаю за себе, щó тамъ пáні казáла.

— Эгѣ! було за васъ обóхъ пáнові на горішки. — Черезъ твѣй, кáже, рóспускъ двохъ робітниківъ утерáли! Хто жъ дурнемъ zostáвся? — Се все пáні; а я скажу: дурень не дурень, а сто́ячи передъ нею, на розумного й трóшки не похóдивъ.

Хазяйка тимъ часомъ вечѣратп прóсить. А Назаръ достáвъ изъ-за пáзухи пляшку горілки п поставивъ на столі.

— Вѣпъемо, — кáже, — по пóвній, бо нашъ вікъ не довгий!... Бува́йте здорові, въ ко́го чóрні брóви!

А дядько: — Щó се, — кáже, — за горілка? лúчче воді напѣтисъ, якъ такóі горілки!

— Ко́лі хто схóче, то напѣтця й воді, — озвáвсь Назаръ.

— Горілочка, здається, добра, — каже хазяйка.

— Бодай тому шинкареві такé життjá дóбре! — одгрімнўсь дядько.

А про те вїпивъ ищé, ищé й ищé. Вїпъе и сплюне, налáе и зновъ вїпъе.

Старá дивўетця та головою хитае, а далі вже не стéршила: — Щó жъ ви такъ иі гўдите?

— Не твоé дїло, бабо! — гукнўвъ дядько: — для приятелїв пъемó всяку.

— Та на здорóвьячко жъ!

— Знайте нашу москóвську дóбрість! додавъ Назáръ.

Вечéраемо, говоримо; а дядько пъе та й пъе, та й пъе. Зблїдъ на лиці и на стїлъ схилївся. Дївитця на насъ ись чоловикомъ, та й каже: — Ой! ви, молодята, молодята! не дóвго жїтпmete вкўицї... Та годї, не журїтця!... Пожилї, пороскошувáли — и бўде зъ васъ. Бува й такé, що зъ сповитóчку лáски — добрá не знáешъ, — вїкъ звїкўешъ пїдъ пáлкою. .. Отгáкъ живї!... Безъ рóду, безъ плїмътя, безъ привїту, безъ совїту, — на всїхъ ро-скóшахъ!

А старá тоді до ёго: — А дé жъ вашъ рїдъ, дядечку? звїтки ви самї?

— Сь каптанїстїв! — одказáвъ похмўрно москáль, — сь тихъ, коли чўли, що насъ у халéру помénшало. Рóду нема, не знавъ и не знаю.

— А матўся вáша?

— Казáвъ: не знаю!... чогó дўрно росшїтувати?

— Отгáкешки и я тепérъ безрїдня! — каже хазяйка, хлїпаючи.

— Ищé й вона мїжъ люде! — гукнўвъ москáль. — Щó твоé лїхо!... плїонуть! Оиъ лїхо, то лїхо: що нїкого тобї згадáти, нїхтó й тебе не згадае; нїкуди нїтї, и пїгде зостáтись. Усї тобї чужї, и все, усé чужé: и хáта, и люде, и одéжа... *Степовїкъ!* мовлївъ (до Назáра)... Такъ, брáте! менé зъ стенивъ узїто... Ну, и слáвнї, мáбутъ, тїи степї булї!... Дай, бабо, горїлки! вїпъемо до дна, бо на днї молодїї днї!

А вь самóго слéзп кóтятця-кóтятця. И смїетця вїнъ рáзомъ, и горїлку пъе. Далі вже якъ упáвъ на лáву, такъ и заснўвъ.

— Ну, по сій же мові та будьмо здорові! — каже Назарь. — Прощай, Проконе-брате!... Та ось, тріхи не забудь. Привісь я тобі грошенятъ крихту: пять карбованцівъ. Поживай здоровъ!

— Спасибі, брате! Не знаю, коли вже я приможусь тобі вернути.

— Гай, га! аби живі були! Се не панські рощі, — братерські: — ними не зажурися. Я собі зароблю: теперъ я вільний хочь на півъ-року; зъ собаками не піймають.

Та й пішовъ попрощавшись. Тільки ёго й бачили.

XLVI.

Господи милій! якé жь то життя тоді наше було! Хочь и зъ бідюю, хочь и зъ ліхомъ, а такé жь то любе, такé благодатне! Легко відхнути, весело глянути й думати: щó зароблю, то все на себе; щó й посижу и поговорю. — нікого не боюся; робити му чи ні, — ніхто менé не присилує, ніхто не займе. Чуюся на душі й на тілі, щó й я живу.

Коли такъ, на весні, чутка: москалі виходять у похóдъ!

— Не правда сему! — вмовляю себе; а сэрце моé одъ разу почуло, щó правда. А тутъ и наказъ: у похóдъ, у похóдъ ладитись!

Прокіпъ менé разважає, доводить міні, щó се ліхо дочасне, щó повернусь, каже, — будемо вільні.

— Такъ, такъ! — кажу, — такъ, мій голубе!

А сэрце моé болять, слёзи ринуть.

Вже й день похóду намічений. Пішли ми въ хутирь попрощатись. Панівъ не було дома; тільки бабуся самá на господарстві. Бабусечко жь моя люба! я її здалеку на вдвірьі пізнала, а пізнавши заплакала. Душею живою вона тільки жива була. Прибіжу до неї, обіймаю, якъ матіръ рідну.

— Чогó ти плачешъ, моя голубко? щтає менé стіла.

— Оцé ви тутъ застаєтэсь, у сему пеклі!

— Та вже жь тутъ. иташко. Тутъ я родилась, тутъ я христилась, тутъ сиротіла.... тутъ и вму, моя дитино.

— Та до смэрти терпівмете?

— И терпѣтиму, пташко.

Поблагословила вона насъ, якъ дѣтей ріднихъ, обділила, чимъ мала. Попрощалася ми, пішли... Та й не разъ, не два обертались, дивились. На порозі стоить бабуса: навкруги тиша; скрізь ясно: съ поля вітерець віє; зъ гаївъ холодокъ дїше; десь-то вода гучить; а високо надъ усімъ грає-сине вишне проміняєте сонечко.

XLVII.

Провела я чоловіка ажъ до Кїива. У Кїиві служити зосталась, а вінъ зъ військомъ кудись далєко на Литву пішовъ.

— Не суши себе слїзми, сєрденько! — приказувавъ. — Я вернусь... сподіваюся. Сподівайся й ти. Дождай мене!

Дождаю.... Що яка та служба довга! Ужє сїмъ годъ, якъ вінъ пішовъ. Чи то жъ побачу коли?... У своїмъ селі не була. Перечула черезъ люде, що всі живі. Ведѣтця такъ, якъ и першъ велось. Бабуса живє, терпїть, а про Назара нема й чутки. Служу, наймаюся, заробляю. Що наша копїтка? кровтю обкипіла! та йнколи й міні такъ лєгко, такъ-то вже вєсело стане, якъ подумаю, що абї схотїла, — заразъ и покїнути ту службу вільно. Подумаю такеньки — и року добуду. Якось розважить мене, підможе мене та думка, що вільно міні, що не звязані рўки мої. — Се лихо дочасне, не вишне! — думую.

То якъ же міні свого чоловіка забути хочъ на хвиїнку! Вінъ мене съ пєкла, съ кормїги визволивъ!... Та мене й Богъ забуде! Вінъ чоловікъ мій, и добродїй мій. Поздоровъ єго Матя Божя: — я вільна! И хожу, и говорю, и дивлюсь, — байдуже міні, що й є ті панї у світі!

Марко Вовчокъ.

ГОРЮВАННЯ.

Чи довго ще буду я на світі спати,
 Коли все прочувлось? Відно, мене мати
 Въ недобрю годину на світъ породила,
 У новій колісці спати положила:..
 —»Спип, моє маленъке, спи, мой дитино!
 Засни, моє любе, — и я одпочину!
 Такъ мати словами стиъа промовляла, —
 И дитя заснуло .. та й досі не встало....

Ой округі новимъ духомъ
 Усе закипіло:
 Устає громада наша
 На велике діло,
 Ой устає, готуетця,
 Силу набирає;
 Рідна Мати синівъ кліче,
 Голосно гукáє:
 —»Годі спати! підіймайтесь
 За громадське діло:
 Кліче правда васъ святáя...
 Становітця сміло.«
 И устають рідні діти,
 Якъ ті соколята —
 —»Йдемо діло одбувати: —
 Привітáй насъ, Мати!«

А я ще и досі сплю, очі закрівши,
 Та ажъ плачу часомъ, голоу схиливши;
 Ой ставъ би на діло, на чесну роботу,
 Та воли не маю розігнать дрімоту.
 Що міні робіти?—молодая сила
 Марне пропадає; душа заніміла;
 Загубивъ я віру, загубивъ надію, —
 Молівся бъ я Бѣгу — молитесь не вмію!

Булó врэмя (не вертайся,
 Лихая годино!) —
 Тихо, мовчки, бідувала
 Мати Україна;
 И родивсь прѣрокъ въ народі.
 И ставъ передъ нами,
 Заговоривъ правдивимъ
 Слізами-словами,
 И розкривъ вінъ народни
 Давні домовини,
 И розбудивъ широкі
 Степи України,
 И народу віщувавъ вінъ
 Вічну славу, долю,
 И благавъ насъ становитьця
 За правду, за волю —

И народъ на слово велике озвався...
 Тільки я, нікчёмний, не вставъ, не піднявся!

— — —
 Чомъ не маю сили, чомъ не маю воли
 Глянути у вічі безталанній долі?
 Чого душа німа якъ тая могіла?...
 Дайте жъ міні, дайте орловні крила!
 Розмахнѣвъ би їми, розмахнѣвъ ширѣко,
 У небо блакітне злінувъ би висѣко,

Прокінулись силъ бѣ мої молодїї, —
И заговорилъ бѣ струны вищовїї,
И слово правдїве сказавъ бѣ громаді...
А теперъ — нужуся, — немає порадї!
Гїне мої сила, серце зампрає...
Голосно спївавъ би — голосу немає!

Черніговецъ Миколáйчикъ Блокопїтїй.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Писать біографію нашего поэта—еще рано; но собирать и печатать матеріалы для нея теперь—прямая обязанность. Шевченко прожил свою жизнь так своеобразно, что трудовъ въ подборкѣ этихъ матеріаловъ предстоить не мало: письменныхъ документовъ о его жизни, сколько мы знаемъ, почти не осталось, за исключеніемъ немногихъ писемъ и извѣстнаго «дневника», гдѣ мы находимъ свѣдѣнія только о позднѣйшей порѣ жизни поэта. Біографу его прійдется руководствоваться большею частію *преданіями*, собиравіемъ которыхъ нужно заняться теперь же, пока еще живы люди, могущіе сообщить ихъ.

Жизнь Шевченка представляетъ собою пять рѣзкихъ эпохъ, безъ всякой послѣдовательной связи межъ собою, и для каждой изъ нихъ приходится собирать матеріалы у разныхъ лицъ: поэтому, собраніе ихъ едва ли можетъ быть сдѣлано однимъ лицомъ; дружное содѣйствіе дѣлу этому всѣхъ, кому дорога память поэта, необходимо, и только въ такомъ случаѣ можно надѣяться на удовлетворительный результатъ. — Мы обозначаемъ здѣсь эти эпохи, съ нѣкоторыми поясненіями, могущими послужить указаніемъ для собирающихъ свѣдѣнія о жизни Шевченка:

I. 1814—1828. Дѣтство Шевченка, т. е. жизнь поэта на родинѣ, въ его семейномъ кругу.

II. 1828—1838. Жизнь Шевченка урѣ его помѣщикѣ, переѣзды съ нимъ по западной Россіи и пребываніе у маляра Шпряева. — Объ этой эпохѣ изъ жизни поэта мы менѣе всего имѣемъ свѣдѣній; между тѣмъ она едва ли не важнѣйшая изъ всѣхъ въ томъ отношеніи, что въ это время совершалось развитіе творческаго таланта нашего Кобзаря. Главнымъ

источникомъ для описанія этой эпохи послужать рассказы Ив. Макс. Сошенка, друга покойнаго поэта, которые мы надѣемся вскорѣ сообщить. Но рассказовъ этихъ слишкомъ недостаточно, и нельзя не пожелать, чтобы тѣ лица, которые имѣютъ возможность уяснить это время изъ жизни Шевченка, особенно позаботились объ этомъ. Особенно драгоценны были бы первыя его поэтическія произведенія, о которыхъ до сихъ поръ мы имѣемъ только темныя свѣдѣнія.

III. 1838—1847. Свободная жизнь Шевченка; пребываніе его въ Петербургѣ, созданіе *Катерины*, *Гайдамакъ* и *Наймички* и разъѣзды по Малороссіи. Источниками для этой эпохи могутъ послужить рассказы петербургскихъ его знакомыхъ и письма его къ землякамъ. О собраніи и напечатаніи послѣднихъ особенно бы пужно позаботиться.

IV. 1847—1857. Жизнь Шевченка въ ссылкѣ; пребываніе его въ Оренбургѣ и Орской крѣпости, плаваніе по Аральскому морю и, наконецъ, жизнь въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Объ этомъ печальною въ жизни поэта времени многое могли бы сообщить его оренбургскіе знакомые. Жизнь въ Новопетровскомъ укрѣпленіи намъ извѣстна изъ его «дневника».

V. 1857—1861. Освобожденіе Шевченка; пребываніе его въ Нижнемъ Новгородѣ, пріѣздъ въ Петербургъ; поѣздка на родину въ 1859 г., возвращеніе въ Петербургъ; смерть.

Вотъ указанія, по которымъ слѣдуетъ подбирать матеріалы для полнаго описанія жизни Шевченка. Повторяемъ, что подборъ ихъ лежитъ на прямой нашей обязанности, и откладывать его въ долгій ящикъ никакъ не слѣдуетъ, чтобы имѣть возможность воспользоваться рассказами людей, знавшихъ поэта, пока ихъ воспоминанія не утратили еще свѣжести недавнопрошедшихъ событій.

Для начала, мы представляемъ здѣсь очеркъ первой эпохи, для котораго мы пользовались запискою о дѣтствѣ поэта, сообщенною намъ Варв. Гр. Шевченкомъ, воспоминаніями Ив. Макс. Сошенка и, преимущественно, рассказами сестры поэта, Ирины Григорьевны.

Какъ настоящій очеркъ, такъ и послѣдующіе, которые мы имѣемъ намѣреніе представить здѣсь же, предлагаются преимущественно съ цѣлю—вызвать поправки и дополненія, съ помощью которыхъ можно бы было впоследствии приступить къ составленію возможно-полной и вполнѣ-достоверной біографіи славнаго нашего поэта.

I. ДѢТСТВО ШЕВЧЕНКА (1814—1828).

..... Якъ побачу
 Малого хлопчика въ селі,—
 Мовъ одірвалося отъ гиллі.
 Одно-однісіньке, підъ тіномъ,
 Сидить собі, въ старій радяні,—
 Міні здається, що се я,
 Що не жъ та молодість моя....

Т. Шевченко.

Дѣдъ Шевченка (со стороны отца), по ремеслу, былъ *швецъ*; отсюда произошла и фамилия его. Родители его были крѣпостные крестьяне помѣщика Энгельгардта; отецъ родомъ изъ с. Керелівки, а мать — изъ с. Моринцовъ (оба села Звенигородскаго уѣзда.)

Женившись, отецъ Т. Гр., по распоряженію помѣщика, переселялся на короткое время (года на полтора) изъ Керелівки въ Моринцы. Во время этого переселенія и родился нашъ поэтъ, въ 1814 г., 23 февраля. Такимъ образомъ; родиною Шевченка было с. Моринцы, а не Керелівка, какъ думали до сихъ поръ (*). Но выросъ и сталъ помнить себя онъ уже въ Керелівкѣ, почему и всѣ дѣтскія воспоминанія его связаны съ этимъ селомъ.

Первые годы дѣтства Т. Гр. прошли незамѣтно. Въ семьѣ его сохранилось преданіе, что Шевченко въ раннемъ своемъ дѣтствѣ любилъ очень вѣсть землю: бывало, не досмотрятъ за нимъ — животикъ у Тараса и вздуеть, точно въ болѣзни какой; распросятъ и окажется, что онъ землю объѣлся.

О раннемъ своемъ дѣтствѣ поэтъ вспоминаетъ въ одномъ изъ *велико-русскихъ* рассказовъ, («Княгиня»), писанныхъ имъ въ ссылкѣ. Приводимъ это мѣсто здѣсь.

.... »Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣшею соломешною крышею и чернымъ *дымаремъ*; а около хаты, на *причліку*, яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони — цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры, моей терѣзливой, моей вѣжливой няньки.

(*) Т. Гр. всегда считалъ своею родиною с. Керелівку, что можно видѣть и изъ «письма» его къ редактору «Народнаго Чтенія»; но всѣ родные Т. Гр. положительно утверждаютъ, что онъ родился въ с. Моринцахъ.

А у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба, съ засохшею верхушкою; а за вербою стоитъ клуныя, окруженная стогами жита и разнаго всякаго хлѣба; а за клунею, по косогору, поилеть уже садъ, а за садомъ—*ливада*; а за ливадою—долина, а въ долину тихій, едва журчащій, ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темнозелеными, лопухами. А въ этомъ ручейкѣ, подъ нависшими лопухами, купается кубическій, бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись, перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первую грушею или яблонею, и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору, смотреть, смотреть и спрашиваетъ у себя: — а что же тамъ за горю? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо. А что, если бы пойти да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? — Пойду да посмотрю! вѣдь это недалеко.—Всталъ и не задумавшись, пошелъ онъ черезъ долину и ливаду, прямо на гору. И вотъ выходитъ онъ за село; прошелъ царину, прошелъ съ полверсты поле; на полѣ стоитъ высокий, черная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобы съ нея посмотреть—далеко ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ и смотритъ во все стороны: и по одну сторону—село, и по другую сторону—села, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая; тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Задумался мальчуганъ; нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ; а завтра, вмѣстѣ съ Катрею, —она до *череды* коровъ погонитъ, а я пойду къ желѣзнымъ столбамъ; а сегодня *одурю* Микиту: скажу, что я видѣлъ желѣзные столбы, тѣ, что подпираютъ небо. — И скатившись кубаремъ съ могилы, онъ всталъ на ноги и пошелъ, не оглядываясь, въ чужое село; къ его счастью, встрѣтились ему чумаки и, остановивши, спросили: а куди мандруешь, парубче?—До-дому!—А дежь твоя дома, небораче?—Въ Керелівці!—Такъ чо-гожь ти идешъ у Моринці!—Я не въ Моринці, а въ Керелівку йду. — А коли въ Керелівку, такъ сѣдай на мою *мажу*, товаришу, мы тебе доведемо до-дому. посадили его на *скрилку*, что бываетъ въ передкѣ чумацкаго воза, и дали ему батоги въ руки, и онъ погоняетъ себя волю, какъ ни въ чемъ не бывало. Подѣзжая къ селу, онъ увидалъ свою хату на противоположной горѣ и закричалъ весело: «онъ де, онъ-де наша хата!» — А коли ти вже бачишь свою хату, сказалъ хозяинъ воза, то и йди собі зъ Богомъ. И снявши мальчугана съ воза, спустилъ его на землю и, обращаясь къ товарищамъ, сказалъ: «нехай иде

собі зъ Богомъ! «—Нехай иде собі зъ Богомъ! проговорили чумаки, и—мальчуганъ побѣжалъ себѣ съ Богомъ въ село. На дворѣ уже смеркало, когда я (потому-что этотъ кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ не кто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣ печальнаго разсказа) подошелъ къ нашему перелазу; смотрю черезъ перелазъ на дворъ, а тамъ, около хаты, на темномъ, зеленомъ, бархатномъ *шпоришъ*, всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька — Катерина не вечеряетъ, а стоитъ себѣ около дверей, подперши голову рукою, и какъ будто по-сматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: »прийшовъ, прийшовъ!« Подбѣжала ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: »сідай вечерять, прибуло!« Повечерявши, сестра повела меня спать, и уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и улыбаясь, назвала меня опять прибудою. Я долго не могъ заснуть; происшествія прошлаго дня мнѣ не давали спать. Я думалъ все о желѣзныхъ столбахъ и о томъ — говорить ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Микитѣ, или не говорить? Микита былъ разъ съ отцемъ въ Одессѣ и тамъ, конечно, видѣлъ эти столбы: какъ же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ во всѣхъ не видалъ? Катерину можно бѣ одурить.... нѣтъ, я и ей не скажу ничего; и подумавши еще не долго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ...»

Воспоминаніе это относится, вѣроятно, къ 5-ти—6-ти лѣтнему возрасту Шевченка. Странно только, что онъ не говоритъ здѣсь ничего о своей матери, которая въ ту пору была еще жива.

До смерти матери, Шевченко, живя подъ ея крылышкомъ, не зналъ горя. Но со смертью ея (1823 г.), для него начался рядъ тѣхъ житейскихъ невзгодъ, которыя преслѣдовали поэта до самой могилы.

По смерти жены, у Шевченка-отца осталось пятеро дѣтей: Никита, Катерина, Тарасъ, Ирина и Осипъ. Последнему было года полтора. Въ крестьянскомъ быту, вдовцу съ такимъ семействомъ жить трудно; необходима женщина, которая бы и по хозяйству *поралась* и за дѣтьми присмотрѣла. Поэтому очень естественно, что скоро, по смерти матери, въ семью Шевченковъ вошла мачиха. По народнымъ понятіямъ, образъ мачихи постоянно соединяется съ чѣмъ-то не добрымъ, злонячешскимъ; не добро внесла мачиха и въ хату Шевченковъ...

У мачихи были дѣти отъ перваго брака, и отъ нихъ-то маленькіе Шевченки терпѣли особенно много горя; больше всѣхъ достигалось неуступчивому Тарасу, постоянно съ ними ссорившемуся. »Кто видѣлъ хоть издали

мачиху, (говоритъ самъ Т. Гр., въ томъ же разсказѣ «Княгиня»), и такъ называемыхъ сведенныхъ дѣтей, тотъ, значить, видѣлъ адъ въ самомъ отвратительномъ его торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и држки между нами, дѣтьми, и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой. Мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно за то, что я часто тузилъ ея тщедушнаго Степанка... Ссоры эти, со стороны Тараса, вскорѣ превратились въ ненависть, и вотъ по какому случаю: одинъ изъ сведенныхъ братьевъ укралъ у своего постояльца — солдата три золотыхъ; тотъ оглядѣлся и сталъ ихъ искать. Мачиха изъявила подозрѣніе на пасынка — Тараса; этотъ божился въ своей невинности, но мачиха стояла на своемъ: «гроші укралъ Тарасъ». Послѣдній продолжалъ отрицаться; тогда ему связали руки и ноги и розгами, щелро посыпавшимися изъ рукъ его дяди, думали вынудить признаніе.... Отъ боли Шевченко принялъ преступленіе на себя, но когда его развязали и спросили: куда-же онъ дѣвалъ украденныя деньги, маленькій мученикъ отвѣчалъ, что онъ закопалъ ихъ тамъ-то въ саду; когда ему приказали указать мѣсто опредѣленіе, Шевченко снова отперся и пытка снова началась... Но ничего больше не добились, и бѣдный пасынокъ брошенъ былъ чуть не замертво. Между тѣмъ, солдата удовлетворить было необходимо, для чего и продали юнку покойной матери. Настоящій воръ открылся уже гораздо позже.

Случай этотъ нельзя не признать уважительной причиной той ненависти, которую Т. Гр. питалъ къ своимъ сведеннымъ братьямъ, а отчасти и къ дядѣ, нелюбовь къ которому сохранилъ онъ до смерти.

Вскорѣ за этимъ событіемъ, Т. Гр. былъ отдаѣн отцомъ къ мѣщанину Губскому на выучку. Грамота ему далась: букварь Шевченко выучилъ очень скоро; только Губскій никакъ не могъ справиться съ своимъ ученикомъ, чтобъ унять его отъ проказъ. Шевченко тó и дѣло уходилъ отъ своего учителя и всегда, бывало, напроказничаетъ при этомъ. Отецъ тоже напрасно старался унять его... и умирая (1825 г.) высказалъ, между прочимъ, замѣчательное пророчество насчетъ будущности сына: *«сипові, Тарасу изъ моего хазлїства нічою не треба; — вінъ не буде абїякимъ чоловікомъ: зъ ёю буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для ёю мое наслїдство або нічою не буде значить, або нічою не pomoже.»* Слова эти очень знаменательны, чтобъ видѣть въ нихъ одну случайность; жаль только, что память родныхъ Т. Гр. не сохранила данныхъ, которые привели отца его къ такому заключенію.

Послѣ смерти отца, Шевченко отданъ былъ въ школу къ сельскому дьяку Бугорскому, гдѣ выучилъ часословъ и псалтырь. Потомъ перешелъ онъ къ священнику Пестеровскому, у котораго выучился писать, и затѣмъ, почему-то, снова возвратился къ Бугорскому. Вѣроятно объ этомъ наставникъ вспоминаетъ Шевченко и въ «письмѣ» своемъ къ редактору *Народнаго Читенія* и въ разсказѣ «*Книжниця*».

У Бугорскаго, какъ и Губскаго, Шевченко, по преданію, учился хорошо, но учитель никакъ не могъ помириться съ его непосядчивостью, — чему впрочемъ и самъ бывалъ причиною, по своей непомятой съ нимъ строгости. Тарасъ очень часто бросалъ школу и, обыкновенно, въ это время скитался по разнымъ пустырямъ. Любимымъ убѣжищемъ его въ такихъ случаяхъ былъ садъ односельянина Шевченковъ — *Жениха*. Здѣсь, въ калиновомъ кустарникѣ, бѣглый школяръ устроилъ себѣ уютное убѣжище отъ школьной розги: очистивъ площадку и высыпавъ ее пескомъ, онъ сложилъ себѣ изъ дерну нѣчто въ родѣ постели и уединялся сюда, когда становилось ему не подъ силу терпѣть школьныя муки ⁽¹⁾. Въ этомъ убѣжищѣ Шевченко оставался иногда по нѣскольку дней, при помощи своихъ сестеръ, которыя снабжали его въ такихъ случаяхъ съѣстнымъ и вообще покрывали проказы брата, чтобъ избавить его отъ лишннихъ пинковъ дьяка и мачихи ⁽²⁾.

Какъ проводилъ время Шевченко у Жениха въ калинѣ, объ этомъ сохранилось у него воспоминаніе въ «посланіи къ А. О. Козачковскому»:

(1) Ирина Григорьевна, разсказывая намъ объ этомъ, прибавила: «натерпѣлся-таки Тарасъ у тѣй школі, — товкли ёго тамъ, якъ того ганаца; часомъ, не витерпе та що скаже, то всё ёму есть...»

(2) Къ сестрамъ Т. Гр. питалъ особенную любовь: онѣ были его *единственными* друзьями дѣтства; съ товарищами своимъ Шевченко, по преданію, не любилъ водиться и ни къ одному изъ нихъ не привязывался, какъ бываетъ у дѣтей; даже съ братьями — дѣтми онъ былъ довольно холоденъ. Вся его дѣтская привязанность сосредоточивалась на сестрахъ. Старшая изъ нихъ — Катерина Гр. была нянькою поэта и замѣняла ему, насколько могла, умершую мать. Она умерла въ первую холеру (1830). Самыя нѣжныя отношенія — къ меньшей сестрѣ, Иривѣ Гр., Шевченко сохранилъ до самой смерти. Пріѣзжая на родину, онъ обыкновенно останавливался у нея и при этомъ любилъ бесѣдовать съ ней, какъ онъ её выкупить, какъ она съ дѣтми будутъ *вольными*, какъ онъ устроить ея жизнь. Особенно много на этотъ мотивъ говорилъ Шевченко въ послѣдній свой пріѣздъ на родину, въ 1839 г.; но смерть не дала ему исполнить задушевныхъ его желаній.

Давно те діялось. Ще въ школі,
 Такі въ учителя — дяка,
 Гарпéнько вкраду патака,
 (Бо я було трохи не годе —
 Такé убоге, та й куплю
 Папéру аркушъ; зроблю
 Малéньку книжечку, — хрестами
 Й везерунками зъ квітками
 Кругомъ листочкп обведу,
 Та й списую Сковороду
 Або »три царіе со дáрц,«⁽¹⁾
 Та самъ собі, у *бурьяні*,
 Шобъ не почувъ хтб, не побачивъ,
 Виспівую одинъ та плачу...

Въ это же время Шевченко пересталъ стричься, сталъ носить волосы
 скружжкь, какъ у *большихъ*; самъ шилъ себѣ шапку, въ родѣ конфе-
 дератки, и всеми этими «странностями» обращалъ на себя вниманіе не
 только товарищей своихъ, но и старшихъ...

Подобными же странностями, вѣроятно, вызвалъ Шевченко у отца
 п тотъ предсмертный приговоръ его, который сообщенъ выше.

Пикита Григорьевичъ, старшій братъ поэта, попробовалъ-было при-
 учать его къ хозяйству, но все поштыки были напрасны: Т. Гр — чу
 скоро наскучали эти занятія и онъ, не задумываясь, бросалъ воловь въ
 поле и уходилъ бродить на свободѣ.

Такъ прошло дѣтство Т. Гр. Мы видимъ, что маленькій Шевченко
 со многими не мирился въ окружавшей его средѣ и замѣтно выдѣлялся
 изъ круга своихъ сверстниковъ; все это нужно приписать особенной
 впечатлительности его природы, которая не измѣняла ему до самой смер-
 ти. Съ отроческихъ лѣтъ Т. Гр. выказывалъ уже замѣчательную пытли-
 вость ума; съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался онъ, какъ его
 дѣдъ и отецъ поведутъ бывало, въ праздникъ какой, бесѣду о старинѣ.
 Отецъ Т. Гр. былъ грамотный и, для своей среды, довольно начитанный;
 бесѣда его отличалась религіознымъ характеромъ: онъ любилъ переска-
 зывать житія святыхъ и разныхъ подвижниковъ благочестія. Другого
 характера была бесѣда дѣда, живаго свидѣтеля *Коліівщини* ⁽²⁾; все ге-
 рои этого кроваваго эпизода украинской исторіи были хорошо ему извѣ-

⁽¹⁾ Вирша, сочиненіе Кіевскихъ бурсаковъ, которую они распѣвали на
 рождественскихъ праздникахъ.

⁽²⁾ Дѣдъ Т. Гр. умеръ въ 40-хъ годахъ, имѣя отроду до 115 лѣтъ.

ствы и о нихъ-то любилъ онъ по праздничнымъ вечерамъ повѣствовать дѣтямъ и внукамъ.

Разказы дѣда и отца, безспорно, имѣли большое вліяніе на развитіе творческаго дара нашего поэта и не могли не отразиться впоследствии на его произведеніяхъ. Въ эпизодѣ къ «Гайдамакамъ» говорить объ этомъ самъ поэтъ:

Бувало, въ неділю, закривши Мипією,
 По чарці зъ сусідомъ випивши *тїї*,
 Батько дїда прбснть, щобъ той розказавъ
 Про Колївщину, якъ колїсь бувало,
 Якъ Залїзнякъ, Гонга, Ляхівъ покаравъ.
 Столітній бчи, якъ збрі, сїяли,
 А слово за словомъ смілось, лилось:
 Якъ Лїхи канали, якъ Сміла горіла,
 Сусїдн одъ страху, одъ жалю німіли.
 И міні, малому, не разъ довелось
 За тїтаря плакати. И ніхтб не бачивъ.
 Що малá дитїна у кутбчкy плаче.
 Спасїбі, дїдусю, що ти заховавъ
 Вь голові столїтній ту славу козачу:
 Я її унїкамъ тенєрь розказавъ — —

Кромѣ разказовъ дѣда, въ созданіи «Гайдамакъ» пѣло участіе, какъ можно думать, и путешествіе маленькаго Шевченка въ Мотронинскій монастырь. Объ этомъ путешествіи покойный поэтъ рассказывалъ Ив. Макс. Соленку. Въ Мотронинскій монастырь Шевченко ходилъ съ сестрами, *на прощу*. Монастырь этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ *цвинтарь* его положено много *колїївъ*, какъ гласятъ о томъ каменные плиты, находящіяся на нѣкоторыхъ изъ могилъ. Маленькій Шевченко, въ это время уже грамотный, прочитывалъ могильныя надписи, удовлетворяя тѣмъ любопытство какъ свое собственное, такъ и другихъ богомольцевъ, межъ послѣдними не мало нашлось хорошо помнившихъ покойниковъ Мотронинскаго цвинтаря, и они тутъ же дополняли лаконическія надписи своими воспоминаніями о *колїяхъ*. Эти рассказы Шевченко слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что память о нихъ сохранилась у поэта до поздняго времени (1).

(1) Основую «Гайдамакъ» поэтъ взялъ, какъ извѣстно, мученическую судьбу Млїевскаго титара; трагическая смерть послѣдняго сохранилась въ памяти его дѣда и другихъ старожиловъ Керелівки со всѣми подробностями, какъ близкаго сосѣда. Степень участія фантазіи поэта въ «Гайдамакахъ» можно видѣть изъ сравненія этого произведенія съ современной запиской о смерти титара, напечатанной въ Кіевскомъ журналѣ «Руковод-

Съ раняго дѣтства у Т. Гр. особенно была замѣтна страсть къ рисованью: гдѣ только можно было, на стѣнахъ, дверяхъ, воротахъ, Шевченко постоянно малевалъ, углемъ или мѣломъ. Въ школѣ, когда уже онъ могъ достать бумагу и карандашъ, страсть эта развилась въ немъ еще сильнѣе. Поддерживаемый этой страстью и въ то же время потерявъ терпѣніе—сносить долге школьную жизнь, Шевченко бѣжалъ въ м. Лисянку къ діакону—малярю, но и тутъ ему трудно было ужиться, какъ видно изъ автобіографическаго письма къ редактору «Народнаго Чтенія». Въ томъ же письмѣ Шевченко говоритъ, что изъ Лисянки онъ перешолъ въ Тарасовку, гдѣ думалъ—было пріютиться у другого маляра—дьячка; послѣдній нашелъ Шевченка неспособнымъ къ малярству и тѣмъ заставилъ его возвратиться домой, въ Керелівку. Такъ рассказываетъ самъ Т. Гр.; по сестра его, Ирина Григорьевна, передала намъ подробности этого бѣгства нѣсколько иначе: соскучившись школьною жизнью и въ то же время чувствуя страсть къ рисованію, Шевченко бѣжалъ отъ Бугорскаго въ с. Хлебновку, славившуюся своими малярами. У одного изъ нихъ Т. Гр. и поселился, и прожилъ здѣсь недѣли двѣ, на испытаніи. Хлебнівскій маляръ нашелъ его способнымъ къ своему мастерству, но боясь ответственности, что держитъ помѣщичьяго мальчика безъ вида, посоветовалъ Шевченку выхлопотать сначала нужное свидѣтельство и затѣмъ уже поселиться у него — на ученіе. Т. Гр. отправился въ м. Вільшану, гдѣ жилъ Энгельгардтовъ управляющій—Дмитренко, и сталъ просить вида на прожительство у Хлебнівскаго маляра. Дмитренко, разговорившись съ мальчикомъ и замѣтивъ его бойкость, вмѣсто выдачи свидѣтельства, взялъ Т. Гр. въ число своей прислуги.

Вскорѣ пріѣхалъ на родину самъ помѣщикъ, и участь поэта была рѣшена: онъ поступилъ къ барину въ комнатные *козачки*. Это было въ 1829 г. На этомъ событіи оканчивается первый періодъ жизни Шевченка.

А. І. ЛАЗАРЕВСКІЙ.

9 марта 1862 г.
Черниговъ.

ство для сельскихъ пастырей,» 1860 г. Будущій издатель сочиненій Шевченка не долженъ забыть, что у М. М. І—з—р—аго хранится экземпляръ «Гайдамакъ» значительно исправленный, а въ нѣкихъ мѣстахъ и совершенно перѣдѣланный, повтомя, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, въ 1858 г.

УМАНСКАЯ БѢДА

1768 года 20-го июня.

(Переводъ польской рукописи неизвѣстнаго современника, хранящейся въ Львовской Библіотекѣ Оссолинскихъ.)

Трудно доискаться начала и указать источникъ этого ужаснаго дѣла; однако я полагаю, что не разойдусь съ историками, передающими это событіе потомству, если скажу, что оно произошло отъ особеннаго, распространенаго въ Украинѣ, отвращенія къ единству съ Римскою Церковью. Въ послѣдніе годы сильнѣе, чѣмъ прежде, владѣльцы украинскихъ имѣній, а еще болѣе епископы и митрополиты униатскіе, стали возбуждать въ людяхъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, горячую ревность къ защитѣ единства съ Римскою Церковью. Тогда Мельхиседекъ Яворскій, не-униатъ, настоятель Мотренинскаго монастыря, скрытно предъ тѣмъ дѣйствовавшій, началъ явно и смѣлѣе подговаривать къ схизмѣ и отводить отъ послушанія униатскому митрополиту простыхъ людей и священниковъ по всей Украинѣ, особенно же въ Смѣлянщинѣ, Черкащинѣ, Жаботищинѣ и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ. Въ слѣдствіе-же особеннаго (здѣсь недостаетъ слова, — можетъ-быть—приказанія?), какъ я полагаю, тогдашняго Переяславльскаго епископа Гервасія Линевскаго, не-униата, онъ осмѣлился дозволить постройку новыхъ церквей, освящать ихъ и склонять на свою сторону народъ, который почти всегда противился соединенію Церквей. Дѣйствительно, вскорѣ онъ склонилъ къ своимъ цѣлямъ почти всю Смѣлянщину, Жаботищину и другія смежныя волости тѣмъ легче, что тамъ многіе были связаны родствомъ съ жителями лѣваго берега Днѣпра. Возволнованная чернь начала бунтовать и осмѣлилась бить, изгонять, окровавлять униатскихъ священниковъ съ явнымъ отказомъ въ послушаніи митрополиту, своему пастырю, и съ большимъ презрѣніемъ не только къ храмамъ Господнимъ, но и къ

святымъ Дарамъ. Тогдашній митрополитъ, Фелиціанъ Володковичъ, видя поражение своей паствы, посѣщилъ, какъ чадолюбивый пастырь, принять дѣятельныя мѣры къ вразумленію погибшихъ, и потому рѣшился прежде всего схватить упомянутого Мельхиседека, какъ незаконно вмѣшавшагося въ его управление, что и исполнилъ, заключивъ его въ Радомысль, а потомъ въ Дерманъ на Волыни. Здѣсь онъ собственноручно написалъ на русскомъ языкѣ и подписалъ добровольное показаніе о томъ, кѣмъ былъ посланъ и подстрекаемъ къ этому дѣлу, о чемъ выше было уже сказано. Но ускользнувъ, ему только извѣстнымъ образомъ, изъ этого заключенія, онъ возвратился въ свой монастырь. Въ это время «національное» войско разсѣяло чернь, возмущенную однимъ козакомъ и собравшуюся въ Смѣлянщинѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ. Упомянутый козакъ и соединенная съ нимъ чернь, за мятежъ противъ церкви и своего господина, были наказаны смертью и заключеніемъ; такимъ образомъ мятежный духъ былъ подавленъ, но не надолго.

Вскорѣ, именно 1767г., Русскій Дворъ началъ договариваться съ Рѣчью Посполитою Польскою о гарантіи, которая и предоставлена ему Варшавскимъ трактатомъ, заключеннымъ въ 1768 году. Нѣкоторые Поляки, противясь этому трактату и не допуская его исполненія, въ томъ же году и мѣсяцѣ, когда окончился сеймъ, составили въ городѣ Барѣ, находящемся въ Подольскомъ воеводствѣ, конфедерацію, маршалками которой были Красняскій, подкоморій Рожанскій, и Пулавскій, Варецкій староста. Конфедераты вызвали въ Подоль изъ Украины всѣ войска, бывшія въ то время подъ командою Воронича, региментаря Украинскаго отдѣла войскъ; но не вывели изъ Украины Смѣлянскихъ, Черкасскихъ, Жаботинскихъ, Уманскихъ и другихъ козаковъ, отчасти потому, что сами козаки противились, отчасти и потому, что ихъ господа, обращая свое вниманіе на дальнѣйшія послѣдствія, не позволяли имъ выходить. Такимъ образомъ, открылся къ рѣзнѣ самый удобный случай. Особенно Запорожскіе козаки, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, вступивъ въ Польскія границы съ вымышленными указами, будто-бы изданными Россійской императрицей, увѣряли, будто Русскій дворъ имѣетъ такое намѣреніе, чтобы Украинцы, избивъ Поляковъ, Жидовъ и Русиновъ-уніатовъ, освободились отъ всякаго подданства Полякамъ и, присоединившись къ Русскому государству, пользовались большею свободою. По всей Украинѣ ходилъ слухъ, что изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мельхиседекъ, что показывали даже сами чернецы. Тоже самое показали и злодѣи, веденные на смертную казнь. Таково было начало ужаснаго событія въ Уманѣ.

Украинская чернь, возбужденная этимъ способомъ, и всегда дышавшая ненавистью къ Полякамъ, отказавшись отъ послушанія своимъ господамъ, въ большомъ количествѣ начала соединяться съ вышеупомянутыми козаками, зачинщикомъ и атаманомъ которыхъ былъ Запорожскій козакъ, по фамилиі Залізняка, избранный для этого упомянутымъ Мельхиседекомъ. Онъ былъ прежде сотникомъ въ Запорожьѣ, совершилъ многія грабительства, покражи и убійства, нападая на сосѣднія пограничныя мѣста, и тревожимый совѣстью, отправился, какъ бы на покаяніе, въ Кіевъ и жилъ тамъ при монастырѣ Кіевопечерскомъ. Мельхиседекъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ нему, и своими наущеніями, при помощи другихъ чернецовъ, такъ сумѣлъ овладѣть имъ, что онъ принялъ начальство надъ скопившейся сволочью. Это мятежное скопище навело такой страхъ, что помѣщики и жиды изъ всѣхъ окрестностей, съ имуществомъ своимъ, собрались для безопасности въ Умань въ такомъ множествѣ, что этотъ городъ, хотя довольно обширный, не могъ вмѣстить ихъ, и потому всѣ улицы, предмѣстія и рынокъ были наполнены ихъ таборами. Однихъ посессоровъ, кромѣ другихъ помѣщиковъ, можно было насчитать тогда въ Уманѣ около 226, а учащихся, изъ которыхъ немногіе избѣгли смерти, до 400.

Вскорѣ пришло извѣстіе, что Гайдамаки приближаются къ Уманю. Это извѣстіе произвело между собравшимися несказанную тревогу: вѣрныхъ оно побудило приготовляться къ смерти, всѣхъ—скрывать имущества, которыя и до сихъ поръ находятъ въ землѣ. О. Ираклій Костецкій, ректоръ Базилянскаго монастыря и первый миссіонеръ, о. о. Янъ Левицкій, вице-ректоръ, Илья Магеровичъ, второй миссіонеръ, Епифаній Ляхоцкій, третій миссіонеръ, Либерій Очавскій, Базилиане, рѣшившись остаться въ монастырѣ, а всѣ профессора, которыхъ было шестеро, съ согласія своего ректора, скрылись въ Волинь. Оставшіеся утѣшали испуганныхъ, укрѣпляя ихъ въ святой вѣрѣ: исповѣдывали въ продолженіи пятницы, субботы, воскресенья и понедѣльника до восьми часовъ, т. е. 17, 18 и 19 іюня; а въ послѣдній день, т. е. 20-го, въ понедѣльникъ, вмѣстѣ съ другими понесли жестокою смерть.

Прежде нежели началось это ужасное событіе, было донесено въ уманскій замокъ, Младановичу, губернатору Уманской волости, о ненадежности козаковъ уманскихъ, которые паходились въ то время въ одномъ отрядѣ подъ начальствомъ Обуха, придворнаго полковника, на границѣ со стороны Новосербіи. Поэтому Младановичъ, давъ предписаніе, чтобы они шли къ Уманю, призвалъ тотчасъ сотника Гонтю съ «началами» или офицерами козацкими, для присяги въ вѣрности господину и

городу, что онъ и исполнилъ въ ратушѣ въ присутствіи мѣщанъ, общая не измѣнять подъ всевозможными клятвами. Когда было уже навѣрное извѣстно, что болѣе 500 гайдамаковъ находятся въ Соколовкѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ недалеко отъ Уманя, и оттуда отправляются къ Уманю, то противъ нихъ отрядили. (оставивъ пѣхоту въ городѣ), всѣхъ конныхъ козаковъ, которыхъ тогда было до семисотъ, полагая въ Гонта всю надежду на спасеніе. При этомъ отрядѣ находились два полковника: Обухъ и Магнущевскій. Во время похода къ Соколовкѣ, Гонта сговорился съ козаками и отказался повиноваться полковникамъ, но помня ихъ услужливость и тѣсную дружбу, позволилъ имъ спасти жизнь бѣгствомъ, хотя и жизнь-то они спасли только за границей, потому что козаки ихъ преслѣдовали, вѣроятно съ тѣмъ, что, когда они будутъ убиты, Умань, ничего не зная объ измѣнѣ и полагаясь на Гонта, тѣмъ легче достанется ему въ добычу. Соединившись съ вышеупомянутыми мошенниками по условію, безъ сомнѣнія прежде заключенному, они подступили къ городу, который, увидя, что бунтовщики окружаютъ палисады и уже обгарены кровью жидовъ и христіанъ, застигнутыхъ ими за палисами, тотчасъ заперъ ворота и снялъ мосты. Шляхта, жида, пѣхотные козаки, придворный капитанъ Ленардъ съ придворной пѣхотой, число которой простиралось до ста человекъ, и собравшіеся для конфедерации, всѣ обратились къ защитѣ тѣмъ бодрѣе, что у нихъ было все въ готовности къ отраженію, какъ-то: пушки большія и полевые, до нѣсколькихъ десятковъ штукъ, очень много ружей, довольно пороху, пуль и картечи. Придавало имъ отваги и присутствіе Прусаконъ, которые прибыли въ числѣ 50 человекъ для купли лошадей; но они, видя, что готовится битва, и не имѣя на то приказанія, спокойно вышли тѣми воротами, подлѣ которыхъ не было сволочи.

Дѣйствительно, надо думать, что, еслибъ не коварство, то вѣроятно въ Умань не испытали-бы столь ужаснаго бѣдствія: хотя отъ 7 ч. вечера во всю ночь сильно и стремительно штурмовала его сволочь, паля изъ ружей и сгоня изъ сосѣднихъ деревень толпы людей для рубки и подкапыванія палей, однако, разимая изъ города картечью и гаковницами, отступила, унеся съ собою немало труновъ. Видя, что нельзя достигнуть цѣли силою, она рѣшилась употребить коварство, которое и удалось. Сотникъ Гонта, приблизившись съ другими «началами» къ воротамъ, находящимся въ сторонѣ Грекова лѣска, и развѣзжая на конѣ, — одинъ бѣлый платокъ, привязанный къ оконечности шкня, выставлялъ какъ знакъ мира и безопасности, а другой — послалъ губернатору Младановичу съ увѣре-

ниемъ, что какъ прежде онъ присягалъ въ вѣрности господну и городу, такъ и теперь ничѣмъ не думаетъ обижать осажденныхъ: напротивъ, общаетъ совершенное повинновение губернатору, если только добровольно впустить его съ козаками въ городъ. Къ этому онъ добавилъ угрозу, что въ случаѣ отказа употребить всевозможныя усилія и жестокости для отмщенія. Посланные передавали это просто, но съ такою хитростью, что обманутый губернаторъ не только не приказалъ, но даже запретилъ, какъ утверждаютъ, защищать городъ. Видя въ этомъ вѣрную погибель, осажденные обыватели, не имѣя возможности спасти жизнь, позаботились о спасеніи души, и съ этою цѣлью одни отправились на молитву въ Базиліанскую капеллу, а другіе въ приходскій костѣль, гдѣ получили общее отпущеніе грѣховъ. Тѣ же, которые не могли тамъ помѣститься, сподоблялись этого таинства отъ Базиліанскихъ священниковъ на рынкѣ и улицахъ. Страшное смятеніе распространилось: страхъ выжималъ слезы и вздохи: всѣ прощались другъ съ другомъ. Наконецъ, послѣ непродолжительнаго спора съ одной стороны между Ленардомъ, капитаномъ, и Марковскимъ, хорунжимъ придворнымъ, которые не соглашались впускать негодяевъ въ городъ и хотѣли дать одновременный залпъ изъ пушекъ и ружей по приближающимся къ воротамъ, и между губернаторомъ съ другой стороны, — ворота были отперты. Гонту, Залізняка и другихъ начальниковъ привѣтствовали хлѣбомъ и солью, которые были выставлены мѣщанами на столѣ по старому обычаю, причемъ присутствовали и главные должностныя лица. Набралась тотчасъ большая толпа сволочи; немедленно представлена была сильная стража къ капеллѣ, костѣлу и божницѣ жиловской; ратуша окружена со всѣхъ сторонъ, губернаторъ со всѣмъ семействомъ посаженъ подъ строгій арестъ въ домѣ одного мѣщанина, а послѣ совѣщанія Гонты съ Залізнякомъ, продолжавшагося нѣсколько времени, когда Гонта крикнулъ козакамъ: »може, браття, часъ розпочати діло«, начались жестокости, достаточно описать которыя невозможно.

Прежде всего подверглись дикой ярости тѣ, которые находились на рынкѣ. На улицахъ и въ домахъ кололи, рѣзали, убивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на лица, ни на плачь и просьбы; прозенныхъ пиками младенцевъ бросали вверхъ, на воздухъ или на крыши, а если они падали еще живые, то ихъ губили, подвергая вторично тѣмъ же мукамъ. Плачь, крикъ, мольбы наполнили воздухъ; ужасный стонъ издавали матери, которымъ распарывали внутренности, чтобы вышутый изъ нихъ плодъ уничтожить жестокимъ образомъ. Оказали, правда, сопро-

тивленіе этой ярости собравшіеся конфедераты и придворные есдаты, но у нихъ не было хорошихъ предводителей, такъ-какъ недовольный каштанъ Ленардъ тотчасъ послѣ спора съ губернаторомъ скрылся изъ города, и потому, ранивъ выстрѣлами болѣе десятка гайдамаковъ и убивъ нѣсколько десятковъ, сами они все до послѣдняго были перебиты.

Когда не осталось никакого сопротивленія, одни направились въ приходскій костѣль, другіе въ базилианскую капеллу. Войдя въ костѣль, одинъ изъ атамановъ вскочилъ на кафедру и, безстыдно понося собранную шляхту, издѣваясь надъ обрядами и богослуженіемъ, осыпалъ богохульственными ругательствами таинства, образа и всю католическую вѣру; наконецъ, когда онъ закричалъ: рѣжьте, — каждый, какъ бѣшеный, бросился на самыхъ почтенныхъ и знатныхъ лицъ. Ксендза Вадовскаго, коммендарія, искололи у алтаря пиккою; однихъ обнажали, другихъ разсѣкали топоромъ, по третьимъ застрѣляли, инымъ наносили смерть ножами, пиками и дубинами, вытаскивали за волосы маститыхъ старцевъ и нѣжныхъ дамъ, и публично ихъ насиловали; раздирали младенцевъ... Тоже самое происходило и съ находившимися въ базилианской капеллѣ: здѣсь ксендза Костецкаго, ректора Уманскихъ школъ, сперва изранили выстрѣлами; потомъ, когда онъ собиралъ съ земли и съѣдалъ выброшенные сволочью, на поношеніе, святые дары, закололи пиками и бросили въ канаву. Отцовъ: Яна Левицкаго, вице-ректора, Илью Магеревича, Либерія Очавскаго и Маевскаго, базилианъ, вытащили изъ капеллы и, обнаживъ, жестоко били, требуя, чтобъ они указали монастырскую казну и имущества, отданныя помѣщиками въ монастырь на сохраненіе. Не найдя ихъ, потому что они уже были выкопаны въ подвалѣ другими мошенниками, забили упомянутыхъ монаховъ въ колодки, били по головамъ, лицу и спинѣ плетью, дровками пикъ, палками, кололи слегка пиками, и обведя наглыхъ съ ругательствами и насмѣшками кругомъ ратуши, уже полумертвыхъ, по заступничеству нѣкоторыхъ мѣщанъ, отдали подъ крѣпкій караулъ въ домъ мѣщанина Игнатія Рогатого. Когда-же приходскій священникъ не униатской церкви св. Архангела Михаила, пребывающій до сихъ поръ въ схизмѣ за границей, сильно настаивалъ, чтобъ они были убиты, тогда вывели ихъ на улицу и близъ вышеупомянутой церкви искололи, оставивъ тамъ же тѣла ихъ на поруганіе.

Неменьшимъ жестокостямъ подверглись жидаы, которыхъ въ одной только божницѣ вырѣзали до трехъ тысячъ. Тогда можно было видѣть людей, валяющихся въ собственной крови и умоляющихъ, чтобъ

ихъ кто-нибудь добить, изувѣченныхъ, однихъ безъ рукъ, другихъ безъ ушей, окровавленныхъ, бѣгающихъ нагишомъ по улицамъ, которыхъ чернь, собравшаяся изъ сосѣднихъ деревень, лишала остатка жалкой жизни топорами и дубинами. Можно было видѣть, какъ вытаскивали разныхъ лицъ изъ подваловъ, бурьяна, рововъ и другихъ тайниковъ; какъ убѣгающихъ хватали и сгоняли въ одно мѣсто стадами, какъ самыя женщины, разсвирѣпѣлыя по примѣру своихъ мужей, прицѣпя прячущихся, рѣзали и убивали ихъ ножами, серпами, кочергами, заступами, подстрекая и приучая дѣтей своихъ къ подобнымъ жестокостямъ. Не только расхищали имущество изъ дворянскихъ домовъ и обирали до-нага трупы, но и изъ костѣла и базильянской капеллы похищали утварь и украшенія, забирали имущество, отданное помѣщиками на сохраненіе, котораго было не мало, и сносили къ Гонтѣ, какъ въ складочное мѣсто. Одни, сбросивъ свои отвратительныя рубища, переодѣвались въ снятыя съ труповъ платья, другіе, съ презрѣніемъ сядя на алтаряхъ, снимали ходаки и надѣвали сапоги или иную обувь. Когда атаманъ Тыликъ, еще сохранившій въ себѣ нѣсколько страха Господня, уносилъ изъ костѣла въ церковь обвязанную антиминомъ коробочку съ святыми дарами, то ее вышибли у него изъ рукъ и рассыпанные по землѣ святыя дары топтали святотатственно ногами, смѣшивая ихъ съ кровью, истекавшею изъ труповъ. Одни ломали распятія и богохульственно плевали на нихъ, другіе, одѣвшись въ ризы, шли развратничать; иные, пробивъ дыры въ дискосахъ, привѣшивали ихъ къ лентамъ и носили на подобіе орденовъ, а изъ церковныхъ сосудовъ пьянствовали.

Сволочь, упившаяся уже пивиною кровью своихъ соплеменниковъ и господъ, истребивъ, въ продолженіи семи безъ-малаго часовъ, болѣе восемнадцати тысячъ людей разнаго званія, начала въ этотъ день немного успокоиваться, и чтобъ найти причину пощадить остальныхъ изъ согнанныхъ въ одно мѣсто и вытасканныхъ изъ разныхъ тайниковъ, рѣшила крестить ихъ, погружая троекратно всего человѣка въ воду, приготовленную въ чану. Съ этою цѣлью согнали всѣхъ въ церковь св. Николая; но когда старикъ-священникъ не хотѣлъ ихъ крестить, какъ уже крещенныхъ, то его убили палками и отправились къ вышеупомянутому приходскому священнику церкви св. архангела Михаила, и здѣсь рѣшеніе толпы было исполнено. Этотъ священникъ, будучи въ томъ заблужденіи, что крещеніе, совершенное священниками, соединенными съ Римскою церковью, не дѣйствительно, охотно взялся исполнить требованіе толпы, хотя этого не одобряли сами приведенныя лица, а нѣкоторые совѣтъ не хотѣли

принимать крещенія. Но такихъ было очень мало: едва нашлись три лица, которыя предпочли жестокую смерть вторичному крещенію. Окрещенныхъ сволочь разобрала между собою.

Въ тотъ-же день, когда уже приближалась ночь, нѣсколько чело-вѣкъ, изъ любопытства, начали вламываться въ запертую башню, находящуюся въ городѣ недалеко отъ западныхъ воротъ. Одного изъ нихъ тотчасъ убилъ изъ пистолета Шафранскій, придворный землемѣръ владѣльца, спрятавшійся тамъ со своимъ слугою. Это сильно встревожило негодаевъ, почему одни, пригнавъ мужиковъ, приказали рубить топорами, другіе притащили пушку. Выстрѣливъ изъ нея въ башню, убили только слугу, спрятавагося подъ крышей, и потомъ бросились съ топорами къ дверямъ. Хотя Шафранскій храбро защищался и убилъ нѣсколько чело-вѣкъ, однако, взятый превосходною силой, былъ изрубленъ.

Пылкая душа Гонты, сдѣлавшись орудіемъ столь большихъ жестокостей и столь великаго бѣдствія, уже была-бы должна умириться, но разъяренная свирѣпость и жажда мщенія, еще не насыщенная гибелью столькихъ людей, не позволила ему забыть о губернаторѣ Младановичѣ, на котораго онъ былъ особенно сильно ожесточенъ по слѣдующей причинѣ. Получивъ извѣстіе о мятежахъ, начавшихся въ Украинѣ, покойный воевода, желая обезопасить Уманщину, за нѣсколько недѣль передъ кровопролитіемъ написалъ къ Гонтѣ письмо, исполненное милостивыхъ выраженій и обѣщавшее оставить за нимъ въ наслѣдственную собственность принадлежавшіе уже ему хутора, отдать двѣ деревни въ пожизненное владѣніе другія благодѣянія, лишь-бы только онъ въ защитѣ отъ негодаевъ Уманщины, особенно же самого Умана, былъ вѣренъ, заботливъ и старателенъ. Младановичъ, по зависти-ли, или по презрѣнію, или-же по какимъ-либо другимъ причинамъ, письма этого не отдалъ и даже не показалъ Гонтѣ, который однако узналъ о немъ сперва со стороны, а потомъ нашелъ его между захваченными и снесенными къ нему вещами Младановича. Гонта приказалъ привести его къ себѣ съ женою и дѣтьми и, полный злобы, сказалъ ему слѣдующія слова: «измѣнникъ, ты былъ поводомъ къ этимъ жестокостямъ, ты причина этого кровопролитія (тутъ онъ указалъ на трупы)! Зачѣмъ-же ты, имѣя въ рукахъ письмо воеводы, не показалъ мнѣ его? что-же ты выигралъ этой утайкой?» Потомъ сильно ударилъ его по открытой головѣ татарскою саблей. Палъ къ его ногамъ окровавленный Младановичъ, а приготовленные къ этому козаки тотчасъ изрубили его на мельчайшія части. Жену съ дѣтьми,

заливавшихся горячими слезами и просившихъ помощи, прежде всего облажили и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, послѣ разныхъ развратныхъ поруганій, искололи пиками. Къ этому самому времени привели одѣтаго въ сѣрую свитку и босаго Скаржинскаго, Уманскаго эконома. Хотя Гонта старался спасти его отъ смерти, однако, по настоянію крестьянъ, которые не разъ были имъ наказываемы, онъ сдѣлался жертвою мщенія, пораженный въ лобъ пулею. Ужасный видъ, какой представляло множество труповъ, *невинно* пролитая кровь, которою *были* *обязрены* *земля и стѣны*, также ожидаемый смрадъ отъ труповъ, которые запрещалось закапывать, какъ недостойные нѣдра земли, все это, не позволяя дикимъ умамъ сволочи успокоиться и долѣ оставаться въ городѣ, принудило ее выйти съ добычею на поле, лежащее къ югу отъ города и называющееся Карповка. Тамъ устроили лагерь и, укрѣпивъ его окопами и пушками, приступили къ раздѣленію сволочи на сотни или громады, изъ которыхъ каждая состояла изъ 100 разбойниковъ, и къ назначенію высшихъ чиновъ. Прежде всего, при повторенныхъ нѣсколько разъ выстрѣлахъ изъ пушекъ и ружей, провозгласили гетманомъ Максима Залізняка, полковникомъ Гонтю. Ихъ обоихъ наименовали князьями, перваго Смѣлянскимъ, втораго Уманскимъ. Инымъ были розданы другіе чины. Правленіе въ Уманѣ въ это время досталось одному козаку, по фамиліи Уласенку, который потомъ составилъ большія деньги изъ податей цѣлой Уманщины и, предвидя, что сволочь навѣрно будетъ разсѣяна, бѣжалъ въ Валахію. Новоизбранные начальники давали большіе, пышные пиры. Изъ всѣхъ окрестностей сдѣланы были большія доставки; меду, вина, водки собрано было около полтораста бочекъ; — ежедневно, въ-продолженіи почти двухъ недѣль, пировали съ крикомъ, возгласами, музыкой и другими развратными увеселеніями. Въ Гонтѣ однако постоянно замѣчали безпокойство, тревогу и замѣшательство. Въ этомъ состояніи онъ не разъ произносилъ такіа слова: »сомнѣваюсь, братцы, чтобъ мы могли распить то, что наварили.« Въ то же самое время произошелъ и дѣлежъ собранной добычи. Изъ сукна, шелковыхъ матерій, мѣховъ, разнаго платья и всякой утвари насыпали болѣе десятка большихъ *кургановъ*; кромѣ денегъ и часовъ, которыхъ было не мало, одного изломаннаго серебра набралось шесть сундуковъ. Залізняку, кромѣ другихъ дорогихъ вещей, досталось три сундука съ серебромъ, которые онъ продалъ въ Кіевъ одному кушчу только за девять тысячъ, хотя они гораздо больше стояли. Остальную часть серебра и

лучшей добычи назначили Гонтѣ, прочія-же вещи были раздѣлены между другими, сообразно чинамъ и выказанному въ рѣзнѣ мужеству.

Такъ какъ трупы въ продолженіи трехъ лѣтнихъ дней лежали непогребенными, то нестершимый смрадъ принудилъ оставшихся въ городѣ мѣщанъ собраться вмѣстѣ и усиленно просить Залізняка и Гонту, чтобы трупы были убраны; но какъ трудно было копать ямы, то приказано было согнаннымъ мужикамъ сбросить тѣла въ колодезь, находящійся на самомъ рынкѣ между западомъ и сѣверомъ, въ лѣвомъ углу теперешней ратуши, если обратиться къ востоку. Колодезь былъ глубиною въ нѣсколько десятковъ сажень, но, не смотря на то, что много труповъ дѣлалось добычею собакъ, колодезь былъ набитъ трупами. Тѣла, находившіяся за городомъ, были оставлены на сѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

Очнувшись отъ опьяненія, какъ-бы отъ летаргическаго сна, сволочь, вмѣсто того, чтобы выйти изъ остервененія и оставить жестокости, составила совѣтъ, на которомъ согласилась послать нѣсколько сотенъ въ сосѣднія мѣстечки и деревни для грабежа, разбоя и набора новой толпы, число которой всякій день значительно умножали мужики. Кто больше убьетъ Поляковъ или Жидовъ, тому былъ обѣщанъ высшій чинъ. И дѣйствительно, въ мѣстечкахъ Грановѣ, Теплинѣ, Дашовѣ, Тульчинѣ, Монастырищѣ, Гайсинѣ, Конелѣ, Басовкѣ, Ладыжинѣ и въ смежныхъ деревняхъ, Поляки и Жиды подверглись тѣмъ же жестокостямъ, что и въ Уманѣ. Изъ этихъ мѣстъ большую добычу ежедневно доставляли въ лагерь.

Сотникъ, по фамиліи Шило, съ пятидесятью конными козаками, хорошо вооруженными, и двумя пушками, отправился между тѣмъ въ Балту, мѣстечко, лежащее на Турецкой границѣ. Вырѣзавъ здѣсь Жидовъ и оставшуюся шляхту (многіе бѣжали на Турецкую сторону за рѣку Кодыму) и, захвативъ ихъ имущество, онъ требовалъ у Турецкаго паши выдачи остальныхъ; когда-же ему было отказано, хотѣлъ возвратиться въ лагерь. Этимъ-бы дѣло, вѣроятно, и кончилось, если-бы Турокъ въ его присутствіи, не знаю по какому поводу, не убилъ Грека. Разгнѣванный этимъ сотникъ, присоединивъ къ себѣ еще столько-же негодяевъ, сколько у него было, сдѣлалъ такую сильную атаку на Турецкую сторону, что, не смотря на долгое сопротивленіе, Турки должны были выступить изъ города, ретируясь медленно съ захваченными лучшими вещами. Хотя одинъ атаманъ и нѣсколько гайдамаковъ были убиты, однако Шило до тѣхъ поръ продолжалъ атаку, пока не овладѣлъ всею Турецкою стороною и не избилъ всѣхъ, которые не спас-

лись бѣгствомъ. Правда, вскорѣ прибыли на помощь Татары, но не во время, потому что сволочь, нахватавъ бывшихъ подъ рукою пригодныхъ вещей, быстро скрылась. Въ честь прибытія упомянутаго сотника и другихъ, которые въ тоже самое время возвращались въ лагерь съ добычей и набранной отовсюду сволочью, стрѣляли изъ пушекъ и ружей, издавали радостные крики и дѣлали причудливые пиры въ простонародномъ вкусѣ. Но эта радость измѣнилась вскорѣ въ нестерпимую печаль и несчастье для разбойниковъ, а для страны—въ утѣшеніе.

Въ самомъ разгарѣ увеселеній сволочи, дано было знать Залізняку и Гонтѣ, что Русскій поручикъ, по фамилиі Кривой, прибылъ въ городъ съ 60 Донцами. Это сильно встревожило разбойниковъ, и потому они рѣшились быть осторожными и избѣгать Москалей; но благоразумный поручикъ съумѣлъ дать столько доказательствъ мнимой дружбы, что Залізнякъ и Гонта, убѣжденные въ его непритворности, не только приглашали его къ себѣ на общіе пиры и посылали значительные подарки, но сверхъ того позволили ему поставить, вмѣсто козаковъ, свои караулы въ городѣ. Чтобы, притомъ, оправдать свои дѣйствія и болѣе укрѣпить образовавшуюся связь съ поручикомъ, они показали вымышленный Мельхиседекомъ указъ Россійской императрицы, увѣряя, что они готовы, по приказанію императрицы, пролить кровь до послѣдней капли, и что поэтому они единодушно рѣшились отправиться въ Бердичевъ для истребленія находившихся тамъ конфедератовъ. Поручикъ все это одобрилъ и обѣщалъ самъ присоединиться къ нимъ съ своимъ войскомъ, которое приближалось, состоя изъ цѣлаго полка карабинеровъ; но предварительно требовалъ удаленія крестьянъ, имѣвшихъ хозяйство, женъ и дѣтей, потому что подобные люди, объясняя оны, не захотятъ перенести военныхъ трудовъ и лишеній, а побуждаемые къ бѣгству привязанностью къ своей странѣ, женамъ и дѣтямъ, ничего не сдѣлаютъ, кромѣ замѣшательства и безпорядка; сверхъ того страна разорится, лишившись людей, занимающихся земледѣліемъ. Это мнѣніе было одобрено, и тотчасъ приказано объявить, чтобы все люди этого рода, а также тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ силъ къ перенесенію всехъ случайностей, представляющихся обыкновенно солдату, особенно во время войны, вышли изъ войска и разошлись по домамъ. Дѣйствительно, много мужиковъ послѣдовало этому мнѣнію и выбыло, но несравненно больше осталось. Наконецъ, объявлено было въ лагерь, чтобы все готовилось въ походъ, вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ, къ Бердичеву. Будто съ этою цѣлью, поручикъ совѣтовалъ, для возбужденія большаго мужества,

устроить въ предпоследній день шпръ, на которомъ сволочь до такой степени напилась медомъ и водкой, что очень мало осталось такихъ, которые были въ-силахъ двинуться съ мѣста. Подстрекали ихъ къ этому и Москали, но сами сохраняли самую строгую воздержность. Когда уже и Залізнякъ съ Гонтой напильсь порядочно, поручикъ, также притворяясь пьянымъ, въ сопровожденіи Гонты и Залізняка отправился въ свою резиденцію, бывшую въ городѣ. Прибывъ сюда, онъ, послѣ дружескихъ разговоровъ, увѣдомленный, что карабинеры находятся недалеко отъ лагеря, приказалъ Гонту, Залізняка и другихъ, прибывшихъ съ ними, сейчасъ-же заковать крѣпко-на-крѣпко въ кандалы. Остолбенѣли Залізнякъ съ Гонтой, а подскочившіе Донцы прежде всего вставили имъ обоимъ замки въ ротъ, чтобъ они не произвели никакого шума и замѣшательства; потомъ, сильно ударя ихъ по лицу, оковали обоихъ желѣзными дѣпиями. Посаженыя въ одно мѣсто, они, качая другъ къ другу головами, оплакивали свою судьбу: приготовивъ ее себѣ вмѣстѣ, вмѣстѣ о ней и сожалѣли.

Когда это происходило съ Гонтою и Залізнякомъ, остальные Донцы съ карабинерами окружили между-тѣмъ со всѣхъ сторонъ лагерь. Это еще не встревожило сволочи, считавшей ихъ своими друзьями, но когда со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія, чтобы она тотчасъ положила оружіе, тогда осаулъ Хома, крикнувъ «измѣна», первый бросился къ оружію и убилъ нѣсколькихъ Донцовъ, по окруженный другими Донцами, вскорѣ и самъ былъ убитъ. Бросились было защищаться и другіе, но пораженные внезапнымъ страхомъ и обезсиленные пьянствомъ, не имѣя предводителей, принуждены были положить оружіе; прочіе-же, которыхъ было гораздо больше, спали пьяные и даже не знали о своей гибели. Имѣя въ готовности довольно веревокъ и колодокъ, Москали приказали мужикамъ, согнаннымъ нарочно изъ имѣнія Городецкаго, близкаго къ Уманю, вязать и набивать колодки; такъ какъ это происходило ночью, то многіе убѣгали, выползая на животахъ подъ лошадьми, но и изъ нихъ многіхъ потомъ поймали. Когда веревокъ и колодокъ не достало для такого множества негодяевъ, остальныхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ и безоружныхъ, карабинеры продержали до утра на мѣстѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, а на другой день побросали въ ямы и подвалы. Сначала отобрали лошадей, оружіе, амуницію и всю добычу и доставили къ Русскому полковнику, по фамиліи Нолькину, который прибылъ съ карабинерами. Потомъ приводили къ нему по нѣскольку разбойниковъ, и Заднѣпряпцовъ записывали на од-

номъ списокѣ, а на другомъ, со все́ми приличными подробностями, Украинцевъ. Всѣхъ обдирали до нитки. Наконецъ, Залізнякъ, со все́ми задѣл-провскими товарщицами и всею захваченною добычей, былъ отосланъ въ Московскую землю, гдѣ онъ былъ сначала высѣченъ кнутомъ у позорнаго столба, а потомъ отведенъ въ Сибирь, куда сослали и вышеупомянутого Мельхиседека, который однако вскорѣ былъ возвращенъ въ Кіевъ. Остальныхъ негодяевъ наказывали другими, сообразными съ обычаемъ страны, способами, вода ихъ подлѣ границы Польской. Тѣхъ-же, которые были жителями Польской стороны, отвели въ деревню, называющуюся «Сербы» и лежащую недалеко отъ пограничнаго города Могилева, и отдали Браницкому, обозному, который тамъ стоялъ все время со своею дивизіей. Послѣ допроса, въ той-же деревнѣ, сначала содрали съ Гонты кожу полосами, отрубили ему руки и ноги, вырвали у живого сердце, наконецъ четвертовали. Онъ вынесъ эту казнь такъ-же терпѣливо, какъ и по заслугамъ, приготовившись заранѣе къ смерти самымъ приличнымъ образомъ. Другихъ губили и наказывали разными способами: то отсѣкали головы, то вѣшали, то отрубали лѣвую ногу и правую руку, то драли розгами. Свидѣтелями этой казни были: Каменецъ, Львовъ, Кременецъ, Винница, Житомиръ, Латичевъ и другіе города, гдѣ казнили по семи, пяти и восьми негодяевъ.

Таково событіе 1768 года, такова судьба Украинской черни, которая, сдѣлавшись причиной собственной погубели и погубели столькихъ соотечественниковъ, не мало повредила вскормившему и взлетѣвшему ее на своемъ лонѣ отечеству и въ томъ отношеніи, что страна потеряла болѣе десятка миллионовъ, такъ-какъ имущество, пріобрѣтенное кровавымъ трудомъ, перешло въ чужія руки.

ПИСЬМА НЕИЗВѢСТНЫХЪ ПОЛЯКОВЪ СЪ ВОЛЫНН.

(1768)

(Переводъ съ польской рукописи, изъ бібліотеки Оссолинскихъ, во Львовѣ.)

I.

1768 г. іюня 28 дня, изъ Волини.

За одной некончившейся бѣдою послѣдовала другая, еще болѣе опасная и ужасная: мятежъ крестьянскій внезапно усилился; вездѣ рѣжутъ и убиваютъ шляхту, управителей и всѣхъ католиковъ, также евреевъ и даже униатскихъ поповъ. Это безчеловѣчіе свирѣпствуетъ не только въ самой Умани, куда для спасенія жизни скрылось много шляхты съ женами и дѣтьми, какъ равно и въ Лысянкѣ, гдѣ умерщвлены шесть францисканскихъ монаховъ и губернаторъ, но и въ Титовѣ; гроза приближается даже къ Пикову. Этотъ же мятежъ распространился въ Паволочи и въ окрестностяхъ; начало крестьянскаго волненія становится замѣтно и въ трехъ миляхъ отъ Полоннаго, т. е. въ Любарѣ и Острополѣ, — что еще важнѣе. Здѣсь, по разнымъ трактамъ, проходятъ огромные обозы шляхты и Жидовъ, спасающихъ только одну жизнь; самъ князь Касперъ (Любомирскій), который даже въ Полонномъ, близъ крѣпости, гдѣ находится московскій горнизонъ, не можетъ воздержать и усмирить эту смѣлость крестьянъ, находится въ большомъ смятеніи, не видя средствъ къ предупрежденію приближающагося огромнаго пожара. Одна только надежда — на Московское войско. Слышно, что немедленно имѣли быть командированы (войска) въ Бердичевъ, для гашенія этого огня. Рассказываютъ еще слѣдующія обстоятельства: взявъ въ плѣнъ часть конфедератовъ, въ то время какъ другіе находились въ Барѣ, панъ ловчій (Браницкій) отправился въ Баръ, 16-го настоящаго мѣсяца. Онъ приблизился къ городу не съ цѣлью атаковать, а только съ желаніемъ привлечь къ себѣ *компутовизъ*; но когда изъ города начали стрѣлять по немъ изъ пушекъ, отступилъ къ Деражни, безъ малѣйшей потери въ людяхъ; ког-

да же генераль Апраксинъ прибылъ къ Бару со своей командой, 17-го настоящаго мѣсяца, а 20-го на разсвѣтѣ началъ атаку, и когда, съ другой стороны, уланы живо принялись рубить сваи зѣмка, городъ и замокъ были взяты въ самое короткое время, какъ говорятъ, въ полчаса. У городскихъ воротъ, откуда *Москва* начала атаку, помѣщенъ былъ Мѣндыборжскій гарнизонъ, который защищался мужественно, и оттого потерялъ людей болѣе, чѣмъ другіе. Вообще, всѣхъ убитыхъ и раненныхъ между конфедератами считаютъ около тысячи (1); Москвы тоже довольно: у самихъ воротъ, при входѣ, 82 офицера и много раненныхъ. Конфедератами командовалъ тамъ Звиногородскій мечникъ, панъ Барщевскій. Жители города подверглись грабежу; убито было нѣсколько евреевъ. Ксендзъ Маркъ, Кармелитскаго ордена, арестованъ.

Изъ компутовыхъ, украинскій отрядъ находился въ Барѣ; другіе въ то время стояли въ Могилевѣ; иные отправлены были къ Саврани и Умани. Правда, староста Варецкій велѣлъ компутовыхъ въ Барѣ чрезъ Шаргородъ, но какъ скоро велѣлъ имъ отправиться изъ Шаргорода въ Барѣ, а самъ межъ-тѣмъ хотѣлъ возвратиться въ Могилевъ, то и они, увидя это и подозрѣвая уже своего маршала, тоже воротились за нимъ въ Могилевъ. Затѣмъ, онъ живо поспѣшилъ къ Днѣстру и, не теряя времени, переправился вслѣдъ, за п. Литовскимъ подчашимъ, на другую сторону, въ Валахію. Многіе, какъ паны Винницкій подстолий Ярошинскій и Трехтымировскій староста Щелѣвскій съ женами, и много иныхъ помѣщиковъ, тамъ же, подъ Сорокой, переѣхали еще раньше. Дворовые люди, въ особенности козачина, одни послѣ пораженія подъ Браталовкой, а другіе узнавъ объ этомъ пораженіи, разсыпались въ разныя стороны. Впрочемъ, часть войска еще оставалась подъ Могилѣвомъ. Но, говорятъ, что когда *Москва* направилась къ Могилеву отъ Бара, этотъ конфедератскій отрядъ двинулся отъ Могилева къ Днѣстру, мимо Цекиновки и Ражкова, желая, сърочно, направить свой путь въ Татарскіе предѣлы, по тому же берегу (такъ-какъ переправа черезъ Днѣстръ, со стороны Валахіи, военнымъ была воспрещена); но, полагая, что входъ военнымъ Валахія воспрещала по повелѣнію Порты, нужно заключать, что и у Татаръ встрѣтилось бы тоже самое затрудненіе; и потому можно думать, что это компутовое войско, не имѣя ни вождя ни пособія, могло склонить-

(1) Въ Барѣ погибло не болѣе 80 конфедератовъ и много взято въ плѣнъ, вслѣдствіе измѣны сына кастеляна Гизыцага; Москвы погибло тамъ до 700 человекъ.

ся подъ команду короннаго-ловчаго. Даже говорятъ, будто примиреніе дѣйствительно уже послѣдовало, и если такъ въ самомъ дѣлѣ, то желательнo было бы, чтобы теперь компутовое войско, находясь въ повиновеніи у военной комиссіи и назначеннаго региментаря, съ помощью Россійскаго войска, отправлялось для усмиренія крестьянскаго волненія; хорошо было бы также, чтобы тѣ изъ пановъ, принадлежащихъ къ конфедераціи, которые разбѣжались и которые, бывъ взяты Москвою, уволены, — соединились и разомъ двинулись на усмиреніе мятежниковъ, потому-что разъяренные крестьяне, сообразивъ свои силы, пожалуй, не станутъ слушаться и этой части Россійскаго войска. Слышно было здѣсь о неудовольствіи Малороссійскихъ помѣщиковъ и Січовыхъ козаковъ; еслибы имъ вздумалось возстать вмѣстѣ съ украинскими крестьянами, возстаніе это было бы опасно самой Россіи: освободившись изъ-подъ власти, они могли бы основать какую-нибудь удѣльную область и держаться такъ, какъ и теперь, когда даже сами Поляки, при настоящемъ своемъ положеніи, не въ состояніи усмирить крестьянское возненіе. Въ Полонное приведены сынъ старосты Варецкаго, Звиногородскій подчашій Ортыцскій и ротмистръ Кіевскаго ополченія Каменскій, и содержатся подъ секретнымъ арестомъ.

Всякій, кто попалъ въ конфедерацію поневолѣ, освобождается за порукою и квитанціями заинтересованныхъ лицъ. Теперь весь *Русскій* и *Волинскій* край находятся въ большомъ смятеніи, видя и въ тамошнемъ крестьянскомъ сословіи склонность и порывы къ волненію, тѣмъ болѣе, что край этотъ остался почти безъ войска.

Конфедератовъ можно еще здѣсь встрѣтить въ окрестности Бродъ; ихъ преслѣдуетъ Москва; но подъ именемъ конфедератовъ является здѣсь много разной сволочи. Нѣсколько дней тому назадъ, сволочь эта убила, подъ Муравицей, отправлявшася на подводѣ москаля; проѣзды оказываются также опасными и для помѣщиковъ, и Богу извѣстно, что будетъ дальше, если огонь этотъ не будетъ погашенъ въ самомъ его началѣ.

П. Литовскій-подчашій опасно боленъ, при смерти, на той сторонѣ Днѣстра (*приписано*: по милости Божіей здоровъ).

Г. Воронича съ женой, еще до атаки Бара, видѣли за Шаргородомъ по направленію къ Могилеву; отсюда не только конфедераты, но и помѣщики переѣхали съ своимъ имуществомъ за Днѣстръ.

II.

1768 г. іюня 28 дня, изъ другой мѣстности Волыни.

Лучше бы мнѣ не быть первымъ вѣстникомъ этихъ бѣдствій, если мои вѣсти будутъ первыми. Сердце твое, преданное дѣлу вѣры и свободы, такъ же какъ и мое, содрогнется, когда ты узнаешь, что надежда наша пала и что ея паденіе повлечетъ за собой гибель нашей вѣры и свободы.

Бѣдствія начались съ Бердичева. Когда Бердичевъ лишился помощи шедшихъ къ нему на защиту, и крѣпость эта была взята (о чемъ я уже писалъ прежде), Москва двинулась всей силой къ Бару. Узнавъ объ этомъ, главные лица стали думать о своемъ спасеніи и, оставивъ въ Барѣ Барщевского, разѣхались къ Могилеву подъ предлогомъ — собрать въ одно мѣсто войско. Варецкій прибылъ въ Шаргородъ для найма компутовыхъ; послушались и двинулись къ Бару, но когда замѣтили, что онъ самъ повернулъ на Могилевскій трактъ, то и они воротились за нимъ; между-тѣмъ, къ Бару подступилъ Браницкій, но когда начали противъ него стрѣлять изъ пушекъ, ретировался; но какъ скоро прибылъ Апраксинъ, то на Баръ они ударили вмѣстѣ и разрушили ворота, которыя многихъ убили своимъ паденіемъ. Затѣмъ, съ большою силою бросились на штурмъ; несчастный Баръ защищался; но тѣ ворвались одинъ за другимъ и зачерпнувшись въ замкъ взяли насильно. Нашихъ погибло до 500, столько же взято въ плѣнъ. Съ Барщевскимъ при грабежѣ умерщвлено много народа; монастырь уцѣлѣлъ; только Маркъ арестованъ. Наши изъ Могилева хотѣли (*отправиться*) за границу, но ихъ не пустили; несчастные обратились на Егорликъ и Цекиновку, къ Татарщинѣ, но сомнительно, найдутъ ли и тамъ убѣжище. Москва между-тѣмъ ихъ не оставляетъ. Не было тамъ ни австрійцевъ, ни янычаръ, но все-таки мы не вѣрили обѣщанію, данному Портой и напечатанному въ нашихъ газетахъ. Теперь, когда входъ воспрещенъ, мы убѣждаемся, что басурманъ погубилъ насъ, и это потому, что, вѣроятно, получилъ отъ Москвы больше, чѣмъ отъ насъ. Меня удивляетъ, что Бердичевъ былъ въ осадѣ почти три недѣли и Баръ не подалъ ему помощи. Эй, увидишь любезный панъ, что со временемъ въ этомъ дѣлѣ окажется и домашняя измѣна. Помнишь, ты писалъ, что конфедерація эта недолго удержится; не предполагаю, чтобы тотъ, кто писалъ это, способствовалъ измѣнѣ, но только

ее предвидѣлъ. Знаю достоинства старосты Варецкаго, но видно, онъ началъ опрометчиво, на основаніи однѣхъ только надеждъ; должно быть кто-нибудь такой былъ, что подстрекнулъ его.

Конфедератовъ здѣсь въ Волини находится не малое число; но когда отпято гнѣздо, то ужъ трудно поднять голову, какъ имъ, такъ и Велико-Полянамъ. Браницкій цѣлъ; Стемпковскій не взять. Насъ только утѣшали; несчастный нашъ Мартынъ, — что онъ теперь думаетъ? Это все за грѣхи наши! Трудно поднять голову противъ воли Господней. Теперь то осмѣютъ и вѣру и свободу, а можетъ быть и насъ на вѣки упокоятъ.

Изъ взятыхъ въ Бердичевѣ привезены въ Полонное ротмистръ Каменскій, молодой Пулавскій, Здановскій; они заключены во флигелъ, но могутъ гулять по саду.

Страшнѣ всего, что мятежъ крестьянъ все болѣе распространяется; этимъ огнемъ зажжены Чернѣховъ, Котельна и Паволочъ; въ Любарѣ уже убитъ раввинъ, а при производствѣ обыска, *списы* были найдены почти у каждаго крестьянина; въ Острополѣ было почти тоже. Князь Касперъ Любомирскій велѣлъ поймать Любарскихъ и Остропольскихъ (*крестьянъ?*); они приведены въ Полонное и будутъ примѣрно наказаны, но это не успокоитъ.

Въ Лысянкѣ захвачены Францисканцы; тамъ повѣшены вмѣстѣ шляхтичъ, ксендзъ, жидъ и собака. Крестьяне волнуются уже и въ этомъ захоlustы. Вотъ въ какомъ мы несчастномъ положеніи! Я бѣжалъ бы прежде Волынскаго регистра, но не могу, по этимъ обстоятельствамъ. Одинъ день можетъ сдѣлать все; нужно обдумывать, какъ спасти свою жизнь. Твой Лаврентій, съ нѣсколькими стами конницы, командированъ на усмиреніе мятежей, но этого недостаточно; впрочемъ, когда онъ узнаетъ, что произошло въ Барѣ, то, вѣроятно, возвратится назадъ.

ДО БРАТИВЪ НА УКРАЇНУ.

Хто менé не знаé —
Самъ себé питаé:
Чи то вéчiръ погасаé,
Чи рáнокъ свiтаé?

Хто менé не знаé —
Вiри не дiймаé,
Що старiй дiдъ гóлосъ маé,
Пiдъ кóбзу сви́аé.

Ой мовчáвъ я, бра́ття,
Слóвомъ не озвáвся,
По́ки Бáтько украiнський
Пiснею впивáвся.

Хочъ мовчáвъ устáми,
Спивáвъ я душéю,
Та бо́явся зъ нимъ рiзнiти
Кóбзою моéю.

Настáла годiна,
Що вся Украiна
Зари́дала по Тарáсу,
Якъ малá дитiна.

Настáла годiна —
Нi однá лю́ди́на
Не взя́лася за банду́ру
Мужи́цького си́на.

Задзвонiли сýмно
По Украiнi дзвóни.
Вiсять мiвчки старосви́цька
Банду́ра въ комо́ри.

Уже́ жъ на iй стру́ни
Та й пообвисáли,
Голоснiйшi, вимовнiйшi
Вороги́ порва́ли.

Чи до-віку жъ, брѣття,
 Бѣдемо мовчѣтв?
 Благословить мині кобзу
 Нимѣю узѣти!
 Пидтягну я струни
 На гѣлосъ висѣкнѣй, —
 Не сумѣй. Тарасе бѣтѣку,
 Вѣ могилѣ глѣбѣкнѣй!
 Почпѣлю я, брѣття,
 До старнхъ струнъ новн, —
 Не докѣзуѣй, загребуѣщнѣй,
 Зѣ Москвн козакѣвн!
 Нехѣй гѣрда шлѣхта
 Зѣ жѣлю омлѣвѣе,
 Що козѣкъ вельмѣжннхъ прѣдкнв
 На судъ вѣзнѣвѣе!
 Гнрко жѣ минн тѣя
 Слѣва довелѣся,
 Що рукѣ моѣ знѣлася,
 За кобзу вѣзялѣся!
 Ой хто менѣ сѣднть,
 Хто мнѣю гѣрдѣе,
 Нехѣй прѣвду, нехѣй щнру
 Вндъ менѣ почѣе.
 Суснде лѣкѣвн,
 Загребуѣщн рѣкн!
 Не до сѣду прнймѣть бѣду
 Одъ васъ тѣжкн мѣкн.
 Гѣдн вамъ у сѣрце
 Снѣтн отрѣту!
 Я поснѣвъ по отрѣтн
 Крутовѣрху рѣту.
 Посхѣднла рѣта
 Барвннкомъ хрѣщѣтнмъ,
 Бѣде сѣрце застнлѣтн,
 Рѣвн закрнвѣтн.

Изъ ранъ, мовъ съ криниці,
 Рідне слóво рине...
 Розливайся, рідне слóво,
 По всій Україні!
 Нехайъ всяке мляве
 Сёрце стрепенётца —
 И воюю, здоровою
 Думою забьётца.
 Росла моя дума
 Понадъ берегами,
 Де славетний Гарібальди
 Бився зъ ворогами.
 Цвіла моя дума
 Надъ водою тихо,
 Де вікъ чесний доживає
 Мати-Гоголіха.
 Ой ёго жъ то сила
 Менé звеселила
 И співати про святую
 Воленьку навчила.
 Ой її жъ то сёрце
 Тихе-голубине
 Менé вчила тихесенько
 Плакати по Україні.
 »Цвіте мій«, мовляла,
 »Холодомъ прибитий!
 Отеперъ би тобі, сїну,
 Треба въ світі жити!
 »На рідному полі,
 Сїну, ти оравъ би,
 Рідну сёмью ти насущнимъ
 Теперъ годувавъ би.«
 Ой шкода намъ, мати,
 Про те сумувати,
 Що сусїде загарбали
 Изъ рідної хати.

Нехайъ пзъ чужо́го
Хліба розживу́тця;
Въ насъ на нивахъ но́ві жни́ва,
Дастъ Госпо́дь, начну́тця.

Ой уроди́ть жи́то —
Бу́де вся́ке си́те;
Занедба́емъ, що́ за́брано,
Хо́лодомъ поби́то.

Поро́жні засі́ки
Га́рно налашту́емъ,
Ще й суси́дь своїхъ насу́шнимъ
Хлібомъ нагоду́емъ.

Ха́й Німець сме́тця
Зъ на́шого зви́чаю,
Що ми спра́вді хлі́бомъ-сі́ллю
Во́рога кара́емъ. (¹)

Ой тимъ ми на сві́ті
Зда́вна держимо́ся,
Що вте́ряти тільки пра́вду
Одну́ боїмо́ся.

Процвіта́є цві́томъ
Да́вня ру́їна:
Перехо́дять свята́ пра́вді
Ві́д ба́тька до си́на.

Пра́вдо, на́ша ма́ти!
По́ки ще жива́ ти,
По́ти бу́демъ навкругъ ха́ти
Сво́є жи́то жа́ти.

П. Кулішъ.

(¹) Есть послѣдняя: *Ворога хлібомъ та сіллю карай.*

РУССКІЙ ПАТРИОТИЗМЪ (*)

(*Отвѣтъ »Дню.«*)

Заглавіе нашей статьи взято изъ критики, помѣщенной во 2 № *Дня* на статью *Современника*: «*Національная Безтактность.*»

Слова «Русскій патриотизмъ» имѣютъ свою исторію, и было бы поучительно прослѣдить самый процессъ ихъ образованія и всѣ видоизмѣненія, выработанныя общественной и литературной практикой, съ того времени, когда старая Русь въ первый разъ вступила въ борьбу съ иноземной Русью, до нашихъ дней, когда тупое, пассивное отрицаніе чужого перешло-было въ дѣйствующій, сознанный, принципъ. Но такъ-какъ этотъ трудъ былъ бы только предисловіемъ къ нашей статьѣ, то намъ показалось, сообразите съ нашей цѣлю, опираясь на историческое самосознаніе Русскаго общества, опредѣлить, на-сколько партія, дѣйствующая подъ знаменемъ «Русскаго патриотизма,» способна понять современную дѣйствительность, на-сколько она имѣетъ живого практическаго смысла.

Для нашей цѣли достаточно обсудить тѣ воззрѣнія на Малорусскую литературу, которыя высказаны въ статьѣ *Дня*, направленной противъ *Современника*, устраняя отъ себя вопросъ о Русинской литературѣ, по поводу которой собственно и возникъ споръ между *Современникомъ* и *Днемъ*, и не касаясь, съ другой стороны, тѣхъ началъ, которыхъ придерживается *День* въ международныхъ, славянскихъ, отношеніяхъ.

(*) Къ этой, живо-почувствованной и задуманной статьѣ молодого ученаго, такъ и просится эпиграфомъ слѣдующее, вполне-вѣрное, замѣчаніе Н. С. Аксакова, (*День*, № 21), напечатавшаго статью г. Сокоvensка!

«*Существенное въ народности—не внѣшніе признаки внѣшняго различія, а самыя внутреннія духовныя начала, безъ сознанія которыхъ невозможно возрожденіе.*»

На совѣты, которые, въ нынѣшнее время, слышатся только изъ *Дня*, да еще, пожалуй, изъ *Р. Инвалида* и *Библіотеки для Чтенія*,—тоже инвалида,—Шевченко нѣкогда отвѣчалъ:

...А за раду... спасібі вамъ—
За раду лукаву:
Тѣплій кожухъ!—тільки школа—
Не на мене шийтій,

А розумне ваше слово
Брехнёю підбите...
...Буде зъ мене, поки живу,
И мертвого слова!.. *Ред.*

Но прежде чѣмъ мы высказали свое мнѣніе о Русскомъ патриотизмѣ, пусть самъ г. Ламанскій, авторъ разбираемой нами статьи, говоритъ за себя. Онъ изъясняется въ любви и уваженіи къ Малоруссамъ, но продолжаетъ: «мы не вѣримъ искренности нашихъ земляковъ, когда они толкуютъ о большей преданности и симпатіи къ Малоруссамъ, нежели къ Москалямъ. Разумѣется—и на-оборотъ. Чтобы слова тѣхъ и другихъ были искренни въ этомъ случаѣ, надо, чтобы Москаль обратился въ Малорусса, и на оборотъ. Своею народностью всякому ближе, понятнѣе, симпатичнѣе. «Черезъ нѣсколько строкъ, онъ, «говоря откровенно, не понимаетъ значенія словъ Малорусскій и Великорусскій патриотизмъ, и допускаетъ только *Русскій патриотизмъ*.»

Сопоставляя эти двѣ мысли, можно подумать, что авторъ, какъ русскій человекъ, по пословицѣ, заднимъ умомъ крѣпокъ. Онъ стоитъ за Русскій патриотизмъ, и вмѣстѣ не отрицаетъ того глубокаго чувства народности, которое не истребимо такъ же, какъ невозможенъ фактъ двукратнаго рожденія. Итакъ, по одну сторону мы имѣемъ двѣ народныя стихіи—Великорусскую и Малорусскую, по другую — Русскій патриотизмъ, чуждый народной исключительности, и въ тоже время мирно процвѣтающій рядомъ съ чувствомъ своенародности. Но если г. Ламанскій не хочетъ самъ себя противорѣчить, то онъ долженъ ввести въ идею Русскаго патриотизма равновѣсіе народностей, потому что существованіе своенародности, какъ отрицаніе общенародности, не безопасно для Русскаго патриотизма, въ которомъ не должно быть преобладанія отдѣльной народности. Онъ долженъ избѣгать симпатій къ одной народности, — иначе мы въ правѣ назвать Русскій патриотизмъ фальшивой декорацией, теоретическимъ издѣліемъ отечественной мануфактуры. Посмотримъ, на сколько г. Ламанскій вѣренъ себѣ, на сколько онъ выдерживаетъ это законное требованіе?

Намъ казалось, судя по вышеприведенной выпискѣ, что г. Ламанскій считаетъ Малорусскій патриотизмъ въ Москалѣ невѣроятнымъ и живымъ фактомъ. Но выходитъ не то. Онъ опровергаетъ автора «Национальной Безтактности,» въ томъ, будто «иноплеменникъ становится Малорусскимъ патриотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи,» допуская, однакожь, Малорусскій патриотизмъ иноплеменника, какъ явленіе случайное, и вооружаясь только противъ всеобщности его. А такъ-какъ случай и исключеніе доказываютъ возможность

и вѣроятность факта, то оказывается, что г. Ламаискій говоритъ самъ противъ себя.

Впрочемъ, это не мѣшаетъ ему такъ группировать факты, чтобы можно было догадаться о крайней беспомощности Малорусскаго народа. Онъ говоритъ: «не упоминая уже объ ополченіи множества Малорусскихъ семействъ, укажемъ только на ближайшихъ ихъ соплеменниковъ—Великороссіянъ и Поляковъ, которые по-долгу живутъ въ Малороссіи, отнюдь не теряя своей народности. Таковы слободы нашихъ раскольниковъ въ Черняговской губерніи. Такъ издавна живутъ въ Малороссіи не сотни, а тысячи Поляковъ, и не только не обращаются въ Малорусскихъ патріотовъ, но даже стараются ополчить Малоруссовъ.» Все это такъ. Но нарушается ли цѣлость народныхъ элементовъ оттого, что личности отрываются отъ народной почвы, и притомъ въ то время, когда въ самомъ народѣ присутствуетъ живое сознаніе народности—оппозиція противъ народнаго прозелитизма? Мы знаемъ, что многіе изъ Русскихъ по-происхожденію съ трудомъ объясняются по-русски, и что существуютъ цѣлыя тысячи офранцузенныхъ Русскихъ, которые развѣ потому только не французы, что Русскіе подданные. Что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что эти нѣкоторые Русскіе выросли въ особенной, тепличной атмосферѣ, а не то, что весь народъ Русскій теряетъ въ этихъ прозелитахъ какія-нибудь существенныя черты своей народности. И потому, что удивительнаго, если раскольники и Поляки не смѣшиваются съ Малоруссами, которымъ одинаково чуждъ и религиозно-обрядовый фанатизмъ первыхъ и національная исключительность послѣднихъ? Поляки столько же, если не меньше, дѣлаются Русскими, сколько Малоруссами, и это не доказываетъ безсилія Русской націи, которая разлагаетъ даже Татарскую народность, не говоря уже о Нѣмецкой, противъ которой не могутъ устоять въ Пруссіи сами Поляки. Наконецъ, если нѣкоторые Малоруссы ополчались у себя дома, то другіе столько же дѣлаются Русскими въ Воронежской губерніи, сколько послѣдніе первыми, и даже совсѣмъ не русьютъ въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ, какъ о томъ заявлено въ сентябрьской книжкѣ *Основы*,—а это-вовсе не такой фактъ, чтобы можно было заключать о податливости Малорусской природы къ уступкѣ своей народности, если только она не подвергается преднамѣренному и систематическому извращенію.

Но мы бы очень ошиблись, еслибы вообразили, что г. Ламаискій, сознавъ неустойчивость Малорусской народности, оставляетъ ее на про-

пзволь судьбы въ борьбѣ съ Поляками. Онъ великодушно даетъ ей оружіе, выкованное, впрочемъ, не въ Малороссіи. «Въ настоящее время,» говоритъ онъ, «когда для Малой и Великой Руси, обоюдными ихъ усиліями, выработанъ одинъ общій литературный языкъ, Русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, все-таки богаче и серьезнѣе Польской. Притомъ же, Малороссіяне значительно многочисленнѣе Поляковъ, между-тѣмъ какъ борьба Поляковъ въ Пруссіи ведется съ могучею національностью, обладающею такими богатствами и сокровищами литературы и образованности, какихъ не имѣютъ не только Поляки но и всѣ Славянскіе народы въ совокупности. Сверхъ того, въ борьбѣ своей съ Нѣмцами, не опираются, не рассчитываютъ Поляки на помощь какого-нибудь соплеменнаго имъ народа.» Здѣсь вѣтеръ крѣпче, и уже можно различать, откуда онъ дуетъ... Желательно было бы знать, на какую это помощь соплеменнаго народа *сверхъ тою* могутъ рассчитывать Малоруссы въ общественной, а не политической, борьбѣ съ Поляками, кромѣ той моральной поддержки, которую, по увѣренію г. Ламанскаго, даетъ имъ Русскій народъ въ своемъ языкѣ и образованности? И затѣмъ, неужели, кромѣ численнаго перевѣса надъ Поляками, Малоруссы сами-по-себѣ не имѣютъ своихъ духовныхъ средствъ для борьбы съ ними, и всегда съ надеждой и умиленіемъ должны обращать свои взоры туда, гдѣ готовятся для нихъ силы и орудія издателями Русскихъ газетъ и журналовъ, гдѣ существуетъ Русская литература — арсеналъ готовыхъ понятій и готоваго языка, дружелюбно для нихъ открытый?

Мы не предаемся простодушно живымъ утѣшеніямъ: мы думаемъ, что для Малорусскаго народа борьба съ Поляками труднѣе, чѣмъ для послѣднихъ борьба съ Нѣмцами. Нѣмцы (Прусскіе) преимущественно дѣйствуютъ общечеловѣческимъ вліяніемъ, которое не поглощаетъ народности, если только она не вывѣтривается въ подражательности, въ погонѣ за чужимъ, безъ внутренняго усвоенія и переработки,—тогда какъ Польская пропаганда идетъ глубже — внутри племенныхъ отношеній. Всѣ богатства нѣмецкой науки и образованности—чужія деньги въ чужомъ карманѣ: ихъ нужно заработать,—между тѣмъ Польская рѣчь сама просится въ Малорусскій словарь, Польскія понятія скрытно пробираются въ Малорусскую жизнь, сколько по праву общеславянскаго происхожденія этихъ народовъ, столько же въ слѣдствіе систематической колонизаціи Малорусскаго края. Чѣмъ больше одна народность различается отъ другой, тѣмъ легче каждой изъ

нихъ удержатъ свои черты, тѣмъ труднѣе стереться ихъ народному образу. Нѣмца легко различить отъ Славянина, но труднѣе послѣднему различить себя отъ своего собрата.—Тѣмъ не менѣе, мы убѣждены, что Малорусскій народъ самъ въ себѣ долженъ искать опоры въ тѣхъ случаяхъ, когда посягаютъ на его народную личность, что его языкъ и литература—историческій органъ его личности—единственно—прочная сила, на которую онъ можетъ рассчитывать, и что готовые формы, взятые извнѣ, на—прокатъ, навязанныя сверху, и потому не сплоченныя органически съ его духовной натурой, такъ-же неудобны для цѣлости ея, какъ и Польская пропаганда, подтачивающая корни ея снизу.

Но Малорусскій языкъ—языкъ сель, а не цивилизованныхъ городовъ, Малорусская литература—созданіе народнаго духа, а не литературнаго цеха... Не правда ли, какая странная претензія—заявлять ея права на самостоятельность? Что это за литература, когда ее всю можно взять подъ мышку? И не потому ли только Малорусскій языкъ—не Русскій, что онъ—провинціальный языкъ? Какъ ни странны эти мнѣнія, но онѣ только варіаціи мыслей, изложенныхъ въ статьѣ г. Ламанскаго,—варіаціи, повторяемыя на разные тоны даже въ образованномъ Русскомъ обществѣ.

«Мысль о возможности особой Малорусской литературы (а не мѣстной словесности) представляется намъ величайшей нелѣпостью...» А впрочемъ «Русины, подобно нашимъ Малоруссамъ, могутъ обрабатывать свой языкъ литературнымъ образомъ,» и слѣдовательно—«возможна и полезна особая *Малорусская словесность* рядомъ съ русской литературой, Русской наукой и образованностью,» говоритъ г. Ламанскій, — полезна «для домашняго обихода,» дополняетъ самъ редакторъ *Дня*, г. Аксаковъ, въ примѣчаніи.

Нельзя высказаться съ большою напвностію и безцеремонностію и вмѣстѣ съ большимъ отсутствіемъ—логикки. Малорусская литература разжалована въ мѣстную словесность. Что жъ это за мѣстная словесность, какъ не особая литература? И допуская литературную обработку Малорусскаго языка, не значить ли допускать особую Малорусскую литературу? Такая спутанность понятій объясняется неловкимъ положеніемъ г. Ламанскаго между очевидностію факта (отсюда эти робкія слова «возможна,» «полезна,» и нудящею потребностію дать мѣсто своей теоріи. *Охота смертная, да участь горькая..*) Но всего забавнѣе этотъ шутовской взглядъ на народную литературу, на-

помниающій намъ того Тургеневскаго героя, который былъ убѣжденъ, что всѣ душевныя потребности Малорусса можно выразить словами: »грѣе-грѣе, воропае.« Много лп, въ самомъ дѣлѣ, различаются слова »для домашняго обихода« отъ »воропае,«—конечно относительно тона и смысла тѣхъ и другихъ? Глубоко возмущаетъ душу этотъ легкомысленный приговоръ, въ которомъ крайнее неуваженіе къ народу безобразно соединяется съ барскимъ непониманіемъ его силъ, естественности самостоятельнаго развитія—этого единственнаго условія, при которомъ только и возможно народу переступить за черту домашнихъ потребностей—съ правомъ личнаго участія въ общей жизни и вліанія на ея ходъ.

Языкъ науки не сразу создается, точно также, какъ и языкъ литературы; но послѣдній упреждаетъ своимъ появленіемъ первый. Сперва—жизнь, а потомъ сознаніе прошитаго. Этому закону подчинялись Европейскіе языки, богатые литературой и наукой. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ Германіи, классической странѣ науки, латынь господствовала въ школахъ: такъ—недавно передовой пародъ мысли создалъ національный органъ ея. Не то было въ Россіи. Не имѣя науки, здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи, на живую руку и по заказу, склотили языкъ науки и нарядились въ него, какъ въ павлиньи перья. Отсюда этотъ рѣзкій историческій контрастъ: тяжелые и медленные шаги Нѣмца и быстрые скачки Русскаго человѣка, склоннаго къ похвальнымъ отзывамъ о собственныхъ успѣхахъ. Смыслъ Русской исторіи таковъ, что еще въ оны дни, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ, перешли на нашу туземную почву готовые понятія и съ того времени началось раздвоеніе русскаго сознанія, религіозное и общественное реформой Петра, и доселѣ продолжающееся. Кто изъ мыслящихъ Русскихъ людей не замѣчалъ въ себѣ этаго раздвоенія? Мы знаемъ, что червь раздвоенія и даже разгрознія проточилъ насквозь и тѣхъ крѣпкихъ людей, которыхъ у насъ принято называть славянофилами; знаемъ, что они, подъ знаменемъ общеславянскихъ интересовъ (одинъ элементъ), сохраняютъ преобладающія симпатіи къ Великорусскому народу (другой элементъ)—симпатіи, выражаемыя тѣмъ торжественнымъ тономъ, который приличествуетъ надутому риторическому паоосу, а не прямому, практическому пониманію жизни (третій элементъ). Но какъ-только мы сознали историческое зло, то оно перестаетъ быть для насъ слѣпой судьбой, и мы должны овладѣть собою для борьбы съ нимъ. Странно, а такъ выходитъ, что—въ наше вре-

мя—сторонники двоевѣрія—люди, вышедшіе изъ школы Бирѣвскаго и Хомякова, философствовавшихъ о непосредственности и цѣльности русской природы. Съ проповѣдью о любви къ народу, они хотятъ тянуть его на тѣ подмостки, на которыя сами успѣли взобраться, а то, что онъ говоритъ про себя, они принимаютъ только къ свѣдѣнію. Пусть говоритъ себѣ—«для домашняго обихода». И зачѣмъ ему своя особая литература, когда у него нѣтъ даже грамматики? Мы, люди образованные, пишемъ ее: намъ литература къ лицу, а съ него довольно и мѣстной словесности!..

Мы говоримъ о Малорусскомъ народѣ, какъ половинѣ одного Русскаго племени и неисключаемъ его изъ общерусской исторіи, хотя и не сливаемъ, подобно г. Ламанскому, его прошедшую жизнь съ жизнью великорусскаго народа до того безразличія, чтобы считать русскій литературный языкъ въ одинаковой мѣрѣ достояніемъ Великоруссовъ и Малоруссовъ. *Sunt cuique*. Всѣ мы хорошо знаемъ, что съ Ломоносова началась свѣтская литература въ Россіи, и хотя онъ оставилъ стихіи церковно-славянскаго языка для парадныхъ случаевъ, для высокаго штиля, но уже это слово *штиль* показываетъ, что съ его времени, и даже раньше, начали вторгаться въ образованную Русскую рѣчь иностранныя слова; съ другой стороны, и самъ Ломоносовъ принялъ Московское нарѣчіе, и только вооружался противъ такъ называемыхъ *подлыхъ* словъ, долженствовавшихъ, по его теоріи, остаться безъ употребленія,—знаемъ, что въ слѣдствіе особеннаго характера реформъ въ XVIII ст., касавшихся по-преимуществу государства и высшихъ сословій, литература того времени на-столько была народной, на-сколько могло сохранить народность общество, захваченное крутыми реформами, наводненное приливомъ чуждыхъ элементовъ. Народу, недавно только тропутому реформой, Русская Литература и до сихъ поръ почти terra ignota; но все же Великорусскій народъ, среди котораго совершилась реформа древняго книжнаго языка, изъ котораго вышелъ отецъ Русской литературы, находится въ болѣе прямыхъ отношеніяхъ къ ней, чѣмъ Малоруссы, издавна говорившіе на своемъ собственномъ языкѣ и не внесшіе народныхъ элементовъ своей рѣчи въ составъ русскаго литературнаго языка. А надъ чѣмъ они *непосредственно* не трудились, того и не хотятъ считать своєю *прямою* собственностію, и потому замѣчаніе г. Ламанскаго, что «отказавшись отъ Великорусскаго языка, который въ основѣ своей одинаково принадлежитъ и Малоруссамъ, они бы отказались отъ значительной части

своего прошедшаго, своей исторіи»,—само собою ограничивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Великорусскій языкъ—и народный и литературный, не есть ближайшій и прямой органъ Малоруссовъ.

Что касается до самой исторіи, то г. Ламанскій начинаетъ ее издалека,—потому что «Русскій литературный языкъ», говоритъ онъ, «образованъ не со вчерашняго дня и не Ломоносовымъ.» Онъ ссылается на церковно-славянскій языкъ, какъ такую почву, которая обща и Великорусскому и Малорусскому языкамъ, и изъ которой, между прочимъ, возникъ Русскій литературный языкъ. Мы въ правѣ подумать, что между этимъ послѣднимъ и болгарскимъ, сербскимъ и чешскимъ языками нѣтъ существенно—типическаго различія, потому что всѣ они относятся къ церковно-славянскому языку точно также, какъ и литературный Русскій языкъ.

Мы совершенно согласны съ г. Ламанскимъ, что общность церковно-славянскаго языка для Великоруссовъ и Малоруссовъ — ключъ къ уразумѣнію того факта, что книжный языкъ тѣхъ и другихъ, и послѣ раздѣленія Руси на Великую и Малую, почти одинаковъ. Но былъ ли этотъ книжный языкъ—языкомъ народнаго сознанія? Спустился ли онъ до народнаго міросозерцанія и слился ли съ народною жизнью въ такой степени, чтобъ быть непосредственнымъ и прямымъ ея выраженіемъ? Нѣтъ, жизнь шла своимъ чередомъ, независимо отъ лѣтописей, отъ этого книжнаго воспроизведенія ея. Языкъ лѣтописей—былъ готовый языкъ. И такъ—какъ, по особеннымъ условіямъ Русской исторіи, народъ мало принималъ участія въ его развитіи, то оно шло, такъ—сказать, на поверхности народной жизни, не обновляясь изнутри ея свѣжими силами, и потому шло въ такомъ направленіи, которое не обѣщало будущности. Языкъ лѣтописей—не самородный языкъ, а принятый, но подвергшійся, въ извѣстной степени, туземному вліянію Русской рѣчи. А если такъ, то совершенно справедливо, что Русскій литературный языкъ образованъ не Ломоносовымъ, т. е. что онъ получилъ условное книжное направленіе до Ломоносова.

Для насъ не столько важно то, какъ думали и говорили книжки о народѣ, а то, какъ самъ народъ думалъ и говорилъ о себѣ. Конечно, памятники нашей старины болѣе или менѣе отражаютъ въ себѣ эпоху, но свѣдѣнія, которыя они сообщаютъ исторіку, никогда не могутъ замѣнить самосознанія народнаго, которое возможно подъ условіемъ самостоятельнаго народнаго творчества. О народности языка можно судить только по чисто-народнымъ памятни-

камъ. Г. Ламанскій утверждаетъ, что «множество южнорусскихъ сочиненій XVI и XVII в. писаны тѣмъ же языкомъ, какимъ писали въ то время въ Москвѣ, Повгородѣ, Вологдѣ, Поморскихъ городахъ.» Пусть и такъ. Но, именно, это были *сочиненія*, вышедшія изъ головы книжниковъ, а не изъ народнаго сознанія. Справедливо, что «южнорусскіе ученые и писатели, съ конца XVII в. почти до самого Ломоносова, имѣли огромное вліяніе на Русскій языкъ, имѣя, по видимому, всѣ средства образовать Русскій литературный языкъ на Малорусской основѣ». Но если бы они трудились для этой цѣли и не достигли ея—тогда другое дѣло. А то имъ и въ голову не приходило, что существуетъ наука внѣ школы, что можно учиться у народа. Смотрпцкій, первый славянскій грамматикъ, написалъ на западно-русскомъ языкѣ предисловіе къ церковно-славянской, а не малорусской, грамматикѣ: сознанія индивидуальности языка не было, и вообще Малорусская образованность XVII и XVIII в. не имѣла прочныхъ корней въ народѣ: въ учебникахъ принято называть ее схоластической. Самъ Ломоносовъ, посѣтившій Кіевскую Академію, не нашелъ въ ея школьной премудрости того, чего искалъ. Поэтому, какъ бы ни велики были услуги Малорусскихъ ученыхъ для Русскаго литературнаго языка, исторически онѣ не обязываютъ Малоруссовъ къ принятію навсегда русскаго языка языкомъ школы и науки. Нельзя сказать, чтобы книжная Малорусская образованность XVII в. была внѣ всякихъ солидарныхъ отношеній къ самой жизни народа; но она не была прямымъ и непосредственнымъ выраженіемъ жизни, и вопросы, попадавшіе въ школу изъ жизни, тотчасъ подвергались извѣстнымъ приемамъ схоластическаго ума, вносились въ общія готовые категоріи, и затѣмъ уже рѣшались по правиламъ учебника. Безспорно, южнорусскія школы XVII в. защищали религіозные интересы народа, въ то время смѣшанные съ политическими, но защищали далеко не согласно съ простотой и безыскусственностію народнаго воззрѣнія, такъ—что школы походили на присутственныя мѣста, въ которыхъ рѣшались дѣла для пользы народа, но безъ всякаго самостоятельнаго участія народной мысли въ самомъ процессѣ рѣшенія. Мы не противъ схоластики того времени; она имѣетъ свою историческую заслугу: и въ непріятельскомъ лагерѣ сражались тѣмъ же оружіемъ. Но дѣло въ томъ, что послѣ того, какъ защита интересовъ народа вручена была школамъ, сами школы не черпали изъ глубины народнаго духа его образовъ и понятій, и не въ укоръ себѣ, выражались такимъ языкомъ,

который, конечно, былъ понятенъ противникамъ и доморощеннымъ изчетчикамъ, за то не понятенъ народу. А если южнорусскіе ученые XVII в., по самому складу и направленію своей учености, не были непосредственными представителями Малорусскаго народа, то и въ такомъ случаѣ, еслибы они еще до Ломоносова создали Русскій литературный языкъ, — все-таки онъ былъ бы только *посредственнымъ* органомъ для Малоруссовъ и, затѣмъ, самостоятельное существованіе ихъ непосредственнаго органа, ихъ литературы, съ ея прошедшимъ и будущимъ, все-таки было бы законнымъ и неприкосновеннымъ правомъ, ими полученнымъ *отъ природы и ихъ собственной исторіи*. Очевидно, путешествія Кіевскихъ и Виленскихъ ученыхъ въ Москву и дѣятельность ихъ тамъ не есть существенное явленіе эпизода Малорусской исторіи, на который можно бы было ссылаться въ доказательство того, что Малорусскій народъ участвовалъ своими собственными средствами въ образованіи русскаго литературнаго языка.

Нѣтъ сомнѣній, что Великорусская и Малорусская народности родственны другъ другу, что между ними дѣйствительно существуетъ взаимное тяготѣніе, доказанное исторіей, но это внутреннее единство всего русскаго племени не исключаетъ народныхъ типовъ, не нарушается существованіемъ у Малоруссовъ особаго языка и особой литературы, и можетъ быть мыслимо совѣмъ не подъ формою quasi—общаго языка, выработаннаго на сѣверѣ, въ Великой Россіи. Всякая попытка ограничить полноправность одной народности есть посягательство теоріи на исторію, теоріи, которая противорѣчитъ сама себѣ, такъ-какъ изъ-за нея выглядываетъ худо-замаскированная народная исключительность. Г. Ламанскій допускаетъ мысль и отрицаетъ выводъ: если есть двѣ Русскія народности, то есть и два Русскіе языка, и должны быть двѣ отдѣльныя и самостоятельныя литературы. Иначе, т. е. съ признаніемъ мысли г. Ламанскаго безъ вывода, произойдетъ такая перестановка понятій: на мѣсто *русскаго патриотизма* будетъ *великорусскій* патриотизмъ. Поэтому, мы считаемъ одинаково фальшивымъ какъ тошъ оракула, въ который впадаетъ г. Ламанскій, утверждая, что Малоруссы никогда не создадутъ языка науки и образованности, такъ и тошъ примирителя, замѣтннй въ слѣдующихъ словахъ: «по-нашему, одинаково нецѣпо роугать ли на судьбу и обижаться такимъ выводомъ, (что самостоятельная Малорусская литература немислнна), или гордиться имъ и видѣть въ этомъ обстоятельстве: уместенное превосходство Великоруссовъ надъ Малороссіянами!»

Такой выводъ существуетъ въ статьѣ г. Ламанскаго, а не въ жизни; поэтому, если и возможны ропотъ Малоруссовъ и гордость Великоруссовъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ крайняго невѣжества тѣхъ и другихъ. Вообще—относиться неуважительно къ проявленію самостоятельной народной силы, и тономъ зловѣщей птицы вызывать изъ будущаго ложные страхи,—дѣло недостойное людей, постоянно заявляющихъ въ печати свое уваженіе и любовь ко всякой Славянской народности,—дѣло, впрочемъ, само себя объявляющее искусственной идеей общерусскаго патриотизма и общерусскаго славянства.

Г. Ламанскій думаетъ, что »и въ настоящее время, нарѣчіе Великорусское и Малорусское не отличаются между собою *множествомъ* важныхъ и рѣзкихъ особенностей. До конца же XIV в., и даже позже, онѣ были незначительны, если не совершенно ничтожны. Такъ было съ живымъ народнымъ языкомъ.» Мы не возражаемъ противъ послѣдней мысли г. Ламанскаго. Точно, чѣмъ дальше въ глубь исторіи, тѣмъ общѣе и неуловимѣе образъ народа: онъ теряется въ полумракѣ эпической старины. Нѣтъ ничего страннаго, что до XIV, или лучше до XIII в., т. е. до Татарскаго погрома, языкъ, напр., Кіевскаго княжества мало различался отъ языка Новгородскаго и Владимірскаго; а раньше, когда жизнь Руси была сосредоточена въ Кіевѣ и великій водный путь по Днѣпру былъ главнымъ русломъ нашей исторіи, нынѣшніе Великорусскій и Малорусскій языки существовали совершенно слитно, какъ въ зернѣ. Не то теперь. Спросите у Великорусскаго простолюдина, какого онъ мнѣнія о хохлѣ? Вотъ онъ странствуетъ по Малороссіи съ Суздальскимъ хламомъ. Онъ пришелъ изъ-за Клязьмы, просвѣщать хохловъ, т. е., какъ онъ выражается, *въ дурацкую землю хлѣбъ петь*, и съ этой дѣлюю распространяетъ въ этой землѣ поучительныя изображенія такихъ событій, какъ мыши kota погребаютъ и т. п. Часто можно видѣть на ярмаркахъ въ Малороссіи Суздальца, внушающаго перазумнымъ *хохлишкамъ*, что *»Москва — золотая маковка»* и т. д. Тонъ его высококѣренъ: это чисто народная черта, напоминающая древнюю Русь, не стертая временемъ и даже образованіемъ, чему живой примѣръ Славянофилы. Но такъ-какъ голова его свободна отъ утопическихъ теорій, то онъ навѣрное вамъ скажетъ, что *у хохла и душа хохлацкая*, что онъ не то-что *нашъ братъ—Орловскій или Володимірскій*, что у него и рѣчь не *распѣская*.

Говоря это, мы, повидимому, ставимъ противъ себя громадный фактъ, именно тотъ, что Шевченко понятенъ Великорусскому простолюдину,

какъ и Малорусскому. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, Шевченко писалъ на Малорусскомъ языкѣ, а не на Великорусскомъ, по капризу своей натуры, а не по внутренней неотразимой необходимости творчества? Почему онъ ничего не снѣлъ намъ

Про Парашу,
Радость нашу, —

и на приглашенія брать сюжеты изъ великорусской жизни и писать Русскимъ литературнымъ языкомъ, отвѣчалъ:

Тѣпльй кожухъ!—тільки шкѡда—
Не на мене шитий?

Не ясное ли дѣло, что онъ не хотѣлъ насиловать себя, потому что не хотѣлъ двояться? Высокое искусство всегда искренно, вѣрно жизни: иначе оно не можетъ быть ея воплощеніемъ; иначе оно пустая экзальтація, фальшивая фраза. Слово поэта тогда только принимаетъ нашу душу сладостью и разъѣдающей горечью ощущенія, когда само оно есть жизнь. Слова нельзя оторвать отъ жизни. Ея типичность теряетъ свой цвѣтъ и запахъ на чужомъ языкѣ—потому что этотъ послѣдній выработанъ на чужой почвѣ, и имѣетъ другіе соки. Онъ всегда будетъ, относительно чужого понятія, приставкой, не сплоченной съ нимъ органически.

Я на-сторѡжі коло їх
Поставлю слово. И поніче
Неначе стѡптана трава
И думка вѡша и слова.

(Шевченко.)

Этому закону слитности слова съ жизнью подчинилось и великое слово Шевченка, и велико оно именно тѣмъ, что подчинилось ему. Вотъ тайна того громаднаго вліянія, которое производитъ Шевченко не на Малоруссовъ однихъ, но на всѣхъ, у кого есть живое человеческое сердце. Онъ воспроизвелъ жизнь Украины въ блескѣ и сіяніи неумирающей красоты, и въ этомъ смыслѣ онъ поэтъ объективный. Но въ тоже время онъ дитя Украины, кость отъ костей ея и плоть отъ плоти ея, и вмѣстѣ отецъ ея словесности. Такимъ образомъ

1) условіе творчества — типъ—и по сколько типична жизнь, по столько возможно творческое ея воспроизведеніе; 2) между творческою силою поэта и типомъ стоитъ слово: оно, съ одной стороны, есть результатъ, выработанный своеобразною жизнью народа, съ другой сто-

роны—найлучшій матеріалъ для воплощенія ея содержанія въ цѣльный поэтический образъ.

Выводъ очевиденъ: если Шевченко былъ художникъ, а не писатель только Малорусскихъ стиховъ, то необходимымъ условіемъ его художественнаго творчества былъ 1) типъ, вмѣщающій въ себѣ все своеобразное строеніе жизни и 2) такая рѣчь, такое слово, которое было бы необходимымъ атрибутомъ типа и формулировало всѣ оттѣнки и индивидуальныя черты его.

Такой типъ—Малорусская народность; такое слово—Малорусскій языкъ.

Но самостоятельность Малорусскаго языка, опредѣляясь изъ внутреннихъ законовъ поэтическаго творчества, нисколько не нарушается его общедоступностію для Великоруссовъ—образованныхъ и необразованныхъ. Въ лексическомъ составѣ языка нужно различать двѣ стороны: корни его—до-историческое достояніе всѣхъ народностей, составляющихъ одну семью, и флексіи, приставки и пр.—матеріалъ, выработанный исторіей. Отношеніе первой къ послѣдней такое же, какое существуетъ между канвой и рисункомъ. Очевидно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о языкахъ, близко родственныхъ другъ другу, индивидуальность ихъ опредѣляется главнымъ образомъ историческимъ, а не доисторическимъ, элементомъ. Дать преобладающее значеніе этому послѣднему—значитъ слить два различные языка въ одинъ. Совсѣмъ другое дѣло, если лексиконъ языка мы будемъ разсматривать, какъ созданіе исторіи народной, — хотя, конечно, и этотъ взглядъ долженъ быть ограничиваемъ первымъ въ такихъ разиѣрахъ, чтобы, не нарушая правъ самостоятельности языка, устранить мечтательное убѣжденіе въ его рѣзкой особености, въ его исключительной натурѣ. Часто случается, что матеріальный составъ слова звучитъ совершенно одинаково и въ Великорусскомъ и въ Малорусскомъ языкѣ, но конкретный оттѣнокъ того же слова — такой въ одномъ, другой — въ другомъ языкѣ, и больше того: одно и то же слово заключаетъ въ себѣ два различныя представленія въ двухъ различныхъ языкахъ. Таково напр. Малорусское слово »рокъ,« соотвѣтствующее Великорусскому »годъ.« Эпическая связь между ними сразу замѣтна: Славянинъ представлялъ неизмѣнное теченіе времени высшимъ опредѣленіемъ судьбы. Это понятіе и осталось въ Великорусскомъ »рокъ.« Но весь широкій объемъ понятія, по двумъ Русскимъ народностямъ, распался на двѣ части,—такъ-что практическое употребленіе этого слова въ жизни той

и другой народности очень различно. Родственные языки много имѣютъ такихъ общихъ словъ; но не лексическая сторона ихъ составляетъ индивидуальность языка, а вся сумма своеобразныхъ воззрѣній и представлений, усвоенныхъ словомъ, жизнью и исторіей.

Малорусскій языкъ явился на памяти исторіи, и нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя индивидуальныя черты его были общи и языку того народа, который впоследствии назвался Великорусскимъ, были общи до того времени, пока Русь не распалась на двѣ половины—каждая съ своей особой исторической судьбой, и съ этого времени эти черты начали обозначаться рѣзче и рѣзче по настоящему вызову исторіи. И такъ—какъ Малорусскій языкъ, кромѣ до-исторической почвы, имѣетъ съ Великорусскимъ и историческую общую почву, и притомъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ столѣтій, то, очевидно, этотъ фактъ только усложняетъ трудъ разграниченія двухъ языковъ, но не устраняетъ его. Конечно, если бы исторія была безъ перерывовъ и крутыхъ поворотовъ, мысль о народныхъ типахъ внутри одной племенной семьи, была бы пустой мечтой, чуждой логического и практического смысла. Но на зло всѣмъ проектированнымъ началамъ и воззрѣніямъ существуютъ эти типы...

И вотъ предъ нами живая исторія—истинно—народная, Украинская поэзія Шевченка...

Но народный языкъ г. Ламанскій прямо называетъ французскимъ *ratois*, т. е. провинциализмомъ. Непостижимо странно въ взглядъ привилегированной образованности на народный языкъ въ наше время, когда не замерли еще послѣдніе звуки поэзіи Шевченка, когда въ этомъ *ratois* великій поэтъ открылъ глубину своеобразной силы, и такимъ образомъ возстановилъ народную личность, упрочивъ ей навсегда свободный и самостоятельный органъ въ языкѣ, на которомъ самъ писалъ. Языкъ—свободный органъ духа: онъ чуждъ аристократизма и всякихъ условныхъ рубрикъ, придуманныхъ цивилизаторами. Его полнота — должна быть полнотой жизни, безотносительно къ кастамъ и раздѣленіямъ, въ ней существующимъ. Поэтому, для насъ одинаково смѣшонъ, какъ шляхетскій гоноръ Поляковъ, обывающихъ Малорусскій языкъ *хлопской мовой*, такъ и вельможная деликатность Великоруссовъ, употребляющихъ для этой цѣли французское выраженіе, и утверждающихъ, что Малорусскій языкъ навсегда останется языкомъ простонародья, а не школы и образованности. Но не ужъ-то, въ самомъ дѣлѣ, Русскій языкъ имѣетъ монополию быть органомъ на-

уки, проводникомъ образованности? Неужто Малорусскій языкъ, потому только, что ближе къ сердцу народа—на этомъ только и основывается вся законность литературнаго Малорусскаго нарѣчія, » говорить г. Ламанскій, не лишень этого жалкаго, какъ будто выпрошеннаго, права существованія? Не—ужь—то, кромѣ этого права, у него нѣтъ полнаго права гражданства въ семьѣ Славянскихъ языковъ, отверженнаго свидѣтельствомъ фактовъ неотразимыхъ?

На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ общеславянская, общерусская и, въ тоже время, строго Малорусская поэзія Шевченка. Она результатъ прошедшаго и свидѣтельство настоящаго. И то далекое прошедшее, въ которомъ историкъ ничего не различаетъ, кромѣ темныхъ очертаній, когда Малорусская народность еще не выдѣлилась изъ общаго Славянскаго рода, и то прошедшее, когда она, слитно съ Великорусскою, является однимъ видомъ,—и то, наконецъ, когда она, силою исторіи, обособляется, какъ отдѣльный видъ,—все это вошло въ поэзію Шевченка, какъ въ одинъ общій и широкій потокъ. Она вводитъ Малорусскую народность въ семью Славянскихъ народовъ, какъ индивидуальное цѣлое, какъ живую личность,—личность, слѣдовательно, типически-различающуюся и отъ Польскаго народа и отъ Великорусскаго.

Какому народу она ближе и родственнѣе — это другой вопросъ, Поляки рѣшаютъ его по-своему, Русскіе—по-своему.

Что касается до первыхъ, то мы и не трудились бы надъ разоблаченіемъ той громадной исторической лжи, которую они распространяютъ и въ Украинѣ и за границею, еслибы мнѣніе относительно этого вопроса очень уважаемаго нами ученаго не благоприятствовало до нѣкоторой степени польскимъ притязаніямъ. Мы положительно не согласны съ г. Костомаровымъ въ томъ, что въ духовномъ организмѣ Малорусскаго народа больше общихъ сочувственныхъ сторонъ съ Польскою націей, чѣмъ съ Великорусскою (*), — хотя и не утверждаемъ наоборотъ, т. е. не отрицаемъ его мысли, что Малорусскій типъ не вполне сходенъ съ Великорусскимъ, и что тотъ и другой составляютъ внутри одного племени противоположность гармоніи, — мысли, подтверждаемой имъ различіемъ историческихъ началъ, вы-

(* Въ статьѣ Н. Ив. Костомарова (Двѣ русскія народности, *Основа*, мартъ 1861 г.) ясно показано, въ чемъ заключается и сходство и различіе польской и южнорусской народностей между собою.

работанных двумя Русскими народностями. По Малорусское начало личности и Польское сословное начало, Малорусская демократія и Польская олигархія... что тут общаго? Сермяжный, сельскій людъ Украины, съ его созерцательной натурой, съ его смѣхомъ, то полнымъ ѣдкаго горя, то навнымъ и сердечнымъ... что тутъ общаго съ бравурнымъ характеромъ Польской націи, гордющейся своимъ сходствомъ съ французскимъ народомъ?

Поки Рось зовѣтца Рѳссю,
Дніпрѳ въ морѳ летца,
Поти сѳрце Украинське
Зь пѳнськимъ не живѣтца.

Что касается до Великорусскаго народа, то точки соприкосновения между нимъ и Малорусскимъ народомъ—это общія воспоминанія изъ первой эпохи ихъ исторической жизни, и въ наше время—общіе интересы—общественные, религіозные и даже научные,—научные, во-первыхъ потому что отношеніе Русскихъ и Малорусскихъ писателей къ общечеловѣческой наукѣ почти одинаково, и Русская литература до-сихъ-поръ только выработала научный языкъ, что достижимо и для Малорусской литературы, поздиѣ и не безъ успѣха заявившей такия попытки, но таже Русская литература не внесла еще самостоятельнаго вклада въ общечеловѣческую науку, какъ и Малорусская,—во-вторыхъ, потому что до настоящаго времени Русскій научный языкъ остается чуждымъ народу, и стало-быть, въ этомъ отношеніи, и Русская и Малорусская литературы имѣютъ совершенное равенство.

Но если мы чужды національной исключительности, если мы желаемъ развитія всѣхъ силъ, вложенныхъ природою въ одно великое Русское племя, желаемъ, чтобы ни одна изъ нихъ не была запугана и сломана, чтобы задачи, указанные этому племени исторіей, разрешались свободно, естественно и цѣлостно: то, не противорѣча себѣ, мы не можемъ, во имя искусственной идеи, насиловать дѣйствительность, не можемъ брать на себя отвѣтственность предъ цѣлою Руской землей, кипящей разнообразными и богатыми силами,—отвѣтственности за общія цѣли ея, которыя до тѣхъ поръ, будутъ мечтательнымъ идеаломъ, пока мы будемъ упорно отрицать своеобразное стремленіе къ ихъ достиженію. Мы называемъ себя общерусскими патриотами: зачѣмъ же, закрывъ глаза, мы однимъ почеркомъ пера хотимъ вычеркнуть изъ общерусской природы еще одну силу, такъ ярко засіявшую недавно въ поэзіи Шевченка? Зачѣмъ, со злораднымъ чувствомъ, мы представляемъ

Малорусскимъ писателямъ дѣлать свое дѣло для того только, чтобы они сами когда-нибудь горько посмѣялись надъ своимъ трудомъ, а не для того, чтобы этотъ трудъ внесъ новое самостоятельное начало въ общерусскую жизнь? (См. 8 № *Дил.*, прим. редакціи къ статьѣ г. Кулиша). Кто мы—друзья, или враги своей родной земли?.. Нѣтъ, долгъ мыслящаго человѣка—встрѣтить новую силу съ уваженіемъ и приводить ее на путь развитія съ благожеланіемъ. Только люди, эгоистически и самодовольно погруженные въ созерцаніе ими избрѣтенной и любимой идеи, могутъ поступать иначе. Если правда, что Малорусскій народъ въ самомъ строѣ своей духовной природы похожъ болѣе на самого-себя, чѣмъ на кого-нибудь,—что неотразимо доказалъ Шевченко своей поэзіей и Костомаровъ—исторіей (въ статьѣ «Двѣ русскія народности»): то что мѣшаетъ ему понимать и воспроизводить идеалы, присутіе всему Русскому племени, по-своему, и рядомъ съ Велико-русской народностью идти къ одной цѣли, только своею дорогой? Вѣдь отъ этого не пострадаетъ полнота общерусской жизни, а развѣ только упадетъ въ цѣнѣ одна нечеловѣчная и древняя, какъ сама Москва, теорія, находящая, къ сожалѣнію, еще и въ наше время, своихъ защитниковъ и почитателей.

Желая мыслить и писать по-своему, Малоруссы не выгораживаютъ себя изъ общерусской жизни. На-столько они еще послѣдовательны и правдивы, чтобы склониться предъ опредѣленіемъ исторіи, которая создала ихъ типическій образъ, и вмѣстѣ, сблизая ихъ съ Велико-русскимъ народомъ, доказала ихъ кровное братство съ нимъ и, слѣдовательно, единство ихъ общеплеменныхъ стремленій, пока еще невыясненныхъ въ общечеловѣческой жизни. Предъ нами—живое слово и дѣло—попятная для Велико-русскаго народа и непереводимая на Велико-русскій языкъ поэзія Шевченка. Рѣчь его такъ-разительно сходна съ Русской рѣчью: казалось бы, что можетъ быть проще, какъ читать его по-русски, употребляя русское произношеніе? И для чего писалъ онъ по-Малорусски? А между тѣмъ, каждое слово его—свое, не украденное изъ чужого языка, не вычитанное въ Русскихъ книгахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—въ немъ, этомъ общерусскомъ словѣ съ деревенскимъ, *хохлацкимъ* произношеніемъ, звучитъ такая самородная жизнь, что не внять этому звуку—значитъ не имѣть ушей, или умышленно закрыть ихъ. Это соединеніе двухъ противоположныхъ свойствъ — сходства и различія — и есть въ поэзіи Шевченка свидѣтельство настоящаго, — свидѣтельство той неоспоримой истины, что Малорусскій языкъ, съ

одной стороны, обнимает цѣлый міръ своеобразныхъ понятій и представлений, и, какъ органъ духовной личности народа, строго индивидуаленъ, — съ другой стороны, что этотъ языкъ — общерусскаго происхожденія и состава, что первоначальныя стихіи его принадлежатъ всему Русскому племени, отчего онъ и доступенъ Русскому народу. Это послѣднее свойство его снимаетъ съ его конкретныхъ особенностей ту мертвящую неключительность, которая изгоняетъ изъ слова общій смыслъ и осуждаетъ его на вѣчную неподвижность. Мы очень понимаемъ, что, устраниая себя отъ участія въ общерусской жизни, Малоруссы произнесли бы смертній приговоръ своей словесности — потому что они пошли бы, въ этомъ случаѣ, противъ исторіи, — и знаемъ, что они могутъ жить этой общей жизни самостоятельно, не прибѣгая къ бесполезному и непроезвительному для нихъ займу у другихъ ума и языка. Довольно все мы насмотрѣлись на печальныя послѣдствія того безогляднаго подражанія, которое породило въ Русскомъ обществѣ тысячи скороспѣлыхъ космополитовъ, имѣющихъ притязаніе понимать все, быть всемъ вообще и — въ — сущности, не быть ничѣмъ определеннымъ, — которое внесло въ Русскую натуру противорѣчащія, непереваримые элементы, — чѣмъ, впрочемъ, иногда пользовался Русскій патриотизмъ для выраженія остроумной догадки, что въ Русскомъ морѣ должны слиться не только все славянскіе ручьи, но и ручьи всемірной цивилизаціи, и въ этой цѣльной, звукоподражательной Русской натурѣ получить свое примиреніе.

Но — *оставимъ мертвыя погребсти своя мертвецы...* Мы думаемъ, что жизнь нельзя вдвинуть ни въ тѣсныя, ни въ широкія рамки, — ни замкнуть ее безвыходно въ сферу чистой индивидуальности, ни лишитъ ее индивидуальности: пусть лучше она сама изнутри себя раскрывается, и сама себя определяетъ. Поэтому, вопросъ о томъ, какъ и что возьметъ Малорусская литература у Русской науки и образованности, долженъ рѣшиться практически и притомъ самимъ Малорусскимъ народомъ, а никакъ не трибуналомъ Русскихъ патриотовъ, которые не могутъ понять Русскихъ интересовъ на другомъ языкѣ, кромѣ своего собственнаго, и своею исключительностію нарушаютъ равновѣсіе силъ всего Русскаго племени. Эти миссіонеры просвѣщенія, дѣйствующіе подъ знаменемъ народности, забыли, что народъ прежде всего требуетъ отъ своихъ воспитателей уваженія къ его собственному міровоззрѣнію, выработанному вдали отъ школы, и что это именно міровоззрѣніе есть точка опоры, отъ которой должно пойти все его

будущее развитіе. Отрѣшнить народъ отъ этой почвы—значить раздвоить его натуру, значить обезпечить вѣчное существованіе двухъ смѣшанныхъ категорій—общества и народа, (какъ будто народъ—не общество, а стадо овецъ), которыя у насъ имѣютъ сословный характеръ. Первая—съ титуломъ образованной, послѣдняя... но всѣ мы знаемъ, какъ въ Россіи называютъ народъ... Къ первымъ будутъ принадлежать или жалкіе и безцвѣтные *перевертні*, наклоняющіеся въ ту сторону, откуда сильнѣе вѣтеръ, или люди, окончательно изсушившіе въ себѣ живую струю народной силы, а за чертою этого привилегированнаго круга будетъ стоять все тотъ же темный людъ, съ его непопаятной душой, съ его честной, отвергнутой душой.

Пусть бы мы еще не знали этого горькаго опыта,—пусть бы не имѣли живого урока...

А впрочемъ,—къ чему намъ урокъ?.. Доктрина на то и существуетъ, чтобы быть выше урока, чтобы учить, взмостившись на риторическія ходули, а не учиться. Бѣлое она можетъ назвать чернымъ, и наоборотъ: для чего ей общее мнѣніе, когда у нея есть свое? Известно, что Шевченко пробовалъ свой поэтическій геній на литературномъ Русскомъ языкѣ: матеріалъ оказался чуждымъ его натурѣ, и его »Тризна« вышла дюжиннымъ произведеніемъ записнаго Русскаго рюмача. Казалось бы, послѣ этого, люди, толкующіе о своей любви къ родной землѣ, умолкнуть, если только прежде у нихъ оставалась хоть тѣнь сомнѣнія на—счетъ того, быть, или не быть Малорусской литературѣ, какъ самостоятельному органу общерусской мысли, развиться ли ей въ полный цвѣтъ самородной жизни, или это ложь, мечта, и она должна зачахнуть, какъ хилое растѣніе, показавшееся на свѣтъ божій въ дурную погоду? Нѣтъ, они все повторяютъ зады, и наперекоръ факту, во—очію совершившемуся, добиваются того, чтобы все своеобразное ступсать и вдвинуть въ одну общую готовую категорію. Право, когда подумаешь, до какой напвности доходить иногда эта добродушная навязчивость героевъ Русскаго патриотизма,—такъ и хочется сказать о нихъ: не вѣдятъ они, что творять. Что, еслибы, въ самомъ дѣлѣ, Шевченко послушался ихъ? Куда бы дѣвались эти »Паймички« и »Катерины,« и многое, многое другое? Куда бы дѣвалось великое, всеславянское, имя Шевченка? Оно бы распустилось, какъ капля, во всероссійскомъ морѣ. За то Русская литература обогатилась бы лишними виршами и стихосплетеніями, похожими болѣе на вымочки, чѣмъ на живое слово.

Все сказанное нами до-сихъ-поръ достаточно объясняетъ степень различія между нашимъ воззрѣніемъ на Малорусскую литературу и тѣмъ, которое высказано въ статьѣ г. Ламанскаго. Различіе полное: мы стоимъ за естественное, поступательное развитіе Малорусскаго народа изнутри его; Русскіе патріоты, усматривая въ существованіи Малорусской литературы фактъ, не подходящий подъ уровень и характеръ обыкновенныхъ явленій Русской исторіи, предлагаютъ обратный путь—сверху внизъ. Не говоря уже о томъ, на-сколько состоятеленъ ихъ взглядъ предъ судомъ самой нелицепріятной критики—жизни, — той, конечно, которая свободна отъ насилія и искусственности, — мы не можемъ раздѣлять его, потому-что строго различаемъ Великорусскую народность отъ Малорусской, различаемъ по праву, нами доказанному. Еслибы та и другая были одно, то не могло бы быть и спора о томъ, долженъ ли Малорусскій народъ подвергнуться синтетической операциі со стороны Русской литературы, какъ Великорусскій. Но такъ какъ Малорусская литература—явленіе—глубоко своеобразное, потому самому, что она идетъ отъ центра къ радіусамъ, а не наоборотъ, какъ Русская, — такъ-какъ она начинаетъ съ объективной ширины народнаго міросозерцанія, на которую должна вступить и Русская литература, въ интересѣ своего дальнѣйшаго и болѣе правильнаго развитія, — и такъ-какъ, съ другой стороны, эта послѣдняя гораздо богаче Малорусской общими понятіями: то обѣ онѣ нуждаются одна въ другой и взаимно себя восполняютъ. Это даетъ Малорусскому народу право быть индивидуумомъ, личностію, и съ другой стороны, вводитъ эту личность, какъ самостоятельную силу, въ общерусскій міръ для общечеловѣческихъ стремленій, успѣхъ которыхъ зависятъ отъ равновѣсія и полноправности обѣихъ народностей. Такимъ образомъ, удѣльное значеніе Малорусской литературы—условіе, *sine qua non*; иначе—она никогда не проявитъ свойственной ей силы.

Трудно ли понять эту простую и ясную, какъ день Божій, истину—въ наше время, когда народъ призванъ къ самостоятельной жизни, когда въ самомъ обществѣ Русскомъ возникъ запросъ на народную мысль, и оно ждетъ своего обновленія снизу, и когда, въ отвѣтъ на этотъ запросъ, раздался сильный и твердый голосъ пробуждающагося Малорусскаго народа,—сильный, именно, чисто-народнымъ тономъ, народной рѣчью?

Но уже тотъ безспорный фактъ, что Малорусская литература имѣетъ общій интересъ, что она живой и самостоятельный членъ обще-

русской мысли, при всей своей индивидуальности и подъ ея охраной, — доказывать, что она создастся не на пескѣ, а на твердой почвѣ, и въ своемъ настоящемъ имѣетъ прочные залогов будущаго развитія; что она достаточно опредѣлилась для того, чтобы не затереться въ журнальномъ хламѣ, подъ вліяніемъ цивилизаторскихъ внушеній Русскихъ патриотовъ. Сомнѣваться въ этомъ могутъ только они—патриоты-скептики. По всякому свое: имъ—теорія, намъ—жизнь; имъ—проповѣдь, намъ—дѣло; имъ ораторское искусство до самоослѣпленія и самооглушенія, намъ—зрѣніе и слухъ... Намъ—убѣжденіе, что судьба Украинскаго языка и литературы зависить отъ самого народа, который, номѣръ своего собственнаго развитія, опредѣляясь изъ внутренней необходимости своей натуры, усвоить изъ Русской образованности не то, что дадутъ ему добрые и великодушные люди, а то, на что укажетъ ему его народный гениій, съ правомъ, въ свою очередь воздѣйствовать и на Русскую литературу; намъ—убѣжденіе, что сдвинуть міросозерцаніе народа, воплощенное въ его языкѣ, беспорядочнымъ вторженіемъ сверху иныхъ формъ съ инымъ содержаніемъ—Русской образованности съ ея языкомъ, долженствующей быть искомымъ началомъ, а не навязаннымъ лъзвѣ, — значитъ вообразить себѣ на мѣсто живой народной души грифельную доску, на которой можно писать что—угодно, —значитъ предложить Малорусскому народу рискованнй скачокъ, и такимъ образомъ умножить до безконечности массу тѣхъ умственныхъ калѣкъ, которыхъ и безъ того довольно въ Малороссіи, и которые составляютъ ея большую сторону, ея разлагающее начало.

П. Житецкій.

Кіевъ:

11 декабря 1861 года.

РОКОВИНИ ПО ШЕВЧЕНКОВІ,

місяця лютого, 25-го дня, 1862 року.

Шануючи святую пам'ять великого кобзаря, збиралась чесна громада петербурьська, въ роковини єго смерті, до церави Введенія, на панахїду. Проспівавши єму вічну пам'ять, завзавъ до себе громадинъ високоповажний землякъ нашъ, протоєрей Платонъ Ѳедоровичъ Мєнчиць. Якъ обісь панъ-отець усіхъ козливомъ съ кутєю, справляючи предковичню славянську трїзну по кобзарєві, ставъ тоді посередъ громадинъ П. А. Кулішъ и промовивъ такє слово:

»Шановна громадо!

»Якъ умеръ нашъ батько Тарасъ, заіразъ усі заговорили, що бъ то вчинити на ознаку громадської до єго шаноби? Надумалась громада що-неділі докупї збіраться и по копї въ скарбовню складувати, на підмогу убогимъ братамъ на Україні. Всі ми, шановне товариство, знаємо, що то за вбогий людъ, наші темні братї-хлїбороби. Живуть вони и досї такъ, наче тільки-що зъ великого потопу вихопились: насїлу хатїну собі сякъ-такъ складє и тільки-що не заступомъ зємлю пахає; годїщїй тєсля, рўчїй коваль дє-не-де по сєлахъ знаїдетця, а про столярну роботу хочъ и не згадуї. Бо ї справді трудно селянїновї свого сїна добре навчїти якого ремєства. Треба дитїну въ городъ майстровї на годї завдати, мовъ у яку неволю втїрити, а майстеръ ще зъ неї городїщина зробиць, шкати, штокати, душею кривїти навчїть, та ї усіма звичаями чъ селянїз одрїзніть. Отожъ то наші хлїбороби не дуже квалатця дїцї своїхъ у ремєство вправляти; а тимъ часомъ що-робу більше трєбъ лїдїямъ тєсель, ковалївъ, столярївъ и їншихъ ремєсникївъ по всьчъ нашихъ сєлахъ. Зважила громада, якїби то оно було добре, кдїбъ нашъ пахарь мавъ кудї одати дитїну до ремєсної науки такъ, щобъ нічого за науку не платїти и годїми не одбути: отъ надумалась збіраться гроші про такї народїю нїжду. вехай би зъявилась хочъ одна безплатня ремєсна шкїла на Україні, то певна була бъ надїя, що зъ неї вродїлась би и друга и трєтя и десїта. Покинївъ би нашъ сїльскїй людъ городї городїнамъ, а въ сєлахъ мавъ би въ сєбе свої ремєства про господарську нїжду. Кто слухає се прїсте слово зъ розумомъ, томъ не треба шїроко розвїдути, яка бъ то велика корїсть була народїви одъ єго по-

вого засіву. Скажемо тільки, що ні пишнимъ мавзолéемъ, ні солодкоголо́сою хвалою не зробили бъ ми нашому батькові Тарасу такої шапоби, якъ сямъ тихимъ братолюбнимъ подвигомъ. Оце жъ благою васъ, шанóвне товариство, ширте ви свою думку святу поміжъ земляками и всякого доброго спóсoбу добірайте, якъби швидче нашимъ брата́мъ - хліборóбамъ допомогти въ їхъ великій ну́жді. Не зупинійтесь, па́нóве коза́цтво, тимъ, що му́сите малимъ ко́штомъ вели́ке діло почи́ати. Тутъ поча́токъ діла більше зава́жить, аніжъ великі гроші. Почина́йте зъ малóго, зъ найме́ншого, тільки не гайте ча́су. Аби ва́ша думка ста́лася діломъ, то вже вона сама за васъ по всій Україні працюва́тиме. Нехай нашъ братъ хліборóбъ зна́е, що дба́е хтось про ё́го кра́щу до́лю не одніми тільки дру́кованими річа́ми. Одногó сё́го, зда́ється ми́ні, бу́де, щобъ нашъ малий поча́токъ ста́вся вели́кимъ наро́днімъ діломъ.

Які ма́ємо до сё́го ча́су грошові засо́би и звідкі́ля ще їхъ добу́ти, про те іншимъ ча́сомъ рахува́тимемъ; а тепе́рь, ра́ди святóї споминки про ба́тька Тараса, ще зніму́ річъ про те, що не всі ми ё́го робо́мъ ходимо. Ма́ло міжъ нами таки́хъ люде́й, що службу сво́му наро́дові вважа́ють найви́счимъ діломъ своїмъ, хочъ би довелось и въ вели́кій ну́жді ё́му служи́ти. Скільки ми зна́ємо молодиківъ, що ма́рне на чужій чужині пропада́ють, здоро́вья псу́ють, молоді́ми си́лами вя́нуть, а чо́го добива́ютьця?... химерно́ї пихі́, нігче́мно́ї ца́цьки, абó гро́шей—тогó жи́дівського щастя!... Ще бъ не та́къ було́ жалъ, коли́бъ се були́ лю́дці, якъ-то ка́жуть, *ніщии дýхомъ*; а то́ ні! Не оди́нъ би зъ нихъ, підъ случи́й, гербе́мъ ста́вся, па́ смерть пішо́въ би, всю худо́бу на святе́ діло одда́въ би. Чомъ же симъ лю́дя́мъ не вчині́тись би тихими́, незна́ними въ истори́ї, геро́ями добра́ людського́? Чомъ би зъ нихъ не обібра́тись хочъ на сей случи́й тако́му, що сказа́въ би грома́ді: »Отъ вамъ, па́нóве бра́ття, мо́я молоді́ си́ла и вся мо́я до́ля! Одда́ю себе́ на корис́ть людську́, не бажа́ючи ні сла́ви, ні гро́шей за свою́ пра́цю!« И нехай би таки́й чолові́къ покінну́въ горо́дя́нські приманки́, засі́въ у яко́му селі́ и поча́въ мали́мъ грома́дськимъ ко́штомъ вели́ке діло наро́дне робі́ти: оце́ бувъ би подви́гъ, пра́ведний подви́гъ! Не диво́ бага́тимъ ска́рбомъ трясти́ и злото́мъ люде́й підъ сво́ю во́лю нагна́ти. Намъ нізвідкі́ля сподіва́тись гро́шей вели́кихъ: въ насъ одна́ надія́—підня́ти ду́хъ наро́дній на підмо́гу наро́днімъ ну́жда́мъ, ду́хъ на ро́дній по́ти не підні́метця, поки́ лю́де просві́щені не ввій-

дуть у народню сѣмью рідними братами. Дорікають намъ збоку—и поправді дорікають—що ми свій людъ тільки словомъ кохаємо. Якъ же намъ ганьби сієї збутися? Однимъ тільки — увійти въ убогу, неписьменну, сѣмью народню рідними братами. Дякувати Бѣгови, вже й розпочалося таке примір'я просвіщеннихъ братівъ съ темними и багатшихъ зъ убожшими. Чуємо зъ України, що вже не въ одному селі розумна голова, знаючи добре, по чімъ ківшъ ліха, знаючи панство й городянство,—надъ сільськимъ людомъ, зъ єго волі, отамаує. Почалá оживати Вкраїна; не скрізь ужé по сѣлахъ туманіють люде; є кому щирю правду селянамъ говорити. Оттеперъ же то саме й порá, панове товариство, кожному зъ насъ чужі звичаї кидати, паньски цяцкї заведбобувати, на городянські заманки не вважати и, хто якъ зможе, у сільський людъ увиходити. Въ сільському бо людові, въ єго незопсованій ищѣ натурі, вся наша підмога на дальші часи. Тільки єдиною зъ нимъ великою сѣмьею устбімо ми на своїй рідній землі и не попустимо її въ чужі руки.»

Слідомъ за нимъ знявъ річъ Вс. П. Коховський тїми словами:

»Чѣсна громадо!

»Смерть Тарасова вразила насъ въ саме серце. Всімъ вінъ бувъ дорогий и рідний, всі жъ-то єго любили и поважали. Ще за життя єго ми вже знали, чо́го вінъ стоїть для України, ще за життя єго склали єму ціну.

»Якъ умеръ Тарасъ, ми не знали чимъ лучче єго помьянути,—и поминаємо єго не такъ якъ иншихъ поминаємо: що одправимо панахиду, попоїмо й попопємо, та й и ігáдки до новихъ поминокъ! Ні! Ми заходились укріпити єго пам'ять по всій Україні—на віки вішні. Заходились постановити єму живий, нерукотворний пам'ятникъ,—та ще й не одинъ. Гараздъ!

»И припечатали сю нашу думку, и оповістили про неї весь миръ Український. Та й тільки жъ то! Бо, хутко побачили, що ми—сама голота; що нема, и довго не буде, у насъ снаги, наші думки виконати. Вибачте, братчики, за слово: схожі ми стали на ту синицю Криловську—що похвалилась море запалити. Отъ-що!

»Та я ще такъ думаю. Хочъ би ми мали и багато грошей, хочъ би ми були и незнатъ—які дуки-богачі, то й тоді бъ наші думки такъ би й остались себї: думками та й годі! Яка зъ насъ громада? Яке слово непохїбне, правдиве, изrekli ми за сей годъ? Яке діло зробили одностайне? Якъ ми, у громаді, поводились братъ

изъ братомъ? Яку нашу думку підкріпили самимъ діломъ?—Э! люде добрі, браті милі! Високо ми літаемъ, та сідаемъ низенько.

»Тарасъ сказавъ гблосно слово правди—и ніяки муки не примушили его змінить тому слову; и десятилітня тяжка неволя не надломила его, не то що. Тó бувъ чоловікъ! Тó бувъ громадянинъ справедливий! Тóй любивъ Україну! А ми що?! Ми тільки гомонимо гарно, а проте, наше слово легшъ одъ пуху; и за вітромъ полетить, коли хто дмухне гáраздъ.

»Хиба жъ ми виконали завітъ Тарасівъ? Йшли ми хиба тоєю стежкою, котрою простувавъ Тарасъ?...

»Помьянімъ же, кохані братчики, Тараса тимъ, що слово его приймемъ у саму душу. Переймемъ собі его правду; будьмо одностайні, будьмо рівні! Поважаймо діло громадське; полюбимъ щіро Україну нашу убогу.

»Нехай, поки-що, хочъ наша невеличка громада буде нерукотворнимъ, живимъ надгрібкомъ Тарасові. Нехай хочъ ми себе напўtimo такъ жити, якъ вінъ учивъ и словомъ своїмъ теплимъ и щиримъ, и життемъ своїмъ довгимъ — бо тяжкимъ.

»Не поснемо жъ, брати мої, надъ ёго домовиною, щобъ не довелось прокинуться тоді вже, — якъ »настане судъ! Заговорить и Дніпро и гóри... «

Чесний господарь, панъ-отець Мѣнчиць, шанувавъ громаду винами, медами и всякими наїдками. Загалялись у ёго громадяне довгенько, розмовляючи шіроко про всікі громадські справи; хто мавъ при собі грóші, складавъ у громадську скарбóвню на народні потреби, щобъ шіршало письменство и всяка добра наука на Вкраїні. Після то́го, заспівала громада своїхъ старосвіцькихъ поважнихъ пісень про ті страшѣнні часи, якъ наші прѣдки бїдували та бїдючи сѣрце собі гартували, про ті великі, незабуті часи, якъ у всіхъ у насъ була воля и дўма єдина, про ті гіркіі роки, якъ свої своїхъ підкопували и чужóму підъ но́ги підвертали; заспівала громада, вкуні посумувала, потімъ подякувала чесному господареві и розійшлась, обновившись дўхомъ високимъ, котóримъ живъ, та й намъ ёго завітувавъ, нашъ бáтько Тарасъ.

Пóтімъ надійшли до насъ звістки, якъ шанували памьять кобзарѣву по иншихъ громадахъ.

У Львóвському *Слові* сповістили далекі наші браті-громадяне

про папахіду рокову по Тарасеві, облямувавши смутну споминку чорною печатією стрічкою. Полтавська громада випустила съ такою жь стрічкою листокъ-оповістку, тими словами:

» Оповістка.

» 25 сего лютого (феврала), 1-ої годшини зранку, у Срітенській »церкві, правитиметця, після служби, годова папахіда по покійному »Українському поетові, Тарасу Григоровичу Шевченкові. Котрі ша- »нують талантъ и пам'ять незабутнього поета, завітвають до Бо- »жого храму«.

Харківська громада спорядила, на пам'ять смерті Тарасової, музичний и читальний вечір, а що зібрани съ товариства за слухання, те обернули на книжкі про нїжду прѣстого люду. Що-року мусить вона, зь умови своєї, такъ величати *роковину Тарасову*, щобъ съ того була корість убогимъ братамъ-землякамъ. Правила папахіду по Шевченкові ще Київська громада, Чернігівська громада и громада Катеринославська.

Такъ нашъ великий поетъ, умерши, живе у всякій чесній душі українській, а єго пам'ять обертаєтця на корість бідолішньому людові, що вже почавъ бувъ до землі пікнути, мовъ степові трава, вібита, вітоптана, усякимъ піздомъ исправимъ вітравлена. За сей сумній рікъ, що батька Тараса на світі немає, сумніа Вкраїна голосніше почала зивати у єдину семью вірнихъ дітей своїхъ. Сходятьця порізнені, черезъ усяке лукавство, небожата недільними *Тарасовими вечорами* и, на вічний споминъ єго, дбають про підмогу своїмъ братамъ, найбільшъ правобочної над-Дніпрянської України, затуманенимъ омаю, заліканимъ пахабою, зведенимъ зь давнього праведного шляху народнього. Ще порано хвалітись добрими вчинками на пожитокъ народній, а всяке бачить и знає, що побимъ якимъ життямъ живе Україна після Тараса и що тамъ ні коять по воробжихъ кагалахъ, що ні видумують, якъ би те життя зупиніти,—воно шірше та шірше виявляєтця, когѣ дивуючи, когѣ сєрдючи, а когѣ—то й лякаючи. Лякаєтця, звісно, людська неправа, постерегаючи, на чімъ стоить розрізнені черезъ неї діти славної України: стоить на правді, правдою вони себе підєржують и обороняють, одъ єдиної правди всякого добра своєму народові сподіваятця.

Слава жъ тобі, батьку Тарасе, по всі вічні роки, що ти намъ вѣдывивъ забуту нашу правду своїмъ пророчимъ словомъ! *Все мислѣця, одна правда зостаѣця*, говорить пословицею нашъ убогий селянинъ; а ти єго тихий голосъ претворивъ у голоснѣ, високѣ и славу, пісню. Пѣки свѣтъ—сѣнца, пѣти не замѣкне твой пісня животворяща, и бѣде вона для насъ нѣби стѣгомъ великимъ, видимъ съ краю землі до краю. Усѣ живѣ, усѣ правдивѣ, усѣ чѣсне и до діла гаріче, збирѣтимѣця навкругі сѣго славетного стѣгу... визнають и нашу сѣмью по всѣму свѣту!

ИЗВѢСТІЕ

ОБЪ ОБЪѢДѢ, 5 МАРТА 1862 ГОДА, ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, ПО СЛУЧАЮ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

19 февраля, нѣкоторые литераторы вспомнили о Шевченкѣ, какъ замѣчательнѣйшемъ и благороднѣйшемъ явленіи изъ крѣпостнаго сословія, и предложили дружески помянуть поэта въ день его смерти. Съ этою мыслью назначенъ былъ, на 26 февраля, обѣдъ въ *Шахматномъ Клубѣ*, преимущественно посѣщаемомъ писателями, но въ этотъ день, по случайнымъ причинамъ, онъ не состоялся, и былъ отложенъ до 5 марта. Не смотря на то, что объ этомъ обѣдѣ не было извѣщено въ газетахъ, больше 70 человекъ, безъ различія народностей, изъявили желаніе въ немъ участвовать: въ числѣ ихъ были не только Украинцы, Великоруссы и Поляки, но и Пѣмцы. Въ концѣ обѣда, одинъ изъ участниковъ *Основы*, наиболѣе обязанной, своимъ началомъ, Шевченку, предложилъ въ память поэта тостъ «за здоровье и благостояніе освобождаемыхъ крестьянъ—братьевъ Шевченка, вся жизнь и поэзія котораго была проникнута заботливой думой объ ихъ участи. Тостъ этотъ былъ встрѣченъ съ особеннымъ участіемъ: ничѣмъ нельзя выразить больше уваженія къ памяти нашего дорогаго Кобзаря, какъ любовью къ живымъ его братьямъ — *крепка́мъ*. Вслѣдъ за тостомъ, почтенное собраніе отъ ближайшихъ друзей Шевченка потребовало слова. Никто не думалъ говорить рѣчи на обѣдѣ и, потому, никто не былъ готовъ достойнымъ образомъ отвѣ-

чать на этотъ вызовъ. Но дружески-настойчивыя требованія продолжались и, благодаря П. А. Кулишу, были удовлетворены; онъ всталъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Господа!

«Мы собрались для того, чтобы почтить память украинскаго поэта Шевченка. Къ нашему удивленію, мы, Украинцы, видимъ здѣсь представителей другихъ народностей гораздо больше, чѣмъ соотечественниковъ знаменитаго нашего кобзаря. Но это удивленіе поражаетъ насъ пріятно: мы видимъ, что не для однихъ насъ дорога его память. Почему же именно память Шевченка такъ дорога для всѣхъ народностей славянскихъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ очень легко. Онъ вышелъ изъ той убогой массы, которая до-сихъ поръ прямо или косвенно была лишена правъ гражданскихъ. У представителей каждой народности нѣкоторымъ образомъ лежитъ на совѣсти память о томъ, какъ долго оставался въ забвеніи, если не въ пренебреженіи, многочисленнѣйшій классъ населенія роднаго края, какъ долго его живыя силы не имѣли возможности развиваться на общенародную пользу.

«Въ наше время, всѣ мыслящіе люди уразумѣли важность самодѣятельности низшаго слоя гражданскаго общества, самаго здороваго слоя, самаго богатаго запасомъ свѣжихъ еще силъ: и потому—то простонародье, къ которому принадлежалъ Шевченко, возбуждаетъ къ себѣ особенную симпатію. Это простонародье не всегда было такимъ, какимъ знаютъ его наши современники. Былъ у него моментъ энергической самодѣятельности,—короткій, но блистательный, моментъ. Къ сожалѣнію, предводители его не соответствовали тому идеалу добра и правды, который оно глубоко носило въ душѣ своей. Предводители эти уронили его достоинство въ глазахъ сосѣдей и, гоняясь за личными выгодами, довели его до того жалкаго состоянія, въ какомъ оно представляется нашему наблюденію. Но натура этого простонародья не измѣнилась: оно говоритъ тѣмъ же языкомъ, что и говорило, свято хранить тѣ же обычаи, которыми отличалось и за два вѣка до насъ; а что глубина чувства не измѣнила ему, это всего очевиднѣе изъ того, что оно дало намъ такого талантливаго, такого энергическаго представителя своего въ лицѣ Шевченка. Поэтому—то и самъ Шевченко, съ его самобытнымъ умомъ и талантомъ, съ его глубокимъ чувствомъ, съ его побѣдоносною силою слова, такъ дорогъ каждому представителю какой бы то ни было народности. Поэтому и мы, собравшіеся здѣсь, будучи большею частію далеки между со-

бою по занятіямъ и даже вовсе незнакомы, соединились въ дружеской бесѣдѣ, ради общаго вѣсьмъ намъ уваженія къ человѣку, который вышелъ изъ низменной простонародной среды и, силою горячей любви къ ней, занялъ высокое мѣсто между поэтами. И такъ, выпьемъ за просвѣщеніе и благоденствіе той убогой массы, для которой жилъ и за которую страдалъ Шевченко!»

Рѣчь г. Кулиша вызвала живѣйшее сочувствіе.—Для большинства Великоруссовъ, вѣроятно, было любопытно услышать, что скажутъ, по поводу Шевченка, Поляки, и потому требованія слова продолжались. Вл. Д. Спасовичъ также уступилъ настояніямъ собранія и въ немногихъ словахъ выразилъ ту вѣрную мысль, что хотя еще не настало время вождѣйной братской любви между разрозненными народностями, но уже приблизилось время для взаимной справедливости другъ къ другу, а это, естественно, поведетъ къ тому, что три извѣстныя народности соединятся въ дружномъ стремленіи къ одной цѣли—освобоженію народа.

Не смотря, однакожъ, на рѣчи гг. Кулиша и Спасовича, общество оставило обѣдъ неполнѣ удовлетворенное: многіе ожидали услышать, что думаютъ Великоруссы о поэтѣ, который, по обширности своихъ идей, по силѣ и высокой правдѣ своей поэзіи, принадлежитъ не одному украинскому, но всему славянскому, міру.

УСТНЯ МОВА ЗЪ НАУКИ.

Слово зъ боку.

Живучі въ столиці, далѣко одъ України рідної, розважаємо ми сѣрце тимъ, що збираємось громадами, ніби на вечерниці, то въ одного то въ другого земляка. Тутъ про всячину гѣторимо и, скільки нашої мѣги, дбаємо про добрѣ рідного нашого краю и єго убогого люду. Вбачає товариство, які ми гостинці подаємо на Україну. Хочъ не багато, а все жъ краще, ніжъ нічого: все жъ такі добрі люде бачять и сѣрцемъ радіють, що ми їхъ не забуваємо,—не спаніли тутъ живучі. Поміжъ иншими бесѣдами нашими, знявъ я слово про те, що нема въ насъ жадної науки, рідною мовою зложеної. »Не гѣрне діло, панове громадо«, мовлявъ я, »що ми своє рідне слово любимо, а ніде не прочуємъ, щобъ учено дитѣй по-нашому!

Шкода жалкуватись памъ на тогô да на сѣгô... Коли бъ оцѣ заразъ передъ нами була така школа, въ которій про щô хочъ говоріи ріднимъ словомъ, то не багáто зъ насъ обібралось би такихъ учителівъ, що змогли бъ висловитись по-своѣму про всяку річъ научню. Не тоді, панове—брáття, хорті годувáти, якъ на полювання іхати. Трѣба намъ заздалегідь хочъ помалу готóвнитись. Нехай одинъ візьметця за одну науку, а другий за другу, та й поміжъ се самъ собі, якъ би її рідною мовою зложити, та, прийшовши въ громаду, и проговорить частіну яку, тагъ, ніби громада—ѣго учні, а вінъ учитель. Ми жъ, слухаючи, будемо записувати, противъ чого можна змагáтись, коли не тагъ висловився, абб не туди рóзумомъ кинувъ. Отъ и іншимъ громадянамъ буде наука и сама практика. <

Спасибі імъ, знайшлись такі люде, що мене послухали: змовились, кому про які рѣчи научні мову въ громаді мати, и оцѣ високоповажний Володькô Нечуя спрôбовавъ свого слова—розказавъ намъ »про дощъ« такімъ складомъ, якъ ніби ми були невчені селяне. Залюбивъ ми ѣго слухали и просіли, щобъ вінъ положивъ свою мову на папѣръ, та й подали до друку у *Основу*. Нехай ся мова иде по добрихъ людяхъ на взіръ, якъ трѣба велике діло рідної освіти розпочинати (*).

П. Кулішъ.

ПРО ДОЩЪ.

(Спроба)

Передне слово.

Лучча мині доля судилася аніжъ иншимъ оружнымъ людямъ зъ мого товариства. Замість муштри щоденної—дали мині школу.

За три роки мавъ я часу придивитись, яка велика жадоба у

(*) Зъ правдивою радістю уміщаємо ми спрôбу («спитъ», «дôпитъ») високоповажного добродія, Володька Нечуї, и слово П. А. Куліша до української громади. Не багáцько тутъ говорено, та багáто сказано; а розумній толові—дôсить дві слові.—За цією спрôбою ми папечатáємо й инши, а на-самъ передъ—в. п. Ст. Д. Нôса, котрий давнô вже приложивъ своє знатте иароднѣї мови до научнихъ предметівъ. Дай намъ Боже швидче тогô часу дїждати, коли можна буде нашою рідною мовою ясно виявити усѣ, що чье и розуміє душа Українця. Ред.

прѣстихъ людей до освіти. Найкраща, наймиліша имъ та наука (опрѣчь Св. Письма) котора оповідає про землю, сонце, місяць; про те, одчого буває день и нічь, літо и зіма, и про воздушні яви, наприкладъ: дощъ, снігъ, и инше.

Учивши москалівъ (жовпірівъ) пісьменства, ми дбали и про те, щобъ зробити зъ нихъ людей здатнійшихъ для війська, и про те, що якъ вийдуть вони «у чисту», щобъ були учителями народу.

Нашою думкою було, щобъ наукою мусили вони годуватись до віку; щобъ вже не швендяли по усіхъ усюдахъ випрошуючи и виманюючи шматокъ хліба, а булибъ потрібні-люде для громади сільскої.

Тимъ-то повинні ми були, учивши їхъ пісьма, вважати на те, зъ якого народу призвано їхъ до війська.

Маючи у школі земляківъ своїхъ, задумавъ я списати для нихъ, нашою мовою, те, що потрібно знати усякій людині.

Подаючи одну изъ моїхъ річей до земляківъ-школярівъ въ печать, маю надію, що дотепнійши, прочитавши сю *спрѣбу*, вкажуть мої помилки. Ще буде лучче, коли вони замість мого, може недоладігого слова, підіймуть до народу нашого своє, голоснійше и розумнійше.

Ничого широко річь розводити про те яке добро той дощъ у насъ. Усякий хліборобъ добре зваживъ, що безъ дощу не буде хліба, а безъ хліба и грошенятъ дасть-Бігъ!

Теперь завчасто доводитця чувати, якъ люде сумуючи жалкують на те, що світъ змінився. «У старовину, кажуть, було не такъ якъ теперь. И хлібъ тоді родивъ лучче, и дощі частійшъ перепали... и такі зовсімъ легше жилось хліборобові. А теперь е, дивись, трохи не що року, засуха; а тутъ ще внадилась сарана, та дорожнята така настала...що лихо та й годі! Не знаєшъ, якъ ёго й жити у світі!»

— «Се Богъ милосердний, за гріхі наші, розсердивсь, «додають инші: тимъ Вінъ и посилає засуху та сарану. Звісно, — чоловікъ тільки й обернетця до Бога, якъ ёго лихо спіткає!»

Ә, люде добрі, люде добрі! Богъ милосердний—не панъ, а ми Ему не кріпаками доводимось. Се пану можно втішати себе помстою,—а Бога сами жъ ви взиваете милосерднимъ. Богъ—правда. А хибажъ булабъ правда, колибъ Вінъ почавъ насъ карати за те що не такі ми, якъ треба? Що наша сила противъ Его сили? Аджежъ, якъ заведутця битись парубокъ зъ малимъ хлопчикомъ, то чи не-

налаєте ви парубка? Ні, люде добрі, и налаєте, та ще й прочухана доброго дасте, щобъ не заводився зъ хлопьяткомъ, коли знае, що певно ёго подужае. Такъ чи до ладу жъ воно буде, коли Богъ всемогучий втішатиметця надъ нами помстою такою? Ні, панове, обернімось трошки на себе, та поміркуймо, чи не ми сами винні тому, що світъ такъ змінився, якъ кажуть старі люде?

Занехаємъ до иншої розмови сарану ту, а поведемо річъ про те, кого обвинуватить треба за засуху, що трохи, мовлявъ, не кожне літо у насъ гостюе?

Може довідаємось міркуючи, чи не брешуть и тії, що кажуть, буцімъ відьми крадуть зъ неба хмари, та у глечики їхъ заховують?

Попереду подумаймо, відкіля беретця дощъ, та памітимо собі, що у Бога законъ одинъ: що для великого, що для малого. Отъ наприкладъ: візьми у миску води зъ річки и постанови на сонце. Побачишъ, що въ мисці вода випаряетця точнісінько такъ, якъ и въ річці,—якъ и въ морі, коли хочешъ. Нехай постіить та миска зъ водою довше на сонці — то вся вода въ ій висохне, вп'ять таки такъ, якъ пересихають и річки одъ тогожъ сонця, у велику засуху.

Усяке бачило, що якъ налити у казанокъ води, та становити ёго на вогонь, то вода нагріваючись, пускае одъ себе пару, и іі все меншае у казаночку. Кудижъ вона пропадае? — Певно що *вода одъ нагрівання беретця парю, и підіймаетця у-гору.*

Наука дозналась, що ся *пара*—тіжъ манесенькі водяні крапельки и що вони *на холоді перероблюютця* вже у більшенькі краплі, мовлявъ, дощові.

Намітимо жъ собі сі два порядки. Якъ би накрити сей казанокъ зъ водою якою покришкою, та подивитись, що у казанку робитця, то побачили бъ, якъ пара, підіймаючись одъ води, сідае на холодну покришку, а потімъ, збігаетця (по звісному вже намъ закону) у крапельки. Далі, сі крапельки дощикомъ падають у той же казанокъ, відкіля вziali парю.

Таке жъ саме вбачаемо и въ лазні. Коли іі натоплять тепло, то вода, що скрізь по долівці порозливана, пускае одъ себе пару. Та пара сідае на холодну стелю, и збігаетця по ій у водяні краплі. Сі краплі все важчають одъ нового пару що прибувае, и коли вже не можуть, одъ своєї ваги вдержатись по-підъ стелею,—то падають на долівку дощичкомъ.

Подивимось, пани-браття, чи не тежъ саме робитця и на землі?

Аджежъ ми собі памітили, що у Бога законъ однаковий що для великого, що для малого.

По великій обширі земної, опрічъ суходілу, багато води у моряхъ, річкахъ, озерахъ, ставкахъ и решті. Що день Божій, гріє сонечко сю воду. Що жъ зъ нею робитця?

Ми знаємó законъ, що вода одъ нагрівання (чи великого тѣпла) беретця парою и підіймаецця геть у гору. Повинно й тутъ такъ бути. Підіймаецця и тутъ пара одъ води геть-геть у високу високість.

Наука дознала, що по високій високості холоднійше аніжъ у насъ, на землі (*).

Отъ же, тая пара одъ води, підіймаючись у високості, переробляецця одъ холоду у дошові краплі. Сі краплі такі маненькі, що якъ—би взять одну зъ нихъ, то й окомъ не можна уздріти. Поки пара парою — то намъ й не можна її бачити; сь того жъ часу, якъ зъ неї поробились, крапельки, — ми її вбачаємо и *хмарою* зовемо.

Коли що треба сю появу прирівняти до чого, то вже не до чого иншого її порівняемъ якъ до тої пари що зібралась на холодній покрисці надъ казанкомъ, або по—підъ стелею у лазні.

Тамъ ми вбачали, що краплі більшали й важчали — поки, одъ своєї ваги, не падали у низъ. Тутъ, у небі, тежъ саме. Спочатку хмара легесенька и рідесенька; дивлячись зъ землі, ми, кризь неї, вбачаємо й сонце. Далі, вона густіє одъ нової пари, що прибуває зъ землі—и вже менше пропускає кризь себе світу; тими жъ часами, вона важчає, и спускаецця тихенько на землю. Якъ спуститця овсі—тоді ми кажемо: «*дощъ иде!*»

Отъ, може ви, панове-браття, попередю тільки такъ—собі згодились, що у Бога законъ однаковий що для великого, що для малого; а теперъ ужé сами вбачаете, що ся річъ справедлива. Якъ у казанку, вода одъ огню википає у пару—такъ и по всій землі вода одъ сонця підіймаецця парою. Якъ тамъ можно повернути її до-

(*) Що сѣму правдѣ—здаюсь на людей що живуть у горахъ. Вони певно помітили, що на низу теплійше чимъ на горі. А ще жъ въ насъ на Україні високихъ дуже гір немає; а то є такі сторони, де ніколи зими не буває, и де, на височеннихъ горахъ, лежить зъ поконь—віку снігъ, що ніколи не тавє. Вірна, бачте, прикмета що висче піднімаємось по—надъ землею — то все холоднійше намъ буде.

щемъ вп'ять-танн у казанокъ, такъ и тутъ—вона сама вертаецця зъ високоств на землю—дощемъ. Бачте, якъ мудро вопо сотворено!

Хіба жъ се річъ доладня, розумна, що буцімъ відьми (коли вони еств) викрадують зъ неба хмари? Не то що хмару викрасти, а ті краплі, що ринуть зъ підъ стелі въ лазні, вони зупинить не зможуть. Ні, не такий господаръ на світі порядокъ давъ, щобъ его відьма (коли її хто бачивъ) перемудровала!

Може мене спитають: яка жъ користь зъ того буде, що ми визнаемо, відділя той дощъ беретця, и що відьми імъ не орудувать? Намъ треба бъ знати, чогу у насъ засуха часто буває, и хто с'ему винень?

Отъ моя одповідь.

Наука, обраховуючи все, що робитця на землі, помітила таке:

Найбільше дощу падае тамъ, де близько яке море велике, або де лісу багато. Наша свята батьківщина, хочъ и мае на своїй південній грраниці *Чорне*, або, по старосвіцькому, *Козацьке* море, алежъ зъ того ще не велика користь усій нашій землі, бо Україна не маненька палестина.

Губерніямъ такимъ, якъ отъ: Харьківська, Полтавська, Чернігівська, Київська, та Подолі й Волині, та й самій Галичині (бо й то наша сторона, хочъ и завладавъ ею Німець) дуже далеко до моря. Щобъ тутъ робить, щобъ и тутъ дощу було більшъ? Алежъ, того Чорного, чи Козацького моря, не перетягнешъ куди схочешъ. Річокъ тутъ хочъ и е, а про те не стількижъ щобъ стало за море. Треба вдатись до лісу, та подумать—погадати, чи доволі его въ насъ?

Старі люде розказують що: »у старовину було більшє лісу—а теперъ, кажуть, викорчували его багато. Теперъ, кажуть, зовсімъ мало лісу. »Правда. Отъ, наприкладъ: у Харьківській губернії, зъ півночної сторони, якъ повирубували лісь—такъ и холоднійшъ стало, бо Московському вітру нема більшъ упину, и наносить вінъ часто въ Україну московській холодъ. У Чернігівщині ще держитця лісь—та й то, здаецця, тимъ, що его було тамъ и надто, то не встигли вирубати... А въ Київській губернії, Канівщині, по Черкащині, Чигирищині, та й навкруги Кієва и туди далі якъ

Сквірі и Паволчі, ще недавнієго часу, въ Коліівщину, пише Лип-поманъ, що лісь займавъ мало не третину всіє землі.

Отъ у старовину, якъ було більше лісу, то й води у насъ на Україні більшъ удержувалось у землі. Лісь ховавъ ту воду одъ спеки У лісахъ були криниці, дзюркотали струмені, наповняючи річечки й річки водою, а теперъ, якъ лісу стало мало (опрічъ півночної сторони Чернігівщини), то дежъ тій воді держатись? Змоче дощикъ дрібний землю, вдаре на її ясний та гарячий промінь соняшний,—и знову вся земля суха, бо сама трава, або й хлібъ, не захистять землю одъ спеки. Йде наша вода—та вода що дає зростъ хлібові, у пару, а вітеръ південний и жене ту пару, що літа, у Московщину. Йдуть тамъ дощі густо—бо лісу багато, а ми зостаємось съ засухою, що добре заробили, нікчемно й безпотрібно порубавши свій лісь. Буде ще гірше нашимъ дітямъ и унукамъ, аніжъ намъ, коли ми не схаменемось, та не почнемъ знову розводити лісь, та берегти, якъ око, всяку деревину. Вже й теперъ криниці засипаютьця, річки міліють:—що жъ буде, приміромъ кажучи, роківъ черезъ сотню?

Гарно виглядають наші хатки білі поміжъ деревомъ зеленимъ; любо завернути до нашого селянина у вишникъ, що по-за хатами. Алежъ пора намъ заглянути на наши лани та стени: чи не треба бъ и тамъ по троху деревину садовити? Тоді бъ, здаецця, нашимъ нащадкамъ нічого було бъ на насъ жалкувати—а спасибі бъ скавали. Не знали бъ вони такої засухи якъ ми зазнаємо.

Ми не даємо землі напитись до схочу — та й бажаємо, щобъ вона намъ наше зерно вертала у двадцятєро. Нехай не дають чоловікові напитись якъ схоче—то чи багато вінъ напрацює? А землі точнісінько такъ потрібна вода—якъ и чоловікові.

Отъ, не обрахувавши діла сєго якъ слідъ, ми и Бога зневажаемъ, кажучи, що се Вінъ, розсердившись, посилає на насъ засуху. Ні, паповє браття: Вінъ давъ намъ мізогъ у голову, давъ волю робити що схочимо. Чи судъ, чи карність—ми вже сами собі даємо. Якъ несхочемо гараздъ подумати,—та необачно, на півецъ, або не по правді, щонебудь зробимо—то намъ и погано на світі жити. Отъ якъ и теперъ. Оце судъ справедливий; а що кажуть, буцімъ одъ Бога намъ тяжко жити—то не правда; бо Богъ не втішає себе помстою. Пóраємся ми сами на зємлі, и *що сіємо—те й жнемо; що придбали—те й маємо; орали ми мілко, посіями рідко—уро-*

дися въ насъ дідько; плюнули ми въ колодязь — ажъ ось и
води треба напитись; якъ гукали—такъ намъ и одіукується.

Володько Нечуя.

у 11 д. міс. Студень
р. Б. 1861,
у Петербурсі.

ОТВѢТЪ МОСКОВСКОМУ «ДНЮ»

НА ПОМѢЩЕННУЮ ИМЪ ВЪ № 23 СТАТЕЙКУ Г. СОКОВЕНКА:

О степени самостоятельности Малорусской литературы.

Московский *День* не перестаетъ беспокоиться о существованіи литературы, возникшей не изъ тѣхъ началъ и побужденій, что его родная російская словесность. Въ 23 № своемъ онъ опредѣляетъ «степень самостоятельности» этой литературы. Правда, редакторъ устраняется, въ выноскѣ, отъ участія въ сужденіяхъ своего сотрудника, но вѣдь выборъ сотрудника зависѣлъ отъ него, и если *День* выгородилъ себя выноскою отъ отвѣтственности за недобросовѣтность своего помощника, то всё—таки подлежитъ обвиненію въ невѣжествѣ относительно предмета, о которомъ идетъ дѣло въ его статейкѣ. До сихъ поръ невѣжество въ *хохлацкомъ* языкѣ и въ томъ, что *хохлы* печатаютъ, считалось дѣломъ естественнымъ, и російскіе литераторы, касаясь этого предмета, какъ—будто съ умысломъ коверкали наши выраженія; если же хотѣли прослыть всевѣдущими, какъ напримѣръ Бѣлинскій, то объясняли своей публикѣ, что *жінка* или *жінца* значить жена (*). Теперь *народность*, сдѣлавшись моднымъ словомъ даже и для московскаго *Дня*, готоваго накинуть свою сѣть на всю Славянщину, не дозволяетъ проходить съ пренебреженіемъ мимо явления, которое съ каждымъ годомъ дѣлается болѣе и болѣе выразительнымъ,—и вотъ, къ услугамъ Москвичей, являются люди съ украинскими фамиліями, печатаютъ статейки въ московскихъ изданіяхъ и даютъ право редактору *Дня* говорить: «это ихъ *домашній* споръ; мы устраняемся отъ участія въ немъ; это споръ между *своими*»; т. е., иными словами: «ужъ если Малоруссы сами признаютъ или отвергаютъ что-нибудь въ своей литературѣ, такъ это дѣло рѣшеное». Такъ поступалъ и князь

(*) См. *Сочиненія* Бѣлинскаго, томъ 8-й.

Велико-Гагинъ во времена Черной Рады. Такъ постуналъ и князь Голицынъ при избраніи на гетманство Мазепы. Можно бы указать множество примѣровъ такой истинно-московской политики; но оставимъ въ сторонѣ Москву и потребуемъ на судъ того, кто сослужилъ ей службу.

Господинъ этотъ называется Григоріемъ Соковенкомъ. Фамлія оканчивается на *ко*,—значитъ несомнѣнный Малоруссъ. Ему и книги въ руки! По бѣда въ томъ, что книги—то эти онъ едва по складамъ разбираетъ. Мы могли бы указать природныхъ Великоруссовъ, которые основательнѣе г. Соковенка знаютъ языкъ нашъ и яснѣе (или, пожалуй, честнѣе) понимаютъ основанія нашей словесности. Для этого не нужно родиться непременно въ какомъ-нибудь Гадячѣ, или Чигиринѣ: для этого надобно имѣть только любовь къ предмету и здравый смыслъ въ головѣ. У г. Соковенка, очевидно, нѣтъ ни того, ни другого. У него есть только смѣлость—выдавать себя за знатока украинскаго языка и украинской словесности, а московскому Дню, по-видимому, ничего другого и не нужно отъ дешеваго представителя Украины. Г. Соковенко опирается на авторитетъ Бѣлинскаго и подкрѣпляетъ его авторитетомъ г. Лоанасьева-Чужбинскаго (*), а рядомъ съ нимъ ставитъ О. Б...аго. Намъ извѣстно, кто пишетъ иногда подъ этимъ именемъ: это—авторъ *Українськихъ Казокъ*; но мы не знаемъ за нимъ никакого отступничества. Лучше бы г. Соковенко сослался на г. профессора и академика Срезневскаго: онъ же, кетати, въ качествѣ члена академіи наукъ, направлялъ полезную дѣятельность г. Лоанасьева-Чужбинскаго по украинской лексикографіи.

Прежде всего, г. Соковенко доказываетъ, въ своей статейкѣ, тождество украинскаго языка съ великорусскимъ посредствомъ сходства многихъ словъ въ томъ и другомъ. (Казалось бы, достаточно одного такого филологическаго приѣма, чтобы уничтожить, въ глазахъ редактора, всякую вѣру въ выводы г. Соковенка). Какъ знатокъ дѣла, онъ навязываетъ намъ слѣдующія слова: *стритыть*, *брыться*, *возъ*, *грамотный*, *болный*, *строгий*, *грѣсно*, *грѣшно*, *стыдно*, *смотривны!* и т. п. Имя г. Максимовича упомянуто при этомъ авторомъ статейки какъ нельзя больше кетати. Жаль намъ имени Ос. Маке. Бодянскаго, который пойманъ въ ту же московскую сѣть. Г. Соковенко выдалъ имъ слѣдующій печатный аттестатъ: « Они, какъ знатоки дѣла и въ

(*) Знаніе дѣла и добросовѣстность отношенія къ нему г. Лоанасьева-Чужбинскаго указаны въ разборѣ его *Пользки въ Южную Россію*. (Онова, 1862, январь).

«особенности Малороссійскаго языка, будучи при томъ сами природными Малороссами, постоянно отзывались и отзываються о Малорусскомъ языкѣ не какъ о самостоятельномъ или отдѣльномъ, а какъ о нарѣчїи или части Великорусскаго языка; вслѣдствіе чего находятъ «нераціональнымъ и вреднымъ дѣлу общаго интереса принимать участіе въ дѣтской—безполезной игрѣ обособленія Малороссійскаго языка». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что г. Максимовичъ, переложивъ псалмы Давидовы и *Письмъ о Полку Игоревѣ* на украинское нарѣчїе, убѣдился собственнымъ опытомъ, что нераціонально и вредно принимать участіе въ развитїи украинскаго языка, что это съ его стороны дѣтская игра;—но чѣмъ Ос. Макс. Бодляскій заслужилъ одинакїи почетъ съ г. Максимовичемъ, объ этомъ знаетъ только московскій *День*, усвоившій наследственное искусство устраниваться отъ такъ называемаго *домашняго* спора между *своими*.

Служа усердно Москвѣ, въ качествѣ знатока украинскаго языка и украинской словесности, г. Соковенко объявляетъ, что Шевченко, въ первыхъ своихъ произведенїяхъ, началъ—было замѣтно отдаляться отъ господствующаго говора во всей Малороссїи, и только въ послѣдствїи обратился къ настоящему и вѣрному народному языку, особенно въ своихъ послѣднихъ думахъ. (Поэтому—то, вѣроятно, такъ и полюбила вся Украина, отъ профессора университета до неграмотнаго пахаря, первые звуки Шевченковой кобзы.) Но послѣднія думы Шевченка, напечатанныя въ *Основѣ*, по нашему, далеко слабѣе первыхъ его произведенїй, и ужъ не встрѣтишь въ Украинѣ неграмотныхъ людей, которые бы, услышавъ ихъ въ чтенїи, затвердили такъ, какъ наиримѣръ стихи:

Кохайтеса, чорнобриві,
Та не зъ Москаліми,
Бо Москалі чужі люде,—
Роблять ліхо зъ вами.

По смыслу статейки г. Соковенка, это должно быть оттого, что Шевченко обратился наконецъ къ настоящему и вѣрному народному языку. Дá,—именно оттого!.. Г. Соковенко утверждаетъ, что значительнѣйшая часть произведенїй Шевченка только въ немногихъ случаяхъ отличается языкомъ и оборотами, нѣсколько оригинальными, а потому и неудобопонятными для каждаго, незнакомаго съ мѣстными ідіомами (Шевченко, видите ли, уклонился тутъ отъ настоящаго украинскаго

языка, тождественнаго съ великорусскимъ); всѣ же остальные мѣста слово въ слово могутъ быть переложены на великорусскій языкъ... Дѣ, г. Соковенко! вы справедливо ссылаетесь на г. Гербея, которому не стоило никакого труда переложить *Кобзаря* на языкъ собственныхъ *Отюлосковъ* и превратить Шевченкову кобзу въ великорусскую балаалайку. Публика, для которой вы пишете, находя такъ—много осязательно—общаго между языкомъ Шевченка и г. Гербея, теперь ужъ окончательно увѣруетъ, что украинскій языкъ тождественъ съ великорусскимъ, а судя о достоинствѣ поэзіи Шевченка по звукамъ Гербелевой балаалайки, можетъ огвести ему какое заблагодарасудится мѣсто въ ряду своихъ стихотворцевъ: не посмотритъ она на филологовъ, которые давно ужъ перестали считать украинскій языкъ частию великорусскаго. Чтѣ для нея значить, можетъ быть, вовсе невѣдомый ей Миклошичъ, когда вы ей рекомендуете гг. Аонасьева—Чужбинскаго и Максимовича? Одинъ составитъ превосходный словарь Малорусскаго *нарѣчія* (который академія наукъ совѣстится оканчивать печатаніемъ); другой отлично понялъ непонятную *Пльскъ о Полку Игоревъ* и воспроизвелъ ее въ стихахъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ знаніи того же *нарѣчія*. Оба оказали російской словесности услугу незабвенную, показавъ дѣломъ рукъ своихъ скудость языка украинскаго, разжаловавъ его въ нарѣчіе и самимъ правописаніемъ уподобивъ его языку Богдановича, Хераскова и другихъ своихъ учителей.

Съ одинаковымъ знаніемъ дѣла переходить г. Соковенко отъ писателя къ писателю въ украинской литературѣ. «Главнѣйшая заслуга г. Марка Вовчка (говоритъ онъ) состоятъ въ томъ, что по его стезямъ пустились многіе повѣтствователи жизни народной: Гонна—Барвынокъ—Номысь (sic), Писъ, Глѣбовъ, Мордовцевъ и друг.» Почему же? какъ бы вы думали?... Потому, что «доставляя намъ живые матеріалы, добытые изъ устъ народа, они фактически свидѣлствуютъ намъ о тождествѣ Малорусскаго нарѣчія съ языкомъ Великорусскимъ»!!

Наконецъ, г. Соковенко коснулся и моихъ незначительныхъ писаній, отзываясь о нихъ съ похвалами; но похвалы эти такого рода, что я считаю долгомъ оправдываться отъ нихъ передъ обществомъ, которому служу, и протестовать противъ московскаго *Дня*, который тискаеть уже другую статейку, подъ видомъ похвалы извращающую характеръ моей дѣятельности и дающую читателямъ ложное поимтіе о ея направленіи. Ужъ лучше грубая брань, чѣмъ этикія похвалы! Какъ бы низко ни думали читатели *Дня* о достоинствѣ моихъ писаній,—бѣда

невелика; но редакторъ *Дня* долженъ понимать, что, при настоящемъ значеніи слова, перетолковывать, подъ благовиднымъ предлогомъ, характеръ и направленіе писателя-Украинца значить отнимать у него то, чего онъ защищать не можетъ. Неужели примѣръ *Русскаго Вѣстника* такъ заразителенъ въ Москвѣ? Молчаніе мое, на извѣстную выходку этого журнала для человѣка честнаго должно быть краснорѣчивѣе полу-отвѣта. Московскому *Дню* мы еще отвѣчаемъ, и какъ онъ ни странно до-сихъ-поръ велъ себя относительно насъ, Украинцевъ, но мы не хотимъ допустить мысли, чтобъ онъ желалъ нашего молчанія и не боялся напомнить намъ стихъ Пушкина:

Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ! (*)

П. Кулишъ.

20 Марта 1862.

Петербургъ.

(*) Эти слова не каждому понятны безъ предыдущихъ стиховъ, которые такъ-часто намъ, Украинцамъ, приходитъ на память:

Когда твой другъ, на гласъ твоихъ рѣчей,
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ,
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдѣрнетъ съ содроганьемъ,
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,—
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостойнъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
Ужели ты правъ? Ужели ты спокоешь?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье::
Но если ты святую дружбы власть
Употребилъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго, врагу предавъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ пѣвмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай,—не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО СЪ ЮГА.

Безыменные письма, какъ видно, нынче въ модѣ. Какая — то, судя по письму, очень почтенная дама, не-украинка, по «горично-любящая и уважающая украинскій народъ», удостоивъ меня заочной бестдой объ украинской литературѣ, желаетъ получить мой отвѣтъ черезъ *Основу*. Она относится строго къ украинской словесности и находятъ ее далеко несоответствующей потребностямъ народа. Прежде всего, я долженъ сказать, что рѣчь моя объ этомъ предметѣ не можетъ быть такъ широка, какъ, напримѣръ, рѣчь Московскаго *Дня*, или *Русскаго Вѣстника*. Достойная моя корреспондентка должна была имѣть это въ виду, вызывая меня на печатный отвѣтъ.

Дѣля патриотовъ на нѣсколько разрядовъ, она причисляетъ меня, *отчасти*, къ разряду *патриотовъ-немножко-эгоистовъ*, на томъ основаніи, что будтобы я, «желая быть *самобытнымъ*, избобрѣлъ *свое* правописаніе.»

Оправдываюсь. До появленія моего въ печати, было избобрѣтено нѣсколько правописаній: значить—всѣ избобрѣтатели были *немножко-эгоисты*. Не отвергая истины, что всякій человѣкъ немножко-эгоистъ, скажу однакожь, что, еслибы меня удовлетворило которое-нибудь изъ украинскихъ правописаній, то я не погнался бы за самобытностію, которой, притомъ, и невозможно основать на особомъ правописаніи.

»Мои наймички (говорить далѣе моя противница) смѣются, когда я имъ читаю *какъ написано*.«

Онѣ смѣются надъ неправильнымъ чтеніемъ,—но вовсе не надъ правописаніемъ, въ которомъ стоило бы вамъ только замѣтить два-три правила, и вы не смѣшили бы вашихъ наймичокъ. Вѣдь не читаете же вы по-французски, какъ написано, да и по-русски не говорите *доброга, дурнаго!* и не пропзнесите буквы *о* вездѣ, гдѣ она написана, а вѣроятно, акаете отлично!

Вы говорите, что направленіе украинской литературы— *цвѣточное* и что оно не даетъ «истиннаго знанія.»

Не распространяясь о многихъ причинахъ трудности дать украинской литературѣ приложеніе реальное, скажу, что всего только года два прошло съ того времени, какъ убѣжденіе въ необходимости развитія украинскаго языка, въ смыслѣ элемента жизненнаго, перестали (конечно, далеко не всѣ) считать нелѣпностію. Погодите уч-

рекать насъ; взгляните на исторію другихъ литературъ и сравните наше положеніе съ положеніемъ другихъ обществъ. Да и что вы такъ гнѣваетесь на «цвѣточность» нашей литературы? Ни одинъ плодъ не является прежде цвѣту. Между цвѣтомъ бываетъ много пустоцвѣту, но пустоцвѣтъ окажется только впоследствии. Еще рано заподозрѣвать нашу цвѣточность въ ся жизненной несостоятельности; вы присвоиваете себѣ права еще несуществующаго поколѣнія. Притомъ же, мы не ограничиваемъ нашей дѣятельности однимъ литературнымъ цвѣтоводствомъ. По мѣрѣ возможности, мы даемъ нашему народу и то, что, по-вашему, для него нужнѣе. Вы забываете о Галиціи, гдѣ школьное преподаваніе и судопроизводство идутъ на общедоступномъ южнорусскомъ языкѣ. У насъ въ украинской литературѣ преобладаетъ (отчасти и по-необходимости) направленіе беллетристическое, у нихъ—реальное. Ни то, ни другое не останется безъ плодотворныхъ послѣдствій. Обмѣняться не долго, лишь бы открылась матеріальная возможность. Чего недостаетъ въ ихъ языкѣ, то есть у насъ; чего у насъ недостаетъ, есть у нихъ. Работая каждый въ-одиночку, обѣ части южнорусскаго народа созидаютъ свое слово, какъ главнаго двигателя жизни. Скучно со стороны смотрѣть, какъ медленно идетъ это дѣло; множество неблагоприятствующихъ обстоятельствъ наводятъ на мысль о его безнадежности. Но мы, которые смотримъ на дѣло не изчужа, которые отдаемъ на него жизнь, не видя и не понимая, какъ употребить ее достоинѣе,—мы не считаемъ его безнадежнымъ уже по одному тому, что оно основано на желаніи себѣ и другимъ праведнаго добра.

Изъ этихъ словъ вы видите, что я не ношу розовыхъ очковъ, которыя вы совѣтуете мнѣ сбросить. Я слишкомъ хорошо вижу, въ какомъ незавидномъ положеніи находится вопросъ, ради котораго потратилъ я лучшіе годы жизни. Если хотите знать правду, то я даже и не надѣюсь дожить до новаго, лучшаго его положенія; но я глубоко убѣжденъ, что въ немъ заключено будущее благо многихъ честныхъ людей, и для достиженія этого блага разсчитываю на силу вещей, на общественную правденность, на духъ и потребности времени, а вовсе не на какія-либо «энергическія и талантливныя личности». Вообще мы, какъ единицы, можемъ сдѣлать мало. Успѣхъ нашихъ дѣйствій зависитъ отъ степени уразумѣнія силы вещей. Полагаясь на эту силу, мы смотримъ на себя, какъ на служилые органы, посредствомъ которыхъ болѣе или менѣе оправдывается инстинктъ общественной жизни. Не вамъ

произносить судъ надъ тѣмъ, что сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ украинская литература. Ваше дѣло только знать, что она сдѣлала и какъ сдѣлала. Сдѣлала она—по количеству—мало и развитіе ея далеко неразностороннее; но какая же литература въ самомъ началѣ своемъ не была малою, слабою и неудовлетворяющею всѣмъ требованіямъ жизни? Порадуемся тому, что сдѣланное ею сдѣлано разумно и честно.

Вы говорите, что «малороссійская литература *слишкомъ* изящна... слишкомъ эстетична... слишкомъ мягка для могучихъ рукъ селянина... Она неспособна къ возбужденію молодыхъ умовъ къ правильной самодѣятельности, къ правильному развитію».

Кто же вамъ сказалъ, что наша литература существуетъ *только* для поселянъ? Мы къ поселянамъ не принадлежимъ, но находимъ удовольствіе въ чтеніи Квитки, Шевченка и лучшихъ, первыхъ рассказовъ Марка Вовчка, все равно какъ находимъ удовольствіе въ художественныхъ картинахъ природы украинской. Надѣюсь, вы не найдете ничего предосудительнаго и бесполезнаго въ эстетическихъ наслажденіяхъ, и конечно позволите богатымъ поселянамъ достигать до такого благосостоянія, чтобы, наравнѣ съ нами, находить время для изящныхъ удовольствій и быть для того довольно образованными.

Но, независимо отъ эстетическаго достоинства, наша, *слишкомъ* изящная, по вашему выраженію, литература имѣетъ и практическое значеніе: она знакомитъ образованныхъ, достаточныхъ, людей съ нашимъ простымъ народомъ, отъ котораго они отстали, вводитъ ихъ въ его внутренній міръ, уясняетъ имъ матеріальныя и моральныя его потребности, возбуждаетъ любовь и уваженіе къ нему, — ту любовь и уваженіе, безъ которыхъ неосуществимы надежды на лучшее будущее. Если бы наши паны заблаговременно поняли значеніе украинской литературы, если бы они приняли къ сердцу ея честныя внушенія и сообразовали бы съ ними свои дѣйствія, то—безъ сомнѣнія—многія затрудненія, возникшія нынѣ въ гражданскихъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и поселянами, были бы давно устранены или улажены.

Съ этой стороны, украинская литература несомнѣнно оказала дѣйствительную услугу обществу, оцѣненную всѣми честными людьми; а для многихъ изъ насъ, — для людей, непонимающихъ отечества безъ народа, пользующагося правомъ свободно устроить свое благосостояніе, — она была единственнымъ душевнымъ приютомъ: разочарованные въ нравственной состоятельности образованной части общества, мы радостно

встрѣчались съ *простыми*, честными людьми, мы отдыхали сердцемъ въ ихъ обществѣ, которое носить въ себѣ несомнѣнные залоговъ возрожденія, и больше и больше убѣждались, что ему стоить посвятить все наше время, всѣ наши труды. Въ этомъ простомъ обществѣ, ежечасно занятомъ думою о насущномъ хлѣбѣ и самозащитѣ,—но разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, еще слабо сознаваема потребность образованія;—между поселянами мало грамотныхъ, а слѣдовательно и читателей и покупателей: подумайте же, откуда намъ было взять средства на изданіе *учебныхъ* книжекъ для народа, безъ надежды, что изданіе окупится? Средства есть у *господъ*, а господа пока слишкомъ собой заняты, и о народномъ образованіи огромное большинство ихъ даже не думаетъ. Общества грамотности возникали въ Одессѣ, въ Харьковѣ, Полтавѣ; отъ нихъ можно было ожидать помощи, но они еще не получили утвержденія. Наши собственные средства—средства пишущей и сочувствующей общенародному дѣлу братіи—слишкомъ и слишкомъ ограничены. Вотъ причина, отчего многія начинанія и даже оконченныя труды на пользу народа не увидѣли и долго еще не увидятъ свѣта, (развѣ, можетъ быть, вы, узнавъ обо всемъ этомъ, убѣдите кого-нибудь изъ людей богатыхъ подѣлиться частицей своего достатка съ тѣмъ народомъ, который такъ долго содѣйствовалъ и будетъ содѣйствовать ихъ благосостоянію). Все это, и многое другое (о чемъ я долженъ умолчать) слѣдовало бы вамъ принять въ соображеніе: тогда вы не только не упрекнули бы насъ, за малополезность нашихъ трудовъ, но можетъ быть, даже подивились бы и тому, что до-сихъ-поръ сдѣлано.

О возбужденіи «молодыхъ умовъ къ *правильной* самостоятельности», скажу, что можетъ быть, не все то въ вашихъ глазахъ правильно, т. е. разумно, что мы находимъ разумнымъ. Напримѣръ, изъ статей гг. Рыльского и Антоновича вы можете убѣдиться, что эти молодые умы развиваются и дѣйствуютъ въ направленіи указываемомъ украинскою словесностію. Многіе очень не глупые и даже ученые люди находятъ, что они пошли по ложной дорогѣ. Мы напротивъ, думаемъ, что оставленная ими дорога была ложною. А вы что скажете? Но вѣдь гг. Рыльскій и Антоновичъ не одни. Вы сами указываете на цѣлый кружокъ подобныхъ имъ людей, существующій у васъ передъ глазами. Откуда взялся этотъ кружокъ? Его прежде не было. Вы же называете его кружкомъ *развитыхъ людей*. Вѣдь не одинъ вы стѣтуете, что развитые люди увлекаются идеею украин-

ской литературы. Пѣкоторые заявляютъ свои жалобы печатно, оградивъ себя отъ опроверженій весьма искусно—придуманными формами; а другіе идутъ еще далѣе, да какъ далеко—если бъ вы знали! Если бъ вы знали, какъ далеко заходятъ другіе въ своемъ благородномъ энтузіазмѣ, вы бы, можетъ быть, посовѣстились кой-чего въ вашемъ письмѣ. Но письмо ваше написано—по всему видно—съ добродушнымъ намѣреніемъ обратить меня на путь истины, на тотъ путь, который вы видите,—съ того пути, котораго вы *не видите*. Благодарю васъ за это, и въ доказательство отвѣчаю вамъ по мѣрѣ возможности.

П. Кулишъ.

12 февраля, 1862.

Петербургъ.

НЕТЯГА.

Безъ свѣти, и бѣсий,
И хлѣба нема,
И люде те бачуть—
Та кажуть: дарма!

Збірщнки послѣдню
Корову цинують,
Хати́на безвѣрха,
Сусѣди глузують;

У хѣжу заглянешъ—
У засѣкахъ пу́сто,
И заросла нѣва
Свирішою гу́сто.

И самъ я дивуюсь,
Що звѣся пі-на-що...
А змолоду бувъ же
И я не ледашо!

Колясь и для мене
Играя музѣки,

Топтали дівчата
 Перазъ черевіки;

Перазъ чорнобріві
 Слѣзи утпрали,
 Якъ менѣ въ дорóгу
 Сѣстри споряжали;

Колісь поважали
 И менѣ сусіди,
 Якъ справлявъ бенкетн,
 Родіни й обіди;

Колісь и відъ мене
 Ишли паровіці—
 Степомъ розлягалось :
 »Ой не ході, Гріцію...«

И мнї колісь-то
 Догожала доля...
 Та все пройшло марно...
 Їго святá воля!

Ой кїну я лихомъ
 Объ зѣмлю сирюю;
 Помьянў на цей разъ
 Дóленьку лихую;

Потягнў степáми,
 А кóсу на плечі...
 Прощáй, родинóнько,
 Й весѣлї рѣчі!

Гей, брáття-нетяги,
 Удáримо въ кóси—
 За нáми-панáми
 Нїхтó не голóсе!

В. Куликъ.

ДО ДОМУ.

ДО-ДОМУ!

Далéкая доріженька
Гадюкою вьётця...
Зно́ву сёрце оживае
И зно́ву сміётця.
Ой окрúгi хуртовина
Плаче, завивае,
А на душі ясне сонце
Мені зно́ву сяе. —

Зь далéкого, чужо́го краю
До-дому зно́ву завітаю
И ма́тир ь рідну—Україну
Побáчу зно́ву;—одь себе́,
Мовь нерозу́мную дити́ну,
Не проженé мене́... Тебе́—
Побáчу зно́ву, мій ти раю,
Мій ба́тько рідний—степь безь краю!
И на тебе́, Дніпро́—дідусь,
Погля́ну зно́ву; подивлюсь
На ті роско́шшия, ті доли́ни,
Де тільки мріють домови́ни
Діте́й коза́чихь,—ті моги́ли,
Де сплять наро́дні на́ши сіли
И—на́че сло́ва пра́вди ждуть...
Нема́ ёго́?—літа́ идуть,
Прохо́дять ма́рно...

Україно!
Моя́ вене́ мила!
Даси́ мені сёрце но́ве
И но́вую ся́лу,
Щобь зь брата́ми за ту пра́вду
Односта́йне ста́ти,
Братівь моїхь мепьшихь, біднихь—
Розу́му навча́ти, — —
Щобь пзь ними́ на́ше да́вне
Ли́хо одбува́ти;
Щобь изь ними́ щіримь сёрцемь

Господа благати...
 И розійдетця та хмара,
 И біля віконця
 Ми у своїй рідній хаті
 Діждемося сонця.

Черніговець Миколайчикъ Білокопитий.

ПЕРЕГЛЯДЪ УКРАЇНСЬКИХЪ КНИЖОКЪ.

Скарбъ, бібліотека для любителів русскаго и малороссійскаго читенія. Выходъ 1. Кієвъ. 1859. Въ 16-ю д.; стр. 329, 15 и 18.

Разокъ Памиста, Михайла Юркевича. С.Пб. 1861. Въ 12-ю д. стр. 41.

Мотря Кочубевича, драма въ 5 годинахъ, мовою мирною, зложення Марка Онука. Година перша. Киввъ. 1861. Въ 24-ю д. стр. 47.

Се такий *Скарбъ*, що знайшовши ёго, не знатимешъ, де діти... хибá тільки покінешъ: нехай ще хто знайде та зновъ покїне. На другому листочку надрукóвано: *Мъшокъ стиховъ и торбынка вършей*. Звѣрху въ сѣмý мїшкú якийся П. Базилевичъ похваливъ стихами Бóга, та такъ же печумáзно похваливъ, náче голóдний вовкъ середъ стѣпу. П. Б—чъ прибрáвъ собі до смакú ще йншу працю: рубонúвъ стихами про славную Россію, та якъ рубонúвъ! Ось слúхайте:

Обширна славная Россія,
 Двѣ части свѣта обняла.
 Чтò передъ ней края чужіе?
 Она пространна и свѣтла.

Бачте! кажуть, що въ насъ на Україні трóхи розúмнихъ людѣй. Дѣ тобі трóхи! За ними нікúди й не протóвписся, — ажъ земля одъ нихъ стóгне, не то щò! Онъ який *Скарбъ* надрукували! ажъ сýмно. Та не журітєсь, шанóвне товариство: тутъ и понáшому де-що попїсано. Якийся д. *Льськó* вїмудрувавъ акрóстихъ: *Жїночки бажáю*. Другий хтось розказáвъ вїршами про *салдáцький патрѣтъ*, такъ, náче справді щò почúхалось объ ёго на ярмарку, абó пьянѣ до ёго поточїлось, якъ опáсувався Кузьмá Трохимовичъ. А тó ще въ томú жъ *Скарбі* надрукóвано польску повїсть Крашевського по-москóвськїй. Про неї нічòго не скажемо, тільки що заняла вона 329 страничокъ,

а на Скарбъ осталося 69. Підъ кінець надруковано въ Скарбі то се, то те по-москóвській и названо *лоскутнимъ рядомъ*. Тамъ знайдете такé диво, що: «истый Малороссы, или Крымчакъ, не любитъ никакого труда, разумѣется если онъ родился и выросъ въ своей хатѣ.» Одинъ, мовлявъ, такий удався, що якъ засне, то спять сѹтки и другі наче мѣртвий, що притьмомъ жінка заходитця ховати и попá прикличе. Тоді вінъ лупъ очима, та й не-гадки. Отъ які репяхі рóдять нашъ славетний Кіівъ! Поживлятця любителі читання!

Розгóрнемо другу книжечку, чи не полéгшае. Гáрно ся книжечка прозивається: *Разóкъ Наміста*. Чи добре жъ се намісто,—такé що зъ рóду въ рідъ переходить и довіку съ цінй не спадé, чи, мóже, скло жидівське, абó нанизаний на ниточку горохъ про дítську йграшку? На почáтку книжечки заспівавъ добродій Михайло Юркévичъ до *Шевченка*. Про щó жъ вінъ заспівавъ? Летівъ, каже, високо орéль та й назіривъ нижче себе гусей, спустився на гусакá, вдáривъ та й сівъ за свою трапéзу, а гúси полетіли собі. Оттáке-то, мовлявъ

»Оттáкé-то на сймъ світі
Птіцямъ птіця рóбить...
Якъ захóче попоисти,—
Слабішу й корóбить.»

А щó? хибá не гáрно? Се жъ те сáме, що казавъ Шевчénко:

»Оттáкé-то на сймъ світі
Рóблять людянь люде:
Тогó вяжуть, тогó рíжуть,
Той самъ себе гúбить...»

Ищé й підписано, щобъ знáли, коли співавъ нóвний поэтъ до старóго поэта: «1852 р. ноября 24.»

Чомъ, справді, не співати по готовому сліду?—Шевчénко співавъ про тополю:

»Станъ висóкий, листъ ширóкий, —
Нá що зеленіе?
Кругómъ поле, якъ те мóре
Ширóке, синіе,« —

а нóвний поэтъ співае про кленкá:

»Висóкий станъ та тонéнький
Къ нéбу простáгнувся,
Ширóкими листóчками
Увесь одягнувся.»

Кленокъ буває краще тополі,—якъ до кленка. Шевчѣнко посадивъ свою тополю середъ поля, а новий поетъ—свій кленокъ на могилі:—показнійше. И справді е такє въ нового поэта, що й не спілось Шевчѣнкові: е въ ёго думки *зелені*. У Шевчѣнка есть тільки «думи, рожеві квіти,» та й годі, а тутъ ошъ якє діво! До чого-то чоловікъ не додумаетця, ккъ зачне чухати потілицю? Може, тільки днівъ зо два й посидівъ нашъ Михайло Юрківчъ надъ своїмъ *Кленкомъ*, та й е цяцька зъ зеленими думками!

А то ще е въ ёго козакъ съ *курчавамъ* ўсомъ и синьока дівчина:—гарца пара, та ніякъ не можна розібрати, що зъ нею сталося. Ишли, каже, полемъ—

»Ишли по полю, мовъ би маня,
Обнявшися двоє.
Де ділися?... Богъ їхъ знає!...
Про те мовчять поле.»

»Такъ, каже, на світі все діється.« Ні, далєбі, не такъ! На світі хочъ тріхи розумійшъ діється, ніжъ у сихъ віршахъ химернихъ. Морока намъ зъ сими віршами! На що їхъ видувано komponувати? Святє діло—прѣза: що схочешъ, те й скажешъ; а тамъ може бъ и поверпувъ чоловікъ мізкомъ по—людський, такъ навіжєнна жъ риома не слухає; отъ и виходять такі вірші якъ оці:

Не розказуй же, дівчино,
Чогó сѣрцемъ нудишъ,
Не розказуй добримъ людямъ,
Бо ти себе згубишъ!
Хібá скажи тому хлопцю,
По якому стука...

се, бачъ, сѣрце стука по хлопцеві,—паче довбѣшка, абб-що.

Читаючи *Разокъ Паміста*, неразъ приходилось намъ питати въ поэта: що бо се ви, панічу, хочете сказати? Говоріте спроста, то ми й зрозуміємо, и гараздъ вонò буде:—такъ куди! До чумацької дороги вінъ такъ озиваетця:

»Чумацькая доріженька,
Спочинь на часочокъ,
Бо вже гори напивняють
Рожевий віночокъ!«

Чомъ же се такъ? чомъ не говорять по—людській нашъ поетъ, а все якось извисока займає? Мабуть, чи не того, що лі про що гараздъ

ему́ говори́ти; бо й самъ вінъ, посередъ кни́жечки своєї, призна́вся; ка́же:

»У думки заглянешь свої заповідні!—
Ажъ сміхъ розбірає, які вони́ бідні!

Такъ на що жъ папірць неувати, коли такъ? Лучче бъ ви дерево по Україні сажали, ніжъ на чужині українські вірші друкували. Тамъ скрізь голо, скрізь злидні, а ми тутъ виспівуємо про кленківъ, то про козаківъ съ *курчавами* вусами, та зъ-печевья неуемо́ рідну мову, не навчившись її добре въ тихъ людєй, що ждуть відъ насъ підмо́ги не словомъ, а діломъ. Мо́же, иноді її слово ста́не імъ у пригоді, та не такє якъ оці вірші:

»Бувало й такєе,
Що цуръ и казати,—
На дворі нудьгують,
Нудьгують и въ хаті.«

Або́ оці:

Стояла грушка молода,
Старимъ покійничкомъ привита.

Перебра́вши ввесь *Разокъ Наміста*, не знайшли ми въ ему́ ні зє́рнятка годя́щого. Коли́ й попада́лось якá добра зернина, то съ чужо́го наміста. Ото́, ма́буть, начита́вся панічъ *Кобзаря*:—»ке й собі напшў!..« Ой, панічу, панічу! коли́бъ ви зна́ли, якъ глі́боко въ мо́рі росту́ть корáлі, що зъ нихъ намісто ни́жетця! Отъ же ще глі́бше па дні душі людсько́ї затаїлися поэтїчні рє́чи, що ними, мовъ доро́гими корáлями, людськá думá закраша́етця. Коли́ не вмієтє спуска́тися въ ту глі́бину тасми́чу,—шкода́ вáшої пра́ці—віршоване намістечко нязáти! (*)

(*) Отъ же, у в. п. М. Юркевича есть такє зє́рнятко, що було́ бъ жалко, якъби воно́ загубилось. Нєчáсто доводилось намъ знаходити, въ стихахъ письменного—*подражательнаго* — склáду стільки теплá, якъ отъ у цїмъ *Гомїні*:

Гомїнъ, гомїнъ на Україні:
»Скоро во́ля буде«;
Вигляда́ють зо всіхъ краївъ
Ту́ю во́лю лю́де;

Вигляда́ють, якъ со́нечко
На зє́млю погляне,
Вигляда́ють, якъ и тє́мно
Надъ зє́млею ста́не;

А заглянемо жь ище въ третю книжечку. Се, якъ бачите, драма, та ще й мовою не простою, а мирною зложена. Поки не вийшла вся вона (бо се тільки актъ первий), не маємо ми права ані хвалити її ані гудити. Инша річ—мова. Мова въ сій книжечці кумедна. Добродієві Марку Онукові здається, що тільки підбавъ у московську мову ы та пашихъ українськихъ кінчиківъ, то й буде по нашому. Ось якъ у его дієві люде говорять:

»Одинъ только мелькнувъ для мене місяць,
 Зо дня окончання мого учення,—
 И рій товарищивъ моихъ завзятыхъ,
 Зъ-за книгъ, изъ-за письма, и зразу вмчавъ
 У школу удали й одвагы,—мыгомъ.»

Здається намъ, що, по такому початкові, не багато знайдеться охочихъ до читання *Мотрі Кочубієвни*. Ми не важимось виходити въ колючий віршовий чагарникъ, а поглядаючи на его скраю, думаємо: що коли справді Богъ дає чоловікові кебету до писання, то перше всего дає ему гярне, вимовне слово. Трапляються люде, що, мавши гярне, вимовне слово, не мають праведного таланту; а сего зрѣдку ми не чували, щобъ чоловікъ, мавши праведний талантъ поеті-

Виглядають, піджидають,
 Якъ и місяць зійде...
 Изъ якого золотого
 Вона краю прийде?

Піджидають, викликають,
 Щобъ не заблудилась,
 Щобъ зъ нової доріженьки
 Вона та й не збилась.

Де жь ти, воле, забарилась,
 У якому краю?...
 Чи ти зъ Богомъ розмовляєшъ,
 У святѣму раю,

Чи зъ царями, чи зъ папями
 Ти затолковалась,
 Чи до вільнихъ до пташечокъ
 Щиро привязалась? (?)

Де ти, воле дорогая,
 Безсонная думко?...
 Де літаєшъ, соколовино, (?)
 Нѣбева голубко?...

чний, не навъ виновного слова. Тимъ-то кладенó на високу полицю у всякий складъ *Мóтрю Кочубеівну*, та й не жалкуватимемо, що, може, воно що-небудь дотепне, а ми й не прочитали: певне дурниця

П. Кулішъ.

КРАТКІЙ ІСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(въ книгѣ, подъ заглавіемъ *Исторія Русской литературы*,
П. Петраченка. *Варшава*. 1861 г. въ 8-ю д. стр. 144).

Книжка, подавшая поводъ къ настоящей замѣткѣ, и сама по себѣ, и по отношенію къ «Основѣ» можетъ возбудить лишь интересъ отрицательный и условный. Нося громкое названіе *исторіи русской литературы*, она есть не что иное, какъ весьма сжатая компиляція общихъ фразъ и извѣстныхъ мнѣній о русскихъ писателяхъ, мнѣній, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, какъ напримѣръ—чтенія о словесности Давыдова и сочиненія Бѣлинскаго).

Коло Бóга спокóнь-вѣку
Ты усé втáєшь;
Коло цáривъ, коло панівъ
Щáстя-дóлю мáєшь;

Щáстя й дóлю ти розвóсишь
По цѣлому свѣту...
Поглáнь па насъ! и мѣ жъ лóуде,
Хочъ и нóсимъ свѣту!...

А ми бѣ тебѣ, нашу дóмку,
Въ пѣснѣхъ проспівáли, —
И въ молитвáхъ, що за тебе,
На колѣнка бѣ стáли,

Заспівáли бѣ: пехáй гóминъ
Розлáстля по свѣту,
Що й тѣ вѣльшѣ тепѣрь стáли,
Що носили свѣту!

А въ молитвáхъ, що за тебе —
Дѣкували бѣ Бóгу,
Що вóленька не мнѣла
Й нáшого порóгу.

Ред.

О сочиненіи г. Петраченка нѣчего былобы говорить, особенно въ *Основѣ*. Но въ концѣ ся находится *Краткій историческій очеркъ украинской литературы*, который, самъ по себѣ, не долженъ быть пропущенъ безъ вниманія въ украинскомъ учено-литературномъ вѣстникѣ. Нельзя не поблагодарить г-на Петраченка за мысль дать мѣсто, въ исторіи русской литературы, и литературѣ украинской, но нельзя и не сознаться, что исполненіе этой мысли весьма неудачно, въ чемъ, конечно, убѣдится безпристрастный читатель изъ слѣдующаго обстоятельнаго и правдиваго отчета.

Послѣ нѣсколькихъ фразъ объ украинской литературѣ (*Общій взглядъ*),—о языкѣ и народной поэзіи (*Украинскій языкъ, сказки и пѣсни*),—состоящихъ изъ повторенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ *Записокъ о Южной Руси*, г. Кулиша и статьи Гоголя «о малороссійскихъ пѣсняхъ,» читаемъ:

«Печатная украинская литература начинается отъ глубокой древности. Есть *отрывки* на украинскомъ языкѣ у Пестора, Кирилла Туровскаго, въ словѣ о полку Игоревѣ, въ поученіи Мономаха, въ Литовскомъ Статутѣ, въ письмахъ Мазеры Китнера Кочубея Богословы 18-го вѣка писали проповѣди на украинскомъ языкѣ, но этотъ языкъ, какъ смѣсь съ книжнымъ великорусскимъ, совершенно разнится отъ живаго народнаго азыка. Первое произведеніе, написанное чисто украинскимъ языкомъ. *Энеида*, Котляревскаго. Эта пародія заинтересовала украинцевъ своимъ шутовствомъ, и еще болѣе оттолкнула было просвѣщенныхъ отъ мужицкой рѣчи.»

Нѣтъ, на—оборотъ: *Энеида* Котляревскаго пріохотила къ народному языку даже тѣхъ грамотныхъ во всѣхъ слояхъ общества, кто или мало зналъ, или чуждался его: доказательство тому, что эта пародія, будучи печатаема въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, расходилась по Малороссіи въ огромномъ множествѣ списковъ и попадалась и у селянъ, и у горожанъ, и у полу-панковъ, и у пановъ. Авторъ *Очерка украинской литературы* вовсе не упомянулъ о двухъ драматическихъ произведеніяхъ Котляревскаго:—*Паталка-Полтавка* и *Москаль-Чарівникъ*; вѣрныя дѣйствительности, они, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и даже въ наше время, возбуждали смѣхъ и слезы зрителей не только въ провинціальныхъ, но и въ столичныхъ театрахъ. Не говоримъ уже, о томъ, что первый народный украинскій писатель заслуживалъ болѣе сочувствія и внима-

нія со стороны претендента—быть первымъ офіціальнымъ историкомъ украинской литературы.

За такимъ *началомъ* исторіи украинской литературы, *продолженіе* ея ограничивается именнымъ перечнемъ украинскихъ писателей.

«Велѣдъ за Котляревскимъ, являются многіе писатели и изыскатели украинской народности: князь, Цертелевъ, Гулак-Артемовскій, Максимовичъ, Срезневскій, Гребенка, Забѣла, Бодянскій и другіе,» (т. е.— и только!?) Минуя ихъ, мы обратимся къ Квиткѣ, какъ первому писателю, положившему первое начало украинской литературы.»

Непосредственно за приведеннымъ выше упоминаніемъ семи именъ, слѣдуетъ статья о *Квиткѣ*, состоящая изъ біографіи его въ тридцати строкахъ, извлеченной изъ сочиненія г. Данилевскаго «Основьяненко, С.—Пб. 1856,» и сокращенной перифразировки мыслей, г. Кулиша о *нѣкоторыхъ* повѣстяхъ Квитки изъ его приложенія къ изданнымъ имъ повѣстямъ Квитки, подъ заглавіемъ: Григорій Квитка (Основьяненко) и его повѣсти. Слово на новій вѣходъ Квитчянихъ повѣстей) С. П. Б. 1858»; говоримъ *нѣкоторыхъ*, ибо г. Петраченко пропустилъ какъ повѣсти, писанныя по велико-русски, такъ равно и драматическіе произведеніе Квитки. Не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что повѣсти, также какъ и драматическія произведенія, на русскомъ языкѣ, не потому только слабѣ писанныхъ по украински и ниже таланта Квитки, что писаны не родной рѣчи, но и потому, что украинскія изображаютъ самостоятельную жизнь народа, установившуюся вѣками и сохранившуюся въ чистотѣ, тогда-какъ въ великорусскихъ рисуется, если можно такъ выразится, *перелицованная* жизнь общества, которому у насъ некогда было установиться. И такова участь всѣхъ бывшихъ и будущихъ опытовъ изображать современную жизнь нашу, вѣ почвы чисто-народной, питающей *живыхъ* людей: въ нихъ неизбежно являются или каррикатуры, или олицетвореніе производительныхъ сочинительскихъ мечтаній.

Стихами Шевченка изъ его посланія къ Основьяненку (*Кобзарь*, 1860, стр. 45) авторъ очерка украинской литературы переходитъ къ самому Шевченку. Статья о немъ наполнена автобіографіей его въ письмѣ къ редактору *Народнаго Читенія* (1860 г.), да нѣсколькими стихами Шевченка, съ такой характеристикой его поэзіи:

«Она выражаетъ не только настоящее и прошедшее народа, но далеко проникаетъ и въ будущее. Въ настоящемъ она ищетъ идеи и

материаловъ для вдохновенныхъ созданиій, а въ будущемъ выполненія идеи или осуществленія ея».

Во вступительномъ общемъ взглядѣ на украинскую литературу, г. Петраченко выражается о ней такъ:

«Глубоко проникая встарь, она выводитъ идею прошедшей народной жизни изъ тумана глубокой древности и приводя ее по живому свѣжему и сильному организму современной жизни, далеко заглядываетъ въ будущее».

Слѣдовательно—черта, характеризующая поэзію Шевченки, не есть непосредственная ея особенность, а общее свойство всей украинской словесности, которое не могло не быть угадано имъ какъ великимъ національнымъ поэтомъ, а какъ самобытнымъ гениемъ-художникомъ воплощено типически. Но и здѣсь не мѣшаетъ добавить, что украинская словесность, какъ выраженіе жизни народной, будучи *воспоминаніемъ* ея минувшаго и гасеніемъ *грядущаго*, не представляетъ полной картины ея *настоящаго*, по самой простой причинѣ: настоящая наша жизнь еще не сложилась вполне, существенные элементы ея, разложившись вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ обстоятельствъ, находятся въ броженіи, и пока не установится это броженіе, они не могутъ соединиться въ цѣльность народного тѣла.

Двадцатью строками о Маркѣ Вовчкѣ, повторяющими слова г. Кулиша въ предисловіи къ народнымъ оповіданьямъ Марка Вовчка (Спб. 1858 г.) и семью строками о П. А. Кулишѣ (вмѣсто которыхъ не лучше ли было бы хоть въ кратцѣ перечислить, чѣмъ обязана ему украинская литература), заключается *краткій историческій очеркъ украинской литературы*. Да, черезъ чуръ ужъ *краткій*, что можно было видѣть и по числу страницъ; а въ какой степени, притомъ, *неудовлетворительный*—явствуемъ изъ настоящаго отчета.

Не распространяясь болѣе объ *очеркѣ украинской литературы* г. Петраченка, нельзя не пожалѣть, что онъ,—въ намѣреніи послужить,—быть можетъ, даже повредилъ дѣлу, за которое взялся, представивъ украинскую литературу въ слабомъ и невѣрномъ свѣтѣ. Нельзя, по этому, не пожелать, чтобы знатоки дѣла потрудились составить, на первый разъ, хоть *библиографическое обозрѣніе* украинской литературы (*), въ обширномъ значеніи этого слова, разумѣн

(*) Усердно просимъ объ этомъ почтеннаго г-на Н. М., библиографическія и историко-литературныя свѣдѣнія котораго многими давно известны. Ред.

сочиненія о Малороссіи вообще во всѣхъ отношеніяхъ, историческіе источники и матеріалы, изслѣдованія языка и народной поэзіи, сборника народной поэзіи и стародавней письменности, произведенія современной украинской словесности, писанныя на народномъ языкѣ и писанныя на великорусскомъ литературномъ языкѣ, въ духѣ украинской народности... Существеннымъ качествомъ и отличительнымъ достоинствомъ этого обозрѣнія должны быть *полнота и отчетливость*. Это былъ бы, такъ сказать, *инвентарь* нашего умственного благосостоянія, въ которомъ оцѣнка должна быть произведена съ строгимъ безпристрастіемъ, независимо отъ личныхъ мнѣній и предубѣжденій. Такое обозрѣніе, будучи пригоднo для повѣрки пройденнаго нами умственного нашего развитія, послужитъ путеводнымъ руководствомъ для незнакомыхъ, но желающихъ познакомиться, съ нашей литературой. Для будущихъ же историковъ ея и современныхъ критиковъ, обозрѣніе это будетъ драгоценнымъ *справочнымъ указателемъ*, безъ котораго правильная работа ихъ немислима. Инвентарь нашъ выйдетъ не такъ богатъ, какъ у другихъ: но, быть можетъ, окажется, что мы сравнительно, далеко не бѣдны качествомъ своихъ произведеній, и болѣе обязаны дорожить *тѣмъ, что имѣемъ*.

Н. М.

Январь 1862 г. с. Карабиновка.

ИЗВѢСТІЕ О ЮЖНОРУССКОМЪ СЛОВАРѢ Г. ШЕЙКОВСКАГО (*).

Въ прошломъ году «Кіевскій Телеграфъ» объявилъ о приготовленіи къ издацію этого словаря и мы ждали его съ нетерпѣніемъ, чувствуя настоятельную потребность въ подобной книгѣ. Г. Шейковскій исполнилъ свое обѣщаніе очень скоро: въ концѣ прошлаго же года появился первый выпускъ южно-русскаго словаря, съ которымъ мы и хотимъ познакомить здѣсь читателей «Основы».

Въ книгѣ г. Шейковскаго, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе правописаніе. Не говоря о томъ, что пора бы уже намъ остановиться на чемъ нибудь одномъ, а не *выдумывать* для каждой книги

(*) *Опытъ южно-русскаго словаря. Трудъ К. Шейковскаго. Т. I, выпускъ первый: А—Б. Кіевъ. 1861. 8-го XVІІ и 224 (двойн.) стр.*

болѣе или менѣе мудреные значки, неизмѣннiе историческаго смысла и очень затрудняющiе читателей, о правописанiи г. Шейковскаго мы должны сказать, что въ *искусственности* написанiя словъ онъ пошелъ едва ли не далѣе г. Гатцука... Изъ обложки словаря видимъ, что авторъ его—кандидатъ историко—филологическаго факультета, слѣдовательно болѣе или менѣе специалистъ въ славянскои филологiи; поэтому, было бы очень интересно узнать, на какихъ *историческихъ* основанiяхъ онъ создалъ свое правописанiе? Сами мы до этого не добились и, да извинить г. Шейковскiй, если во всѣхъ этихъ значкахъ и новыхъ буквяхъ мы видимъ пока лишь одну суету... (*).

Въ предисловіи авторъ объясняетъ тотъ путь, которому намѣренъ слѣдовать при изданiи своего труда и объясняетъ такъ, что мы можемъ пожелать ему только полнаго успѣха... Заключается это предисловіе фразой: «Знаю, что г. Кулишъ и К^о напугается на мой словарь, придумаетъ (*такъ!*) много недостатковъ, выщепитъ много промаховъ и пр. и пр. Но я напередъ говорю, что не считаю г. Кулиша компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ: онъ мало знаетъ южно—русскiй языкъ, чтобы не сказать болѣе». Затѣмъ слѣдуетъ выноска, въ которой г. Шейковскiй продолжаетъ полемизировать противъ г. Кулиша въ томъ же неприличномъ тонѣ и, главное, безъ всякихъ *осязательныхъ* основанiй... Какъ неприятно читать это заключенiе, особенно въ такой почтенной книгѣ, какъ словарь; невольно, напоминаетъ оно многое изъ сказаннаго г. Костомаровымъ въ «Словѣ о Сквородѣ»...

Не принадлежа къ К^о г. Кулиша, если таковая дѣйствительно существуетъ, мы, тѣмъ не менѣе, обязаны сказать, что въ словарѣ г. Шейковскаго есть «много недостатковъ» и «много промаховъ».

Главный недостатокъ этой книги заключается въ томъ, что она неполна; но винить за это автора нельзя: онъ могъ собрать только 36 т. словъ и издать ихъ, сознавая впрочемъ (стр. X), что этимъ запасомъ не исчерпывается еще все достоянiе языка; пропущенное могутъ дополнить и другіе, лишь бы было почему дополнять. Заслуга

(*) Въ 1860 г. г. Шейковскiй издалъ *азбуку для народа* («Домашняя наука», въ 2-хъ брош.), напечатанную съ тѣми же мудреными буквами и значками: спрашивается, для чего она издана? Не говоря объ ученикахъ, ни одинъ учитель не можетъ осмыслить ея особенностей, слѣд. не можетъ и объяснить ихъ; почему, разумеется, книжки эти и останутся безъ употребленiя:

начинанія останется все-таки за г. Шейковскимъ, а съ нею и благодарность людей, чувствующихъ потребность въ родномъ словарѣ. Мы можемъ только замѣтить, что лучше было автору не торопиться изданіемъ своего труда, а похлопотать еще годъ другой о его дополненіи; тогда, между прочимъ, не было бы такихъ странностей, что въ *первомъ* выпускѣ печатаются и дополненія къ нему (186 словъ на 1087).

Другой недостатокъ словаря важнѣе и въ немъ авторъ уже виновать: объясняя слова, г. Шейковский не руководствовался никакой опредѣленною для того нормою, какъ бы слѣдовало это сдѣлать, и потому объясненія его лишены всякой пропорціональности, въ ущербъ внутреннему достоинству словаря: одни изъ этихъ объясненій кратки до того, что даютъ о предметѣ только смутное понятіе; другія—безъ нужды, очень растянуты и заключаютъ въ себѣ много лишняго. Укажемъ примѣръ тѣхъ и другихъ: *адамашокъ—родъ матерій*. Какой—не объяснено. *Богородиця*—между прочими значеніями, *капишонъ*, но какой капишонъ и при какой одеждѣ—тоже необъяснено; иной, пожалуй, подумаетъ, что тутъ разумѣется капишонъ у дамскихъ бурнусовъ. *Богословъ—семинаристъ*. Неужели всякій семинаристъ называется богословомъ? *Бублыкъ — бубликъ* и опять никакихъ объясненій. *Бровка—названіе собаки*. *Буда—шатерь, крытая повозка* и т. д. Между тѣмъ, при другихъ словахъ находимъ объясненія, состоящія изъ цѣлыхъ страницъ; да и то собственно не объясненія, а пѣсни, иногда ровно ничего невыясняющія; напр. при словѣ *бісовскій*, безъ всякихъ объясненій, приведена цѣлая пѣсня, говорящая только въ послѣднемъ стихѣ, что разумъ Виговскаго былъ бісовскій... При сл. *бухмылы*, къ объясненію совершенно достаточному, прибавлены еще зачѣмъ то и стихи Руданскаго. Тоже сдѣлано и при сл. *бусель*: приведена цѣлая дума Руданскаго, а самое слово объяснено невѣрно; г. Шейковский говоритъ, что бусель (*боцлянь, черногузь, лелека*) значитъ цапля, между тѣмъ какъ это только одинъ видъ цапли—*аустъ*, если зоологи причисляютъ его къ роду цапель. При нѣкоторыхъ словахъ, напр. *браматы*, г. Шейковский входитъ въ лишнюю полемику съ покойнымъ Шимкевичемъ, которая занимаетъ цѣлую страницу; при малоупотребительномъ и извѣстномъ только въ одной мѣстности словѣ *будіаля* приводятся двѣ длинныя пѣсни, уже разъ напечатанныя (Lud Ukrainski), безъ всякихъ объясненій, которыя необходимы, если ужъ автору, не-у-мѣста, пришла охота говорить о народной космогоніи. Кромѣ того, въ объясненіяхъ г. Шейковского находимъ

фразы, лишены всякаго значенія, напр. при словѣ *бондаривна*, замѣчено: «объ одной бондаровиѣ есть въ народѣ очень хорошія пѣсни». Если авторъ разумѣетъ тутъ пѣсни объ известной *Пемирівнѣ*, то долженъ былъ это объяснить, а безъ того, на такое его замѣчаніе можно сказать, что у народа много есть хорошихъ пѣсень, только пользуюсь ими, при словарныхъ объясненіяхъ, нужно умѣть выбирать дѣйствительно нужное...

Этихъ указаній, думаемъ, достаточно, чтобы получить о книгѣ г. Шейковского болѣе или менѣе вѣрное понятіе.

По первому выпуску словаря, должно сдѣлать такое заключеніе объ этомъ трудѣ: если онъ будетъ продолжаться въ тѣхъ же рамкахъ, то это будутъ только *матеріалы* для южнорусскаго словаря, а никакъ не словарь, ни даже «ошить» его...

Последнія страницы (177 — 224) книги г. Шейковского заняты «Приложениемъ», заключающимъ въ себѣ: *собственные имена и названія мѣстностей*. Ему предпослано слѣдующее объясненіе: «на помѣщеніе въ словарь собственныхъ именъ, и особенно фамилій, я наведенъ былъ словаремъ Юнгмана. Я придаю особенную важность помѣщенію южнорусскихъ фамилій въ словарь: изъ такого словаря видно будетъ какія южнорусскія фамиліи ополячились (?). При замѣчательныхъ въ какомъ нибудь отношеніи фамиліяхъ сдѣланы краткія біографическія замѣтки. Если о какомъ нибудь дѣятелѣ есть народная пѣсня, то она тоже приводится. Изъ названій мѣстностей вошли въ словарь преимущественно тѣ, которыя упоминаются въ народныхъ пѣсняхъ, хотя встрѣчаются иногда и другія. Знаю, что словарь мой въ этомъ отношеніи представляется далеко не полнымъ; но я считалъ лучшимъ хотя положить начало этому труду, чѣмъ совсѣмъ оставить въ сторонѣ это дѣло.» И затѣмъ начинается: *Абрамовичъ* = ова, е (фамилія) *Авдотка* = Явдоха. *Авраменко*, ова, е (*idem*). (?) *Авраменчыха*, ж. р. ы = жена *Авраменка*. *Агавка*, вця, вочка (ум.) = Агафія. *Агарскій*, а, е = магометанскій, турецкій. *Агаранэ*, мн. = турки, магометане. *Адам*, м. р. а = Адамъ. *Адамовичъ*, ова, е (фамилія). *Азовъ* — названіе города (и затѣмъ дума о побѣгѣ 3 братьевъ, изъ собранія Максимовича). *Азовскій*, а, е. *Аксак*, м. р. а (фамилія) около 1618 г. Аксакъ былъ кievскимъ земскимъ судьбою. Кроме этого известно еще нѣсколько Аксаковъ. *Аксамитово*, с. р. а названіе села, принадлежавшаго Шептаковской волости. Въ 1761 г. въ немъ было 43 двора, принадлежавшихъ Разумовскому. *Александровъ*

ка, ж. р. ы = названію деревни (*напротивъ, мѣстечка и значительнаго*), находящейся въ Чернигов. губерніи. *Алеценко*, м. р. а (фамилія). *Алтыновка*, ж. р. ы = названіе села. Изъ универсала гетм. Апостола 1728 г. видно, что оно сначала принадлежало Батуринской ратуши; послѣ владѣлъ имъ гетм. Скоропадскій, отдавшій его «сотныцѣ Ды(ь)лковѣкій» *Анан*, м. р. я, піо, шю, печко (ум.) = Ананія. Анастаевич, ова, е (фамилія). *Андрей*, ейко, ціо, ічко = Андрей. *Кумэ-Андрею! небуд'те свшею!* (посл.). Папанунъ св. Андрея Первозваннаго (29 полбря) почти во всей Южно-Руси дѣвушки гадаютъ о замужествѣ...» Начинается перечень гаданій, который долженъ быть отнесенъ въ самый словарь, какъ этнографическій очеркъ. Выписки этой, кажется, довольно, чтобы получить понятіе о задуманномъ г. Шейковскимъ словарѣ собственныхъ именъ и названій мѣстностей. Въ немъ мы видимъ большой и послѣдовательный «промахъ». Чтѣ имѣлъ въ виду г. Шейковскій, печатая это приложение, мы рѣшительно не понимаемъ и послѣ выписаннаго предисловія: географическій словарь южнорусскаго края? Въ такомъ случаѣ, по его началу, мы видимъ, что онъ не заключаетъ въ себѣ и одного перечня украинскихъ мѣстностей, не говоря уже о нужныхъ объясненіяхъ, безъ которыхъ полный ихъ перечень—будетъ трудъ бесполезный. Можетъ г. Шейковскій хотѣлъ представить намъ генеологическій списокъ украинскихъ фамилій, но для того, чтобы онъ удовлетворилъ своему назначенію, нужно, ни болѣе ни менѣе, какъ пересмотрѣть архивы депутатскихъ собраній тѣхъ губерній, гдѣ живутъ Украинцы...

Авторъ конечно, согласится съ нами, если мы скажемъ, что въ трудахъ, имѣющимъ предметомъ «собственныя имена и названія мѣстностей,» главное дѣло заключается въ *полнотѣ и точности фактовъ*; а если такъ, такъ чему же могутъ послужить его 208 словъ (А—Бох.), надерганныя изъ разныхъ книгъ, безъ всякой системы и безъ всякой опредѣленной цѣли?

Вотъ чтѣ мы сочли нужнымъ сказать о книгѣ г. Шейковскаго, дабы дать о ней понятіе людямъ, интересующимся предметомъ.

Печальна судьба украинскаго словаря!..

13 марта 1862 г. Черниговъ.

Б. Лазаревскій.

ВІСТІ.

ПО ПОВОДУ РАЗМЕЖЕВАНІЯ.

Черезполосність такого рода явленіє, которое вытекаетъ изъ са-мого характера нашего народа. Сынъ, основывая свое семейство, большею частію отдѣляется отъ отца, — основываетъ особенное хозяйство и, на основаніи народоу справедливости, получаетъ изъ *дідизни*, то есть изъ наслѣдственного семейнаго имущества, долю, равную съ остающимися невыдѣленными дѣтьми. Затѣмъ уже онъ совершенно независимъ отъ отца и не имѣетъ уже никакого права, при жизни отца и несотдѣленныхъ сыновей или ихъ нисходящихъ, на *дідизну* и батькивщину, т. е. на семейственное имущество. *Відрізана скиба відъ хліба— вже її назадъ неpritулишь*, говоритъ народъ. Послѣ смерти родителей дѣти почти никогда не остаются въ общемъ владѣніи наслѣдственнымъ имуществомъ и почти всегда раздѣляются, на основаніи того воззрѣнія, что *два коту въ однімъ мішку (або на однімъ салі) непомирятця*. Вотъ и возникаетъ дробленіє. Это дробленіє земли и вообще хозяйственныхъ средствъ ведетъ къ тому, что нѣкоторые непременно должны продать или *заставити* частіцу земли. Законъ, воспрещавшій отчужденіє козацей земли лицамъ некозачьяго сословія, понизивъ цѣнность козацей земли, не удержалъ впрочемъ перехода ея къ лицамъ другихъ сословія. Земля переходила подъ видомъ полюбовной мѣны (переходнаго средства къ уничтоженію черезполосности) и посредствомъ заставы къ лицамъ другихъ сословія. Простолудинъ прибѣгалъ къ мѣнѣ только въ томъ случаѣ, если нужно было достать денегъ. Онъ давалъ большее количество земли и получалъ деньги и небольшое количество земли. Землю онъ получалъ какъ придаточное, для того только, чтобы существовалъ фактъ мѣны, чтобы совершить актъ на простой бумагѣ и избѣжать уплаты крѣпостныхъ пошлинъ.

Застава (закладъ)—это самая грубая форма кредита. Должникъ

передаєть заимодавцу владѣніе землею, обезпечивающею долгъ, и за проценты передаєть ему право пользоваться, извлекать доходы съ нея. Заимодавецъ владѣеть и пользуется ею, какъ своєю собственностью, пока эта земля не будетъ выкуплена самимъ кредиторомъ или его наслѣдникомъ, хотя бы самыми отдаленными. Народъ не допускаєть въ этомъ случаѣ давности, какъ способа пріобрѣтенія права собственности. По на практикѣ весьма и весьма рѣдко случаются факты выкупа заставленной земли. Деньги взяты не на развитіе хозяйственныхъ силъ; онѣ нужны или на непродуманныя, но по обычаю необходимыя траты, напримѣръ, чтобы *отбуть весілля*, или на поддержаніе хозяйства пришедшаго въ разстройство по несчастнымъ случаямъ, какъ то: неурожаю, падежу скота. Прибавьте еще то, что въ обезпеченіе долга и за проценты, — отъ должника отходить къ заимодавцу земли цѣнностію вдвое больше суммы, взятой въ долгъ. Это—то все лишаетъ должника и его наслѣдниковъ возможности выплатить когда-нибудь долгъ и получить назадъ заставленную землю.

Посредствомъ дробленія наслѣдственныхъ земель, посредствомъ мѣны, посредствомъ заставы, возникла чрезполосность.

У мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ тоже самое; ихъ земли дробились, части ихъ продавались, пріобрѣтались другія части. У болѣе значительныхъ владѣльцевъ менѣе чрезполосности, хотя у ихъ крестьянъ земли болшею частью чрезполосныя.

Многія значительныя помѣщичьи имѣнія образовались изъ покупокъ у мелкопомѣстныхъ и наоборотъ, дробясь между наслѣдниками, по милости чрезмѣрной роскоши и расточительности, разстраивались и продавались по частямъ.

Народу чрезполосность выгодна. Система трехпольнаго хозяйства необходима нашему народу, состоящему изъ мелкихъ собственниковъ. Безъ *толоки* имъ нельзя обойтись: иначе имъ невозможно содержать скота, въ теченіи пяти мѣсяцевъ.

Раздробленность и разбросанность, по народному воззрѣнію, еще выгодна тѣмъ, что если не уродитъ на одномъ кускѣ по той причинѣ, что этотъ кусокъ низменный и въ мокрое лѣто на немъ хлѣбъ вымокнетъ, за то на другомъ, болѣе высокомъ, можетъ уродитъ; въ сухое же лѣто—наоборотъ. Если градъ побьетъ хлѣбъ на одномъ кускѣ, за то на другомъ кускѣ хлѣбъ можетъ уцѣлѣть. Кроме того, чрезполосность доставляетъ нѣкоторое удовольствіе пахарю. Собираясь орать, онъ снаряжается въ дорогу, беретъ бочку воды для напоянія скота и

для своей кухни, беретъ дровъ, казанокъ и всѣ принадлежности походной кухни, а также катрагу (пахарскій шатеръ) и уѣзжаетъ на цѣлую недѣлю въ поле: выоретъ одинъ кусокъ—переезжаетъ на другой, лежащій на значительномъ разстояніи отъ перваго куска. Эти маленькія странствованія какъ—нельзя—больше въ украинскомъ духѣ.

Когда пронеслась молва о размежеваніи, въ народѣ пробудились нѣкоторые опасенія. Опасаются, чтобъ паны не отмежевались въ отрубныя дачи, и такимъ образомъ не лишили бы ихъ значительной части толоки.

По Положенію о размежеваніи, владѣльцы, имѣющіе въ Полтавской губерніи болѣе 150-ти десятинъ полевой земли въ генерально-обойденной дачѣ, непременно вымежевываются въ отрубныя дачи. Владѣлецъ, имѣющій отъ 50 до 150, можетъ быть отмежованъ въ отрубную дачу, но не лишается права оставаться въ дачѣ общаго владѣнія. Владѣлецъ, имѣющій менѣе 50 десятинъ, тоже можетъ быть отмежованъ въ отдѣльный участокъ,—но не иначе, какъ въ томъ мѣстѣ дачи, хотя бы и на границѣ ея, гдѣ это вымежеваніе не будетъ стѣснительно для мелкихъ собственниковъ, остающихся въ общемъ владѣніи, равно и для тѣхъ, которые имѣютъ болѣе хозяйственной единицы (т. е. 50 дес.).

Конечно, очень многіе владѣльцы воспользуются правомъ, которое даетъ имъ Положеніе о размежеваніи, тѣмъ болѣе, что послѣ эмансипаціи нужно будетъ измѣнить систему хозяйства. Слѣдовательно количество толоки уменьшится и опасенія народа въ этомъ случаѣ не напрасны.

Тѣ, у которыхъ въ теченіи одной, двухъ и болѣе земскихъ давностей находятся во владѣніи заставленныя земли, опасаются, чтобъ отъ нихъ не были отобраны эти земли. Эти опасенія напрасны, потому—что межевыя комиссіи не будутъ разбирать вопроса о правѣ собственности.

По поводу размежеванія, въ народѣ родилось предположеніе, что будетъ уничтожена подушная подать, а вмѣсто нея будетъ платиться подать съ десятины удобной земли. Народъ понимаетъ большую равномѣрность послѣдней подати сравнительно съ первой.

Черезполосность для нашего панства была хорошимъ средствомъ прихвачивать частицы чужихъ земель: давала средство *вкошуватьця*, *въорюватьця*, какъ говоритъ народъ, и породила безконечное множество разорительныхъ тяжбъ. Мужички иногда бывали пойманы *въ спашу* и

платились за это такъ, какъ хотѣлъ поймавшій. Между панами спашъ тоже часто давалъ поводъ къ тяжбамъ, и такихъ дѣлъ, какъ дѣло о свиннѣ, гусяхъ и т. п., очень много.

По Положенію, размежеваніе Черниговской и Полтавской губерній должно производиться на основаніи дѣйствительнаго безспорнаго владѣнія.

При рѣшеніи споровъ о границахъ, первое правило—десятилѣтняя давность владѣнія до изданія Положенія о размежеваніи т. е. до 27 октября 1859 года. Слѣдовательно, не принимаются споры отъ тѣхъ, кто въ теченіи десяти лѣтъ не подалъ исковаго или явочнаго прошенія, или хотя подалъ, но дальнѣйшаго ходатайства по дѣлу, въ теченіи 10 лѣтъ, не имѣлъ, или, по рѣшеніи дѣла, въ теченіи 10 лѣтъ не владѣлъ тою спорною землею и не просилъ привести рѣшенія въ исполненіе. Если владѣнію безспорному не прошло 10 лѣтъ, то при рѣшеніи споровъ принимаются во вниманіе акты и документы, совершенные законнымъ порядкомъ, въ такомъ только случаѣ, если въ нихъ показаны извѣстныя мѣры, или живыя урочища, или другія, принятыя обычаемъ, признаки.

Если же принадлежность спорной земли не доказана ни давностію, ни актами, то споръ рѣшается показаніями понятыхъ ⁽¹⁾ о дѣйствительности владѣнія.

Если же такого показанія не будетъ, или если и прежде былъ споръ, то спорныя мѣста раздѣляютъ по отношенію къ безспорнымъ ⁽²⁾.

За возбужденіе недоказанныхъ споровъ взыскивается съ виновныхъ по 1 руб. съ каждой спорной десятины.

⁽¹⁾ Въ подобномъ случаѣ, конечно, рационально рѣшать споръ посредствомъ понятыхъ. Но если взять во вниманіе, что понятые, участвуя въ безконечно-частыхъ повальныхъ обыскахъ, приучены земскою полиціею къ лжесвидѣтельству и клятвенпреступничеству, (мы сами неразъ были свидѣтелями, что понятые показывали такъ, какъ угодно было спрашивающему чиновнику и потомъ просили на могорычѣ у того, въ чью пользу показали), то сомнительно, чтобы эти показанія были хорошаго качества. Если члены межевой комиссіи хотятъ добиться правды, то должны, при каждомъ спросѣ понятыхъ, пробудить въ нихъ совѣсть и какъ сами не предупреждать отвѣтовъ, такъ не позволять и спорящимъ дѣлать тоже.

⁽²⁾ Что значить—по отношенію къ безспорнымъ? Отдается ли въ этомъ случаѣ на соображеніе рѣшающихъ споръ? Намъ кажется, что тутъ рѣшается споръ по большому или меньшему вѣроятію, вытекающему изъ соображенія мѣстностей.

Межевая комиссія состоитъ: изъ предѣдателя, по выбору отъ дворянъ, и членовъ: 2-хъ по избранію дворянства, 2-хъ по избранію козаковъ, уполномоченнаго отъ палаты государственныхъ имуществъ и члена отъ межеваго вѣдомства.

По дѣламъ городскимъ, гражданъ и духовнаго вѣдомства, приглашаются въ комиссію, по первымъ двумъ—мѣстный градской голова, а по послѣднимъ—депутатъ отъ духовнаго управленія, которые, въ этомъ случаѣ, пользуются правомъ голоса, наравнѣ съ прочими членами комиссіи.

Едвали у насъ удастся полюбовное соглашеніе при размежеваніи. На долю комиссіи выпадетъ обязательное размежеваніе.

Комиссія, повтому, должна состоять изъ людей дѣятельныхъ и способныхъ соблюсти выгоды каждаго, чтобы своими дѣйствіями не породить тысячи жалобъ. О степени подготовленности и познаній членовъ можно заключить изъ 102 ст. Положенія, которая говоритъ: «При обязательномъ межеваніи, комиссіи руководствоваться: а) желаніями владѣльцевъ, заявленными при несоставившихся полюбовныхъ соглашенияхъ; б) съёмкою и вычисленіями межевыхъ чпновъ; в) хозяйственнымъ описаніемъ земель и произведенными, на основаніи его, таксаціею и регулированіемъ; г) правилами для межеванія полевой, луговой и лѣсной земли, выгоновъ и проч. Члены, посланные комиссіею при партіяхъ межевщиковъ, должны быть всегда на мѣстѣ работъ, не только въ качествѣ наблюдателей, но и принимать дѣятельное участіе въ самомъ межеваніи. 41 статья говоритъ: «Для большаго же успѣха въ полевыхъ работахъ, комиссіи назначаютъ къ партіямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ или кандидатовъ, поручая имъ принять особенное участіе въ разъясненіи и прекращеніи возникающихъ споровъ, въ устраненіи препятствій, встрѣчаемыхъ партіею отъ неисполненія землевладѣльцами своихъ обязанностей, и т. п., въ составленіи хозяйственнаго описанія земель, экономическихъ примѣчаній, и наконецъ при соглашенияхъ.» Если члены не будутъ въ состояніи удовлетворить этимъ условіямъ, тогда все будетъ дѣлаться межевщиками.

Если избранные въ комиссію люди будутъ бездѣтельны или неприготовлены къ дѣлу, тогда произойдутъ самыя плачевныя результаты.

Будутъ многіе, особенно мелкіе, собственники обижены, поступить на комиссію иршастъ жалобъ, размежеваніе будетъ длиться и длиться, слѣдовательно, въ теченіи долгаго времени, собственники будутъ платить на содержаніе межевыхъ учреждений, долго и много рабочихъ

рукъ будетъ отрываться отъ полевыхъ занятій, потому что какъ при генеральномъ, такъ и при специальномъ, межеваніи должны быть постоянные понятые. — Выгода каждаго требуетъ, чтобъ были избраны лица, способные удовлетворить условіямъ, вытекающимъ изъ трудности дѣла.

Мы не знаемъ кто избранъ козаками, но увѣрены, что они долго трактовали о томъ, кого выбрать и, руководимые хотя темнымъ представленіемъ о важности межевой дѣятельности, выбрали людей, пользующихся общимъ довѣріемъ, если, конечно, при выборѣ было устранено начальническое вліяніе. О выборахъ председателя и кандидата, 2-хъ членовъ и кандидатовъ, изъ дворянъ, въ нашемъ уѣздѣ, мы поговоримъ подробнѣе. Назначено было собраніе дворянъ на 14 декабря; 14 декабря начали собираться въ уѣздный судъ, и уже были принесены ящикъ и шары, какъ одинъ изъ тузовитыхъ дворянъ попросилъ подать оповѣщенія, изъ которыхъ оказалось, что большая часть дворянъ неоповѣщена. Оповѣщеніе поздно было сообщено становыми приставами и, по милости ихъ, не ко всѣмъ дошло во-время. На этотъ разъ выборы не состоялись. Многіе изъ присутствующихъ перешестываемъ изъявляли неудовольствіе: неспособные понять законности отстрочки собранія, они видѣли произволъ тузовитаго барина. Многіе изъ дворянъ разошлись по столамъ наводить справки о ходѣ своихъ многообразныхъ тяжбъ; другіе занялись пріятными разговорами. Предводитель объявилъ, что еще собраніе не закрыто и немедленно было прочтено дворянамъ предложеніе взять подрядъ на продовольствіе войскъ. Послѣ прочтенія, нѣсколько голосовъ сказала: *не хотимъ*; тѣмъ дѣло и кончилось. Затѣмъ предводитель просилъ дворянъ внести слѣдующія съ нихъ на корпусъ деньги. Тутъ-то вышеупомянутый тузовитый баринъ и многіе другіе подняли бурю.

— Съ чего намъ платить! Мы разорены, крестьяне вышли изъ повинovenія! У меня не былъ снятъ хлѣбъ! Мировые посредники не исполняютъ своей обязанности, не употребляютъ зависящихъ отъ нихъ мѣръ и т. п. — Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ спросилъ, какихъ это мѣръ не употребляютъ посредники. Тутъ затрещалъ, нобагровѣвъ, одинъ изъ дворянъ: «въ вашемъ распоряженіи штрафы, въ вашемъ распоряженіи арестъ, въ вашемъ распоряженіи розги.» Кто-то отозвался: «какія тамъ розги! Двадцать розогъ—что это для мужика значить!» — «Этого, батинька, отозвалась таже сердитая трещетка, «никто считать не будетъ: сколько хотите, столько и влѣпите!» — Одинъ недоучившійся юшоша, въ-продолженіе всего разговора, твердилъ: «по моему мнѣнію

мировой посредникъ имѣть такое же значеніе, какъ штатный смотритель уѣздныхъ училищъ.»

Назначено новое собраніе дворянъ на 10-е января и оповѣщеніе послано чрезъ земскую полицію и, для лучшаго достиженія цѣли, чрезъ сельскихъ старостъ.

Ст. 21 Положенія о размежеваніи требуетъ только двухъ условій для того, чтобы имѣть право избирательнаго голоса въ выборахъ лицъ въ межевую комиссію:

Нужно принадлежать къ дворянскому обществу того уѣзда, гдѣ учреждается комиссія и имѣть тамъ поземельную собственность. Лицъ, имѣющихъ такія качества, въ нашемъ уѣздѣ до 500, въ выборахъ же участвовало 90 съ небольшимъ. Изъ этого уже видно, на-сколько понимается была дворянами важность выборовъ.

Собраніе открылось принесеніемъ присяги. Присяга была принесена съ должнымъ благоговѣніемъ, что, впрочемъ, непомясло поступить совершенно противоположно тому, въ чемъ клялись.

Родство, кумовство, кліентство—вотъ пружины управляющія избирателями; дворяне, предъ каждымъ выборомъ, подъ страшную клятву, обѣщаютъ все это забыть.

Пока не начались выборы, по разнымъ угламъ шли толки. Толковали обо всемъ, а главными предметами разговора были: эмансипація, предстоявшіе выборы, а отчасти юридическія размышленія, безъ которыхъ наши дворяне не остаются ни на часъ. Эмансипація возбуждала въ говорившихъ желчь, злобу или самыя азгическія обращенія къ невозвратно-прошедшему: что касается до выборовъ, то разговоръ о нихъ состоялъ изъ рекомендацій другъ другу предложенныхъ къ выбору лицъ; другъ передъ другомъ выхваляли того или другого и чаще всего слышалось: *заслуженный человекъ*,—человѣкъ съ вѣсомъ,—у него есть сила въ Петербургѣ,—богатъ, согласится безъ жалованья служить, и т. п. аттестаціи.

Дворяне наши вообще безкорыстны; они не думаютъ о своемъ интересѣ. У нихъ на первомъ планѣ необыкновенно благородное стремленіе—почтить выборомъ лицо, стяжавшее значительный чинъ на поприщѣ служенія Марсу, или на поприщѣ мирнаго гражданскаго служенія. Одна награда для нихъ — это внутреннее довольство тѣмъ, что вотъ у насъ де какіе тузы служатъ по выборамъ. Миѣ случалось слышать такія рѣчи:—Вотъ бы выбрать N!..—Почему именно? спрашивалъ я!.. Собоудникъ тарачилъ глаза, изумляясь моему вопросу

и совершенно искренно отвѣчалъ: «да вѣдь онъ генералъ!!» Вотъ съ такими-то понятіями приступаютъ многіе къ выборамъ.

Право участія въ этихъ выборахъ, какъ мы выше сказали, расширено до крайнихъ предѣловъ, и тутъ-то обнаружилось кліентство—тоже до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Тутъ мы вспомнили недавнопрошедшія времена, когда не одни стодушные (мы употребляемъ туземное выраженіе) участвовали въ выборахъ.

Въ тѣ времена формировались отряды шляхты и совершали путешествіе на счетъ своихъ патроновъ въ губернской городъ. Если патронъ не оставался побѣдителемъ на выборахъ, то шляхтѣ приходилось иногда возвращаться въ дома свои на собственныхъ ногахъ и съ пустымъ желудкомъ. Эти прекрасные нравы привиты намъ *рыбью посполитою* и, съ ея легкой руки, они еще и до сихъ поръ не исчезли.

Послѣ составленія списка избирающихъ приступили къ самому избранію. Начали предлагать балотироваться разнымъ лицамъ, начиная съ самыхъ почетныхъ и заслуженныхъ. Толпа стоитъ и зѣваетъ, а два или три болтуна упрашиваютъ того или другаго балотироваться.

Особенно комиченъ былъ слѣдующій фактъ. Г-нъ полковникъ, назовемъ его хоть Телятенкомъ (*), упрашиваетъ вышеупомянутаго тузовитаго барина, положимъ Цибулевича, баллотироваться, и говоритъ отъ всѣхъ: *дворяне васъ просятъ*. Цибулевичъ отвѣчаетъ: *не хочу*. Я служилъ дворянству 12 лѣтъ и что заслужилъ? Сдѣлайте одолженіе, продолжаетъ Телятенко: мы васъ просимъ! Господа, просите же! прикрикнулъ г-нъ Телятенко, обращаясь къ публикѣ. Нѣсколько голосовъ откликнулось просительпо. Телятенко наставлялъ, Цибулевичъ далъ честное слово, что не будетъ балотироваться. Тогда Телятенко попробовалъ указать на обязанность. «Вы не имѣете права отказываться отъ службы по выборамъ.» Цибулевичъ съ гордостью прикрикнулъ: «какъ я не имѣю права отказаться? Я старъ, и притомъ 12 лѣтъ служилъ дворянамъ. Имѣю право, и отказываюсь» Сказавъ это, онъ пошелъ въ другую компану, съ гордостью, принявъ осанку индѣйскаго пѣтуха, напутствуемый нѣсколькими голосами, говорившими: *увольняйте*.

(*) До начала выборовъ г-нъ Телятенко ораторствовалъ, что люди, предлагающіе свои услуги, незаслуживаютъ, чтобъ ихъ выбрали. Одинъ молодой человекъ заспорилъ. Споръ привелъ къ тому, что молодой человекъ сказалъ: «Я не полагаю благородства въ известномъ количествѣ чиновъ». Это показало г-ну Телятенку до того глупымъ, что онъ разклаваясь съ молодымъ человекомъ и ушелъ саркастически-улыбаясь.

Балотировка должна быть тайною. Но, по милости того, что у дворянъ совершенно неразвита способность организаціи и порядка, вся публика подошла къ столу и съ любопытствомъ наблюдала за движеніемъ руки, бросающей шаръ. Какой нибудь г-нъ Сѣнцо или Зыды стоятъ возлѣ стола и диктуетъ, вполголоса, куда класть шаръ, прибавляя аттестацію балотирующагося, состоявшую у него въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя мы уже разъ приводили. Если г-нъ Сѣнцо замѣчалъ, что, вопреки его диктовки, клали шаръ палъво, то ворчали: *это недобросовѣстно*. Г-нъ Сѣнцо такимъ образомъ былъ живая *Sensura morum*. Послѣ каждой балотировки онъ подходилъ къ избранному, поздравлялъ и твердилъ ему: «незбральные положены вамъ людьми, непонимающими или недобросовѣтными.» Онъ поздравлялъ, въ лестныхъ выраженіяхъ, даже тѣхъ, кому клалъ черный шаръ. Выборы длились, дворянскіе желудки тощали: тогда дѣло пошло на курьёзъ.

Выбранныхъ въ члены поздравили. Вдругъ балотируется иъкогда бывшій исправникъ, о которомъ не было объявлено, что онъ будетъ балотироваться,—и что же оказывается? Онъ перевысилъ шарами и будетъ членомъ, а одинъ изъ поздравленныхъ—кандидатомъ.

Въ нашихъ мѣстахъ вамъ всякій скажетъ, что въ началѣ выборовъ, дворяне уже слишкомъ переборчивы, а въ концѣ, позабавившись и поотощавъ, черезъ-чуръ неразборчивы. Вотъ какова обстановка бывшихъ выборовъ. И вся эта безурядица, эта тина не находитъ оппозиціи.

У насъ есть и университетскіе люди; не говорю о тѣхъ, которые бросали университетъ, какъ только представлялась возможность предаться деревенскому кейфу, во всѣхъ отношеніяхъ пріятному, при существованіи крѣпостнаго права, кейфу, выражавшемуся такъ: *Прошка, трубку, Филька, водки, Федька, Машку мнѣ позвать*. Я объ этихъ не говорю. Есть люди подготовленные къ полезной дѣятельности; но они не составляютъ тѣсной ассоціаціи, которая могла бы быть свѣтлымъ лучемъ въ этомъ темномъ царствѣ. Одни изъ нихъ, видя всю нравственную удушливость окружающей атмосферы, заключились въ четырехъ стѣнахъ, курятъ трубку, читаютъ книги и отъ времени—до—времени съ горя *огорчаются*. Другіе, болѣе состоятельные, вращаясь въ кругу свѣтскихъ причудъ, какъ—то сами немножко позаразились ими и приобрѣли способность, не возмущаясь душой, проводить нескучно время въ этой средѣ и какъ—то чуждо стоять относительно своего хотя бы собрата по наукѣ, но, который, увы, неимѣетъ никакого финансоваго при-

даточнаго къ своему умственному и нравственному капиталу. Третіе опомѣнились въ полномъ смыслѣ слова. То общее всѣмъ студентамъ, тѣ прекрасныя стремленія, которыми проникнута жизнь въ университетѣ, забыты или лучше сказать заснули, давъ мѣсто пищеваренію и апатіи. При такомъ отсутствіи разумной оппозиціи, рутинна имѣеть полный просторъ для дѣятельности. Если окончившій университетъ, но небогатый, желаетъ служить по выборамъ, онъ прежде долженъ пройти путь смиренномудрія, занскывать у каждаго, долженъ лѣстять и лгать. Вотъ причина, почему большая часть окончившихъ университетъ ѣдетъ въ столицу искать тамъ службы и, вообще, ищетъ службы по назначенію, а не по выборамъ. Нельзя не одобрить того, что мировые посредники не по выборамъ отъ дворянства. Дворяне смотрять на посредниковъ какъ на защитниковъ помѣщичьихъ интересовъ, и не только не одобряютъ, но клеветуютъ и мараютъ личность тѣхъ, которые дѣйствуютъ честно, по закону и совѣсти. Печально—но это такъ.

Въ заключеніе скажемъ, что молва одобряетъ избраннаго въ председатели; о членѣ, бывшемъ исправникѣ, говорятъ люди понимающіе: « добрый человекъ, но положительно неспособенъ къ этой должности; » о другомъ избранномъ въ члены гласитъ молва, что онъ человекъ честный, но больной, занятъ своимъ хозяйствомъ и, наконецъ, едва ли будетъ способенъ къ этому дѣлу, привывши къ болѣе покойной и комфортной жизни.

Увидимъ, какова будетъ дѣятельность коммисіи. Дай Богъ, чтобы избранные исполнили свое дѣло какъ слѣдуетъ. Признаемся, мы сомнѣваемся. Но—что будетъ—то будетъ.

УКРАИНСКІЙ СПЕКТАКЛЬ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ,

12 и 15 февраля.

Въ 1857 г., на масляной, въ м. Немировѣ (Подольской губерніи,) въ залѣ тамошней гимназіи, сыграна была, съ благотворительною цѣлью, *Наташка-Полтавка*, оперетта Котляревскаго, исключительно воспитанниками этой гимназіи. Подъ рукой у распорядителей ученическимъ театромъ не было никакой партитуры, а потому надо было ее составить. Любитель и знатокъ народныхъ пѣсень, А. В. Марковичъ, съ помощью М. А. Марковичъ, подобралъ къ сочиненнымъ для пьесы

пѣснямъ мотивы изъ лучшихъ народныхъ пѣсень, сообразно ходу пѣсы, характеру лицъ и метру стиха, изрѣдка передѣлывая послѣдній для счастливо-подобранаго, въ другихъ отношеніяхъ готоваго, народнаго мотива. Составленные такимъ образомъ мотивы для пѣсень Наталки (18 номеровъ) были испробованы передъ М. А. Туловымъ, который достойно одѣлилъ ихъ и далъ ходъ дѣлу. Бывшій капельмейстеръ прекрасной музыки почетнаго попечителя гимназіи, графа Болеслава Потоцкаго, даровитый Юганъ Ляндверъ, составилъ партитуру для всего оркестра (14 инструментовъ), искусно пользуясь при составленіи ея всякимъ замѣчаніемъ сообщившаго ему ноты для голосовъ, и небольшую увертюру съ нѣсколькихъ пѣсень, вошедшихъ въ оперетту. Изрѣдка звучали и знакомые изъ прежней партитуры мотивы, но превосходно оркестрованные, явились въ новомъ блескѣ. Наталка и Терпелиха, благодаря любви, знанію и истинно народному вкусу М. А. Марковичъ, вышли на сцену въ костюмахъ блистательныхъ и вѣрныхъ народности. Костюмировку остальныхъ лицъ и другіе труды по режиссерству принялъ на себя П. П. Дорошенко. Обученіе ролей по произношенію и декламации принято было на себя А. В. Марковичемъ. Успѣхъ пѣсы былъ безпримѣрный. Слышенъ былъ въ рядахъ женщинъ громкій плачь послѣ нѣсколькихъ пѣсень; въ концѣ пѣсы раздались крики восторга. Въ томъ же году, послѣ годичнаго акта, повторился этотъ же спектакль и многіе должны были уйти и уѣхать, не находя въ большой залѣ мѣста ни для одного глаза. На масляной, въ слѣдующемъ году опять повторилась Наталка и были предлагавшіе 10 руб. ср. за входъ и не могли быть за многолюдствомъ впущены въ залу. Съ этою-то партитурою Наталка была дана въ Черниговѣ *товариствомъ, кохающимъ рідну мову, на підмогу убогимъ студентамъ нашої губерні, въ понедѣльникъ и, по настоянію публики, повторена въ четвергъ.* (*) Можно смѣло сказать, что «Наталка» еще никогда не была

(*) О представленіи *Наталки-Полтавки* общество было оповѣщено превосходно-напечатанными афишами—чуть ли не впервые—на украинскомъ языкѣ: Передаю афишу слово-въ-слово: »Черніговъ, съ дозволенія начальства.

Въ понедѣлокъ, 12 февраля,
на тутѣшнімъ театрі,
на підмогу убогимъ студентамъ нашої губерні,
товариствомъ, кохающимъ рідну мову,
представлятиметця:

такъ сыграна. «Наталка» въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно давалась, на челоуѣка знакомага съ нравами и съ народной музыкой, производила тяжелое впечатлѣніе. Съ одной стороны, извращенный кашцеляризмомъ украинскій характеръ Вознаго, съ другой стороны—безнадежная сентиментальность Наталки, Терпелихи, Петра, Микола, и гаерство Выборнаго; однимъ словомъ полное извращеніе народной жизни,—было необходимыми качествами Наталки. Этому способствовали: во-первыхъ, самый текстъ Наталки; во-вторыхъ, исполнители, для которыхъ нравы нашего народа *terra incognita* и которые воспитались на мелодраматизмѣ нашихъ провинціальныхъ театровъ; въ третьихъ, партитура Ядличка съ ея отличительнымъ признакомъ—*романцовостію*, если такъ можно выразиться. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляло многихъ, которымъ больно видѣть на сценѣ извращенными самыя нѣж-

I.

НАТАЛКА-ПОЛТАВКА,

оперѣтта И. П. Котларевського, у трѣхъ поділахъ;

Лица:

Наталка О. Н. Шрамчѣнківна.
 Терпелиха П. О. Глібова.
 Петръ Г. И. Паливода.
 Микола С. Д. Нісь.
 Вѣзний М. А. Кольчевскій.
 Выборний П. Г. Борсукъ.

Дієтца підъ Пилтавою.

II.

А. В. Марковичъ читатиме »Вуси.« повістку Ол. П. Сторожѣнка.

III.

Затимъ, товариство співатиме насъкі пісні:

- 1) Ой не пугай, пугаченьку! (у-двохъ).
- 2) Ой Морозе—Морозеньку! (гуртовá).
- 3) Ой котилося та яснѣе сонце.
- 4) Ой по горі, по горі ввчарь вівці ганяє (гуртова).

Передъ починомъ театру, музика гратимуть увертюру зъ Наталки-Полтавки, зложену Иваномъ Ляноверомъ.

Почнѣтца у 7 часівъ вѣчора.

Ціна:

Ложы: середня 15 карбонацивъ; літерні, у-низу, 10 карб.; нумерні: у-низу, 8 карб.; у-горі, 6 карб.; *крісла:* першого ряду, 3 карб.; другого и третього, 2 карб.; четвёртого и шьогого, 1 карб.; *місця за кріслами,* 75 коп.; *галлерей* 30 коп.

Билѣти продаватимутца у Н. П. Дорошенка, а въ день представлення у театрі.

няя стороны народной жизни, самые задушевные мелодии, — протестовать против постановки этой оперетты.

Все это было устранено при постановкѣ Наталки въ Черниговѣ. Былъ исправленъ текстъ. Вялая роль Миколаи передѣлана С. Д. Носомъ; исполнителями были знатоки народной жизни и народной музыки, такъ—сказать специалисты; партитура, какъ мы уже сказали, та, съ которою Наталка съ такимъ огромнымъ успѣхомъ была играна въ Непровѣ. Такимъ образомъ, Наталка явилась возродившимся фениксомъ. Конецъ второго дѣйствія, очень вялый, былъ лучшимъ мѣстомъ оперетты. Съ одной стороны, несчастная вдова и любящая мать, принужденная горестными обстоятельствами выдать свое дитя за нелюбя, — съ другой стороны, дочь, для счастья матерн готовая пожертвовать собою, своею любовью къ Петру, до-того психически вѣрно и вѣрно народности были представлены нашими Наталкою (г-жа Шрамченко) и Терпелихою (г-жа Глѣбова), что каждый былъ не зрителемъ совершающагося на сценѣ, а человѣкомъ близко стоящимъ и принимающимъ участіе въ совершающемся явленіи народной жизни.

Роль Наталки исполнена съ удивительною простотою, паввною скромностью и глубокимъ, чуждымъ экзальтаціи, чувствомъ. Роль Терпелихи, очень трудная во многихъ мѣстахъ, исполнена поразительно вѣрно дѣйствительности. Возный (г-нъ Кольчевскій) былъ очень комиченъ. Сентиментальная роль Петра, благодаря игрѣ Г. И. Паляводы и прекрасному исполненію пѣсень его симпатическимъ голосомъ, не казалась вовсе сентиментальною. С. Д. Носъ, въ роль Миколаи, олицетворялъ бурлачество. Бурлачество у него явилось фазою угасшей запорожской жизни, чѣмъ и есть на самомъ дѣлѣ. Что же касается пѣсень, пропѣтыхъ С. Д. Носомъ, то едвали кто можетъ соперничать съ нимъ въ исполненіи бурлацкихъ пѣсень:—это извѣстно здѣсь всякому. Одинъ офицеръ сказалъ намъ: *«все великолепно: только Носъ былъ совершенный бурлак.»* Роль *Выборнаго* исполнена господиномъ *Борсукомъ* такъ, какъ еще она никогда и нигдѣ не исполнялась; предъ нами былъ не шутъ, какимъ обыкновенно являлся до-сихъ-поръ *Выборный*, а лицо дѣйствительно почтенное. Каждый жестъ, каждое движеніе дышали дѣйствительностію.

Однимъ словомъ, исполненіе *Наталки*, въ Черниговѣ, равнялось тому впечатлѣнію, какое производитъ дорогая сердцу дѣйствительность. Черниговъ отстоялъ *Наталку*, которая готова была потонуть въ Лѣтѣ, и поддержать ее право на долгое существованіе.

Въ этотъ же вечеръ былъ прочтенъ разсказъ Стороженка *Вуси*, а во второй—*Закоханый чортъ*. Оба спектакля заключены были пѣніемъ. На сцену являлось, съ разныхъ сторонъ, 18 человекъ въ народной одеждѣ; но этого нельзя было назвать костюмировкой: казалось, каждый былъ въ своей обыденной одеждѣ. Вся группа была необыкновенно живописна.—Пѣсня: *Ой не пѣрай, пѣраченьку*, была пропѣта вдвоемъ; затѣмъ пропѣли гуртомъ: *Ой Морозе-Морозенко; Ой по горі, по горі візчарь вівці ганяє*, съ незамѣтнымъ переходомъ къ пѣснѣ—*Ой мати, мати, мати*: подъ конецъ послѣдней пѣсни, нѣкоторые *пійшли у танець...* Публика пришла въ восторгъ. Вызовамъ и просьбамъ—повторить—не было конца. Кричали: *добре... спасибі... гарно... ей-же-Богу, гарно... громадо-громадо... ще разъ... остатній разъ, и т. п.*

Однимъ словомъ, восторгъ, произведенный спектаклемъ, былъ чрезвычайный. Куда бы вы ни показались, вездѣ были слышны восторженныя похвалы, всюду напѣвались мотивы изъ *Наталки*. Спектакль не произвелъ впечатлѣнія только на тѣхъ немногихъ, на которыхъ непроизводитъ впечатлѣнія ничто народное, почитаемое мужичинымъ, *моветоннымъ*; но для такихъ—*законъ не писанъ*.

Нельзя не упомянуть объ усердіи А. В. Марковича. Съ его только энергіей можно было вышколить до-крайности плохую музыку и довести ее до изряднаго исполненія.

Благодаря знанію народности К. В. и Г. П. Галаганъ, костюмировка *Наталки* была блистательно-хороша и вѣрна. Постоянно присутствуя при репетиціяхъ, они много помогли дѣлу своими совѣтами. И. П. Дорошенко былъ режиссеромъ и завѣдывалъ хозяйственною частію.

На маслянной же, въ Кіевѣ, два раза дана была *Наталка* въ прежнемъ видѣ и, не смотря на недостатокъ текста и партитуры, и на несовсѣмъ удовлетворительное исполненіе, все-таки произвела впечатлѣніе.

Такъ-какъ *Наталка-Полтавка* сдѣлалась библиографическою рѣдкостью, то большую услугу оказалъ бы тотъ, кто издалъ бы ее въ томъ видѣ, какъ она была поставлена въ Черниговѣ, съ прекрасною партитурою Ландвера.

Павло.

ЛЁ-ЩО ЗЪ ГА́ДЯЧА.

(21 января 1862).

Всякий зна, якъ трѣдно бѣдному чоловікові своїхъ дітокъ вчити. Не тільки по сѣлахъ, и по городѣхъ тежъ саме: хоть би и радъ хто, Боже якъ радъ, віддати свою дитину учитця, да віддати нікуди. Отакъ и въ насъ, у Га́дячі: хлѣпцівъ—ще не такъ: на те повітове и приходськѣ училища; а дівчатъ? отто зъ ними лихо! Не тільки прѣстому народу,—куди! и не дуже заміжнімъ лю́дямъ вчать їхъ не можна:—нігде. Бо хочъ и є въ на́шимъ повіті, въ с. Рімарівці, пансієнъ жѣнський, да тамъ одно панство ўчитця. Дѣ жъ тамъ бѣдному чоловікові взятъ сотні півтори, щобъ заплатитъ у годъ за вчѣннє дочки? Ну, звісно — пані своїхъ дочокъ тамъ и вчать, панські дочки и вчені, а цѣлі ніпрічѣмъ застаютьця... И на душі у насъ ще тѣжче, ще дѣжче боліть сѣрце, якъ глянешъ на дитину, котрѣ й захочетця вчитця—и вчѣлося бъ, та ба! Бувъ, правда, и въ городі пансієнъ, де трѣхи дешевше брали, чѣмъ въ Рімарівці, да всегѣ тільки три годѣ. Учительша заміжъ вийшла—винъ и розвалився. И бѣдний хочъ не вчи.

Отъ, щобъ зробити помічъ бѣднимъ, щобъ и їхъ дочокъ було дѣ вчити, задумали відкритъ *кожнопднѣвню жѣнську школу*.

Сказати вамъ, якъ це було: зібралась торікъ на пкзѣменъ въ повітове училище чѣсна громада: батькі, щобъ послухать, чому спиві їхъ за-рікъ навчались, и дрѣгі. Якъ скінчѣли икзѣменъ, учитель і обявили за школу. Взались даромъ учити по 3 часѣ въ день — *зако́ну Божому, читати, писати и чотірі справи зъ ариѣметики*. Къ томѣжъ жінки учителівъ по 2 часѣ въ день—*шить и вишивати*. Для того жъ, щобъ вчити, трѣба и хѣти, де поміститъ школу, трѣба и паіру, книжокъ и для шиття дѣ-чого. Вони й постановили: братъ на цѣ зъ ко́жної дівчини одъ *коповика* до *двохъ карбѣванцівъ*,—бѣдна—дешевше, а багѣтша—зъ тні більше,—и, якъ буде учитця чотірі, *пѣяту* зъ самнихъ бѣднѣшихъ приймаѣть безъ плати. (Тѣбъ—то, що заста́нетця відъ чотирѣхъ, на те шѣяту вчать). Ціна хочъ и дорогѣнька, та що робитъ? Всегѣ на пѣрвий обзавидъ трѣба, да и взятъ нігде, и грошей ні кошійки немає. Та дорога, не дорога,—а все-такі́ бу́ла бъ полегкість бѣднимъ лю́дямъ: дѣсять, пѣятна́дцать, чи нехѣй и двѣдцѣть карбѣванцівъ у годъ легше заплатитъ, чѣмъ півтори—сотні... Спасібі і за цѣ! Не одно сѣрце, почувши объ школі, може, всміхнулось, не оди́нъ, може, сказѣвъ: *»ще не вмѣрла наша*

мати!.. Ну, а булі й такі, которі казали:—що вони відумали за школу? що зь неї буде п'ятне. Народъ тільки *послутили*, а її може й *відкрить не дозволять*... Коли такъ: мабуть знали злі язикі, що вішували!—послалл прошенне (такъ мишi сами учители казали), щобъ дозволено було відкрить її, на такихъ умовахъ, якъ я вишче сказавъ;—та що зь того, що послали?—*Непідходяща*, кажуть, вона підь другі, що відкривають по министрѣтву народнѣго просвіщенія,—*непідходяща*—а тимъ и *відкрить не можна*... Отакѣ—то!.. Такá, мабуть, доля наша; хотъ що й п'ятне задумаемъ зробіть, то й скажуть: »непідходяща ваша думка,—не буде по-вашому!..«

Учителі, получивши такѣ розршєнне, причіслели її до школъ по *духовному відомству*. Було у ній вже 7 учиниць, а тепѣрь тільки 6, а далі по одній зменшатиметця—зменшатиметця, я черезъ півроку одиъ поминъ зостапетця, що була въ Гадячі жєнська школа. Не знаю, якъ другімъ, а мишi такъ здаѣтця..

Ось у насъ—у Гадячі—новина: охотники, якъ и торікъ, змовилнь та й зіграли, оцѣ на святкахъ, два *спектаклі*. На первімъ грали: *Школьный учитель, Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*, а на другімъ—*Карьера и Сатана въ бѣщцѣ, або кумъ міршникъ*. Зібрали, за обидва, карбѣванцивъ 230. Вонѣ и бильше можна було, колибъ хата, дѣ грали, просторнша, а то въ ній всѣгопá—всѣго поміщалося 100 дзігликѣивъ.

Дѣбре діло! Дика нашимъ щирімъ громадинамъ, що думаютъ не тільки объ собі, а и объ другихъ... Дѣбре діло!.. Алѣ—щѣ се я?.. не одно дѣбре діло, а двѣ: одно—спектаклі у насъ показали,—бо, може, хто окрѣмъ кумѣдїи, що йводі приізжá на ярмарокъ, бильшъ ничѣго не бáчпвъ изъ тийтривъ, — а другѣ — зарѣблені гроші повернули вщятъ на библиѣтеку. Може, якъ би други грали, то казали бъ: — за щѣ ми дарѣмъ трудились? — за спасібі?.. — и грошенята въ кешєню, та й ділу кінєць; або погуляли бъ на нихъ такъ, що держись! (Бо въ насъ,—скажѣ не въ лайку й не въ укірь,—дуже голшнш до гуляння! Чѣтка—оцѣ недáвно підписку відкрїли, щобъ вечеринку задáть на *славу!*..) Може бъ, *други* й прогуляли, а наші щірі громадинє—ні: »пехáй,« кажуть,—грѣші ці на библиѣтеку,—відъ того польза буде не оди́мъ намъ, а всему гѣродові« и щѣ зрѣсхѣдували, а то карбѣванцивъ 165 досталося на вишску журнáлїивъ. Спасібі!...

Иванъ Кивайголова.

ВІСТІ ЗЪ КРЕМЕНЧУГА.

Ще ні разу не доводилось прочитати намъ ні одного слова у вашій *Основі* про Кременчугъ. Думаючи, що, може, мій листъ не буде лишній и взве придатніишихъ людей на розмову, пишу тільки те, що вснівъ дознати прихваткомъ.—Одъ Полтави до Кременчуга стовповимъ шляхомъ щитається 113 верстъ; стоить вінъ біля самісенького Дніпра, а супротивъ его на тімъ боці Дніпра стоить посадъ Крюковъ. Кременчугъ городъ великій, да не чепурний; будинки почорніли, вапна на їхъ пооблуплювалась, криши пообдирались, а хазяинамъ я гадки мало. Бачте—все ніколи, народъ *комерческий*. Коли прочують, що іде хто—небудь *важний*,—отъ—поліція гукне,—на головній херсонській улиці підметуть, підмажуть, підбілять на живу питку та й годі; а проіхавъ *важний*, пішло зновъ усе на старий ладъ.—Де-котрі улиці вимощені камнемъ, да вимощені безъ толку: каміння покладено такими здоровенними кусками, що ні їхати, ні ходити го-раздъ не можна. Черезъ Кременчугъ проведено телеграфъ на Київъ, Полтаву, Катеринославъ и Николаївъ:—се діло дуже добре, та не для всіхъ. Разъ міні довелось бачити, якъ одинъ бідний кулець трічі перемінявъ депешу. Принісъ разъ — не приймають черезъ те, що написано не *сьогодня*, а *севодні*; переписавъ вінъ, подає—зновъ не приймають, черезъ те, що написано *цены*, а не *цѣны*: треба було въ трейте переписувать. Ну да сеє ще не велика біда.—Отъ лихо на переправі! звісно що у літку черезъ Дніпръ переїздять мостомъ, а весною и въ осені містъ знімають и перевозять на байдакахъ, на поромахъ и на дубахъ.—Се сама пекельна пора для біднихъ людей—особливо для чумаківъ; иноді сутокъ двое або трое стоять да ждуть, поки-то їхъ перевезуть. Ще ідучи зъ Кременчуга легше, а вже якъ ідуть зъ Крюкова въ Кременчугъ,—тоді, просто, хочъ плачъ! Не знаю вже черезъ що, чумаки прозвали крюковську переправу *анлічівською*. Переправа, бачте, тутъ казенна, а обходиться гірше простої. Сама менша плата по золотому одъ чумацької хури. Не скажу вже, хто забірає гроши за переправу, а самъ бачивъ чумака, котрий дававъ по сороківці одъ хури, а зъ его правили *по дві*: торговався вінъ два дні, а на третій зъєднались на золотого. Не даромъ уже самі поліціанти пору переправи зовуть своїми жнивнами...

Саме місце, на котрому стоить Кременчугъ,—указало, чимъ повинні перебиватьця кременчужці. Хліборобство тутъ не зъ руки,

а торгъ ведеться гарно, особливе лісомъ. Краще всіхъ торгує деревомъ купецъ Вітковъ, чоловікъ гарний и, хочъ Москаль, а чесний. Крімє лісного, ведеться гарний торгъ хлібомъ у зерні, и лёномъ. Лавокъ у городі зъ крашніною, зъ бакалію, погрібівъ зъ винами—сила силюца, а *шинкамъ* и ліку нема; що ступінь, той шинокъ. Шинкують жиди и поштують народъ, замісь горілки въ 25 град., переваренною водою, заправленною горілкою.—Воно й краще: більше выпють и п'яні не будуть. Фабрикъ съ турецькимъ тютюномъ у Кременчузі пять, а путня зъ їхъ тільки одна—караїма Дурунчи. Такъ само и гостинниця ажъ шість, а дотепної пима ніодної. Зимю (якъ теперъ) у хатахъ холодно,—хочъ вовкомъ вий, істи нема нічого путнєго, а гроши деруть такъ, що ажъ пучки знать.

Черезъ те, що Кременчугъ городъ торговий,—люде живуть у ёму всякві: українці, москалі, шімці й жиди; здаеться, що послідніхъ найбільшъ. Куди глянешъ, де не повернешся—усюди стирчить жидъ. И не диво! Сей безпритаманий народъ зъ-роду не привикъ добувать хлібъ потовою працею; ёму все колябъ легко дойшлось. Инчий жидъ при здоровї, а трудитця не хоче: візьме на кошовика сїрниківъ, вакса, мила и шведяє цілий день; впикає по всімъ дворамъ, и на-силу, на-силу заробить сороківку. Соромъ ёму нанятыця улицю мести и *чесно* заробить гроши: куди! ёму краще на зводи, да на переводи піти.

Наши кременчузькі українці тожъ стали знікчемнюватьця,—цураютця свого латаного, а хватаютця за чуже хапане. Одні стали на-ривить на московський ладъ и закидувати въ речахъ на а; другіи наконці приточують—съ и сякуютьця вийти або въ міщанство, або въ панство; и виходять зъ їхъ якисъ перевертні: ні Богу свічка, ні чорту ладанъ.

Е въ Кременчузі громадська бесплатня кнпгарня; у ій до 2000 кнпжокъ; заведена вона ще въ 1859 р., а ій досі не одкрита, такъ якъ слідъ,—хочъ городська купецька громада и положила давать, що-року на кнпгарню 200 карбованцівъ. Первимъ роботникомъ на діло кнпгарні бувъ и е Петро Ивановичъ Строшинъ. Ёму жъ треба сказати спасибі и за недільні школи—хлопьячу й дівочу.—Школи сі одкриті въ осени 1860 р.—При своїму початку, вони мали всего тільки 25 карб., котрі подаровавъ городський голова Поспиковъ, чоловікъ щиро прихильний до народнєго блага. Послі, зимою, грали спектаклі и зібрали для школь більше 600 карбованцівъ; зъ їхъ

500 оддали одному надежному чоловікові: вінъ и платить що-року школамъ 50 карб. проценту. Скільки записано у школахъ дівчатъ и хлопцівъ—не звісно; бо у школахъ нема записної книжки: спершу вона була, да діти побачивши, що їх записують, злякались, подумавши, що їх поберуть у москалі, и перестали ходити у школу.—Дівоча школа иде краще: учитця у йї 35—45 дівчатъ; учительницъ вісімъ. У хлопчячій—учениківъ буває 25—30; учителівъ більше 6 не буває. И не диво! зъ повітового училища тільки два учителі ходить вчить у школу, а другі по неділямъ лежники справляють.

У *комерцеськімъ* Кременчузі, громада недуже прихильна до школь. Есть такі паніі, що изъ тіхъ котрі ходять учити въ школу насміхаютьца и дорікають *прогресситками*. Бридко на душі становитця, якъ згадаемъ що у нашъ вікъ е ще оттакі голови. Найбільша потреба убачаетця тутечки у дівочому училищі, хочъ би 3-го разряду. Для хлопцівъ есть—таки приходьске и повітове училище, а для дівчатъ тільки два *пенсіоні*, у котріхъ дорого беруть и біднімъ людямъ туди хочъ и носа не показуй. Кажуть, що дівочого училища не буде потіль, покіль не заведетця городський банкъ. А про сей банкъ ведетця *переписка* літь більше *десяти*: и гроши есть у Думи, и горожане бажать, да ба! то *проєктъ* не такъ написаний, то те, то друге,—та й зупинає добре діло.

Отъ—и все, що дознавъ я про Кременчугъ. Хіба сказать ще де-що про *клубъ*. Нема ще шести неділь, якъ у Кременчузі завели клубъ, а вже химерна штука вишла. Одинъ панъ дуже бувъ розремитовавсь за те, що громада зібрала старшиною невеличкого чиновника, здаетця *колежського секретаря*. Ну, ще бъ дарма, якъ би посердився собі підъ нісь та й годі, а то ставъ порочити *чесного* чоловіка не за що!.. А отъ—ще добра вістка: тутешні офицери (кавалеристи) зібрала міжъ собою 100 карбованцівъ на підмогу біднимъ студентамъ.

Александръ Переходовець.

21 декабря 1861 р.
Кременчугъ.

ПИСЬМА ИЗЪ-ПО-НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

II.

4 марта.

Мы замѣтили, что прошлый мясоѣдъ число крестьянскихъ свадебъ въ нашемъ куткѣ было очень незначительно; это объясняется тѣмъ, что въ теченіе прошлаго года, съ апрѣля по ноябрь, перевѣчалось изъ временно-обязанныхъ столько, сколько и въ три года прежде не вѣчалось. Къ 1862-му г. оставались большею частью только дворовыя дѣвушки, задержанныя подъ разными предлогами, паніями и паночками. Но и въ этомъ году имъ не посчастливилось: въ январѣ мѣстное губернское присутствіе постановило, что дворовыя дѣвушки, желающія выйти за мужъ, должны за мѣсяцъ впередъ объявить о томъ помѣщикамъ. Это постановленіе, нераспространенное межъ крестьянами въ свое время, помѣшало многихъ *на рушникъ стати*. Поэтому поводу не мало было случаевъ и смѣшныхъ и грустныхъ. Вотъ одинъ изъ послѣднихъ: у жены одного не очень заможнаго, но великаго саномъ пана, была горничная дѣвушка, давно уже порывавшаяся выйти замужъ за сосѣдскаго лакея; но барынь не хотѣлось разстаться съ ней и, удерживаемая горничная продолжала сидѣть въ дѣвкахъ. Наконецъ, въ прошлый мясоѣдъ, женихъ рѣшился жениться въ что бы то ни стало. Приготовились къ свадьбѣ, условились съ священникомъ, покончили всѣ приготовления, какъ слѣдъ; оставалось—сѣсть, да поѣхать къ вѣнцу. Приѣхали за невѣстой, разрядилась она и только-что сѣла въ сани ѣхать въ церковь, какъ является помѣщикъ и, силою губернскаго постановленія, заставляетъ невѣсту выйти изъ саней и продолжать прежнюю службу еще мѣсяцъ... Нечего было дѣлать, отложили свадьбу (только не на одинъ мѣсяцъ, потому что дѣло было передъ масляной), но каково было откладывать её? Были и другіе подобные случаи, да нѣтъ охоты ихъ рассказывать.

Въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ случился рассказанный казусъ, услышали мы и отрадныя вещи: въ мѣстѣ, состоящемъ изъ 2600 душъ, введена уставная грамота, *подписанная* уполномоченными отъ крестьянъ. Это фактъ большой важности для нашего кутка; на приглашеніе крестьянъ—принять участіе въ составленіи грамоты, они отвѣчаютъ обыкновенно: нехай ще подпвмися, якъ люде робитимуть, тоді и ми... Теперь, примѣръ 2600-тъ душъ долженъ подѣйствовать на цѣлый околотокъ, тѣмъ болѣе, что подобные факты быстро распространяются

межь крестьянами. Эти же 2600 душъ; чрезъ нѣсколько дней по подписаніи уставной грамоты, прислали къ посреднику выборныхъ, прося его ходатайствовать у помѣщика о переходѣ на оброкъ. Помѣщикъ согласился и чрезъ нѣсколько дней дѣло объ этомъ было кончено. Переходъ на оброкъ еще важнѣе подписанія грамоты: теперь нельзя уже сомнѣваться, что какъ помѣщики, такъ и крестьяне должны предпочесть оброкъ издѣльной повинности, которая при мѣстномъ урочномъ положеніи, очень требовательномъ, поведетъ только къ большому ожесточенію обонхъ сословіи. Оброчное состояніе избавитъ помѣщика отъ кропотливаго и труднаго контроля крестьянскихъ работъ, а крестьяне, вмѣстѣ съ нимъ, получатъ скорѣйшую возможность—жить самостоятельно. Къ-сожалѣнію, межъ помѣщиками не мало еще такихъ, которые ратуютъ за издѣльную повинность, конечно, боясь разстаться съ остающеюся тѣнью помѣщичьей власти...

Въ томъ же такъ уздѣ на дняхъ совершился еще болѣе утѣшительный фактъ: крестьянское общество, болѣе 300-тъ душъ, согласилось принять отъ помѣщика въ даръ—четвертной гадѣль и тѣмъ члены его изъ временно-обязанныхъ, стали крестьянами-собственниками. Согласіе это мы назвали утѣшительнымъ фактомъ въ томъ отношеніи, что при существующемъ недовѣрїи крестьянъ къ помѣщикамъ и подобныя сдѣлки удаются не совсѣмъ—то легко. Въ Ковтопскомъ уздѣ, отличающемся хорошимъ качествомъ своихъ земель, одинъ помѣщикъ предлагалъ крестьянамъ подобную сдѣлку, имѣя въ виду обоюдную пользу, и получилъ отказъ. »Будемъ ждать слушного часу!« отвѣчаютъ обыкновенно крестьяне въ такихъ случаяхъ. Любопытно, что когда эти 300 душъ подписали свое согласіе на принятіе помѣщичьяго дара, то одинъ изъ нихъ подошелъ къ посреднику и таинственно просилъ его: »теперь же вже ви насъ защищайте, коли лучитця яка біда!« На вопросъ посредника—о какой бѣдѣ онъ говоритъ, крестьянинъ отвѣчалъ: »да кажутъ же, що хто візьме даромъ землю, такъ якъ ми, то тіхъ не будуть ні хрестить, ні причащать...« Нелѣпость подобныхъ слуховъ лучше всего говоритъ о той довѣрчивости, съ которою крестьяне слушаютъ разныхъ бродягъ, распускающихъ подобныя вѣсти изъ—за какой-нибудь *чвертки*. Нечего и говорить, что любопытство крестьянъ, относительно обстоятельствъ ихъ освобожденія, велико; удовлетворять его чтеніемъ постановленій губернскаго присутствія, по безграмотству, они не могутъ: поневолѣ приходится довольствоваться новостями, сообщаемыми устно. Значить, и за эту излишнюю

довѣрчивость обвинять крестьянъ нельзя, а нужно посылать заниматься распространеніемъ грамотности.

Съ конца 1860 г., обученіе грамотѣ крестьянскихъ дѣтей у насъ значительно подвинулось: по распоряженію мѣстнаго архіерея, въ каждомъ приходѣ учреждены были школы, обученіемъ въ которыхъ должны были заниматься священники и другія лица приходскаго причта. Вотъ числовыя данныя объ этихъ школахъ по 1861 г.

Новгородсѣверскій уѣздъ: школъ	68,	учащихся мальчик.	1404,	дѣвоч.	189
Глуховскій	—	—	85,	—	—
Мглинскій	—	—	63,	—	—
Стародубскій	—	—	77,	—	—
Новозыбковскій	—	—	50,	—	—
Остерскій	—	—	51,	—	—
Черниговскій	—	—	48,	—	—
Сосницкій	—	—	61,	—	—
Суражскій	—	—	33,	—	—
Козелецкій	—	—	46,	—	—
Конотопскій	—	—	41,	—	—
Кролевецкій	—	—	38,	—	—
Нѣжинскій	—	—	49,	—	—
Борзенскій	—	—	38,	—	—
Городищскій	—	—	41,	—	—
Въ губерніи	—	—	789,	—	—
			10,504,	—	1769 (*)

Въ прошломъ году всѣ эти цифры повысились, но, сколько намъ извѣстно, на процентъ очень незначительный. Главное затрудненіе при распространеніи сельскихъ школъ, заключается въ недостаткѣ для нихъ помѣщеній; изъ вышеприведенной цифры школъ, 645 помѣщались въ домахъ и квартирахъ священниковъ. Сколько намъ случалось посѣщать сельскія школы, почти вездѣ приходилось слышать жалобы на тѣсноту, какъ главную замедляющую причину увеличенія числа учениковъ. И дѣйствительно, священнику трудно помѣстити у себя болѣе 20, 30 душъ да и тѣ размѣщаются такъ, что поневолѣ мѣшаютъ другъ другу. Въ этомъ же неудобствѣ заключается причина и медленности при первоначальномъ обученіи. Но это все еще ничего передъ тѣмъ неутѣшительнымъ фактомъ, что въ числѣ обучающихся, число дѣтей временно — обязанныхъ крестьянъ самое незначительное; главная масса

(*) Данныя эти взяты нами изъ черниг. епарх. извѣстій 1861 г., № 10. Кромѣ приходскихъ школъ, въ Черниговс. губ. въ 1860 г. находилось еще 65 школъ введенныхъ палатою государств. имущества, въ которыхъ училось мальчиковъ 2109, а дѣвочекъ 243.

школяровъ принадлежитъ козачьему сословію. Нерѣдко можно встрѣтить, что въ школѣ человекъ въ 20,30-ть—нѣтъ ни одного изъ временно-обязанныхъ. Спрашивая послѣднихъ—почему они не отдають дѣтей въ школы, обыкновенно слышишь такіа разсужденія: »на що намъ отдавать ихъ въ школу? Богъ зна, що ще зъ сѣго буде, а якъ хлопець дома, то вінъ и скотъ напоить и гній викидае зъ хлівцівъ; все-таки зъ его работа е,—не даромъ хлѣбъ ість.« Главная же причина, сколько мы понимаемъ, этого равнодушія къ грамотности, заключается въ томъ, что жизнь временно-обязанныхъ крестьянъ въ настоящее время находится въ какомъ-то колебательномъ состояніи; они не успѣли еще прійти въ себя, послѣ вѣковаго почти сна, а потому естественно, они не могутъ пока дать себѣ отчетъ—что для нихъ полезно и что вредно, а намъ не вѣрять...

Обученіе въ школахъ ведется на манеръ старинный: азбука, часословъ и псалтырь. Много можно бы сказать противъ этого направленія, но это ни къ чему не поведетъ; пока сельскими учителями будутъ лица изъ духовнаго сословія—часословъ и псалтырь пребудутъ нерушимы; свѣтскихъ же учителей намъ долго еще прійдется ждать...

Не лишнимъ считаемъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе о нашихъ школахъ: обученіе чтенію, во всѣхъ почти школахъ, производится по славянскому букварю и затѣмъ уже дѣти переходятъ къ чтенію книгъ петровской печати. Мы по опыту знаемъ, что дѣти механизмъ чтенія скорѣе схватываютъ по послѣдней и потому гораздо полезнѣе *начинать* съ послѣдней же: во-первыхъ, на обученіе чтенію по петровской печати теряется времени гораздо менѣе, чѣмъ по славянской; во-вторыхъ, выучившись читать по первой, дѣтя переходить къ чтенію по второй очень легко; между тѣмъ, если оно начинается съ славянской, то переходъ къ петровской для него гораздо затруднительнѣе, слѣдовательно, опять связывается съ лишнею тратой времени. Желательно бы, чтобъ это замѣчаніе, по провѣркѣ на опытѣ, было принято тѣми, кому вѣдать надлежитъ.

Окончивъ письмо, мы вспомнили, что забыли сказать о повтореніи въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ исторіи, бывшей съ г. Шиповымъ; только тутъ мотивъ былъ другой: дворяне просили предводителя передать свою должность кандидату на томъ основаніи, что *маршальское ничего-недѣланіе* теперь несовременно. Удовлетворена ли была просьба—намъ неизвѣстно.

Ал. Мнѣченко.

ИЗЪ Г. ТАРАЩИ, (КІЕВСКОЙ ГУБ.).

1.

Разскажу вамъ кое-что о жизни нашего городка и вообще этой мѣстности. Нынѣшній годъ былъ довольно благопріятенъ для здѣшняго края въ матеріальномъ отношеніи, а, пожалуй, и въ нравственномъ, такъ-какъ теперь обѣщано, въ опредѣленномъ и недалекомъ срокѣ, полное освобожденіе крестьянъ. Но вообще эта мѣра, вначалѣ принята здѣсь не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало ожидать. Помѣщикамъ кажется, что ихъ раззорили, хотя, въ-сущности, новое положеніе больше для нихъ полезно, чѣмъ вредно.—Крестьяне смотрятъ на освобожденіе какъ-то недовѣрчиво, и не ожидаютъ отъ него значительной перемѣны къ лучшему: такъ ужъ они привыкли къ тому, что «*обіцѣвъ панъ коожухъ, та ѣ слово ѣіо тепле*»; да притомъ хотя они частью и вѣрятъ этимъ обѣщаніямъ, но это не удовлетворяетъ ихъ: они желали и ожидали гораздо больше, не входя въ то, будетъ ли это выгодно и удобно для другихъ сословій.

Разскажу вамъ одинъ слышанный мною случай, довольно вѣрно выражающій взглядъ крестьянъ на освобожденіе: въ первый день чтенія манифеста одинъ крестьянинъ ѣхалъ въ мѣстечко на базаръ изъ деревни, въ которой небыло церкви, и потому не читали еще манифеста, о которомъ онъ уже однако слышалъ, и встрѣтилъ своего знакомаго, уже возвращавшагося оттуда, и везшаго между другими покупками завязанный горшокъ съ чѣмъ-то. »А що тамъ? кажутъ, воля?« спросилъ его встрѣтившійся.—Та воля.—»А де-жь она?«—А ось въ горшкѣ, та ще ѣ завязана... —Случай этотъ едва-ли достовѣренъ, но таковъ, или почти таковъ взглядъ на этотъ предметъ здѣшнихъ крестьянъ. Конечно, со временемъ, когда все устроится, они увидятъ свое освобожденіе въ иномъ свѣтѣ. Но теперь, и въ нѣкоторой степени не безосновательно, во многихъ мѣстностяхъ крестьяне предпочитаютъ нынѣшнее переходное состояніе будущему свободному: тогда они должны будутъ отбывать повинность за землю деньгами, а теперь работаютъ одинъ день въ недѣлю на панщинѣ и другой, такъ-наз. *сгонный*, т. е., обязательный, но съ платою за него по 20 к. с. Эту панщину отбываетъ одинъ мужчина изъ каждой хаты, а женщина по дню въ недѣлю.

Объ образованіи здѣшняго народа нечего много и распространяться, развѣ перечислять quasi—училища и восхищаться сочувствіемъ

нашего общества къ народному образованію, котораго, т. е. сочувствіа сказать правду, намъ кажется, очень немного. Есть, напримеръ, у насъ воскресная школа. А спросите, къмъ она открыта?—Офицерами квартирующихъ здѣсь войскъ, и можно почти навѣрное сказать, хотя такое признаніе очень печально, что съ выходомъ отсюда войска едва-ли удержится и школа. При томъ же она и теперь приноситъ не слишкомъ много пользы, такъ какъ въ ней преподаваніе идетъ не на народномъ, а на русскомъ языкѣ. При открытіи школы поднялись было одинъ или два голоса въ пользу украинскаго языка, но большинство учредителей не согласилось на это. А вѣдь, кажется, какая мысль можетъ быть проще той, что всякій пойметъ и усвоитъ чтобы-то ни было только тогда, когда ему будутъ преподавать и объяснять на языкѣ, вполне ему понятномъ, слѣдовательно на томъ, на которомъ онъ говоритъ. Впрочемъ гг. офицеровъ можно извинить тѣмъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ хорошо украинскаго языка, но съ другой стороны отчего-бы хоть нѣкоторымъ, знающимъ, не преподавать на родномъ языкѣ?

А вотъ ужъ кого нельзя извинить ничѣмъ, такъ это наше высокопочтенное общество. Почти всякій изъ здѣшнихъ постоянныхъ жителей знаетъ болѣе или менѣе народный языкъ, почти всякій можетъ удѣлять 2—3 часа въ недѣлю на пользу общую, но... у нихъ, видите-ли, много своего дѣла: преферансъ, толки, переливанье изъ пустаго въ порожнее и т. п. Да и вообще здѣсь очень мало сочувствія къ родному для болѣе части народу и его литературѣ. Еще часто можно слышать выраженія въ родѣ: «помужички», «мужичкій языкъ», «ро-снѣорску», и т. п.

Но мое письмо приняло уже довольно значительный объемъ, и потому кончаю его. Въ слѣдующемъ письмѣ я намѣренъ коснуться нѣкоторыхъ другихъ сторонъ здѣшняго быта и изложить здѣшніе толки и мнѣнія о покойномъ Шевченкѣ и вообще здѣшніе взгляды, довольно оригинальные, на него самого и его дѣятельность.

II.

Мнѣ только-что сообщены однимъ моимъ знакомымъ свѣдѣнія о состояніи нѣсколькихъ сельскихъ школъ въ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ, а я, въ свою очередь, сообщаю ихъ вамъ, полагая, что они не лишены нѣ котораго интереса. Всѣ подобныя училища,

какъ и вамъ вѣроятно извѣстно, открыты, въ началѣ прошедшаго года, приходскими священниками, вслѣдствіе указа Кіевскаго митрополита. Теперь расскажу о трехъ школахъ, о которыхъ я получилъ точныя и подробныя свѣдѣнія, за достовѣрность которыхъ ручаюсь.

Въ с. *Журавль* (Чигиринскаго уѣзда, имѣніе графа Бобринскаго), школа помѣщается въ общественномъ (громадскомъ) домѣ, отопленіе же для нея, въ зимнее время, даетъ помѣщикъ. Учениковъ обыкновенно бываетъ человѣкъ до двадцати. Но если бы кто спросилъ, что-же они успѣли узнать за годъ своего ученія, то отвѣчать довольно трудно. Нѣкоторые успѣли выучить азбуку, конечно, по старинному, — азъ, буки, и т. д., а премудрости складовъ еще узнать не было времени и не хватило силъ преподавательницы.

При этомъ должно сказать еще, что крестьяне въ этомъ селеніи вообще народъ зажиточный, и очень хочется имъ воспитывать дѣтей своихъ какъ слѣдуетъ. Это видно изъ того, что недавно у нихъ явилось желаніе устроить у себя школу для дѣвочекъ, — своими собственными средствами. Они предлагали одной дамѣ принять на себя должность учительницы, обѣщая собрать до 200 р. ежегоднаго жалованья, но она не могла въ то время согласиться на ихъ предложеніе, по своимъ обстоятельствамъ. Впрочемъ можно надѣяться, что эта мысль будетъ въ скоромъ времени приведена въ исполненіе. Худо только то, что они, сознавая важность первоначальнаго образованія, не могутъ давать его своимъ сыновьямъ. Они сами очень недовольны своей школой и говорятъ: — та чого-жъ вони тамъ вчатця, що за годъ не знаютъ «буки-азъ-ба.»

Въ с. *Матусовъ* (Черкаскаго уѣзда, имѣніе г. Орлова), въ большомъ селеніи, двѣ церкви и два прихода, а потому и двѣ школы. Хотя онѣ недалеко одна отъ другой, но разстояніе между состояніемъ той и другой неизмѣримое. Одна, въ приходѣ церкви св. Димитрія, составляетъ очень пріятное исключеніе изъ множества другихъ. Священникъ этого прихода — человѣкъ образованный и видѣвшій свѣтъ, самъ занимается ежедневно со своими учениками. Но какъ для него одного это было-бы затруднительно, то онъ поручаетъ первоначальныя занятія съ ними обыкновенному сельскому грамотѣю, изъ отставныхъ солдатъ, конечно, подъ своимъ постояннымъ надзоромъ. Въ этой школѣ учащіеся успѣли уже столько, что священникъ могъ составить изъ нихъ довольно порядочную пѣвческую.

Зато другая школа, въ томъ же селѣ, съ избыткомъ уравновѣши-

ваетъ своимъ недостатками достоинства первой. Единственный преподаватель въ ней тоже отставной солдатъ, котораго всё знанія ограничиваются умѣньемъ читать и немножко писать. Онъ здѣсь лицо вполне безответственное и безконтрольное.

Я буду стараться всѣми силами собирать по-больше такихъ свѣдѣній, и самъ, и отъ другихъ (разумѣется людей достовѣрныхъ), и немедленно сообщать ихъ вамъ. Теперь мнѣ сообщены еще нѣкоторыя свѣдѣнія, но очень неполныя, и потому откладываю сообщеніе ихъ до пополненія. Да, я еще забылъ упомянуть объ одномъ случаѣ: однажды мой знакомый, сообщившій всё эти свѣдѣнія, будучи во второй (т. е. худшей) школѣ въ Матусовѣ, началъ объяснять ученикамъ начатки священной исторіи; а почтенный преподаватель слушалъ—слушалъ, и наконецъ сказалъ: «Ишь ты! а я такихъ диковинъ еще и не слыхивалъ!»

«Все это было бы смѣшно,

Когда бы не было такъ грустно!..»

ИЗЪ—ВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(26 января 1862).

Прошлый годъ, въ іюнѣ, я писалъ въ вашу *Основу* о вещахъ самыхъ безотраднѣхъ. Но если жизнь и представляла тогда печальныя явленія, за то природа умѣряла негодованіе своимъ величіемъ, роскошью, красотой и нѣгой, которыми такъ обильно обливала, со всѣхъ сторонъ, пораженнаго и умиленнаго зрителя...

Прошло полгода. Я опять въ Малороссіи, опять въ той же мѣстности. Опять та же жалкая среда давитъ душу и сердце, опять тѣ же старческіе недуги одолаваютъ несчастную среду, больную, уже и безъ того, хроническими, неизлѣчимыми болѣзнями, противъ которыхъ, кажется, существуетъ одно вѣрное средство—смерть... Да, она *сухорѣбрица!* Она, вѣдь, не разъ, оказывала услуги нашему обширному отечеству... Я сегодня въ жолчномъ расположеніи духа, и отъ моихъ пожеланій не поздоровится. Мнѣ такъ и чудится, что надъ могиллами нашей породы будетъ расти болиголовъ и чертополохъ, мычать рогатый скотъ, хрюкать одичалая свинья... если мы во-время не одумаемся.

Смятеніе, обуревавшее лѣтомъ головы здѣшнихъ старцевъ, въ той же степени, кажется, царствуетъ въ нихъ и поныѣ. Словомъ, дѣйствующія лица тѣже, что и были; перемѣнилась только обстановка. Вмѣсто роскошной, всеоживляющей растительности, глазамъ нашимъ представляются сплошныя массы глубокихъ снѣговъ, да обнаженные гѣса съ вершинами, покрытыми вѣеомъ. Снѣгъ немилосердно и неустанно валить сверху и рвется снизу, по дѣлымъ суткамъ, такъ что глазъ не различаетъ, за четверть версты, никакихъ предметовъ; дороги убійственныя, приводящія въ ужасъ и смятеніе душу человѣка, и сокрушающія самыя крѣпкіе желудки и ребра. Мрачныя, тоскливыя, бѣлесоватыя пустыни, по которымъ, какъ пятна, *мрiють* села; свистъ вѣтра, завыванье волковъ, карканье глупыхъ воронъ—и больше ничего... Тоска, смертная тоска! Завидую я вамъ, сидящимъ въ теплѣ, за каменными стѣнами и невѣдающимъ, что творится въ лѣсахъ дремучихъ, степяхъ безбрежныхъ, поляхъ опустѣлыхъ...

Но къ дѣлу, къ дѣлу!

Вы хотите знать, конечно, многое,—все. Какъ идетъ крестьянское дѣло, какъ межевое, какъ хозяйство, образованіе народа, сколько гдѣ заведено школъ, чему въ нихъ учатъ, чѣмъ интересуется общество высшаго круга (аристократія), къ чему оно стремится, какія у него планы и проч. и проч.? Боже мой! Да на столько вопросовъ отвѣчать почти—невозможно. Невозможно потому, что на большую часть изъ нихъ нѣтъ и отвѣтовъ.—Какъ, нѣтъ отвѣтовъ?—Да такъ, нѣтъ—и вся недолга! Вы думаете, что такъ—вотъ, пришелъ, посмотрѣлъ—и знаешь все, все ясно, какъ день? Какъ бы не такъ! Нашли дураковъ! Да, вѣдь еслибъ дѣйствительно было такъ, такъ, послѣ такой несообразности, девять десятыхъ этого общества до того скверно бы стало, что хоть сквозь землю тутъ же и провалиться! Нѣтъ-съ, оно совсѣмъ не такъ! А вотъ какъ. Примѣрно, вошли вы въ комнату, гдѣ совершенно темно, темнѣе даже, чѣмъ ночью. Сдѣлавши два шага, вы во что то хватились лбомъ: звенитъ. Чтобы это такое? Вы протягиваете впередъ руки, изъ предосторожности и любознательности. Оказывается, что это голова, человѣческая голова. Стало быть, тутъ есть люди, думаете вы, и не ошиблись. Люди, точно, тутъ есть, и даже много ихъ.—Ну, слава Богу! теперь я буду знать, гдѣ я,—продолжасте вы размышлять, обрадовавшись человѣческому обществу.—Господа, начинаете вы очень вѣжливо, какъ прилично человѣку порядочному:—извините... я бы хотѣлъ знать...—А ты

хотѣлъ бы знать!..—раздается нѣсколько голосовъ. Потомъ, шумъ усиливается... вы едва разбираете отдѣльные слова, междометія, восклицанія, помпнаніе нѣкоторыхъ родственниковъ... Потомъ... потомъ вы уже ничего не можете разобрать. Все сливается въ какой-то неопредѣленный гулъ и рокоть. Въ недоумѣніи, вы спѣшите поскорѣе убраться изъ этого общества, и ищете выхода. Наконецъ попали. Вы на чистомъ воздухѣ; отплеиваетесь и открещиваетесь и благодарите Бога за спасеніе жизни. Я васъ встрѣчаю и спрашиваю: Расскажете, что тамъ дѣлается?

— Ничего не дѣлается, мрачно отвѣчаете вы. Я совершенно понимаю вашъ отвѣтъ, и прекращаю разспросы.

Основываясь на этомъ, и вы не спрашиваете меня о нѣкоторыхъ щекотливыхъ предметахъ, а довольствуетесь тѣмъ, что моею милости заблагодарасудится сообщить.

Сообщу, прежде всего, что было нѣсколько мировыхъ сѣздовъ, на которыхъ рѣшено много вопросовъ, весьма удовлетворительнымъ образомъ. Какіе это вопросы? усматривается изъ губъ. вѣд. за прошедшій и текущій годы. Былъ, между прочимъ, замѣчательный сѣздъ с — го уѣзда, въ селеніи X — хъ, по случаю несогласій тамошнихъ крестьянъ съ ихъ помѣщицей. У меня нѣтъ ни охоты, ни времени сообщать вамъ всѣ подробности его. Скажу только, что когда члены его стали разъѣзжаться, то хозяйка дома грозила доносомъ.

Нѣкоторые помѣщички стараются сойтись съ крестьянами на добровольныя сдѣлки; но удается это очень немногимъ. Крестьяне недовѣрчиво смотрятъ на всякія предложенія, и подозрѣваютъ въ нихъ обманъ. Прежняя ложная мысль, что черезъ 2 года земля будетъ ихъ, еще не оставлена ими.

Межеванье, по-случаю зимы, отдыхаетъ на лаврахъ, пожатыхъ, въ лѣтнее время, на болотахъ, поляхъ и прочихъ угодахъ. Зато образуются новыя комиссіи, въ уѣздахъ, гдѣ еще не начиналось размежеваніе. Выборы членовъ, въ эти комиссіи, заслуживаютъ особеннаго вниманія, и потому, я намѣренъ поговорить о нихъ подробнѣе. Прежде всего, замѣчу, что на эти комиссіи, должно быть, положено закліаніе, по крайней мѣрѣ, въ той мѣстности, о которой я пишу, и суждено имъ состоять изъ членовъ, рѣшительно неспособныхъ къ движенію и ко всякой другой дѣятельности, или по совершенной преклонности лѣтъ, или по необъятной тучности. Вотъ, на выдержку, одинъ уѣздъ. Выборы, разумѣется, открываются блестящею рѣчью

г. предводителя дворянства, въ которой онъ, самыми яркими красками, описываетъ важность дѣла, возлагаемаго на комиссію, и полагаетъ, что, для достиженія своей цѣли, комиссія должна состоять изъ умныхъ и честныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя этому дѣлу; словомъ,—замѣчаетъ г. предводитель—изъ людей молодыхъ. За симъ, приступаютъ къ выборамъ, во-первыхъ, председателя. Выбирается, разумеется, самъ г. предводитель.

Удовлетворяетъ ли онъ тѣмъ требованіямъ, о которыхъ только что говорилъ самъ съ такимъ краснорѣчіемъ? Удовлетворяетъ. И удовлетворяетъ трояко: 1, потому, что онъ предводитель, 2, потому, что его выбрали гг. дворяне и 3, потому, что ему нужны 2000 р., для поправленія своихъ обстоятельствъ. И такъ, комиссія уже имѣетъ главу; нужно еще туловище. Баллотировка продолжается. Всѣмъ извѣстны условія, составляющія хорошее туловище: оно должно плясать подъ ту пѣсню, которую затынетъ голова. Баллотироваются люди молодые; и, какъ негодные, уже потому, что не слѣпы, не нѣмы и не глухи, всѣ выѣзжаютъ изъ ящика на вороныхъ. Эта продѣлка повторяется, примѣрно, съ двадцатью человекѣми. Остается два старца, пережившіе почти три поколѣнія. Просятъ ихъ баллотироваться; они, сначала, отказываются; но, послѣ усиленныхъ просьбъ дворянъ, соглашаются. Предводитель заявляетъ, что они могутъ и отказаться послѣ, оставаясь въ кандидатахъ. Жребій падаетъ на убѣленныхъ сѣдинами главы. Предводитель опять повторяетъ, что, буде они желаютъ, могутъ остаться въ кандидатахъ. Но бѣловолосые отвѣчаютъ, что не желаютъ сдѣлать непріятность высокопочтенному дворянству своимъ отказомъ. И такъ, великое дѣло совершено: межеваніе поведутъ, не знаю только впередъ или назадъ?

А вотъ, другой примѣръ, рассказанный мнѣ очевидцемъ. Поѣхалъ онъ тоже на выборы въ другой уѣздъ, но попалъ туда почти подъ конецъ, да и выбрали тамъ не полную комиссію, а одного члена въ сосѣдній уѣздъ. Очевидецъ этотъ, которому я вполнѣ вѣрю, рассказываетъ такъ: Попалъ я, говорить, въ совершенно незнакомое общество. Двѣ небольшія комнаты были биткомъ набиты въ дворянскихъ мушкетерахъ господами, являющимися обыкновенно на всѣхъ дворянскихъ выборахъ. Шумъ былъ страшный: кричали всѣ, и ничего нельзя было разобрать. Какой-то господинъ стоялъ у стола, около предводителя, и неистово выкрикивалъ фамиліи, стоявшія на очереди. Названная нѣсколько разъ особа, наконецъ, оставляла споръ,

подходила къ столу и клала шаръ. Между тѣмъ, составились отдѣльныя кучки, не обращающія вниманія на выборы, и вовсе гордо спорили между собою. Сначала, они церемонились въ выборѣ выражений; но послѣ, восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ, оглашали обѣ комнаты: — Вы, М. Г., свинья! «Нѣтъ, это вы поступаете по-свински!» — Вы ограбили меня и жену мою! «Неправда! я облагодѣтельствовалъ васъ обоихъ!» — Скажите, пожалуйста, почему вы перазсчитаетесь съ подрядчикомъ? «Вы сами прежде разсчитайтесь.» — Да у меня дѣло объ этомъ есть.» «За вами грѣшки есть, вотъ-что!» «Ну, батенька, если дѣло дойдетъ до грѣшковъ, такъ я и въ рыло вамъ дамъ!» — Пѣтъ, братъ, стой! ты подлецъ! Что ты сдѣлалъ съ моей кобылой? Забылъ, небось! — И т. п. Предводитель всячески старался успокоить разохившуюся публику, и предлагалъ разные средства, напримѣръ: идти спорить подъ лѣстницу и проч. Ничто не помогало. Я полагаю, что, безъ рукопашнаго боя, необошлось бы, еслибъ тотъ же господинъ не провозгласилъ, что членъ и кандидатъ выбраны. Всѣ смолкли. Предводитель воспользовался случаемъ, попросилъ слова, и началъ читать какую-то бумагу. Это былъ проектъ о сокращеніи числа мировыхъ посредниковъ. Г. предводитель полагалъ, что, по введеніи уставныхъ грамотъ, четыремъ посредникамъ нечего будетъ дѣлать, и что достаточно оставить одного. Причина такого предложенія заключалась въ общемъ безденежьи и трудности добывать деньги. Дружно крикнули всѣ: «довольно, довольно одного! долой трехъ!» Чей-то голосъ, очевидно въ насмѣшку, крикнулъ: всѣхъ долой! Больше всѣхъ настаивалъ на одобреніи проекта какой-то отставной генералъ, который, говорятъ, и самъ мѣтилъ въ посредники; но совершенно неожиданно былъ вычеркнутъ изъ списка. Проектъ былъ одобренъ къ представленію высшему начальству.

Выйдя изъ собранія, прибавляетъ рассказчикъ, я все-таки не зналъ, кто выбранъ въ члены и кандидаты.

Чтобъ заключить этотъ отдѣлъ моего письма, я расскажу вамъ слѣдующую штуку.

Въ нѣкоемъ уѣздѣ нашей губерніи, дворянство не имѣло собственнаго помѣщенія, для своихъ собраній; а мѣсто было въ городѣ славное, большое. Вотъ, и задумалъ предводитель этого уѣзда такую штуку: собрать съ дворянъ деньги и построить домъ. Сказано — сдѣлано. Разсылаются повѣстки о сборѣ. Нашлись, разумѣется, такіе, которые и не дали ни копѣйки: такимъ и напоми-

нанія не было. Но большая часть дворянъ дала деньги. Приступили къ постройкѣ. Надо же случиться несчастью: недоконченный домъ сгорѣлъ. Ну, сгорѣлъ—я сгорѣлъ. На то воля Божія! Дѣятельный предводитель не могъ, однако, оставаться спокойнымъ, при видѣ такой неудачи и ущерба общей пользѣ. Что дѣлать? Собрать опять деньги? Пожалуй, никто и не дастъ! Скверно; надо выдумать новую штуку. Выдумалъ. При первомъ удобномъ случаѣ, предложилъ дворянамъ продать мѣсто. Дворяне согласились, можетъ быть, изъ опасенія, чтобъ не пришлось опять давать деньги на это мѣсто. Предводитель назначилъ, по собственному выбору, уполномоченнаго на оцѣнку и продажу. Выборъ, конечно случайно палъ на человѣка, не внушающаго особеннаго довѣрія дворянамъ, за то готоваго повиноваться слову предводителя. Одинъ изъ дворянъ попробовалъ замѣтить, что выборомъ уполномоченнаго слѣдовало бы распорядиться всему сословію, а не одному человѣку. Согласитесь сами, что это была дерзость, почти оскорбленіе и личности и званію предводителя. Не обидѣться ему нельзя было. Онъ и обидѣлся. Дворянство, вѣроятно, изъ деликатности, не хотѣло прибавлять, къ частному оскорбленію, оскорбленія цѣлымъ сословіемъ, и порученіе осталось за тѣмъ же лицомъ. Втихомолку совершилась оцѣнка и продажа. И дворянству сообщено было только, что мѣсто, принадлежавшее ему, приобрѣтено г. предводителемъ за 400 р. с.! На что и совершена законная крѣпость.

Все, стало-быть, совершилось къ обоюдному удовольствію, и больше желать нечего. Такъ, вѣдь, нѣтъ же! Есть такіе злорадные люди, которые не только думаютъ, но и говорятъ, что дѣло это сдѣлано нечисто.

Заглянемъ теперь въ жизнь частную; но только на минуту: инѣ некогда.

Мало интереснаго она представляетъ. Уставныя грамоты, грозною тучею, висятъ надъ головами хозяевъ и приводятъ ихъ сердца въ совершенное сокрушеніе. Близость срока ихъ представленія ужасаетъ всѣхъ; а между тѣмъ, никто не думаетъ о составленіи ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность пробудится въ послѣдніе дни, и грамоты будутъ написаны къ 24 марта.

Тишина и вялость жизни поражаютъ тѣхъ, которые знаютъ, какъ шибко жили и прежде наши помѣщики, какіе баснословные обѣды великолѣпные балы задавали они, какъ невстиво играли въ карты. Теперь же всѣ попрятали носы и посвистываютъ... Денегъ нѣтъ,

вотъ паша бѣда! Куда ни повернитесь, —нигдѣ ихъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Даже поговорорка есть: *Який же бѣ вінъ бувъ пань, колибъ у ёго гроші були*, или такъ: *що-то за пань, що повна кишеня грошей!* Да, въ настоящее время, трудно безъ денегъ: концовъ съ концами не сведешь. А будь они теперь—были бѣ и въ будущемъ. И то, и другое и десятое можно сдѣлать съ деньгами.

Много способствуетъ этой тишинѣ отсутствіе военныхъ людей, приводящихъ уѣздное общество во вѣчный восторгъ и сокрушающихъ нѣжныя сердца прелестныхъ дѣвъ нашихъ.

Школы у насъ не заводятся; никто почти и не хлопочетъ о нихъ. Да, правду сказать, и селяне не показываютъ большого сочувствія. Отцы отговариваются, подъ разными предлогами, учить дѣтей.—У мене одно—треба скотину доглядать.—А у мене хочъ и двое, такъ я ихъ у майстрі хочу віддати, чи въ кравці, чи въ шевці, и т. п. Грустно! Знаю я еще одну благую мечту: сельскій банкъ. Сельскій банкъ—сущее благодѣяніе для жителей, платящихъ рубль за рубль шинкарямъ и жидамъ. Но когда о немъ заговорили, то полное равнодушіе было отвѣтомъ. Видно, еще не время; или подъ вьюги да морозы не йдетъ въ голову ничто доброе.

Подождемъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ, КОРЕННАЯ, ИЛЬИНСКАЯ ЯРМАРКИ 1861 г.

Екатеринославская Петро-павловская ярмарка съ каждымъ годомъ принимаетъ все большее значеніе. Тамъ не торгуютъ *мануфактурными* Велико-русскими товарами подобно другимъ Украинскимъ ярмаркамъ; главную торговлю на этой ярмаркѣ составляетъ шерсть. Многіе изъ овцеводовъ находятъ продажу въ этой ярмаркѣ болѣе для себя выгодною, нежели въ другихъ ярмаркахъ (Тривцкой и Ильинской) потому - что ярмарка эта у нихъ почти дома,—провозъ не составляетъ большихъ расходовъ и потери времени, —да къ тому же, въ случаѣ непродажки по предположенной цѣнѣ, продавцу не стоитъ значительныхъ расходовъ отвезти ее домой до болѣе благоприятнаго времени. Многіе изъ ненуждающихся помѣщиковъ даже не вывозятъ на ярмарку своей шерсти, а имѣютъ одни образцы и по нимъ продаютъ съ условіемъ

сдать товаръ покупателямъ на мѣстѣ. Различная торговля нашла себѣ здѣсь хорошей пріютъ для сбыта пацскихъ товаровъ, вслѣдствіе - чего нѣкоторые изъ Харьковскихъ торговцевъ постоянно выѣзжаютъ на эту ярмарку.

Пользуясь свѣденіями г. Иткина, который такъ хорошо знакомъ съ торговлею шерсти на всѣхъ Украинскихъ ярмаркахъ, сообщаю вамъ слѣдующее. *Перегона* на Петропавловской ярмаркѣ было привезено на площадь до 85 т. пуд.; *образцовъ* было на 15 т. пуд. Шерсть, которой были только образцы, продана на мѣстѣ. *Грязной* было привезено 25000 пуд.

Продано перегона:

въ Пруссію, Австрію и Францію	13 т. пуд.
— Одескимъ торгов. домамъ	9 » —
— Московскому дому (Ценкеръ)	4 » —
— Моечникамъ Бѣлгород. и Хар.	5 » —
— Спекулянтамъ для Полтав. Ильинской ярмарки	25 » —

Не продано и отправлено въ Полтаву на

Ильинскую ярмарку	17 » —
Куплено польскими фабрикантами	15 » —
Клиновскими (черн. губерн.)	2 » —

Цѣны на перегонъ 13 до 15 рубл. высшаго сорт. 16 до 18 руб. (противъ прошлаго года дешевле 1½ и 2 рубл. за пудъ).

Грязная продана Харьковск., Бѣлгородскимъ и Изюмскимъ моечникамъ отъ 7 р. 50 до 9 рублей.

Русской шерсти было 5 т. пуд.; продана черная 2 р., бѣлая 2½ рубл. за пудъ.

Шпанской овчины было до 5 т. пуд.; продана низкая отъ 4½ до 5½ рубл., лучшая отъ 6 до 6½ рубл. за пудъ.

Немогу не упомянуть здѣсь о Коренной ярмаркѣ, которая хотя и не принадлежитъ къ числу нашихъ украинскихъ ярмарокъ, но имѣетъ съ ними тѣсную связь. Въ этомъ году ярмарка была хороша для торговцевъ мануфактурными бумажными товарами. Воскъ, котораго здѣсь было до 10 т. пуд., противъ Вознесенской ярмарки значительно поднялся, доходилъ до 21¾ рублей сер. за пудъ. Сахарники, наши бѣдные сахарники, спустили еще цѣну на свой товаръ. Цѣны были слѣдующія:

Бобринскаго	8 р. 40 к.
Яхенко	8 » 30 —
Ротермунда	8 » 30 —

Браницкаго	8 р. 10 —
Потоцкаго	8 » 10 —
Неннингера	7 » 80 —

По случаю большаго скопленія сахара, заводчики сахарные принуждены были продавать на довольно длинныя сроки, которые не по нраву многимъ нашимъ заводчикамъ. На этой ярмаркѣ, въ прежніе годы, дѣльвались большіе покупки будущаго сала, но этотъ предметъ съ каждымъ годомъ здѣсь становится слабѣе; даже огромнѣйшій пожаръ, бывшій въ Лондонѣ не задолго передъ ярмаркой, дѣла сальнаго не оживилъ.

Сахарными песками торговали хорошо; цѣна доходила до 6 р. 30 коп., но количество онаго бываетъ здѣсь небольшое.

Вскорѣ за Петропавловской и Коренной наступаетъ обыкновенно Ильинская въ Полтавѣ, которая, по характеру своему, есть самое полнѣйшее воспроизведеніе понятія нашего Малоросіянина о ярмаркѣ. Здѣсь вы найдете отъ самыхъ дорогихъ мѣховъ, брильянтовъ, атласа, да «свить и чобитъ простыхъ,» услышите заѣзжую «Одарочку,» Лазаря и стукъ «шевца», подколачивающаго «ухналями» подтоптавшіяся «чоботы». Прекрасная по своему мѣстоположенію конная площадь представляетъ собою самую оживленную картину: табуны лошадей, огромнѣйшіе ярусы шерсти, Малороссійскаго табаку, сырыхъ кожъ, овчинъ, возы съ полотномъ, шитымъ товаромъ, сапогами, балаганы съ полущубками, бичевой, незатѣйливыя временныя зданія трактировъ, «ренсковыхъ» погребовъ, «ведерныя продажи», разгульныя звуки шарманки и пѣсни подгулявшихъ извозчиковъ, которые уже сложили кладь и ждутъ отправки шерсти или другихъ товаровъ, жгучее солнце, пыль и голось лебезящихъ евреевъ, Ворскла, окаймляющая площадь, какъ-то особенно манитъ освѣжиться въ ея кристальной водѣ; за Ворсклою чумаки отогнавшіе скоть на пашу, въ-сторонѣ разведенный огонекъ... все даетъ вамъ знать, что здѣсь кипитъ жизнь положительная. Рыцарями этаго поля являются Москвичи, Калужане и особенно отличающіеся крѣпкимъ закаломъ Бѣлгородцы, Обоянцы и отчасти (Рыльскіе).

Ярмарка въ городѣ—мануфактурная—не имѣетъ тѣхъ удобствъ, какія мы встрѣчаемъ на конной—необыкновенное стѣсненіе въ помѣщеніяхъ, деревянныя ряды, за исключеніемъ Зеленскаго и Карпова, на каждомъ шагу огонь, противъ котораго не приняты никакія мѣры осто-

рожности, заставляють всякого торговца призадуматься надъ своимъ рискованнымъ положеніемъ. Печальный примѣръ такого псеудобства былъ въ 1858 году — въ $\frac{1}{4}$ часа уничтожень былъ посудный рядъ, причеиъ многіе потеряли все свое состояніе. Ничто не возбуждаетъ такого тяжелаго сожалѣнія, какъ потери отъ огня — достояніе накопленное часто истинными трудами и лишеніями, мгновенно предъ вами обращается въ кучу пепла.

Межъ торговцами давно идутъ толки о переводѣ Ильинской ярмарки въ Харьковъ, или, вѣрнѣе выразиться, о замѣнѣ ея болѣе пространнимъ срокомъ Успенской въ Харьковѣ. Толки эти перешли уже въ самое дѣло: отъ нѣкоторыхъ торговцевъ, которыхъ наиболѣе интересуетъ Харьковъ, поступила просьба... Очень сожалѣемъ, что подобныя ломки совершаются у насъ не прямымъ путемъ общаго обсуждения, а особенными для этого уловками: — грустный фактъ! Кажется, пора бы намъ взмѣниться. Мы далеки оттого, чтобы произнести рѣшительный приговоръ надъ тѣмъ, что ярмаркѣ выгоднѣй быть въ Полтавѣ, но просимъ обратить вниманіе на то, что съ переводомъ Ильинской изъ Ромна въ Полтаву, торговля на конной площади увеличилась въ пять или шесть разъ. Къ чему отнести такую рѣзкую разницу? не кроются ли въ этомъ условія мѣстности, времени? При бѣдности точныхъ статистическихъ данныхъ, рѣшить этого нельзя, но при тщательномъ обследованіи этого вопроса, рѣшить нетрудно. Пожелаемъ же мы всѣмъ, кому близко это дѣло, безкорыстнаго и истинно-полезнаго для торговли обсуждения и исхода.

Количество привезенной на ярмарку шерсти простиралось до 300 т. пуд. Бывшіе передъ ярмаркой сильные дожди испортили дороги, отчего шерсть, да и другіе товары, опоздали на нѣсколько дней. Впрочемъ, и покупатели не торопились: до 21 числа, почти не было сдѣлано никакихъ дѣлъ съ шерстью. Покупатели упиралсь, но большая часть продавцовъ, хотя съ пониженіемъ цѣны (противъ Троицкой), все-таки продали. Нѣкоторые же изъ сильныхъ овцеводовъ хотѣли устоять на своемъ и партій у нихъ осталось до 35 т. пуд.

Цѣны слѣдующія:

перегонъ помѣщичій 12 р. 75 к. до 14 р. 75 к.
перегонъ помѣщ. лучш. сорта. . . до 16 р.
обножки. отъ 8 до 9 р. 75 к.

Кожі сырыя, которыхъ послѣ Крещенской бываютъ здѣсь глав-

ныя партіи, шли хорошо—особенно среднякъ. Бычья 7 руб., яловка 5 руб.

Табакъ Малороссійскій проданъ цѣпами, судя противъ продажи въ Ромнѣ, не высокими.

Воскъ—количество около 5 т. пуд.—прошолъ цѣнами настоящими—отъ 20 р. 75 к. до 21 р. 75 к.

Зайца (русака) количество 200 пач. (100 т. шт.). Товаръ этотъ уже давно не въ ходу—продавцы желали получить 22 р. 20 к.

Косица, грива требовались очень хорошо.

Майка (шпанская муха) безъ требованія, цѣна упала до 16 р. 15 к. количество 1000 пуд.

Холста и *полотна* здѣсь бываетъ до 1000 возовъ (возъ 3 т. арш.) среднее полотно 85 и 90 руб. за тысячу; десятка 70 руб. за тысячу—торговали хорошо.

Сапога шитаго до 500 возовъ (возъ 200 паръ) цѣна 1 р. 80 к. (прошл. годъ 1 р. 60 к.).

Полушубковъ бѣлыхъ бываетъ здѣсь весьма много—торговали хорошо и высокими цѣнами: то, что стояло въ прошломъ году 4 р. и 4 р. 50 к., теперь продали до 6 р. 49 к.

Сахаръ продавался недорого, но все-таки лучше чѣмъ въ Коренной—пески въ цѣнѣ (противъ Коренной) упали, но здѣсь бываютъ такъ же партіи незначительныя.

Бумажнымъ недорогимъ товаромъ торговали хорошо—расторговались рано.

Бумажными средними, сукнами, недорогими шелковыми, торговали порядочно.

Шелковыми высокими, серебряники, мѣховицки, вино-торговцы—дурно.

Бакалейцки и москотильцки торговали такъ же нехорошо.

Желзными товарами и скобяными торговля здѣсь съ каждымъ годомъ падаетъ, по случаю дороговизны провозовъ. Хорошіе торговцы по городамъ получаютъ прямо на мѣста.

Еврейскій рядъ—галантерейный—торговалъ нехорошо, такъ какъ товаръ этотъ не составляетъ предмета необходимости, а скорѣе прихоти, — *игольными же* товарами (для простаго народа) торговали хорошо.

Изъ представленнаго мною поверхностнаго очерка, ясно что пред-

меты потребленія нашего поселенна въ ходу, а предметы потребленія другихъ классовъ начинаютъ падать.

Шерсть падаетъ, какъ мнѣ кажется, вслѣдствіе предстоящаго измѣненія Кяхтинской торговли и Американской междуособицы. Изъ Пруссіи и другихъ мѣстъ не требуютъ въ Америку шерстяныхъ издѣлій.

1861.

О. Незбудій.

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

• 19-е февраля 1861 г. и его послѣдствія. Общій очеркъ денежной неурядицы на югѣ.—Теорія Прудона.—Административная децентрализація.—Самоуправленіе въ Землѣ Войска Донскаго.—Поучительное рѣшеніе волостной сходки.—О обнародованіи рѣшеныхъ крестьянами дѣлъ.—Два противоположныхъ взгляда на одинъ и тотъ же вопросъ, какъ образчикъ отношеній къ народу.—Срокъ представленія уставныхъ грамотъ кончился.—Общій взглядъ на поведеніе крестьянъ и *мужицкая* логика.—Какъ поступаютъ помѣщики желающіе выкупа.—Рѣчь Кіевского гражданскаго губернатора.—Донское крестьянское дѣло.—Козаки, помѣщики и крестьяне.—Школы.—Необходимость устройства дѣйствительно-народныхъ училищъ.—Письмо г. Конисскаго о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ.—Школа народныхъ учителей въ Харьковѣ.—Охлажденіе общества.—Блестящая трескотня словъ и нуль въ результатъ.—О невмѣстительствѣ гражданскихъ лицъ въ дѣла духовныхъ училищъ.—Сельскія библіотеки.—Преобразованные статистическіе комитеты.—Коренныя и поверхностныя преобразованія.—Новороссійскій Университетъ.—О допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій.—Спектакли.—Стремленіе къ національности.—Студентскіе украинскіе хоры.—Сельскохозяйственныя новости.—Харьковскія шелковыя плантаціи.—Оптовые винныя склады.—Акцизъ съ табаку.—Вновь открытые пласты каменнаго угля.—Желѣзная дорога въ Землѣ Войска Донскаго.—Русское общество Пароходства и Торговли.—Механическія заведенія на югѣ.—Разныя извѣстія.

19 февраля исполнилась годовщина уничтоженія *навсегда* крѣпостной зависимости крестьянъ, но еще рано торжествовать побѣду правды надъ кривдой; еще долго придется думать о томъ, какими способами выйти намъ на прямой путь къ благосостоянію, какими способами устранить вредъ и замѣшательство, неизбежно возникающія вслѣдствіе измѣненія издавна-существовавшихъ сословныхъ и имущественныхъ отношеній. Мы твердо увѣрены въ одномъ, что положено великое и плодотворное начало,—что путь къ благосостоянію намѣченъ, что настоящая сумятица въ общей жизни русскаго народа также мало похожа на хаосъ, какъ и взоранная нива: залежь приподнята; безразлично и случайно покрывавшая ее растительность сдвинута съ

мѣста; но борозды уже готовы, земля взрыхлена и ждетъ только здороваго сѣмени и дождя, чтобъ обнаружить свою плодотворность. Такимъ представляется намъ современное состояніе нашего общества. Многое въ немъ возбуждено, поднято и двинуто для участія въ движеніи общечеловѣческой жизни; но ничто еще не разрѣшено, ничто не докопчено, не опредѣлено; не разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, ставшій уже вопросомъ общесловнымъ, общенароднымъ,—не разрѣшенъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ финансовый. Но это такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ, по своей жизненной настоятельности, съ каждымъ днемъ приближается къ окончанію, и потому, несмотря на всю затруднительность нынѣшняго общественнаго положенія, мы спокойно готовимся къ будущему. Въ нашемъ народѣ слишкомъ много жизненныхъ силъ, и затрудненія не только не убиваютъ ихъ, а, напротивъ, возбуждаютъ его къ большей дѣятельности, и настойчиво вызываютъ существенныя преобразованія—общественныя и хозяйственныя.

Куда бы мы ни заглянули, вездѣ у насъ явленія современной жизни возбуждаютъ двоякое впечатлѣніе: съ одной стороны—опасеніе за послѣдствія и исходъ, съ другой—отрадная надежда ввиду несомнѣннаго пробужденія и сознанный потребности разумныхъ улучшеній. Обзоръ самихъ явленій ясно это показываетъ.

Въ областныхъ извѣстіяхъ чаще всего встрѣчаются жалобы на необычайное и повсемѣстное возвышеніе цѣнъ на всѣ почти предметы потребленія, возвышеніе промѣна и задѣльной платы; отъ этого, нужда въ деньгахъ ощущается достаточными сословіями сильнѣе, нежели рабочими.

Богатѣйшіе, изъ кишиневскихъ, напримѣръ, помѣщиковъ искали передъ святками—кто 500, кто 700 р., предлагая чуть не рубль на рубль—и не могли найти. Посылая на базаръ рублевую бумажку и покупая на 60, 70 к. товару, платили за промѣнъ 7, 8 к. с. И подобныя явленія, повторяемъ, повсемѣстны на югѣ; облегченіе посредствомъ выпущенныхъ нѣкоторыми торговыми домами, въ народъ *марокъ*, далеко недостаточно. Вотъ слово—въ слово письмо Каменецъ—Подольскаго корреспондента: «еслибы кто-нибудь спросилъ, что насъ тревожитъ въ настоящую минуту, и какой предметъ можетъ быть для насъ ахилессовой пятой, то мы бы не запинаясь отвѣтили: недостатокъ денегъ, повсемѣстное безденежье, нужда въ мелочи, за которую берутъ размѣну 10 к. ср. съ рубля. Капиталовъ совершенно нѣтъ. Въ настоящее время, продажи имущества

съ аукціона остаются безъ покупателей, никто изъ капиталстовъ не является и лучшія помѣстья Подольской губерніи, оцѣненные *въ-половину* противъ ихъ цѣнности, не находятъ себѣ покупателей и никто не является на аукціонѣ. Открывшаяся Крещенская ярмарка, или *Контракты* въ Кіевѣ, должна была послужить лучшимъ барометромъ финансовой атмосферы края, и она показала, что дѣла крайне-плохи. При самомъ ея открытіи все боялись за сколько-нибудь сносный исходъ ея, и если потомъ дѣла нѣсколько поправились, то далеко не въ такой степени, чтобы можно было успокоиться. Въ настоящіе контракты, знаменитый домъ братьевъ Яхненка и Смиренка, у которыхъ финансовый кризисъ уменьшился, въ прошломъ году, кредитъ *на полтора милліона р.*, прекратили окончательно платежи, и это отзовется, если уже не отозвалось, далеко во все четыре стороны на закладчикахъ. Считаютъ, что банкротство *семи* только главнѣйшихъ домовъ простирается до 25 милліоновъ руб. ср., о меньшихъ же домахъ и упоминать нѣчего. А между тѣмъ, огромныя помѣстья Подольской губерніи, еще за мѣсяцъ до ярмарки, пользовались кредитомъ, и никто не предполагалъ, что онъ дойдетъ въ Кіевѣ до нуля. Въ Одессѣ, кромѣ ржи, съ прочими хлѣбами и саломъ плохо. Къ новому году общій запасъ хлѣба простирался тамъ до 1.567.000 четвертей, то-есть *едвое* противъ минувшаго года. Частный дисконтъ, въ Одессѣ, возвысился до 2% въ мѣсяцъ,—и вотъ уже два мѣсяца, какъ въ дѣлахъ господствуетъ совершенный застой. Одинъ изъ тамошнихъ капиталныхъ домовъ вынужденъ былъ запродать большую партію лучшей пшеницы по 7 р. 50 к., хотя самъ заплатилъ за нее съ осени далеко дороже. Мелкопомѣстные влаѣльцы, которыми такъ богатъ нашъ край, просто не знаютъ что дѣлать, куда дѣваться отъ этой моровой язвы, еще только-что начинающейся, и хотя правительство опредѣлило на нихъ 1,256,674 р., но врядъли и эти деньги выведутъ ихъ изъ критическаго положенія. Кстати, замѣтимъ, въ какомъ размѣрѣ распределены эти деньги по губерніямъ:

на Полтавскую	губернію	опредѣлено. . .	498,674.
— Черниговскую	—	— . . .	284,174.
— Харьковскую	—	— . . .	190,762.
— Херсонскую	—	— . . .	73,216.
— Волинскую	—	— . . .	69,696.
— Екатеринославскую	—	— . . .	33,064.
— Кіевскую	—	— . . .	44,132.

— Подольскую	—	—	. . .	41,360.
— Таврическую	—	—	. . .	> 616.

Это пособіе врядъ-ли выведетъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ изъ затруднительнаго положенія; и это понятно, какъ понятно, напримѣръ, то, что сколько бы сверху мы ни подрѣзали дерева, — оно все будетъ расти, пока не дойдемъ до самого корня. Ко всѣмъ этимъ даннымъ изъ области чисто-денежнаго міра присоединяются слышимыя отовсюда жалобы, напр., на появленіе сусликовъ, на падежъ овецъ въ Крыму, на упадокъ солянаго промысла тамъ же... Словомъ, еслибъ мы захотѣли приводить въ-подробности всѣ имѣющіяся у насъ подь-рукою, доказательства крайней неурядицы въ денежномъ и промышленномъ мірѣ, то, въ нашей лѣтописи, ни для чего другого и мѣста не было бы: — такъ они многочисленны и разнообразны...

Врядъ-ли можетъ занимать теперь вопросъ, куда же, наконецъ, дѣвались деньги, хотя мы и можемъ привести нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ, взятыхъ нами изъ «Сѣв. Пчелы», въ которой на предложенный вопросъ прямо отвѣчаютъ: «за-границу». Дѣйствительно, за послѣдніе четыре года акціонерными обществами переплачено за границу 23,300,000 р., да сюда еще присоединяются расходы нашихъ путешественниковъ, уплата процентовъ и погашеніе по билетамъ государственной комиссіи погашенія долговъ; покупка и платежъ за товаръ, привозимый контрабандою, — такъ-что всего выйдетъ 277,300,000 р. А если предположить, что таможенные показанія не могутъ заключать въ себѣ казенныхъ заграничныхъ затратъ по разнымъ вѣдомствамъ, то, полагая, что, въ послѣдніе четыре года на заграничные расходы морскаго и военнаго министерствъ, а также главнаго управленія путей сообщенія и почтоваго, издерживалось ежегодно по 4,000,000 р., то за время, нами разсматриваемое, эти расходы составятъ 16 милліоновъ р., и въ окончательномъ результатѣ мы получимъ слѣдующую цифру уплаты за границу въ послѣдніе четыре года: *двести девяносто три милліона, триста тысячъ р. ср.* Цифра, дѣйствительно, громадная и, пожалуй, наводитъ на сознаніе необходимости усилить вывозную торговлю, но все-таки намъ не того нужно. Это все равно, какъ еслибы передъ голоднымъ человѣкомъ стали разсуждать о томъ, куда онъ дѣвалъ свой хлѣбъ и деньги, а самъ остался безъ ничего. Намъ нужны прямыя указанія, какъ выйдти изъ этого труднаго положенія и предотвратить ожидаемыя бѣдствія. Намъ, помимо всякихъ искусственныхъ регламента-

цій и отрѣзыванья верхушекъ, слѣдуетъ добратся до корня, на него взглянуть и повѣдать добрымъ людямъ, что нужно дѣлать.

Южный край, отъ природы весьма богатъ, такъ-что еслибъ его оставить, на примѣръ, на произволь судьбы, то онъ не умеръ бы съ голода. Въ самомъ дѣлѣ, хлѣбопашество, овцеводство, скотоводство могли бы находиться здѣсь въ очень цвѣтущемъ состояніи, а если въ таковомъ не находятся, то на это есть очень много чисто-виѣшнихъ причинъ, устранить которыя всегда возможно. Все дѣло въ томъ, какъ смотрѣть на вещи; счумѣйте каждую изъ нихъ поставить на свое мѣсто и тогда уже произносите надъ ними судъ вашъ; иначе онъ будетъ ошибоченъ и уже по этому одному не вѣренъ, одностороненъ.

... Въ прошломъ году, кажется, вышла новая книга Прудона, подъ названіемъ *Théorie de l'impôt*. Написана она по поводу предложеннаго Швейцаріей конкурса, для болѣе правильнаго устройства финансовой системы и преимущественно системы налоговъ, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, швейцарское правительство и безъ того лучше чѣмъ кто нибудь ведетъ свои финансовыя дѣла. При денежной неурядицѣ, книга эта представляетъ огромный интересъ... Однимъ изъ главнѣйшихъ основаній, покрайней мѣрѣ рѣзче другихъ бросившихся намъ въ глаза, въ теоріи Прудона — это, во-первыхъ, общій взглядъ его на налогъ, который рассматривается у него какъ мѣна, обмѣнъ, въ которомъ одну сторону составляетъ государство, налагающее подать, а другую — цѣлое общество въ лицѣ частныхъ лицъ, платящихъ ее. Это — исходное положеніе теоріи Прудона, весьма вѣрно, и мы примемъ его къ свѣдѣнію... Рассмотрѣвъ всѣ существующія теоріи, Прудонъ приступаетъ, наконецъ, къ своей и останавливается, прежде всего, на довольно общемъ положеніи, именно — на необходимости возможно-большаго *ограниченія государственныхъ расходовъ*. Затѣмъ онъ указываетъ на *правительственную децентрализацию*, какъ на средство для этого ограниченія и наиболѣе правильнаго распредѣленія налоговъ между разными мѣстностями. Правительственная децентрализція совѣтъ не то, что національная. Первая всегда предполагаетъ возможность дѣлать разнаго рода распоряженія, не дожидаясь разрѣшенія съ вершины бюрократически-административной лѣстницы. При такой децентрализціи каждая мѣстность будетъ болѣе заботиться о своихъ интересахъ и будетъ менѣ шансовъ на существованіе возможности объединенія однихъ провинцій насчетъ другихъ. Правительственная децентрализція, само собою разу-

мѣтся, предполагаетъ возможно-большее развитіе самоуправленія, при которомъ является возможность и въ каждой отдѣльной провинціи или мѣстности наблюдать за правильнымъ распредѣленіемъ повинностей между отдѣльными членами. Оно же, это самоуправленіе, представляетъ всѣ данныя для развитія промышленности во всѣхъ родахъ и видахъ, словомъ—является однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ по-правленія финансовъ страны, въ которой всѣ отдѣльныя мѣстности участвуютъ въ общихъ государственныхъ издержкахъ. Поэтому—то два приведенныя нами положенія составляютъ у Прудона необходимѣйшее условіе всякой коренной финансовой реформы. Ратуя противъ централизаціи правительственной или административной, Прудонъ стоятъ за централизацію *національную*, народную, при которой развивается національное единство, общность интересовъ и которая не мѣшаетъ существованію подлѣ себя административной децентрализаціи. Это двѣ вещи нисколько не мѣшающія одна другой. Даже можно больше сказать: именно, административная разъединенность необходимо условливаетъ собою національное единеніе, естественный союзъ, искреннюю, равноправную дружбу.

При разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, наше правительство признало важность административной децентрализаціи: въ общественныхъ крестьянскихъ управленіяхъ мы видимъ первыя попытки осуществить ее на дѣлѣ, попытки, которыя, конечно, составляютъ только шагъ къ дальнѣйшему развитію этой, въ высшей степени плодотворной, мѣры.

Въ настоящее время, идеаль самоуправленія больше чѣмъ гдѣ нибудь осуществленъ у насъ въ Землѣ Войска Донскаго, именно въ станичномъ управленіи, гдѣ общественныя дѣла рѣшаются или, по крайней мѣрѣ, рѣшались *сборомъ*, то—есть при участіи всего общества. Это самоуправленіе выработано исторіею и существовало нетронутымъ до 1835 г., когда появилось Положеніе объ управленіи Войска Донскаго,—по которому дѣло считается рѣшеннымъ, когда подписано $\frac{2}{3}$ голосовъ наличныхъ гражданъ станицы. При составленіи Положенія, конечно, имѣлась въ виду благая цѣль: устранить могущія случаться злоупотребленія,—а вышло совсѣмъ другое, оттого, что Положеніе пришло извнѣ и составлено подъ вліяніемъ чисто—теоретическаго взгляда, безъ должнаго вниманія къ дѣйствительной сторонѣ мѣстнаго быта. Что же вышло? Такъ—какъ не всѣ граждане могли являться на сходки, а между тѣмъ вопросъ проходитъ только большинствомъ двухъ—третьей голосовъ, то станичные правители просто вербуютъ го-

лоса небывших на сходкѣ и почти всегда перевѣсъ, въ ущербъ общественнымъ пользамъ, остается на ихъ сторонѣ. Вредъ такого порядка быть понятъ, но не исправленъ. Дѣла раздѣлили на двѣ группы: для одной, назначенъ сборъ *общій*, для другой—*частный*, посредствомъ введенія выборныхъ депутатовъ, которые и стали рѣшать принадлежащія имъ дѣла, но все-таки не въ пользу общества, а своихъ личныхъ цѣлей, держа сторону станичныхъ правителей, отъ которыхъ они ожидали себѣ великихъ и богатыхъ милостей. Вещь, разумѣется, понятная... Введеніемъ этихъ депутатовъ убиты коренныя права страны—хозяйничать у себя дома, уничтожено общественное значеніе *сборовъ*, и вся власть перешла въ руки правителей... Теперь учрежденъ «комитетъ для составленія проекта *новаго* Положенія о Донскомъ Войскѣ». Этимъ новымъ проектомъ окончательно уничтожается станичный сборъ введеніемъ депутатовъ, числомъ отъ 40 до 100, и однимъ изъ поводовъ этой перемѣны представлено «равнодушіе общества къ дѣламъ общественнымъ, шумъ и безпорядки на сборѣ, а чрезъ то—необдуманное и неспокойное рѣшеніе дѣла». На это можно отвѣтить, что вѣдь рѣшались же прежде запутанные вопросы и рѣдко кто оставался недоволенъ подобными рѣшеніями. Зачѣмъ же преобразовывать, если нѣтъ къ тому настоятельной надобности? Дѣйствительно, было бы желательно, чтобы вопросы рѣшались большинствомъ присутствующихъ гражданъ, а не наличныхъ во всей станицѣ,—но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло. Вотъ въ какихъ словахъ выражаетъ общее желаніе замѣтка, напечатанная въ Донскихъ Вѣдомостяхъ (№ 9): «мы желаемъ, чтобы *станичные сборы остались станичными сборами*, а были уничтожены наросты позднѣйшаго времени: депутаты, вмѣшательство окружныхъ генераловъ и всѣхъ вообще начальствъ во внутреннее распоряженіе станичнымъ хозяйствомъ... Желательно также было бы, чтобы комитетъ не спѣшилъ слишкомъ рѣшеніемъ этого вопроса... Слѣдовало бы передать рѣшеніе его на судъ публики, *публиковать его*, напечатавъ въ Донскихъ Вѣдомостяхъ. Особенно слѣдуетъ сдѣлать это въ настоящемъ случаѣ, когда уничтожаются учрежденія, существовавшія сотни лѣтъ и въ принципѣ своемъ вполне соответствующія настоящему требованію времени. Если комитетъ любитъ свою родину, дорожить благосостояніемъ края, своею исторією, и серьезно занять своимъ дѣломъ, то онъ сдѣлаетъ это». И вѣрно сдѣлаетъ, потому что подобными вопросами играть нельзя и рѣшать ихъ келейно—непрактично и опасно. Правительство (можно

положительно утверждать) не хочет безусловнаго, бесосновательнаго уничтоженія тѣхъ началъ—можетъ быть и не вполне совершенныхъ—на которыхъ зиждется все общественное зданіе; мы говоримъ — *не хочетъ*; скажемъ даже болѣе: оно, напротивъ, *желаетъ* развитія *самоуправленія*, какъ это можно видѣть изъ разныхъ постановленій послѣдняго времени. Бояться ошибокъ, неудачъ — нечего—не только въ Землѣ В. Д., но и тамъ, гдѣ обычное народное право подавлено было крѣпостнымъ правомъ. Въмѣсто всякихъ разсужденій, припомнимъ одинъ своеобразный случай. Кіевской губерніи, въ селѣ Андреевкѣ, «при удаленіи отъ должности эконома, одинъ крестьянинъ предъявляетъ, на мірской сходкѣ, претензію въ неуплатѣ занятыхъ у него экономомъ 2½ р. сер. Экономъ призналъ справедливость долга и заплатилъ; казалось бы дѣло покончено, но міръ рѣшилъ иначе, и взятые у эконома деньги приговорилъ возвратить не крестьянину, а помѣщику, и черезъ старшину представилъ ихъ въ экономическую контору на томъ основаніи, что имъ и всему міру извѣстно, что крестьянинъ N, вслѣдствіе займа эконому денегъ, пользуясь его расположеніемъ въ видѣ процентовъ въ теченіи полутора года, никакихъ общественныхъ работъ и нарядовъ не отбывалъ, слѣдовательно, пользовался свободой отъ повинностей незаконно, во вредъ интересамъ помѣщика, который, по ихъ мнѣнію, и долженъ получить эти деньги, какъ вознагражденіе за ущербъ, сдѣланный ему злоупотребленіемъ эконома и недобросовѣстностью крестьянина.» Этотъ случай передавалъ корреспонденту самъ помѣщикъ, г. Лопухицъ, и потому въ истинности его нельзя сомнѣваться. Эти послѣднія слова мы написали для тѣхъ, которые незнакомы съ народомъ; кто знаетъ его хоть сколько нибудь, тотъ повѣритъ и безъ приведеннаго свидѣтельства... А сколько подобныхъ фактовъ пропадаетъ въ неизвѣстности, тогда какъ на такіа рѣшенія, на эти суды, слѣдовало бы обратить все вниманіе: за ними необходимо слѣдить какъ можно прилежнѣе, потому что, при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, крестьяне не руководствуются никакимъ положительнымъ законодательствомъ, которое только стѣснило бы ихъ; въ весьма—слабой степени дѣйствуетъ и обычное право, почти исчезнувшее подъ произволомъ помѣщика,—такъ-что имъ только и приходится руководствоваться чутьемъ правды. Какой нибудь, напимѣръ, доктринеръ, посѣдвшій въ тяжбахъ юристъ, привязанный къ мертвой буквѣ закона, ни-за-что бы не оправдалъ вышеприведеннаго крестьянскаго рѣшенія; да, если угодно, оно и не-

справедливо—юридически. Но вы чувствуете здѣсь что-то свѣжее, молодое, не рутинное, не забытое формалистикой; крестьянинъ, не получившій ожидаемыхъ денегъ, былъ, навѣрное, недоволенъ сперва рѣшеніемъ, но потомъ увидѣлъ, что онъ самъ неправъ, заговорила совѣсть и онъ замолчалъ... Любопытно и во многихъ отношеніяхъ весьма поучительно было бы прослѣдить, часто-ли обманываетъ народныхъ судей это чутье правды... Кажется (если не ошибаемся), г. Сабанѣвъ предлагалъ записывать и обнародовать всѣ, рѣшаемыя крестьянами, дѣла... Это было бы въ высшей степени полезно для уразумѣнія народнаго духа, который до сихъ поръ неуловимъ и невидимъ для весьма многихъ.

Подобныя рѣшенія чрезвычайно важны; отъ нихъ зависитъ степень довѣрія къ разуму и сердцу народа со стороны лицъ, раздѣленныхъ отъ него историческими обстоятельствами; они же, во многихъ случаяхъ, показали бы, на сколько мы, *образованные*, отступили отъ прямоты чувствъ, понятій, взглядовъ на многое въ жизни... общественной и частной. Въ настоящую минуту намъ приходится на мысль—сравнить взгляды двухъ губернскихъ присутствій (одного изъ малорусскаго края, другаго — великорусскаго)—*киевскаго* и *смоленскаго*—на одинъ и тотъ же вопросъ. Одно волостное правленіе обращалось въ смоленское присутствіе съ весьма уважительной и удобоисполнимой просьбой: отпечатать для него (волостнаго правленія) Высочайше утвержденныя Положенія со всѣми распоряженіями по крестьянскому дѣлу и разные уставы, извлеченныя изъ Свода Законовъ и, притомъ, по возможно—дешевой цѣнѣ. Казалось бы, просьба весьма разумная, а если и нельзя было ее выполнить, то отчего не отвѣтить добропорядочно: — *нельзя* потому-то и потому.. Нѣтъ, губернское присутствіе вооружается Сводомъ Законовъ, принимаетъ просьбу правленія величественно и сурово и отвѣчаетъ: «имѣя въ виду (не правда ли,—отъ этого *имѣя въ виду* на васъ такъ и повѣяло холодомъ)—имѣя въ виду, съ одной стороны, всю *несообразность* подобнаго требованія, а съ другой,—что *вообще волостныя правленія не имѣютъ права входить непосредственно ни съ какими представленіями* въ губернское присутствіе, поручить мировому посреднику 3 участка Бѣльскаго уѣзда, *внушить* (извѣстно—на то начальство) волостному правленію, чтобы оно впредь *не позволяло себѣ* (ужасъ!) дѣлать подобныхъ представленій и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить ему, что настоящее ходатайство его оставлено безъ послѣдствій». Даже намъ страшно... каково же бѣднымъ крестья-

намъ?!.. Посмотримъ теперь, какъ поступило *киевское* присутствіе, принявъ въ разсмотрѣніе представленіе мирового посредника 1 участка Липовецкаго уѣзда, о томъ, могутъ-ли общественныя крестьянскія управления сноситься съ присутственными мѣстами установленнымъ общимъ порядкомъ, то-есть, отношеніями или рапортами, или же требованія свои обязаны они объявлять какъ частныя учрежденія, то-есть прошеніями и объявленіями на гербовой бумагѣ, съ уплатою, при посылкѣ черезъ почту, посылочныхъ денегъ? Оно постановило, что *общественныя крестьянскія управления*, по касающимся ихъ дѣламъ, *могутъ входить въ сношеніе съ присутственными мѣстами, посредствомъ представлений* на простой бумагѣ. На основаніи же ст. 369 т. XII Устава Почтоваго, всѣ правительственныя и судебныя мѣста и, вообще, всѣ казенныя учрежденія пользуются правомъ отправлять по почтѣ письменную корреспонденцію за присвоенною каждому мѣсту и учрежденію казенною печатью безъ платежа вѣсовыхъ пошлинъ. Слѣдовательно, и крестьянскія общественныя управления, при посылкѣ черезъ почту по служебнымъ дѣламъ корреспонденцій, имѣютъ право воспользоваться тѣми правами и преимуществами, которыми пользуются, по силѣ приведеннаго узаконенія, всѣ прочія правительственныя и судебныя мѣста.

Читатели ожидаютъ услышать отъ насъ кстати объ уставныхъ грамотахъ... Срокъ состоянія и представленія ихъ кончился безвозвратно. Къ прошлому мѣсяцу у насъ была приготовлена вѣдомость о числѣ уставныхъ грамотъ за все время ихъ составленія, но теперь она не годится. Теперь все уже покончено; по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками грамотъ составлено немного, а потому невозможно признать прочнымъ явленіемъ тѣ условія, которыхъ одна изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ не подтвердила. Подписываніе уставныхъ грамотъ было камнемъ преткновенія для крестьянъ въ ихъ соглашеніяхъ съ землевладѣльцами... Сколько обвиненій падало съ одной стороны, сколько жалобъ и выражений недовѣрія слышалось съ другой!.. Кто же дѣйствительно правъ и кто виноватъ? Мы не оправдаемъ и не обвинимъ ни тѣхъ, ни другихъ... Однихъ—потому, что ихъ недовѣріе къ людямъ ничѣмъ не купившимъ права на него, вполне понятно, — боязнъ ихъ очень естественна, — податливость всякаго рода слухамъ въ ихъ пользу неизбѣжна; другихъ—потому, что трудно и почти невозможно сбросить съ себя разомъ прививку историческихъ преданій; что хотя крѣпостное право отмѣнено навсегда,

но оно окончательно уничтожено только на бумагѣ, въ законѣ, въ гражданскихъ отношеніяхъ, въ гражданской правоспособности, а въ жизни частной все тѣ же люди, подверженные могущественной силѣ недавняго преданія, тѣ же взгляды, тѣ же понятія, только развѣ немного пзмѣнившіяся,—да и то, большею частью, по приказанію. Все—такъ естественно, все—такъ въ порядкѣ вещей. Обвиняютъ крестьянъ за ихъ упорство, за нежеланіе сходиться съ помѣщиками; прослѣдимъ же въ самыхъ короткихъ словахъ дорогу, по которой двигалась *мужицкая* логика; мы увидимъ, что она рѣдко сворачивала съ пути, чему и многимъ изъ насъ не худо бы поучиться. Крестьянинъ слышалъ (не читалъ, конечно, самъ, но слышалъ отъ многихъ), что вся усадебная земля, на которой засталъ его манифестъ, (за извѣстный выкупъ) принадлежитъ ему—и онъ ужъ никому ея не уступить, а при нарушеніи признаннаго права идетъ жаловаться посреднику, надѣясь получить отъ него удовлетвореніе и выражая этимъ свою вѣру въ правительство. Но что же это за *случный часъ*, котораго всѣ такъ ожидаютъ, и что главнѣйшимъ образомъ мѣшаетъ, или мѣшало, подписанію уставныхъ грамотъ? Что это за минута, свѣтящая издали невидимымъ свѣтомъ? Логика крестьянъ тутъ не споткнулась:—она на своей прямой дорогѣ, и вотъ какимъ образомъ: «крѣпостные люди получаютъ *въ свое время* полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей,» гласитъ манифестъ; далѣе: «какъ новое устройство не можетъ быть произведено вдругъ, то требуется для сего времени *не меньше двухъ лѣтъ*, а до означеннаго времени долженъ быть сохраненъ существующій нынѣ порядокъ». Двумя же годами означенъ срокъ и для введенія уставныхъ грамотъ. Въ головахъ крестьянъ, помимо всякихъ подробностей, остались рѣзче другихъ эти положенія, составляющія *суть* новаго устройства ихъ быта, въ-особенности это рѣзкое, часто встрѣчающееся—*два года*. Крестьяне знаютъ, что они, по Положенію, въ свое время получаютъ полную волю,—что это время должно быть не раньше, но и не позже двухъ лѣтъ, и что, наконецъ, до истеченія этого срока все остается въ прежнемъ положеніи. Ясно теперь, почему они по большей части не поддаются на предложенія помѣщиковъ подписать уставныя грамоты, не принимаютъ никакихъ льготъ, видя въ этихъ послѣднихъ хитро-устроенную ловушку. А тутъ еще отъ нихъ требуютъ, чтобы они подписывали грамоты... Какъ же не повѣрить слухамъ, что подписавшіе какія бы то ни было бумаги, снова закабалятъ себя на вѣки-вѣчныя... Вотъ и *случный часъ*: и загадка разгадана, и твердая логика.

Впрочемъ, многіе помѣщики понимали и понимаютъ общее настроеніе крестьянъ; они умѣютъ обращаться съ народомъ, хорошо успѣли узнать, что ему нужно, и народъ начинаетъ довѣрять имъ. Въ имѣніяхъ такихъ помѣщиковъ грамоты составлены давно по добровольному соглашенію и, навѣрное, не будутъ раскапываться въ этомъ ни паны, ни крестьяне, которые, можетъ быть, не разъ слышали отъ своихъ сосѣдей названіе *дурней*, (что дѣйствительно и оправдывалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ); тѣмъ не менѣе дѣло улаживалось къ обоюднымъ выгодамъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ не избѣжныхъ уступокъ со стороны землевладѣльцевъ. Замѣчательно, что вѣрнѣе всего дѣйствовала на крестьянъ прямота и откровенность помѣщиковъ, и въ этомъ случаѣ нельзя не указать на весьма интересный фактъ, сообщенный газетою «День». Одинъ изъ помѣщиковъ Земли Войска Донскаго пріѣхалъ въ свое имѣніе — съ цѣлію написать уставную грамоту. Окончивъ надѣлъ, убѣдивъ, повидимому, крестьянъ въ огромныхъ преимуществахъ оброка передъ издѣльной повинностью, онъ приготовилъ грамоту. Крестьяне подтвердили, что написано все такъ, какъ говорено, что они всѣмъ довольны; но лишь только дошло дѣло до подписей — они назадъ: «на тѣ же немá слѣчного часу». Узнавъ, что это за случайный часъ и чего крестьяне боятся, помѣщикъ призвалъ на другой день крестьянъ, да прямо и говоритъ имъ, что вотъ, молъ, вы оттого-то и оттого-то не подписываете грамоты. »Чтобъ доказать вамъ, что все это неправда, — давайте, напишемъ въ грамотѣ особый пунктъ, такъ: если грамота будетъ имѣть такую силу, что тотъ, кто ее подпишетъ, будетъ попрежнему крѣпостнымъ, то считать эту грамоту незаконною и крестьяне вольны уничтожить ее. Согласны?» Тѣ сначала удивились, потомъ поднялся глухой шумъ, перешедшій мало-по-малу въ громкій говоръ. Крестьяне сказали, что потолкуютъ громадою—и кончилось тѣмъ, что на другой день грамота была подписана, а помѣщикъ выпровоженъ изъ деревни съ хлѣбомъ-солью, да съ благодарностью за ласку. Такимъ же точно путемъ этотъ помѣщикъ достигъ соглашения и въ другой своей деревнѣ.—Большая часть помѣщиковъ, какъ слышно, желаетъ выкупа, особенно въ степныхъ губерніяхъ. Такъ-какъ многіе изъ нихъ не могутъ поступить подобно г. Бутовскому, который договоромъ о продажѣ и покупкѣ земли подарилъ крестьянамъ пятую часть суммы, слѣдуемой за надѣлъ (6,600 р.) и когда крестьяне не согласились, по немѣнѣю денегъ, уплатить оброчные за первую половину года (990 р.), то перевелъ плату на

обязательство — выкосить лѣтомъ 400 десятинъ сѣна, общаясь съ своей стороны дать имъ лѣсъ для постройки (такъ-какъ хаты подлежатъ переносу) собственные подводы, солому для крышь, кирпичъ для печей: — такъ-какъ, повторяемъ, большая часть помещиковъ не въ-состояніи этого сдѣлать, то они думаютъ расчитаться относительно пятой части суммы, взносимой крестьянами, посредствомъ работъ. Вотъ какъ расчитываютъ нѣкоторые изъ нихъ: мужской рабочей день оцѣненъ лѣтомъ въ 40 к., а зимою 20, т. е. круглымъ счетомъ въ 30 к., а женскій 15, слѣдовательно вмѣстѣ 45, а каждый порознь $22\frac{1}{2}$. По этому счету день работы ста душъ (50 мужскихъ и 50 женскихъ) оцѣнивается круглымъ счетомъ въ 22 р. 50 к. Если теперь крестьяне захотятъ выкупиться и не могутъ внести пятой части выкупа, — они могутъ эту часть отработать въ три года, работая помещику по одному дню въ недѣлю. Неизвѣстно, насколько будетъ удобенъ подобный расчетъ въ практикѣ, а на бумагѣ онъ кажется и выгоднымъ, и удобопримѣнимымъ.

По поводу неподписыванія уставныхъ грамотъ, нельзя не вспомнить о рѣчи; сказанной кievскимъ гражданскимъ губернаторомъ волостнымъ старшинамъ. Отсылая любопытныхъ къ 5 № «Кievскаго Телеграфа», мы здѣсь замѣтимъ только, что народъ не понялъ содержания рѣчи, произнесенной по-великорусски и *потомъ уже* переведенной на малорусскій языкъ. Такимъ путемъ понапрасну тратится передъ народомъ много словъ, которыхъ онъ не понимаетъ, не смотря на все свое желаніе...

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ другимъ вопросамъ, необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на крестьянскомъ вопросѣ, и снова въ Землѣ Войска Донскаго, гдѣ онъ представляетъ очень много характеристическихъ и довольно исключительныхъ сторонъ, имѣющихъ поэтому большой интересъ для читателей. Мы сказали «довольно исключительныхъ» по отношенію къ обширной русской территоріи, почти на всемъ пространствѣ которой общее положеніе слило во-едино все разнообразныя частности вопроса, не представлявшія слишкомъ рѣзкихъ особенностей; совсѣмъ не то было въ Войскѣ Донскомъ: здѣсь рядомъ съ крестьянствомъ существовало козачество, внесшее въ жизнь идею равенства и братства. Пользуясь обширными территоріями, станицы принимали приходившихъ на Донъ крестьянъ, которые и селились въ станичныхъ юртахъ; пока не утвердилось окончательно крѣпостное право, офицеры, хотя даромъ пользовались готовыми силами, но не были *помѣщиками* въ

томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову. Но раздѣленіе мало-по-малу совершалось и козацкая община осталась одна; по поводу начавшихся ссоръ за поземельныя доволствія между козаками и пришедшими крестьянами, явилось въ 1836 г. Положеніе объ управленіи Войскомъ Донскимъ—и вотъ до сихъ поръ продолжается отдѣленіе помѣщичьихъ земель отъ козацкихъ. Дѣла межевыхъ комиссій идутъ медленно, помѣщики туго переселяются на вновь отводимыя имъ земли, а козаки тѣснятъ крестьянъ. Безурядица страшная и вѣрно не скоро кончится. Собственно *крестьянское дѣло* по начертанному правительствомъ плану подвигается медленно, потому что, дѣйствительно, чего можно требовать отъ волостнаго управленія, когда область егс простирается на 60, 70 верстъ? Или какъ могутъ составлять сельскія общества небольшое количество крестьянъ, которое разбросано на такомъ большомъ пространствѣ? Какъ составляются уставныя грамоты, можно видѣть изъ попадающихъ въ *Дни* данныхъ, которые мы приведемъ сейчасъ (День № 19, стр. 15): «не могу и приблизительно опредѣлять, какимъ количествомъ земли пользовались крестьяне до обнародованія Положенія»; или «нельзя измѣрить, какое пространство земли занято крестьянскими усадьбами, потому что онѣ разсыпаны между козацкими усадьбами»; или «не могу опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ долженъ быть назначенъ крестьянскій надѣлъ, потому что крестьяне пользуются землею съобща съ козаками и проч.» Словомъ—путаница. Помѣщикъ, не зная, гдѣ ему придется получить землю по новому размежеванію, не можетъ продать въ казну своего имѣнія. Крестьяне, не переселившіеся еще съ станцныхъ юртъ, не могутъ понять, какимъ образомъ они получаютъ скоро отъ 3 до 4½ десятинъ на душу, когда теперь на каждого изъ нихъ приходится около 30—50 десятинъ,—*теперь*, говоримъ, потому, что прежде, когда не было притѣсненій со стороны козаковъ, приходилось еще больше. »Въ одномъ изъ необмежеванныхъ округовъ, пишетъ корреспондентъ, «у меня есть имѣніе, предназначенное къ переселенію, состоящее изъ 22 крестьянъ, и пользующееся пространствомъ земли въ 12 верстъ въ длину и 7 верстъ въ ширину». Понятно, съ какою охотою будутъ они переходить въ другое мѣсто, гдѣ, взаимъ прежняго раздолья, имъ придется пересѣсть на какихъ-нибудь четыре десятины...

Тѣ же, какъ и вездѣ, слухи волновали и донскихъ крестьянъ. «Поэтому (Моск. Вѣд. №35, стр. 278), въ имѣніи Себрякова дабы крестьяне имѣ-

ли истинное понятіе о своемъ дѣлѣ, всѣ свѣдѣнія о ходѣ его сообщались вотчинному конторщику (крѣпостному того же имѣнія), съ тѣмъ, чтобы онъ рассказывалъ ихъ крестьянамъ, такъ-что никакого извѣстіе не было скрываемо отъ нихъ. *Чистая воля* опредѣляется тамъ такимъ образомъ: «помѣщикова царь сошлетъ на Амуръ, земля ихъ отдана будетъ крестьянамъ, у которыхъ кромѣ властей, ими самими выбранныхъ, никакого начальства не будетъ». На Дону любопытно то, что не одни крестьяне понимали такимъ образомъ волю: одинъ помѣщикъ узнавъ, что полученъ манифестъ о свободѣ, отправляется на гумно къ крестьянамъ и говоритъ: «довольно работать, братцы! бросайте работу—вы вольные».—Не смотря на высказанный взглядъ крестьянъ, касательно воли, они не выказали какихъ-нибудь враждебныхъ отношеній къ помѣщикамъ, напротивъ, отличались какою-то заботливостью и вѣжливостью. Такъ, въ Орѣховой, они представили благодарственный помѣщику адресъ, въ которомъ, благодарили его за мельницу, только что выстроенную и, по ихъ понятіямъ, долженствующую поступить въ ихъ владѣніе. «Въ Дашиловкѣ они распахали землю, даже луга помѣщика, засѣяли своими сѣменами его пашни, взяли экономическіе плуги и проч.—и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ всѣ должностные бросили экономію, они прислали къ управляющему имѣніемъ караульныхъ, «чтобы кто не расхитилъ барское добро: еще отвѣчать за него будешь.» Крестьяне недовольны были иногда только чиновниками, старавшимися возстановить въ нихъ порядокъ: они все ждали чистой воли, которая, по ихъ (ложному) понятію, должна быть непременно черезъ два года. Но—вотъ роздали имъ «Положеніе»—и ужъ возились же они съ нимъ! Постоянно перемѣняли чтецовъ, такъ-что дошли до мальчиковъ, едва умѣвшихъ читать по чистой воли не дочитались. Тогда целюбовь къ «Положенію» развилась у нихъ до такой степени, что они перестали совѣмъ читать его и грозились застрѣлить конторщика, какъ получать чистую волю, за то, что тянетъ господскую руку.

Крестьяне села Староселья, напротивъ, до такой степени укрѣпились, при помощи умнаго и грамотнаго старосты, въ вѣрѣ въ Положеніе, что не поколебались въ ней и тогда, когда сосѣди стали называть ихъ *крѣпостными* и *собственными помѣщиками* крестьянами. Они изъявили желаніе перейти въ собственники, но безъ ссуды отъ правительства и вотъ-какъ мотивировали они свое нежеланіе: «съ казной страшно имѣть дѣло: будетъ неурожай или другое какое бѣдствіе, а въ 49 лѣтъ ихъ много будетъ; помѣщикъ-то нашъ

простить уплату, а казпѣ знай плати: — этакъ и дѣти наши не дождутся окончанія дѣла». Съ новаго года они хотятъ перейти на оброкъ.

«Каждый желаетъ себѣ лучшаго,» замѣчаетъ корреспондентъ (М. В. № 35, стр. 280) «по своимъ личнымъ понятіямъ: крестьянамъ хочется до-Годуновскихъ временъ;—козакамъ хочется чтобы ихъ атаманы тянули руку козаковъ, а не войска; помѣщикамъ — чтобъ ихъ собственность была обезпечена лучше, чѣмъ теперь: «земли, дескать, получили бы тогда свою настоящую цѣну и недоразумѣнія крестьянъ, до-сихъ-поръ не входившія въ расчеты экономистовъ, не разорили бы насъ»; чиновникамъ—чтобы государство составляли они, да *темные* люди только...

Переходимъ къ народному образованію, къ школамъ...

На воскресныя школы мы смотримъ какъ на учрежденіе временное, имѣющее цѣлю—подготовить народъ къ дальнѣйшему образованію, дать извѣстное направленіе его пробужденнымъ силамъ;—эти школы имѣютъ значеніе, слѣдовательно, только первой попытки, и сами по себѣ не могутъ представлять достаточнаго ручательства для успѣховъ народнаго образованія уже потому одному, что отворяютъ свои двери только разъ въ недѣлю. Конечно, въ нихъ тысячи, десятки тысячъ, выучились грамотѣ, по вѣдь знаніе одной грамоты не представляетъ собою конечной цѣли... Такъ-называемыя сельскія школы... онѣ, конечно, необходимы, и въ январьской Лѣтописи, мы радовались ихъ распространенію, хотя и замѣтили, что цифра сама по себѣ не представляетъ ничего положительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго. Мы стояли на самой крайней точкѣ и думали, что если нѣтъ отъ этихъ школъ большой пользы, то ужъ ни въ какомъ случаѣ и вреда нѣтъ. Но вотъ мы прочитали письмо кіевскаго помѣщика, г. Еремеева, помѣщенное въ журналѣ Комитета Грамотности, въ которомъ онъ положительно говоритъ, что между этими школами есть много такихъ, которыя *скорѣе отобьютъ охоту отъ ученья, чѣмъ привлекутъ къ нему*. Это ужъ совсѣмъ неутѣшительно... Во многихъ мѣстахъ обучаютъ по церковно-славянски, по старинной буквенной системѣ, то—есть это значить: глаголь, онъ—го; слово, покой, онъ—спо, *госпо*; добро, иже, дн—*господи*; Ангелъ, Ангельскій, Архангельскій... А мы ужъ, было, пропѣли вѣчную память этой системѣ... Но вѣдь еще не то встрѣчается; такъ напр. изъ села Голубичи, Черниговской губ., пишутъ, что тамъ развитъ въ сильнѣйшей степени формализмъ, уваженіе къ внѣшности, *солдатская дисциплина!!*. Тамъ же наставники употребляютъ *уч-*

ливъ (мѣстное названіе учащихся) для работы на огородахъ, заставляютъ ихъ возить воду, учать приносить отъ родителей *жмени жита* и кормить имъ своихъ кабановъ, да еще въ награду за это обѣщаютъ давать каждому, *по куску сала*... Какъ же тутъ не отбить охоту—если не у мальчиковъ—ходить въ школу, то у родителей—носылать дѣтей туда, гдѣ растлѣваютъ нравственность и убиваютъ молодые силы дитяти... Богъ съ ними, съ такими школами!.. Ихъ намъ совѣтъ не надо!.. Впрочемъ, строго судя, отъ нихъ и требовать невозможно многого. Извѣстно, что почти все онѣ открыты по приказанію, что сознаніе необходимости ихъ устройства родилось не въ средѣ лицъ, имѣющихъ самое близкое отношеніе къ дѣлу, а явилось *извне*, пришло *сверху* въ видѣ предписанія, не исполнить котораго почти нѣтъ никакой возможности. Вслѣдствіе этого и появились такіе грустные факты, доказывающіе, что тамъ нѣтъ настоящего дѣла, гдѣ имъ руководить внѣшняя причина; что тамъ нѣтъ пользы, гдѣ нѣтъ такого дѣла... Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости еще въ прошломъ году (№ 4) говорили, что многія изъ школъ заведены только на бумагѣ; что дѣти, разъ собранныя и поименованныя въ первоначальномъ спискѣ, отмѣчались дѣйствительно учащимися и на будущее время, такъ—что усердный статистикъ, на основаніи *официальныхъ* данныхъ, могъ бы восторгаться обліемъ несуществующихъ школъ и выводить отсюда разныя характеристическія черты известной мѣстности...

Кромѣ того, и *дѣйствительно—существующія* школы страдают отсутствіемъ известной организаціи, состоящей, конечно, не въ необходимости имѣть известное число скамеекъ, снабженныхъ внизу полками для книгъ, а вверху красиво вѣлашными чернильницами и проч. и проч.,—нѣтъ, мы говоримъ собственно о преподаваніи, которое теперь зависитъ отъ личнаго, неразвитаго взгляда преподавателя и потому идетъ, по большей части, весьма плохо... Слѣдовательно, и отъ сельскихъ школъ, при ихъ настоящемъ устройствѣ, нельзя ожидать чего—нибудь прочнаго, много общающаго. Они тоже существуютъ и имѣютъ смыслъ какъ временная мѣра, какъ переходъ къ дальѣйшимъ, болѣе правильнымъ, занятіямъ...

Что же оказывается изъ всего этого? То, что народу негдѣ учить-ся... Можетъ быть укажутъ на уѣздныя и приходскія училища? но о нихъ можно сказать почти тоже самое по отношенію къ земству. Хотя преподаваніе въ нихъ идетъ, говоря вообще, значительно лучше,

хотя программа ихъ значительно шире и система точнѣе, но первое и самое главное ихъ неудобство заключается въ томъ, что они существуютъ въ городахъ, такъ-что мальчпкп, кромѣ занятій въ училищѣ (на что, конечно, нужно извѣстное время въ теченіи дня) должны употреблять много времени на путешествіе туда и обратно; а извѣстно, какъ много значатъ въ хозяйствѣ и эти маленькія руки, какое подспорье составляютъ онѣ въ сельскихъ работахъ и, значитъ, какъ неудобно лишаться этихъ рукъ на продолжительное время... А вѣдь извѣстно также, что прежде чѣмъ о грамотѣ думать, необходимо позаботиться о томъ, чтобъ было что ѣсть... Притомъ же и программа этихъ училищъ далеко не соответствуетъ тѣмъ потребностямъ, какія возникаютъ въ народѣ въ послѣднее время... Изъ всего сказаннаго вытекаетъ самая прямая, самая существенная, насущная необходимость: учрежденія *настоящихъ народныхъ училищъ въ деревняхъ и селахъ*.

Главнѣйшая, первоначальная ихъ цѣль должна состоять въ томъ, чтобы пріобрѣтенныя знанія сейчасъ же прилагались къ дѣлу, чтобы это знаніе не представлялось ученикамъ такъ — называемымъ «искусствомъ для искусства», а имѣло бы практической смыслъ. При скудномъ запасѣ у насъ учебныхъ книгъ, особенно на родномъ языкѣ, при отсутствіи сельскихъ библіотекъ, подобное представленіе очень возможно, а слѣдовательно возможна и опасность надобѣтъ ученикамъ мертвенной сухостью, однообразіемъ... Преподаваніе въ школахъ должно прежде всего соответствовать первымъ надобностямъ народа; мы обязаны работать не ради одного только «удовольствія работы», — у насъ должна быть прямая цѣль, къ которой можно приблизиться только при помощи образованія.

Народныя училища должны учреждаться по мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться послѣдствія новыхъ законоположеній. У народа будетъ теперь досуга гораздо больше. Пашинны иѣтъ, свой трудъ, своя польза, — свои должны быть и училища. Поднятіе уровня нравственнаго чувства въ народѣ, чувства личнаго достоинства, еще не убитаго крѣпостнымъ правомъ, имѣющаго такое важное значеніе въ успѣхахъ производства, слѣдовательно и экономического благосостоянія, должно стоять на первомъ планѣ... Эти училища, для людей, надѣленныхъ отъ природы способностями, но находящихся въ особенномъ положеніи, (ибо, какъ *земледѣльцы*, они должны жить съ дѣтства въ селахъ, вдали отъ городовъ), будутъ открывать прямую, широкую

и свободную дорогу впередъ. Вѣдь идти на-проломъ, какъ шелъ на-примѣръ, Шевченко, можетъ только тотъ, у кого такія гигантскія силы, какими надѣленъ былъ поэтъ нашъ... А сколько гибнетъ силъ неразвитыхъ, или дурно направленныхъ, хотя и съ богатыми задатками, оттого только, что трудно пробиваться впередъ. Вспомнимъ *Грицька маляра*, котораго такъ живо изобразилъ Н. Ив. Костомаровъ (*Основа*, 1861 г.) Разумѣется не слѣдуетъ *навязывать* эти училища: надо дѣйствовать такъ, чтобы потребность въ нихъ возникла прямо изъ народа; нашимъ дѣломъ будетъ тотчасъ же удовлетворять эту потребность, по крайней мѣрѣ помогать народу на этомъ пути. Это не утопія, не мечты только. На нѣкоторыхъ *волостныхъ сходкахъ* положено открыть подобныя школы: значить, народъ понимаетъ самъ дѣло...

Указавъ на главныя стороны этого существенно-важнаго предмета, обратимъ предварительно вниманіе, во-первыхъ, на способъ преподаванія по отношенію къ языку; но вмѣсто насъ пусть говоритъ г. Конисскій, котораго письмо изъ Полтавы читано въ засѣданіи *Комитета Грамотности* и напечатано въ *Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества* за мартъ мѣсяць (стр. 79): «Населеніе здѣшной мѣстности говоритъ языкомъ, совершенно отдѣльнымъ отъ великорусскаго, а потому съ жадностью читаетъ книги на малороссійскомъ языкѣ; но бѣда въ томъ, что на этомъ языкѣ нѣтъ тѣхъ именно книгъ, которыхъ требуетъ народъ... Ученики воскресныхъ и другихъ народныхъ школъ, берутся за книги великорусскія, но, читая ихъ безъ объясненія, *ничего не понимаютъ....*» такъ—что имъ постоянно надо прибѣгать къ помощи учителя. Неудобства преподаванія не на родномъ языкѣ очевидны и не требуютъ дальнѣйшихъ поясненій. Г. Конисскимъ достаточно ясно высказано, чего не достаетъ въ нашихъ школахъ и вотъ это-то неудобство надо прежде всего постараться устранить при устройствѣ новыхъ народныхъ школъ.

Теперь—гдѣ же взять учителей?

Вопросъ, дѣйствительно, чрезвычайно-важный и потому-то онъ въ такомъ ходу въ литературѣ. Выказано уже нѣсколько предложеній о назначеніи въ сельскіе учителя окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, но еще не получившихъ священническаго мѣста; предполагается назначить имъ жалованье и вообще смотрѣть на ихъ занятіе не какъ на самопожертвованіе, но какъ на обязанность, отчетливое исполненіе которой является, такимъ образомъ, обязательнымъ. Были нѣкоторые

случаи, доказывавшіе, что отъ такихъ учителей можно ожидать нѣсколько бѣльшаго, чѣмъ отъ священниковъ, обремененныхъ обыкновенно семействомъ, заботами о собственномъ хозяйствѣ и проч. Это понятно. Крестьяне иногда до-того привязывались къ этимъ учителямъ, что не хотѣли отпускать ихъ отъ себя, когда тѣмъ открывались священническія мѣста и оставляли ихъ у себя на мѣсто прежнихъ священниковъ. Подобное назначеніе, дѣйствительно, представляетъ много удобствъ, потому что, кромѣ главной своей цѣли, тѣсно связано съ вопросомъ объ отношеніяхъ духовенства къ народу.

Мы говорили, что на нѣкоторыхъ волостныхъ сходкахъ и мировыхъ сѣздахъ Харьковской губерніи положено было открыть сельскія школы и нѣкоторыя крестьянскія общества нарочно нанимали для себя учителей. Вслѣдъ за этимъ, нѣсколько частныхъ лицъ отозвались на такое важное дѣло, и, при содѣйствіи начальства учебнаго округа, рѣшились учредить *школу для народныхъ учителей* въ Харьковѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ: преподаваніе и учебныя пособия будутъ даровыя; поэтому волость, или общество, желающее приготовить себѣ учителя, беретъ на себя только содержаніе молодаго человѣка, котораго оно посылаетъ въ Харьковъ, назначая ему не менѣе 6 р. въ мѣсяцъ. Обученіе продолжается два года, считая по 10 учебныхъ мѣсяцевъ въ году. Такимъ образомъ, приготовленіе каждаго учителя будетъ стоить всего 120 р. ср. (Если положимъ, что каждаго двѣ тысячи душъ мужскаго пола пошлютъ отъ себя одного учителя, то сборъ на его содержаніе придется съ души 3 коп. ср. въ годъ). Желательно, чтобы поступающій въ школу былъ грамотный, и не моложе 15 лѣтъ. Преподаваніе, по возможности, самое простое и ясное, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) законъ Божій; 2) русскій языкъ; 3) ариметика; 4) понятія объ общихъ явленіяхъ природы и о жизни животныхъ и растений; 5) географія и новѣйшая исторія — для навыка въ преподаваніи, будущіе учителя будутъ практиковаться въ воскресныхъ школахъ или въ школахъ постоянныхъ, открытых въ городахъ. Преподаватели школы народныхъ учителей берутъ на себя обязанность и надзора за учениками. Вспомнимъ имена благородныхъ людей, принявшихъ на себя бесплатное преподаваніе въ школахъ: священникъ Тимофей *Павловъ*; учитель 2 гимназій *Парфеновъ*; учитель 1 гимназій *Ладовскій*; профессоръ *Бекетовъ*; профессоръ *Потебня*.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстія, есть ли уже ученики для

новой школы. Не уведомить ли насъ кто нибудь, какъ о числѣ учениковъ, такъ и о методѣ и успѣхахъ преподаванія.. Мы горячо, всею душою сочувствуемъ этому благому предпріятію.. *Часть добрый!*

Не правда ли, при такихъ огромныхъ успѣхахъ распространенія школъ, при столь очевидно-сознанной пользѣ ихъ нашимъ народомъ, какъ-то странно встрѣчать извѣстія, что тамъ-то и тамъ-то, напримеръ въ нѣкоторыхъ городахъ, даже совсѣмъ нѣтъ школъ. А между тѣмъ такихъ городовъ еще много. Возьмите хоть Заславль, бывшій нѣкогда *столицею* княжества Изяславскаго... Уѣзднаго и приходскаго училища тамъ нѣтъ, женской и воскресной школы также нѣтъ, нѣтъ и школы при церкви. Правда, во многихъ мѣстахъ вамъ скажутъ, что чуть не въ каждомъ селѣ есть школа, но вы не вѣрьте, потому что начальники ихъ ограничиваются только подачею вѣдомости о числѣ учениковъ; вѣдомость всегда пишется на бѣлой бумагѣ, рубрика о ходѣ и степени образованія переполнена приличными фразами, а на дѣлѣ—такъ только питейныхъ заведеній много, а школъ—и со всѣмъ нѣтъ.

Вообще, въ этотъ разъ, попадавшіяся намъ извѣстія о школахъ по большей части неутѣшительны; такъ, напр., во *2-й харьковской воскресной школѣ* число учителей все уменьшается, а вмѣстѣ съ ними и число учениковъ. Матеріальныя средства плохи. Съ 26 ноября въ школу пожертвовано *два гривенника*. Какъ при этомъ извѣстіи упоминается объ охлажденіи публики къ школамъ, — такъ и въ отчетѣ другой *харьковской же школы (женской)*, за второе полугодіе, читаемъ: «Распределение пожертвованій по времени заставляетъ опасаться охлажденія общества къ этому учрежденію, потому что пожертвованія дѣлались только *въ первое время* существованія школы, а за все второе полугодіе поступило *только десять рублей*, между тѣмъ какъ число ученицъ постоянно возрастало и «можетъ быть, еще увеличится, и средствъ потребуется болѣе». Въ первое полугодіе ученицъ въ этой школѣ было maximum 45, во второе же 184. Въ концѣ отчета совѣтъ прибавляетъ, что въ теченіе всего года ученицами не было принесено ни одной жалобы на то, чтобы хозяева запрещали имъ посѣщать школу.

Въ извѣстіяхъ изъ *Херсона*, встрѣчаемъ чрезвычайно любопытный фактъ. Въ числѣ жертвователей тамъ были и еврей—братья Леонъ и Борисъ Чудновскіе, купеческія сыновья. 4 ноября 1860 года они проводили въ канцелярію губернатора три стопы бумаги, четыре дю-

жины карандашей и двѣсти перьевъ въ пользу школы при самомъ пышномъ, трескучемъ отзывѣ, напечатанномъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ; вотъ его начало: «Вѣковая тысячелѣтняя исторія евреевъ (замѣчайте, откуда начинають по поводу присланныхъ карандашей и перьевъ) служить самымъ краснорѣчивымъ, неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что ихъ нормальное и недужное состояніе всегда зависѣло отъ степени образованія тѣхъ народовъ, среди которыхъ они проживали... Израиль, долго томившійся подъ гнетомъ вѣковыхъ катастрофъ, стоялъ на томъ градусѣ тепла или холода, какой показывалъ термометръ мѣстности... Великіе индивидуумы, поборники свѣта и истины, являлись во всѣхъ вѣкахъ съ самой сѣдой старины, но напоръ блестящихъ идей индивидуальности сокрушался о грань чувствъ и понятій народовъ». Рѣчь эта, продолжающаяся все также торжественно, по всѣмъ правиламъ риторики, наконецъ замыкается общаніемъ: *ежемьслчно* жертвовать по $\frac{1}{2}$ стопы бумаги, 1 дюжины карандашей, 2 дюжины грифелей и 100 перьевъ — (вѣроятно, для того, чтобы повысить температуру мѣстности). Дѣло хорошее; да только съ тѣхъ поръ прошло больше года, но ни одно изъ обѣщанныхъ жертвованій не поступило въ канцелярію. Вѣроятно, не представилось надобности повышать температуру... Не забудьте, что обѣщаніе это было даже напечатано въ губернскихъ вѣдомостяхъ... Вотъ—какъ поступаютъ *братья Чудновскіе*, которые, какъ видно изъ ихъ воззванія, хоть риторикѣ да все таки *учились*. И какъ много такихъ *братьевъ Чудновскихъ!*

Но довольно о школахъ. Въ настоящей лѣтописи намъ хотѣлось бы еще упомянуть о *сельскихъ библіотекахъ*, чтобъ закончить довольно длинный обзоръ народнаго дѣла. Отсутствие библіотекъ въ селахъ весьма ощутительно какъ для крестьянъ, такъ и для священниковъ, гдѣ имѣются церкви. Синодъ, по входящимъ до разрѣшенія его дѣламъ, о проступкахъ духовныхъ лицъ *противъ должностей и благоведенія*, предписалъ епархіальнымъ архіереямъ особенно строго наблюдать за нравственностью лица, поступающаго въ священники. Намъ кажется, что указанные пороки приобрѣтаются уже по вступленіи въ духовное званіе, особенно тѣми, которымъ приходится жить въ селахъ при отсутствіи всякой духовной дѣятельности: — читать нечего, потому что самому выписывать журналы и книги нѣтъ никакой возможности. Прежде сельское духовенство хоть земледѣіемъ занималось; теперь же, съ назначеніемъ жалованья, священники, обыкновенно, отдають землю въ

наемъ, такъ-что самимъ, въ свободное отъ службы время, рѣшительно нѣчего дѣлать. Но въ тоже время и крестьяне, выучившіеся грамотѣ, очень скоро забываютъ ее по недостатку книгъ для чтенія; нѣкоторые и купили бы себѣ что-нибудь — да дорого, потому что отъ Петербурга далеко. Вотъ, напр., тотъ же г. Конисскій сообщаетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мальчикъ со слезами просилъ у столичнаго книгопродавца продать ему поэму Шевченка, за 25 к., объясняя, что она дороже и не стоитъ, потому что на книгѣ напечатано: цѣна 25 к. ср., но книгопродавецъ все-таки не согласился продать менѣе 55 к.,—разница въ 30 коп.! Такимъ образомъ устройство народныхъ библіотекъ представляло бы чрезвычайную пользу. Вопросъ—откуда взять деньги на первоначальную выписку книгъ—весьма удобоулаживимъ, если само духовенство обратитъ на него вниманіе. Дѣло въ томъ, что при церквахъ всегда имѣются въ запасъ такъ-называемыя *церковныя деньги*, хотя, обыкновенно, въ небольшомъ количествѣ. Нельзя ли ихъ употребить первоначально на выписку книгъ и журналовъ, которыя бы выдавались крестьянамъ за незначительную плату; а священникъ, пожалуй, за хлопоты по раздачѣ книгъ могъ бы пользоваться чтеніемъ бесплатно. Такимъ образомъ здѣсь является еще и третья выгода: одна часть чистаго дохода могла бы идти на увеличеніе средствъ библіотеки, а другая — въ пользу церковныхъ суммъ, которыя вообще плохо пополняются жертвованіями и лежатъ мертвыми, безъ пользы, безъ всякаго движенія. Что расходъ на выписку книгъ и журналовъ покрывся бы съ перваго же разу — объ этомъ говорить нечего; а если разсчитывать на частныя пожертвованія, на крестьянскія складчины, то дѣло Богъ знаетъ на сколько времени оттянется.

Излишне было бы говорить о необходимости распространенія статистическихъ свѣдѣній. Польза и огромная важность ихъ признана всѣми; статистика перестала быть теперь наукой мертвой, сухой, неподвижной. Дѣло въ томъ, что часто самыя разнообразныя явленія находятся между собою въ такой связи, такъ взаимно обуславливаютъ другъ друга, что иногда по одному, или по нѣкоторымъ изъ нихъ, можно утверждать опредѣлительно и обо всѣхъ остальныхъ, хотя бы эти послѣднія были и совсѣмъ недоступны нашимъ наблюденіямъ. Возьмемъ примѣръ изъ записки, читанной дѣйствительнымъ членомъ преобразованнаго статистическаго комитета въ Кишиневѣ, г. Егуповымъ (Бессар. Области. Вѣд. № 6 и 7): «поло-

жить, что о какомъ нибудь округѣ или уѣздѣ мы не знаемъ ничего болѣе, какъ только то, что въ немъ истребляется ежегодно до милліона штукъ разныхъ звѣрей и птицъ. Фактъ этотъ, по-видимому, не изъ обильныхъ; однако такова сила взаимопричинности общественныхъ явленій, что вдумываясь въ него, прѣмѣняя къ нему общепотребительные приемы мышленія—наведеніе, соображеніе, умозаключеніе, мы находимъ, что за нимъ скрывается цѣлый рядъ другихъ однородныхъ: извѣстно, что гдѣ много звѣрей и птицъ, тамъ 1) мало людей, 2) много болотъ, лѣсовъ и водъ,—а гдѣ ихъ много, тамъ климатъ долженъ быть суровъ и влаженъ, слѣдовательно неблагопріятенъ успѣхамъ земледѣлія, тамъ поэтому въ качествѣ главныхъ промысловъ населенія возможны только звѣриная и рыбная ловля; гдѣ эти промыслы господствуютъ надъ другими, тамъ немыслимы успѣхи гражданственности и образованности, слѣдовательно немыслимо широкое разнообразіе потребностей; гдѣ мало потребностей, тамъ не можетъ быть ни обилія, ни разнообразія средствъ, вызываемыхъ ихъ удовлетвореніемъ; тамъ нѣтъ раздѣленія труда, слѣдовательно не возможны ни значительныя мануфактуры, ни обширная торговля, не возможны ни удобныя средства сообщеній, ни большіе города; а при такихъ условіяхъ на всемъ быту мѣстнаго населенія должна лежать печать младенчества со всѣми его хорошими и дурными сторонами. Мало того—на основаніи все той же цифры, мы съ большимъ вѣроятіемъ можемъ утверждать, что самые глаза у этого населенія должны быть немножко прищурены и очень зорки, ибо извѣстно, что вѣчное исканіе дичи, вѣчная погоня за звѣремъ такъ именно дѣйствуетъ на органъ зрѣнія».

Областные *статистическіе комитеты* существуютъ у насъ съ 1835 года, но съ тѣхъ поръ большая часть не заявила ничѣмъ дѣльнымъ своей дѣятельности, потому—что врядъ ли она и была полезна при той организаціи, которая существовала до настоящаго времени. Члены комитетовъ были люди служащіе, занятые *своимъ* дѣломъ и смотрѣвшіе на статистическія работы, какъ на занятіе постороннее, неважное, которымъ и заниматься-то нѣкогда. Кромѣ того, комитеты не имѣли средствъ вознаграждать своихъ членовъ и потому дѣло дѣлалось, что называется, спустя рукава, такъ что часто можно было услышать выраженіе: «сочинять статистику». Статистическіе комитеты, при составленіи общихъ отчетовъ изъ мѣстныхъ или уѣздныхъ донесеній, обыкновенно разлагали не-

достающія или излишнія тысячи и даже сотни тысяч десятинъ на различныя графы по своему усмотрѣнiю... Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ небрежностей выходили, да и выходятъ, частію смѣшныя, частію весьма грустныя послѣдствія. О послѣднихъ мы не будемъ упоминать по разнымъ причинамъ, а на первыхъ нѣсколько остановимся. Такъ напр. (Журн. Мпнист. Госуд. Имущ. № 1, стр. 37, 38, 39) Подольская губернія, по тамошнимъ статистикамъ, *постоянно сжимается*... Не правда ли, это любопытно? Губернія постоянно сжимается!.. Дѣйствительно, по статистикѣ ксендза Марганскаго (1823 г.) въ губерніи считалось 38,220 верстъ, 3.974,900 десят.; по Швейцери (1844 — 45) 37,443 верст. и т. д. — все уменьшилось. Читатель, встрѣчая цифры въ печати, и замѣчая въ нихъ измѣненія изъ года въ годъ, вѣроятно полагаетъ, что эти колебанія суть слѣдствія статистическаго прогресса, то—есть исправленія старыхъ плановъ новыми размежеваніями; но кто знакомъ съ дѣломъ поближе, тотъ знаетъ, что эти колебанія суть всего чаще проявленія чистѣйшаго произвола сводчика итоговъ различныхъ цифръ. Вотъ на-примѣръ новѣйшія официальные свѣдѣнія о земляхъ различнаго наименованія въ Подольской губерніи:

	По отчет. губ. статис. комит.	По отч. губ. чертежной.	По воен.-стат. обозр. 1848 г.
подъ лѣсами	575,332	713,805	720,668
— пашнями	1.787,635 $\frac{1}{2}$	2.177,057 $\frac{1}{2}$	2.489,531
— пастбищами и выгонами	157,289	289.618	145,241
— усадьбами	258,142 $\frac{1}{2}$		196,930

И такъ далѣе... Мы не выписываемъ всѣхъ имѣющихся у насъ подъ руками цифръ, все въ подобномъ же родѣ. Да, онѣ должны были наконецъ показать, что прежніе комитеты пикуда не годятся, что шутить статистикой нельзя, и что поэтому необходимо преобразование. Въ Бессарабской области преобразование комитета совершилось послѣ Херсонскаго и Таврическаго. Въ обновленномъ видѣ комитеты снабжены денежными средствами и имъ придастъ характеръ учено-административный; изъ дѣлопроизводства комитетовъ изгнаны всѣ канцелярскіе обряды, а протоколы каждаго засѣданія дозволено печатать и критиковать въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Задачей этихъ учреждений поставлено точное изученіе края «для болѣе правильнаго направленія всѣхъ дѣйствій и соображеній губернскаго начальства». Къ участию въ работахъ призваны не только лица официальныя, но и частныя,

свѣдущія, конечно, въ дѣлѣ, и желающія, какъ говорится, принести свою посильную лепту и проч. Наконецъ «душею комптета» сдѣланъ особый секретарь, конечно съ необходимыми познаніями, съ сравнительно—хорошимъ жалованьемъ, зависящій единственно только отъ начальника губерніи... Такъ всюду проникаетъ духъ преобразованій съ легкой крестьянской руки. Конечно, онъ будетъ проникать все въ большую и большую массу общества, касаясь тѣхъ насущныхъ вопросовъ, безъ предварительнаго разрѣшенія которыхъ всѣ другіе ни къ чему не поведутъ... Когда нѣтъ почвы, то нѣтъ и дѣла, потому что на воздухѣ корабли не строятся:—это всему міру извѣстно.

Преобразованія хороши тогда, отъ нихъ можно ожидать чего—нибудь дѣльнаго въ такомъ только случаѣ, когда они вызываются самою жизнью, внутреннею сознаною потребностью. Возьмите хоть, наиримѣръ, преобразование Одесскаго Лицея въ университетъ: здѣсь цѣлая страна, самая жизнь заявляетъ требованіе переменъ. Но что касается до перевода его изъ Одессы въ Николаевъ,.. эта мѣра едва ли принесетъ пользу уже потому, что аудиторіи будущаго николаевского университета надолго останутся пусты. И вотъ отчего: извѣстно, что большая часть студентовъ—пролетаріи. Они живутъ, что называется, изо дня въ день, уроками и другими работами, которыя даже въ Одессѣ, (не говоря уже о Кіевѣ, Харьковѣ) всегда почти можно достать, но ихъ не найти въ Николаевѣ. Этотъ городъ былъ недавно довольно значительнымъ по населенію, но теперь (послѣ войны, послѣ переведенія флота) число жителей въ немъ уменьшилось чуть—ли не на половину... Дѣйствительно, воздухъ въ немъ хорошъ, прямыя широкія улицы,—но вотъ, всѣ почти его достоинства, которыя никакъ не даютъ Николаеву преимущества передъ Одессою въ правѣ обладанія новороссійскимъ университетомъ... А между тѣмъ будущій университетъ долженъ, во-первыхъ, самъ приобрести особый *мѣстный* характеръ, а потомъ—сообщить самой странѣ извѣстный отгѣнокъ, такъ-что роль, которую могъ бы онъ занимать при разумномъ устройствѣ, должна быть чрезвычайно важна... Говорятъ, что при устройствѣ университета новороссійскаго въ первый разъ осуществится желаніе правительства—учредить университеты въ малолюдныхъ городахъ (это было высказано гдѣ-то совершенно частнымъ образомъ) на томъ—де основаніи, что будетъ меньше развлеченій для студентовъ и, слѣдовательно, больше вѣроятности на успѣхъ ихъ занятій. Это чистѣйшее заблужденіе, показывающее только крайнее незнакомство съ дѣломъ. Обращаясь къ западнымъ

университетамъ, мы находимъ подтвержденіе нашихъ словъ примѣрами. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните, напримѣръ, объ университетахъ Галльскомъ, Іенскомъ, Геттингескомъ. Слава ихъ померкла, а наследниками явились: Лейпцигскій, Берлинскій, Вѣнскій — университеты, помѣщающіяся въ большихъ городахъ... Да можно и не прибѣгать къ примѣрамъ. Вѣдь студентъ немного пріобрѣтаетъ собственно въ университетѣ;.. ему необходимо общество, жизнь: они его развиваютъ, учатъ. Доводя начало уединенія до крайности, можно наконецъ утверждать, что университетъ лучше всего построишь на какихънибудь безлюдныхъ островахъ... или пожалуй, въ университетъ обратитъ какой-нибудь корабль, вывести его въ море — и пусть себѣ онъ качается на волнахъ; съ появленіемъ льда, университетъ возвратится въ пристань, студентовъ и профессоровъ распустятъ на вакаціи, а съ началомъ плаванія снова сборъ на корабль, снова въ море! (Вѣдь это было бы и послѣдовательно и поэтично... Занимайся тамъ сколько душѣ угодно! Но стоить только вообразить себѣ существованіе подобнаго университета, чтобы понять всю его цельность. Однообразіе губитъ человека, особенно въ молодые годы, необходимо требующіе разнообразія впечатлѣній... А при отсутствіи средствъ удовлетворяютъ этой потребности, непремѣнно среди молодежи разовьется пьянство, картежь, и многое другое, еще худшее... По этимъ соображеніямъ такъ единодушно признанъ вредъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, на которыхъ будетъ нѣсколько походить университетъ въ маленькомъ городкѣ. Укажутъ намъ, можетъ-быть, на Оксфордскій университетъ, гдѣ чуть не весь городъ занимаютъ одни студенты съ профессорами, но вѣдь то—Англія... Да и тамъ, впрочемъ, только въ двухъ университетахъ сохранилась эта отжившая старина, и сами Англичане уже видятъ, что противъ рожна трудно прати—противъ духа времени то-есть.—Говорили еще, что въ Николаевѣ есть удобное зданіе, обсерваторія, бібліотека... Но на это можно отвѣтить вопросомъ: университетъ-ли устраивается ради зданія или зданіе ради университета? Мы предложили подобный вопросъ одному господину... онъ подумалъ... и возразилъ: »но, вѣдь, согласитесь, что зданіе безъ университета можетъ существовать, а университетъ безъ зданія не можетъ...» А, если такъ, то разумѣется — и толковать нечего... охотно соглашаемся..

Заговоривъ объ университетѣ, мы необходимо должны остановиться на весьма важной, хотя и запоздавшей нѣсколько, новости. Но о хорошихъ вещахъ толковать никогда не поздно.

Въ *Кіевскомъ* университетѣ, по случаю заявленнаго одною дѣвицею желанія слушать въ немъ лекціи по медицинскому факультету для полученія степени лекаря, въ совѣтѣ университета обсуждали весьма интересные вопросы о томъ, могутъ—ли вообще лица женскаго пола быть допускаемы, по всѣмъ факультетамъ, къ слушанію университетскихъ лекцій, совмѣстно со студентами? могутъ ли лица женскаго пола быть допускаемы къ испытанію на ученые степени, и какими правами, въ случаѣ выдержанія экзамена, онѣ должны пользоваться?

Совѣтъ кіевского университета рѣшилъ *единогласно*, что лицъ женскаго пола можно допускать къ слушанію лекцій по всѣмъ факультетамъ на томъ основаніи, на какомъ допускаются всѣ вольнослушающіе. Но, относительно предоставленія женщинамъ ученыхъ степеней, нѣкоторые полагали, что такъ—какъ права, которыя можетъ дать ученая степень, недоступны, при нынѣшнемъ государственномъ порядкѣ, для женщинъ, то и производство испытанія лицамъ женскаго пола, для полученія ими степени, было бы излишне. Другіе же выразили мнѣніе, что женщины не только могутъ допускаться къ испытанію на всѣ ученые степени разныхъ факультетовъ, *но и должны пользоваться*, если испытаніе оказалось удовлетворительнымъ, *всеми правами, присвоенными полученной степени*. Почти въ томъ же смыслѣ рѣшенъ вопросъ о женщинахъ, ищущихъ образованія, и въ *харьковскомъ* университетѣ,—покрайней мѣрѣ—на самомъ дѣлѣ; а, напримѣръ, въ *московскомъ* — совершенно въ противоположномъ смыслѣ.—Честъ и слава Югу! Видно, что у насъ не было теремовъ,—видно, что въ нашемъ краю были героини, которыя, наравнѣ съ козаками и мѣщанами, защищали крѣпостные валы отъ непріятеля и бросались въ пропасть съ дѣтьми на рукахъ, лишь бы не достаться врагамъ... Да, въ Украинѣ женщина издавна занимала достойное мѣсто въ семейной и общественной жизни: оттого и взглядъ на женщину у насъ иной.

Наконецъ—то наступаетъ поря, когда женщина выходитъ изъ—подъ тягелаго ига, которое тяготѣло надъ нею столько вѣковъ! Наконецъ—то мы, незванные, непрошенные опекуны и владыки торжественно развязываемъ руки своей рабѣ и отпускаемъ ее на волю... Привѣтъ и поклонъ Кіевскому университету!... Теперь и совѣсть не станетъ такъ упрекать, когда зайдетъ рѣчь о свободѣ, объ уваженіи къ человѣческой личности... Въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной или, лучше сказать, между женщиной и обществомъ, часто проявлялось полное рабство, проявлялся деспотизмъ во всемъ своемъ безобразіи... И тѣмъ ужа-

снѣ былъ онъ, что на сторонѣ угнетенныхъ не было никакихъ средствъ къ защитѣ отъ этой всемірной стачки половишиковъ чело-вѣческаго рода, отъ поголовнаго ихъ возстанія противъ предоставленія гражданскихъ правъ женщинѣ. Отвратительный эгоизмъ, поддерживаемый всеобщимъ убѣжденіемъ, что женщины созданы тодько для насъ, для удовлетворенія нашихъ потребностей, долгое время и вездѣ былъ одинаковъ. Мы были наглы до безобразія. Измѣнялась, правда, форма наглости, насилія, принимая болѣе благообразный видъ, но все-таки, наглость была наглостью, насиліе — насиліемъ. Въ самомъ дѣлѣ—ужасно! *Вся* гражданская жизнь находилась исключительно въ нашихъ рукахъ и мы, будучи и судьями и отвѣтчиками, удивительно — какъ — ловко обдѣляли другую половину челоувѣческаго рода. Но прошла или проходитъ пора безнаказаннаго произвола, безотвѣтнаго рабства... молодая жизнь дышетъ новымъ духомъ; женщина требуетъ себѣ *своего* мѣста въ обществѣ, *своихъ* правъ — и Кіевскій университетъ первый прямо, ясно, разумно отвѣчаетъ на это требованіе, широко раскрывая двери своихъ аудиторій. Еще разъ — привѣтъ ему! Желаемъ, чтобы и въ другихъ вопросахъ его рѣшенія были также положительны и близки къ жизни.

Какъ-то и гдѣ-то (чуть-ли не въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*) упрекали Одессу и другіе южные города, за то, что въ нихъ будто бы мало добродѣтельныхъ наклонностей къ благотворительнымъ спектаклямъ, а между-тѣмъ, напимѣръ, въ Херсонѣ былъ какъ-то спектакль *въ пользу декораціи*. Дѣйствительно, это послѣднее явленіе кажется нѣсколько страннымъ, когда знаешь, что въ Херсонѣ же существуютъ народныя школы, небогатыя средствами.—Но на этотъ разъ мы могли бы утомить читателя извѣстіями о самыхъ разнообразныхъ спектакляхъ съ доброю цѣлью... Говоря словами кіевского корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 48) — «отличительная черта спектаклей нынѣшняго года (у корреспондента сказано — въ Кіевѣ), — по тоже самое и въ другихъ мѣстахъ, — чему мы представимъ свидѣтельство ниже) «это, — національность. Выборъ цѣль для спектаклей, по большей части, намекалъ на эту черту; выборъ же казенныхъ дивертисментовъ въ родѣ... *жертвованій* (?) *въ малороссійскомъ селѣ* и проч. слишкомъ ясно подтверждаетъ

наше замѣчаніе. Какъ бы то ни было (заключаетъ корреспондентъ), но, оставаясь спокойнымъ наблюдателемъ всего происходящаго вокругъ насъ въ здѣшнемъ краѣ, мы не могли не замѣтить, что каждое дѣйствіе обыкновенно вызываетъ противодѣйствіе, и что массы большія легко перетягиваютъ массы меньшія. Не есть-ли это естественный ходъ вещей, противъ котораго и роптать невозможно? Разумѣется! это *кстати* сказано. — Въ *Одессь*, 14 февраля, былъ спектакль, въ пользу студентовъ Ришельевского лицея, доставившій 150 р. чистаго дохода; шла, между прочимъ, украинская піеса. О *Кіевѣ* и говорить нѣчего: было бы весьма трудно перечислить всѣ, дававшіяся тамъ представленія въ послѣднее время. Съ двухъ спектаклей, данныхъ въ *Симферополь*, въ яшварѣ, получено, какъ видно изъ напечатаннаго отчета, чистаго дохода 336 р. 65 к.; эти деньги употреблены на пособіе нуждающимся лицамъ изъ обучавшихся въ Симферопольскихъ учебныхъ заведеніяхъ и продолжающимъ курсъ наукъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; такимъ образомъ, часть изъ этихъ денегъ пошла въ Ришельевскіи лицей (200 р.), въ Кіевскій университетъ (100 р.) и одному приготавливающемуся поступить въ Горьгорѣцкій институтъ (35 р.). Въ *Чернивовѣ* шла, между-прочимъ, *Наталка — Полтавка*, оперетта Котляревскаго, въ пользу бѣдныхъ студентовъ; а въ *Одессь* — *Запропѣчена, або лихою діла Господь не потерпить...* Не станемъ перечислять дальше, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя названія украинскихъ піесъ пришлось бы повторить нѣсколько разъ. Мы слышали, что скоро и въ *Петербургѣ* будетъ данъ интересный спектакль: *Черноморскій побитъ*, Я. Г. Кухаренка и новооткрытая комедія В. А. Гоголя, отца извѣстнаго писателя, въ пользу *Тарасовой* каневской школы. О результатахъ этого спектакля, разумѣется, мы сообщимъ въ свое время. Въ Харьковскихъ спектакляхъ любозытно прекрасное нововведеніе — *студентскіе національные хоры*, встрѣченные публикой, по словамъ *Харьковскаго Листка*, съ пріятнымъ изумленіемъ. На спектакляхъ, данныхъ студентами въ пользу своихъ бѣдныхъ товарищей, украинскимъ хоромъ была въ-особенности хорошо пропѣты пѣсни: »*Ой на горі та женьці жнуть*;» »*Ой казали вражі люди...*« и »*Ой Морозе та Морозенку*.« Потомъ этотъ же хоръ появлялся передъ публикой еще два раза, и отлично спѣлъ знаменитую пѣсню — »*Ой бідá, бідá чайці небóзі, що вівела дітки при бітій дорóзі*,« черноморскимъ напѣвомъ, который несравненно лучше всѣхъ другихъ напѣвовъ. Во-

обще, одобреніе хоровъ было почти всеобщее. Желаніе студентовъ — изучать народную музыку, которая такъ тѣсно связана съ народною, въ особенности — украинскою, поэзіей, привело къ образованію хоровъ. Изученіе народной, музыки у насъ дѣло почти не начинавшееся; большая часть народныхъ пѣсень вовсе незнакома публикѣ, и потому образованному обществу нельзя радоваться и не поддержать этой превосходной мысли постояннымъ участіемъ. — «Впрочемъ,» замѣчаетъ *Листокъ*, появленіе украинскаго хора передъ публикою, было до-сихъ-поръ только *пробою* безъ особенной выправки въ пѣсни и даже безъ всякой переборки голосовъ... Серьезное изученіе народныхъ пѣсень, подъ руководствомъ чловѣка, отлично знающаго музыку, еще не начиналось, но въ скоромъ времени должно начаться. Одна бѣда — нѣтъ хорошихъ солистовъ, а между тѣмъ всѣ лучшія украинскія пѣсни, самый цвѣтъ украинской музы — именно приходятся для соло. Поэтому иногда такія пѣсни, которыя, будучи хорошо спѣты соло, произвели бы самое глубокое впечатлѣніе, поются не исполнѣ установленнымъ хоромъ и чрезъ то теряютъ большую половину свое прелести.»

При всеобщемъ безденежьи, при наступающемъ, если уже не наступившемъ, финансовомъ кризисѣ, необходимо обращать особенное вниманіе на усиленіе производства страны, на разработку тѣхъ нетронутыхъ еще богатствъ, отъ которыхъ можно ожидать хоть какихъ нибудь средствъ для поправленія дѣлъ. Вотъ, напр., *Харьковская* губернія, намѣстѣ прежнихъ военныхъ поселеній, изобилуетъ драгоценнымъ матеріаломъ, доставляемымъ шелковыми плантаціями, которыя заведены еще въ 1843 году. На этихъ плантаціяхъ считается около 1,300,000 деревьевъ, не считая находящихся въ садахъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ одной части этихъ плантацій, отданной уже въ аренду на продолжительные сроки разнымъ лицамъ, въ Херсонскихъ и Кіево-Подольскихъ поселеніяхъ находится еще болѣе 2½ миліоновъ шелковичныхъ деревьевъ. Если листья 18-лѣтнихъ шелковичныхъ деревьевъ обратить на добываніе шелка, то есть употребить ихъ для выкормки шелковичныхъ червей, то небольшой капиталъ и трудъ, въ теченіи полутора или двухъ мѣсяцевъ, могутъ вознаградиться съ значительною прибылью. Въ этомъ отношеніи одни *харьковскія* плантаціи могутъ доставлять до 658 пудъ шелка лучшаго качества. На

этихъ основаніяхъ авторъ статьи, помѣщенной въ *Газетт для Сельскихъ Хозяевъ* (№ 28) предлагаетъ на обсужденіе слѣдующія соображенія: приобрести покупкою нѣсколько фунтовъ яичекъ шелковичныхъ червей лучшихъ породъ и, въ началѣ апрѣля наступившаго года, перевести ихъ на одну изъ *харьковскихъ* плантацій для выкормки изъ нихъ червей на домашнихъ шелковичныхъ листьяхъ. Весь трудъ выкармливанія червей охотно примутъ на себя, за незначительную плату, мѣстные жители, которые вмѣстѣ съ тѣмъ охотно удѣлятъ въ собственныхъ хатахъ мѣсто для помѣщенія шелковичныхъ листьевъ. Успѣхъ этого предпріятія будетъ, конечно, зависѣть отъ своевременнаго приобретенія яичекъ... По видимому, это такая важная отрасль промышленности, что невозможно не устремить на нее всего вниманія сельскихъ хозяевъ... Не понятю, по какимъ причинамъ, не смотря на уничтоженіе откуповъ, такъ мало проявляется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вниманіе къ винному промыслу. По свѣдѣніямъ департамента податей и сборовъ, къ 16 числу минувшаго декабря, въ числѣ 49 лицъ, заявившихъ намѣреніе открыть оптовые винные склады, было *только одно* изъ бессарабской области съ заявленіемъ желанія открыть оптовый складъ на 300,000 ведеръ, между тѣмъ какъ средній расходъ вина въ этой области простирается въ годъ до 1,054,413 ведеръ. Изъ остальныхъ губерній новороссійскаго края, по словамъ Одесскаго Вѣстника, ни въ одной не заявлено желанія объ открытіи складовъ при всей очевидности выгодъ — и не пустыхъ выгодъ. Вотъ средній расходъ вина въ этихъ губерніяхъ: въ Екатеринославской 1,326,775 ведеръ; Таврической 455,183 в.; Херсонско-1,797,559. Такая важная отрасль промышленности не должна снова попасть въ руки монополистовъ — откупщиковъ... Нѣтъ капиталовъ—такъ можно составлять общества, ассоціаціи, но все-таки не выпускать изъ *своихъ* рукъ дѣло.

Въ «Экономистѣ», г. Вернадскаго, пишутъ: «факты, касающіеся торговли черниговскимъ табакомъ, ясно доказываютъ, что до сего времени производство его превосходило его сбытъ. Принявъ во вниманіе вліяніе новаго акцизнаго устава на будущій сбытъ его, не трудно рѣшить, прошла-ли чаша мимо Малороссіи, для которой табакъ составляетъ чистыя деньги. Рижскіе оптовые торговцы черниговскимъ табакомъ уже подали прошеніе г. министру финансовъ объ исключеніи этой торговли сырымъ табакомъ, употребляемомъ въ сыромъ видѣ отъ въ высшей степени для нея обременительныхъ правилъ новаго

акцизнаго устава. Мы слышали, что относительно стѣснительности этихъ правилъ, вообще, вошли съ представленіемъ и одесскіе фабриканты.

Весьма важное пособіе для жителей, при настоящей дороговизнѣ дровъ, будетъ составлять каменный уголь, новые пласты котораго открыты въ нѣсколькихъ мѣстахъ на югѣ. Особенно замѣчательно пространство въ Подольской губерніи по Сихоухѣ, между Гогополемъ и Звенигородкою, гдѣ открыта и желѣзная руда. Потомъ весьма замѣчательно открытіе этого же угля въ Бердянскомъ уѣздѣ, въ мѣстности Корсакъ-Могила, и здѣсь гораздо важнѣе, чѣмъ близъ стараго Крыма, гдѣ также найдены пласты, хотя и въ незначительномъ количествѣ. А дорогъ хорошихъ все еще нѣтъ! О желѣзныхъ дорогахъ и говорить страшно. Нашумятъ, накричатъ, наговорятъ, а дѣло стоитъ себѣ, а если и ползетъ, то не быстрѣе черепахи, какъ напримѣръ Θεодоссійская желѣзная дорога. Тѣмъ пріятнѣе указать на дѣло, исполненное безъ всякихъ предварительныхъ выкрикиваній и восхваленій. Въ Землѣ Войска Донскаго скоро будетъ готова желѣзная дорога отъ Аксайской станицы до Каменской, на протяженіи около ста верстѣ. Дѣло это дѣлалось тихо, безъ шума, на войсковой капиталъ; насыпь уже готова, рельсы скоро будутъ проведены. Подлѣ самаго Новочеркаска, гдѣ будетъ одна изъ главныхъ станцій этой дороги, сооружается теперь мостъ черезъ рѣчку Тузловъ. Эта желѣзная дорога поставитъ хлѣбородные округи Донскаго края въ непосредственное сообщеніе съ Аксайскою станицею (въ Землѣ Войска Донскаго *станция* имѣетъ тоже значеніе, что *уездный городъ* въ прочихъ губерніяхъ) съ городами Ростовомъ на Дону, и Таганрогомъ. Кромѣ того войсковая Каменско-ансаяская желѣзная дорога предназначается для быстрого подвоза антрацита, добываемаго во вновь открытыхъ и организованныхъ грушевскихъ копяхъ (въ семи верстахъ отъ Новочеркаска) къ пароходнымъ пристанямъ общества волжско-донской желѣзной дороги и *Русскаго общества пароходства и торговли*, о которомъ мы подробно поговоримъ въ слѣдующей *Лѣтописи*.

Еще весьма недавно, усовершенствованія въ сельско-хозяйственной механикѣ за границей почти совсѣмъ не достигали нашихъ хозяевъ. Хотя еще не вездѣ убѣждены, что старое постоянно смѣняется новымъ, даже и въ области сельскаго хозяйства, но распространеніе ясныхъ понятій относительно хозяйства все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Нужда многому учитъ. У насъ есть уже нѣсколько своихъ механическихъ заве-

деній, на которыхъ, въ значительномъ количествѣ, изготовляются сельско-хозяйственныя орудія, часто неуступающія въ достоинствѣ иностраннымъ. «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» сообщаетъ что склады сельско-хозяйственныхъ орудій находится; въ Одессѣ—3, въ Кіевѣ—2 и по одному въ Житомирѣ, въ Харьковѣ, въ Таганрогѣ. Теперь уже къ числу существующихъ механическихъ сельско-хозяйственныхъ заведеній прибавилось еще одно, составляющее для южнаго хозяйства важное пріобрѣтеніе, такъ-какъ у насъ очень чувствителенъ недостатокъ рабочихъ рукъ, возвысившій заработную плату до значительныхъ размѣровъ. Выписка машинъ и орудій изъ-за-границы обходится очень дорого, а капиталистовъ-механиковъ въ край цѣтъ; они всѣ стремятся въ столицы, какъ центры промышленности. Эти причины давно заставили «Общество сельскаго хозяйства въ южной Россіи» подумать объ основаніи въ Одессѣ, или какомъ-нибудь другомъ пунктѣ Юга, механическаго заведенія, для выдѣлки собственно сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Съ этою цѣлю, какъ сообщаютъ «Экономическія Записки», общество обрящалось къ нѣкоторымъ механикамъ и наконецъ въ прошломъ году остановилось на одномъ изъ членовъ своихъ—инженеръ-технологъ Пахомовѣ, который хорошо изучилъ нужды въ орудіяхъ и машинахъ хозяйства южнаго края. Г. Пахомову испрошено черезъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ ссуда въ 30,000 р. сер. на устройство механическаго заведенія въ Одессѣ. Одесса самый удобный пунктъ для подобнаго заведенія, въ нее привозятся всѣ нужные матеріалы для завода въ сыромъ видѣ; привозъ этихъ матеріаловъ дальше внутрь Россіи увеличилъ бы цѣнность произведеній завода; кромѣ того, по словамъ Од. В. теперь и пошлина на разныя желѣзныя издѣлія, привозимыя изъ-за-границы для полезныхъ хозяйству орудій, уничтожена. Наконецъ, въ Одессу стекается множество помѣщиковъ, и машины могутъ развозиться въ дальніе порты очень удобно, безъ большихъ тратъ для покупателей. Г. Пахомовъ обязался изготовлять на своемъ заводѣ всякія, какъ паровыя такъ и простыя машины и орудія, а равно и *чинить* ихъ; устроить при немъ депо иностранныхъ машинъ и орудій и коммисіонерство для выписки ихъ по дешевѣйшимъ цѣнамъ противъ существующихъ; готовить практическихъ механистовъ и, въ томъ числѣ — молодыхъ людей изъ государственныхъ крестьянъ *бесплатно*.

— *М. В. Остроградскій*. Въ январской Лѣтописи мы общали сообщить читателямъ біографическія свѣдѣнія о М. В. Остроградскомъ.

До времени, мы должны ограничиться небольшим извлечением из письма брата — о жизни покойного:

М. В. Остроградский родился в 1801 году Полтавской губернии, Кобеляцкаго уѣзда въ родовомъ имѣніи, учился сначала въ полтавской гимназіи, а потомъ въ харьковскомъ университетѣ. Въ дѣтствѣ онъ особенно любилъ находить *мѣру* и *величину* каждой игрушки своей; особенно занимали его мельницы, вѣтряная и водяная: онъ стоялъ передъ ними по часу и больше, смотря на движеніе крыльевъ, а внутри мельницы — на вращеніе камней. Любилъ также М. В. измѣрять глубину колодца, для чего постоянно носилъ въ карманѣ снурокъ съ камышкомъ на концѣ. Въ гимназіи онъ не отличался прилежаніемъ, но былъ замѣтенъ какъ бойкій, живой и остроумный мальчикъ. Изъ 3 класса гимназіи (соотвѣтствующаго нынѣшнему 6) отецъ повезъ его въ 1816 году въ Петербургъ, думая опредѣлить сына въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ; но, по совѣту своего шурина, отвезъ сына назадъ въ Харьковъ и помѣстилъ его у адъюнкта университета, преподавателя военныхъ наукъ, М. К. Робуша. Робушъ обѣщалъ приготовить М. В. въ университетъ, но Остроградскій показывалъ стремленіе къ военной службѣ. Въ 1817 году поступилъ онъ въ харьковскій университетъ по физико-математическому факультету: первые полтора года шли плохо, но преподаватель математики, А. Ѳ. Павловскій, къ которому переѣхалъ М. В., имѣлъ большое на него вліяніе. Молодой человѣкъ, разставшись съ мечтами, привился горячо за занятія и въ три мѣсяца уже упрощивалъ самыя трудныя математическія формулы. Окончивъ блестяще курсъ и получивъ аттестатъ, М. В. хотѣлъ держать экзаменъ на кандидата; но враждебная партія профессоровъ находила для него препятствіе держать экзаменъ изъ богословія. Остроградскій, получивши безосновательный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ недопущенія къ экзамену, вынулъ свой студенческій аттестатъ и отдалъ его засѣдавшимъ профессорамъ, прося ихъ вытереть и имя его изъ всѣхъ списковъ студентовъ. Разставшись съ университетомъ, Остроградскій отправился въ Парижъ съ какимъ-то Пѣйцемъ, но на дорогѣ этотъ послѣдній обокралъ его, такъ—что первая поѣздка была неудачна. Онъ поѣхалъ во второй разъ въ августѣ 1822 года. Уже въ 1823 году, въ одномъ изъ листковъ журнала французской академіи, гдѣ толковалось о теоріи функций, вслѣдъ за именами Эйлера и Лагранжа, было напечатано: *enfin un jeune russe Ostrogradsky, doué de beaucoup de sagacité et très versé—dans l'analyse infinité-*

simale (т. е. и наконецъ, одинъ молодой русскій, Остроградскій, одаренный большой проицательностью и весьма искусный въ анализѣ бесконечно-малыхъ величинъ) сдѣлалъ то-то и то-то. — М. В. былъ въ дружбѣ съ тогдашними математиками въ Парижѣ — Коши и Поассономъ; у Лапласа онъ былъ принятъ какъ семьянинъ и, передъ смертью его, получилъ въ подарокъ одинъ изъ ненапечатанныхъ тогда мемуаровъ. Остроградскій читалъ лекціи въ Ecole de Henri IV. Въ 1828 (то-есть, 27 лѣтъ), возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ академію наукъ адъюнктомъ и скоро былъ утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ; въ 1829 году, правительство послало его во Францію, откуда принудила его возвратиться въ отечество июльская революція (1830). Въ Парижѣ, онъ испортилъ глазъ фосфорной спичкой и ужъ почти не могъ его вылечить. Въ 1831 году, М. В. женился; у него остались дѣти: сынъ и двѣ дочери.

Ученыя достоинства и открытія Остроградскаго слишкомъ важны и оцѣнивать ихъ — дѣло не короткой замѣтки. Скажемъ только, что какъ профессоръ, Остроградскій отличался необыкновеннымъ умѣньемъ выбирать легчайшіе и удобнѣйшіе приемы для рѣшенія и объясненія математическихъ вопросовъ. Въ этомъ имѣли случай убѣдиться всѣ, кто прослушалъ нѣсколько его публичныхъ лекцій по дифференціальному исчисленію въ позапрошломъ году.

— *Число періодическихъ изданій въ Кіевѣ.* Въ «Кіевск. Телегр.» пишутъ: «Ни въ одномъ изъ губернскихъ городовъ не издается такъ много періодическихъ изданій, какъ въ Кіевѣ. По настоящее время издается 9 журналовъ и газетъ, именно: Кіевскія Губернскія Вѣдомости, Современная Медицина, Епархіальныя Вѣдомости, Руководство для сельскихъ пастырей, Труды Кіевской Духовной Академіи, Воскресное Чтеніе, Кіевскій Телеграфъ, Труды Кіевской Комисіи для разбора древнихъ Актовъ, и Университетскія Вѣдомости. Кромѣ этихъ журналовъ, въ Кіевѣ два года издавалась, подъ редакцію П. М. Семеновскаго, «Галлерея кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей» и «Альбомъ памятниковъ и видовъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній», подъ редакцію А. Фонъ-Юика; оба эти изданія, не встрѣтивъ сочувствія и поддержки со стороны публики, должны были прекратить свои выпуски. Къ упомянутымъ, издающимся въ Кіевѣ девяти журналамъ и газетамъ присоединяются: «Кіевскій Курьеръ» подъ редакцію г. Стрешнева (начнетъ выходить съ 15 марта по три раза въ недѣлю), и журналъ: «Вѣстникъ югозападной и западной

Россіи» подъ редакціею г. Говорскаго, который начнетъ выходить ежемѣсячно съ 1 іюля книжками отъ 12 до 14 листовъ.

— *Судъ надъ крестьяниномъ.* Въ «Бесарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» напечатано: При разсмотрѣніи одного изъ приговоровъ бессарабскаго уголовного суда, областнымъ начальствомъ усмотрѣно, что одинъ мѣщанинъ, возвращаясь домой съ заработковъ, съ тремя штуками купленнаго скота,—по одному предположенію, не украденъ ли тотъ скоть—былъ задержанъ въ уѣздѣ своего города и доставленъ съ тѣмъ скотомъ въ земскій судъ. Земскій судъ, не имѣя также никакого болѣе подозрѣнія, отдалъ тотъ скоть въ неутратное сбереженіе мѣстному Еврею. Вислѣдствіи, когда неосновательность подозрѣнія разъяснилась и скоть слѣдовало возвратити хозяину, еврей показалъ тотъ скоть навшимъ въ одинъ день, хотя надежа въ городѣ тогда не было, и представилъ въ судъ кожи. По приговору, состоявшемуся по этому дѣлу, поставлено: взыскать съ Еврея и уплатити за тотъ скоть хозяину оцѣночную сумму, за 3 штуки, 15 руб. но оцѣночная сумма, какъ извѣстно, далеко не покрываетъ стоимости отобраннаго скота; слѣдовательно, бѣдный человекъ обвиненъ отъ неблагоразумія чиновниковъ, въ которыхъ, по благотѣльнымъ мѣрамъ правительства, простолюдинъ долженъ находить не *враговъ*, а *защитниковъ*. При этомъ замѣчено, что земскій судъ, арестуя скоть, не позаботился отдалъ таковой на прокормленіе въ благонадежныя руки, какъ бы слѣдовало, сосѣдямъ обвиняемаго, а отдалъ Еврею, который, не занимаясь земледѣіемъ и не имѣя лишняго корма, не могъ и принять подобный скоть на прокормленіе безъ своекорыстной мысли,—чего распорядившіеся, при благонамѣренности, не могли бы не видѣть.

Членамъ суда и секретарю, распорядившимся отдачею скота Еврею на прокормленіе, сдѣлано строгое замѣчаніе, а въ предостереженіе отъ подобныхъ непростительныхъ и предосудительныхъ дѣйствій, областное начальство нашло необходимымъ объявить о настоящемъ случаѣ.

Почтовые экипажи. — Съ 1-го января 1862 года отправляются почтовые экипажи отъ Кіева до Москвы и обратно, на слѣдующіе города: Козелецъ, Черниговъ, Гомель, Довскъ, Пронойскъ Чериковъ, Рославль, Юхновъ, Медынь, Малоярославецъ, Подольскъ и

Москву. Плата взимается по разстоянію и мѣстамъ. Отъ Кіева до Москвы платится: за внутреннее мѣсто 42 руб., наружное—29 руб.

— *Наводненіе.* Въ Таврическихъ вѣдомостяхъ сообщаютъ, что вслѣдствіе обилія снѣговъ въ степной полосѣ Крыма, при внезапномъ почти наступленіи тепла, случилось 21 февраля нѣсколько несчастій, причиненныхъ наводненіемъ. Въ экономіи г-жи Кузминой вырвало изъ прекраснаго обширнаго сада множество деревьевъ и виноградныхъ кустовъ. — Въ рѣкѣ Конкѣ, близъ г. Орѣхова, прибыло огромное количество воды, разлившейся на далекое пространство и огромными льдинами повредило мостъ, находящійся на упомянутой рѣкѣ. Изъ восьми ледорѣзовъ два совершенно разрушило, а прочіе значительно повреждены. Старожилы говорятъ, что такіе снѣга были лѣтъ тридцать тому назадъ. — Намъ пишутъ изъ Николаева, что тамъ позаливало нѣсколько погребовъ и причинило значительные убытки, повредивъ товаръ, чему много способствовало дурное устройство мостовыхъ безъ канавъ. — Въ Мелитополь 25 февраля вода залила много зданій, въ томъ числѣ острогъ, откуда принуждены были вывести арестантовъ.

— *Недостатокъ рабочихъ рукъ.* Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на чрезмѣрное возвышеніе заработной платы, происходящее отъ недостатка рабочихъ рукъ. Кажется, болѣе другихъ имѣетъ право жаловаться Таврическая губернія, лишившаяся, вслѣдствіе значительнаго выселенія Татаръ, многихъ силъ. Слухи о переселенцѣхъ, которые будутъ въ Крымѣ и между прочимъ, начнутъ селиться на владѣльческихъ земляхъ такъ разнорѣчивы, что пока не возможно ничего сказать опредѣленнаго. Говорятъ также, что выселившіеся Татары снова думаютъ воротиться назадъ; видно турецкія власти не предоставили имъ тѣхъ благъ, о которыхъ они мечтали, и за которыми почти бѣжали изъ Крыма. Если эти слухи справедливы, то разумѣется дѣла пойдутъ значительно лучше.

— *Выставки.* Департаментъ сельскаго хозяйства объявляетъ, что въ настоящемъ 1862 году министерство государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ начальниками губерній, предлагаетъ открыть выставки сельскихъ произведеній, между прочимъ, въ *Екатеринославѣ* (съ 26 сентября) и *Кіевѣ* (съ 15 августа).

— *Переселеніе.* Въ теченіе 1861 года, въ Россію прибыло Малороссіянъ и Великороссіянъ изъ отграниченнаго участка Бессарабіи, а также Болгаръ (какъ изъ отграниченнаго участка, такъ и изъ Тур-

ци) 24,681 об. пола д. «Такъ—какъ вылодцы изъ горныхъ частей Турціи, пишутъ въ И. М. Г. И., неохотно селятся въ степныхъ, безлѣсныхъ мѣстахъ Повороссійскаго края, поэтому есть предположеніе предложить будущимъ переселенцамъ селиться на Кавказъ». Переселеніе это продолжается еще и до сихъ поръ, о чемъ мы намѣрены подробнѣе поговорить внослѣдствіи.

— *Курская очередная выставка* сельскихъ произведеній, назначенная для губерній: Курской, Харьковской, Кіевской, Черниговской и Полтавской открыта была 14 сентября прошлаго года. Эта выставка, какъ сообщаетъ листокъ «Харьковъ» отъ 14 марта, возбуждала въ посѣпителяхъ любознательность и желаніе по возможности участвовать на будущее время въ такомъ полезномъ дѣлѣ. Всѣхъ экспонентовъ было только 107, а представленныхъ номеровъ всѣхъ произведеній — 243. — Изъ представленныхъ предмѣтовъ особенное вниманіе обратили на себя: модель молотильной машины, представленная щигровскимъ помѣщикомъ Анненковымъ; чрезвычайно упрощеннаго устройства; 2 улья съ сотами и 1 съ пчелами курскаго помѣщика П. П. Мойсѣева; крупчатая мука почетнаго гражданина А. В. Тихонова; снопы кормовыхъ травъ щигровскаго помѣщика М. А. Пузанова, пенька госуд. крестьянина фатежскаго округа Басова и кушаки государственныхъ крестьянокъ курскаго, фатежскаго и щигровскаго округовъ. Незначительный размѣръ выставки объясняютъ дождливою осенью, неопредѣленностью отношеній владѣльцевъ къ временно—обязаннымъ крестьянамъ, позднею уборкою хлѣбовъ и новизною положенія сельскихъ обывателей... Значить, на будущее время можно ожидать большаго —

— *Чехи въ Диканькѣ* — *имѣніи кн. Льва Кочубея*. Газета «День» помѣстила въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ протестъ противъ притѣсненій, оказанныхъ, въ имѣніи кн. Кочубея, Чехамъ, написаннымъ для работъ въ имѣніи. Изъ поднявшейся, по этому поводу, довольно запутанной полемики трудно заключить, въ какой степени виновны владѣлецъ, или управляющій: *быть—можетъ*, назначенное слѣдствіе раскроетъ съ этой стороны правду; можно однакожъ вывести то, что нѣкоторые содержатели конторъ, а въ настоящемъ случаѣ г. Левинсонъ, при заказахъ выписки иностранныхъ рабочихъ въ Россію, обманываютъ и русскихъ помѣщиковъ и переселенцевъ. Къ первымъ, какъ остроумно и вмѣстѣ справедливо замѣтила Газ. Д. С. Х., вмѣсто земледѣльцевъ являются музыканты, вмѣсто овчаровъ кузнецы, вмѣсто хо-

лостыхъ семейные и т. д. Советуемъ по этому случаю обращаться къ русскимъ комисіонерамъ, если кто не имѣетъ возможности самъ ѣхать за границу для найма рабочихъ.

— *Сочиненія Т. Шевченко въ переводѣ на польскій языкъ.* Въ Кіевѣ очень недавно вышли въ свѣтъ «Przekłady pisarzy majorossyjskich, A. I. Горжачиньскаго. Переводчикъ обѣщаетъ со временемъ перевести на польскій языкъ всѣ лучшія малороссійскія сочиненія. Въ первомъ (вышедшемъ) томѣ находятся слѣдующія стихотворенія Шевченко: Наймичка, Катеріна, Тополя, Иванъ Підкова, Тарасова Пічъ... всего семнадцать стихотвореній. Изданію этому можно предсказать большой успѣхъ, такъ-какъ переводъ сдѣланъ, нерѣдко, превосходно, съ пониманіемъ и сочувствіемъ къ истинно-народному поэту. Мы надѣемся со временемъ дать болѣе подробный отчетъ о трудѣ и взглядѣ достойнаго переводчика на свое дѣло. Второй томъ, который уже въ печати, также будетъ посвященъ сочиненіямъ Т. Гр. Шевченко; въ третьемъ переводчикъ обѣщаетъ повѣсти Основьяненка (Квітки); четвертый томъ будетъ состоять изъ повѣстей Марка Вовчка.

— *Вспышки угасающей откупа.* Вотъ, что сообщаетъ, въ Од. В.—г. И. Иванченко: «Со мной приключилась слѣдующая исторія. Для ясности скажу, что отецъ мой, пролежавъ около трехъ недѣль опасно больнымъ, началъ было поправляться. 12 числа февраля, когда я отлучился по службѣ въ Херс. уѣздное училище, часовъ около 11 утра, толпа пьяныхъ солдатъ и мужиковъ, предводимая интейными повѣренными: Гершкою Штейманомъ, Зах. Варвинскимъ и однимъ изъ полицейскихъ агентовъ (что я узналъ въ послѣдствіи), вломилась сначала во дворъ, а потомъ и въ домъ къ родителямъ моимъ и, не слушая увѣщаній матери, предупреждавшей ихъ о болѣзни отца, рассыпалась въ количествѣ 20 слишкомъ человѣкъ, по комнатамъ, стала переворачивать мебель, мять и рвать платье, бить посуду, ища чего-же?—водки. Все было осмотрѣно ими—отъ сундука до пузырька съ лекарствомъ и до кармановъ,—и никакой водки не было найдено. Толпа отхлынула назадъ, изломавъ и раздавивъ часть мебели и посуды, утащивъ изъ моеи комнаты часть моего платья и подѣйствовавъ на здоровье отца самымъ печальнымъ образомъ. Слабый, больной, тихій и боязливый старикъ не перенесъ равнодушно нахальнаго обыска, и снова впалъ въ опасное болѣзненное состояніе. Я вѣрю, что подобныя прокшествія стануть скоро анахронизмомъ и въ Хер-

сонѣ, но вотъ еще слѣды отживающаго времени и умирающаго откупа.» — Неужели дѣло тѣмъ и кончилось??

— *Пароходство по Днѣпру.* Правленіе общества объявило, что съ 28 марта открыто правильное пассажирское сообщеніе между Кіевомъ, Кременчугомъ, Екатеринославомъ. Пароходы отходятъ изъ Кременчуга въ Кіевъ по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ, отъ Кіева въ Кременчугъ по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, отъ Кременчуга въ Екатеринославъ по вторникамъ и пятницамъ и отъ Екатеринослава въ Кременчугъ по воскресеньямъ и четвергамъ.

— *Съездъ естествоиспытателей въ Кіевъ.* «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ, что съездъ естествоиспытателей для научныхъ и педагогическихъ совѣщаній будетъ въ Кіевѣ и въ настоящемъ году. Учителя естественныхъ наукъ въ кіевскихъ гимназіяхъ получили уже приглашеніе прибыть для этой цѣли въ Кіевъ 21 іюня. Совѣщанія будутъ съ 11 по 18 іюня.

— *Болезнь отъ примѣси рожковъ въ житѣ.* Въ деревняхъ Владовкѣ и Писаровкѣ Кіевской губерніи Радомысльскаго уѣзда появилась на людяхъ болѣзнь *Varanfa*, отъ примѣси въ значительномъ количествѣ, рожковъ въ житѣ, отъ коей до 10 февраля умерло 7 беременныхъ женщинъ, 8 выкинуло плодъ и остается больныхъ болѣе 30. Объ этомъ мѣстное медицинское правленіе немедленно донесло начальству, которое сдѣлало распоряженіе о производствѣ слѣдствія по закону, также какъ и объ оказаніи больнымъ необходимаго медицинскаго пособія.

— *Отчетъ о первомъ музыкально-литературномъ вечерѣ,* бывшемъ въ Одессѣ въ пользу ремесленной школы. Въ этомъ отчетѣ намъ показали любопытными цифры сбора (140 р. 75 к.), расхода (123 р.—50 к.) и выручки (17 р.—25 к.). Содержателю театровъ заплачено за зданіе 90 р., да и то по недостаточности сбора, а по условію слѣдовало 120 р. Странно!... Вечеръ благотворительный, въ пользу школы, а содержатели театровъ берутъ такіа огромныя цѣны за зданіе!

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

1862.

III.

№ XXIX—*Цыганка*, срисованная мною съ природы въ м. Седневѣ, Черниговскаго уѣзда.

Одна изъ живописныхъ чертъ украинскаго населенія — это—племя цыганъ, которое бродитъ съ мѣста на мѣсто, останавливаясь шатрами то въ лѣсу, то въ рощѣ, то на лугахъ; отсюда уже они ходятъ въ окрестныя ярмарки. По возвращеніи съ прибылью, таборъ пируетъ — шьетъ, танцуетъ и поетъ. Сцены цыганскаго табора полны занимательности. Жизнь въ нихъ проявляется во всей своей пластичности; это обильный матеріалъ не только для живописца, но и для всякаго наблюдателя. Страсти тамъ безъ покрова, во всей своей дикой наготѣ и красотѣ. Пляска, пѣсни съ гиканьемъ и хлопаньемъ въ ладоши, полны художественной прелести. Нельзя и сравнивать этихъ *площовѣтыхъ* цыганъ, въ изодранномъ рубищѣ, въ коралахъ и дукачахъ, въ чалмахъ изъ шалей, полунагихъ, а часто и совершенно нагихъ, въ лѣсу, среди лопушника, или въ дубовой рощѣ, когда все залито палящимъ солнцемъ, когда въ зелени блеститъ темнымъ свѣтомъ неправильный, изодранный шатеръ, а подлѣ, на веревкѣ, лежитъ тощій, мохнатый и злой барбосъ, хрюкаютъ свиньи, блеютъ овцы, ржетъ лошадь, кричитъ краденный пѣтухъ и синій дымокъ тамъ—и—сямъ пробирается черезъ вѣтви, а пляшущія цыганки—красавицы, съ раскинутыми локонами, въ яркихъ лентахъ, легкія, стройныя, гибкія, энергическія, дрожатъ всѣмъ тѣломъ и съ замершимъ шопотомъ на устахъ разжигаютъ кровь и возбуждаютъ нервы, — нельзя, говорю, и сравнивать такихъ цыганъ — съ этими, на парадной платформѣ, умышленно костюмированными, напомаженными и раздушенными хорами московскихъ цыганъ, поющихъ сентиментальную чепуху, которая такъ плѣняетъ большію неестественно-развившуюся часть общества.

Покидая наши безжизненные города и оставляя за собой длинную, пустую улицу съ домомъ полиціи, неизмѣримую площадь съ церковью и недостроенными лавками, присутственныя мѣста и острогъ,—я дышалъ свободнѣе, въ—особенности когда попадалъ въ среду кочующаго табора. Я отдыхалъ душою посреди этой вольной толпы и бездомныхъ ободранцевъ, межъ этими черномазыми лицами съ свободными движенъ-

яни, свободнымъ, смѣлымъ взглядомъ, ничѣмъ несдержаннымъ словомъ, посреди этого дикаго народа, до котораго не коснулась цивилизаторская тля, который лишенъ всего—но не духа свободы. Воздухъ, просторъ и воля — вотъ первыя условія его жизни. Цыганскіе таборы живописны во всякое время дня и ночи,—стоятъ ли на мѣстѣ, поднимаются ли въ походъ съ пѣснями и пляской.

№ XXX — *Старці* (ншіе), — срисованные съ природы А. Е. Бейдеманомъ, награвированные В. В. Верещагинымъ.

Л. Ж.

ИЗВѢЩЕНІЕ

О ПРОЗАИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА НА ВЕЛИКОРУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

По смерти украинскаго поэта, Т. Гр. Шевченка, осталось одиннадцать рукописей, въ которыхъ заключаются литературныя (довольно слабыя) сочиненія поэта, писанныя на великорусскомъ языкѣ, прозою.

Изъ этихъ рукописей, девять переписаны рукою Шевченка вполне,—одна—на половину, а другая ея половина и еще одна рукопись только исправлены авторомъ. Всѣ онѣ переписаны на сѣрой плохой бумагѣ, и большею частью не сшиты въ тетради, а только сложены въ четверть и полъ-листа.

Сочиненія эти, какъ рѣдкость, продаются всѣ вмѣстѣ и каждое отдѣльно, (но *безъ права изданія*, которое остается за наследниками), по слѣдующей цѣнѣ:

- 1) *Наймичка*, написанная 25 февраля 1844 года, въ Переясловѣ, на $15\frac{1}{2}$ листахъ, сложныхъ въ $\frac{1}{4}$ листа 50 р.
- 2) *Варнакъ*, 1845 г. въ Кіевѣ, $13\frac{1}{2}$ листовъ— $\frac{1}{4}$ л. 40 »
- 3) *Княгиня*, 1853 г. подписано *Дармограй* (псевдонимъ Шевченка); безъ конца. 3 листа— $\frac{1}{4}$ л. . . . 10 »
- 4) *Музыкантъ*—28 ноября (начата), 15 января 1854 г. (окончена), 10 лист.— $\frac{1}{4}$ л. 30 »
- 5) *Несчастный*, 24 января и 20 февраля 1855 г., $7\frac{3}{4}$ л.— $\frac{1}{4}$ л. 25 »
- 6) *Капитанша*, 15 марта, $4\frac{1}{4}$ л.— $\frac{1}{4}$ л. 15 »
- 7) *Близнецы*, 10 іюня и 21 іюля, $13\frac{1}{3}$ л.— $\frac{1}{4}$ л. 40 »

- 8) *Художникъ*, 25 янв. и 4 октяб. 1856, 10 л.— $\frac{1}{4}$ л. 30 »
- 9) Драматическое произведеніе, безъ названія и конца, неизвѣстно какого времени, 3 л.— $\frac{1}{2}$ л. . . . 10 »
- 10) *Прогулка съ удовольствіями и не безъ морали*, въ двухъ частяхъ. Первая часть на $22\frac{1}{2}$ листахъ, переписана не Шевченкомъ, а только имъ исправлена (30 ноября 1856 года); вторая же часть, на 23 листахъ, переписана самимъ Шевченкомъ. Подъ обѣими подпись *Дармограй*— $\frac{1}{2}$ л. 100 »
- 11) *Повѣсть о безродномъ Петрусь*, неизвѣстно какого времени, переписанная не Шевченкомъ, а имъ только исправленная $23\frac{1}{2}$ л.— $\frac{1}{2}$ л. 25 »

Желающіе пріобрѣсть эти рукописи могутъ адресоваться къ довѣренному отъ наслѣдниковъ Шевченка, Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому, въ *Москву, на Сивцовомъ Вражкѣ въ домъ Дымковой*, съ приложеніемъ денегъ, для доставленія ихъ наслѣдникамъ покойнаго поэта.

Мы были бы весьма благодарны за перепечатку этого извѣщенія и въ другихъ изданіяхъ.

М. Лазаревскій.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 3-Й КНИЖКЪ ОСНОВЫ.

Аркушъ — листъ бумаги.

Бабуня — (ум.) — бабушка.

Балакливый — разговорчивый.
Безголовьячко — бѣда, горе, не-
удача.
Бѣдога — бѣдность, бѣдныи.
Бѣлявенький — бѣлокурый.
Благѣнький — слабый, жалкій.
Вубоцѣти — говоритъ себѣ подь
носъ — невнятно.
Буѣти — парить; возвыситься.

Важитѣця — вѣситься; осмѣлиться;
рѣшиться.

Варъ — жаръ.
Величатись — хвалиться.
Вдрѣти — увидать.
Вдѣвжний — отважный.
Визерунки — картинки
Визника — возница, кучеръ.
Викочувати — выкачивать.
Винкоплѣтнини — плетенье вѣнковъ.
Вистрибувати — весело скакать.
Вище — выше.
Виймаѣтця (*сбнечко*) — подымается,
восходитъ (солнце).
Вивчатись — убрать голову цвѣ-
тами.

Вовкодѣхий — сердитый, злой.
Ворохъ — куча зерноваго хлѣба.
Всмѣти — посмѣть; осмѣлиться.
Втрѣтити — втиснуть, втоптать,
вбить.

Гавна — Анна.
Ганьба — безчестье, безславіе.
Ганочки — крыльцо.
Гаптовѣти — вышивать (золотомъ).
Гайдамака — самозванный козакъ;
разбойникъ.
Гѣбнути — произвести глухой шумъ
(при паденіи чего-либо тяжелаго).
Гѣльчастий — вѣтвистый.

Годіи! — полно! довольно!
Годинонька — неопредѣленное про-
странство времени, — часть; *лихля* (моя)
годинонька! возгласъ, выражающій
несчастное стеченіе обстоятельствъ.
Головка (уменьш. ласкат.) — го-
лова.
Гордовѣтій — горделивый.
Грѣче — вѣжливо, прилично.
Гречкосій — хлѣбопашецъ.
Грець — молодецкая схватка.
Грище — мѣсто, гдѣ происходятъ
(народныя) игры.
Грѣкнути — хлопнуть, стукнуть
сильно (дверьми).
Гудзь — пуговица.
Гѣта — стеклянный заводъ, (заводская
печь).
Гѣчний — звучный, громкій.

Дахъ — крыша.
Дворакъ — дворовый, придворный.
Джмѣль — шмель.
Дзвіночокъ — колокольчикъ.
Дзюркотѣти — литься съ журчань-
емъ.
Дѣ-коли — кой-когда, иногда.
Дѣ-який — иной, пѣкаторый.
Днишка — денекъ.
Довший — (сравни степ.) — длиннѣе.
Догана — попрекъ, пренебреженіе.
Долоня — ладонь.
Домѣха — Добра.
Допадѣти — приходится къ чему-
либо.
Дорозумовѣтись — додуматься.
Дошмряться — догадаться, доко-
паться.
Дошовій — дождевой.
Дрѣнка — ветошь.
Дрѣти — (крупн.) — обдирать (крупу).
Дрѣтикъ — чулочный прутокъ, —
проволока.
Дружба — шаферъ (на свадьбѣ).
Дрючина — дубина.
Дукѣтъ — червонецъ.
Дурійця — пустяки, глупость.

Е — есть.

Едамáшки — дамасская матерія.

Жартъ — шутка.

Живáый — живой, молодцоватый.

Жіночі́й — женскій.

Живце́мъ — живьемъ.

Забарітьця — замешкать; запоздать.

Забряча́ти — зазвучать (ключами, деньгами), задребезжать.

Завда́ти — задать.

Загальмува́ти — затормозить.

Загуготіти — загудеть глухо.

Загурча́ти — зашумѣть, зажурчать (о дождѣ).

Задля́тись — замедлить.

Зажда́ти — обождать.

Завжди́ — всегда.

Задріботіти — зачастить ногами.

За́ки — доколь, пока.

Залопотіти — зашумѣть чѣмъ-либо упругимъ, быстро приводящимъ воздухъ въ движеніе.

Занапасти́ти — погубить.

Занадба́ти — оставить безъ вниманія, въ пренебреженіи.

Запа́ска — родъ передника.

Заплющити́сь — зажмуриться.

За́разъ — сейчасъ.

Захова́тись — спрятаться; скрыться.

Зачарува́ти — обворожить, заколдовать.

Збліднути́ — поблѣдѣть.

Звіа́ки — откуда.

Звива́тись — извиваться, увиваться.

Звісно́ — извѣстно.

Звичити́сь — привыкнуть.

Зворухні́тись — повернуться, сдвинуться.

Згірье́ — гористое мѣсто.

Здѣбати́ — встрѣтить, напасть на слѣдъ.

Здо́лгати — одолѣть, достигнуть.

Здорові́йшъ — здоровѣе.

Зітхну́ти — вздохнуть.

Зізна́тись — познакомиться, сойтись.

Зирну́ти — взглянуть.

Зісла́вний — злѣйшій.

Зміни́ти — смѣнить, переимѣнить, измѣнить.

Зміркува́тись — одуматься, столкноваться.

Зро́шений — орошенный, омоченный.

Зупинити́сь — остановиться, задержаться.

Зупни́тись — останавливаться, задерживаться.

Збо́чити — завидѣть издали.

Ив'а́сь, Ив'ашко — Ваня.

Иза́бачити — извинить.

Измага́тись — спорить, сопротивляться.

Казноді́й — проповѣдникъ.

Ка́пость — пакость.

Керпи́ця, крипи́ця — натуральный источникъ, колодезь безъ сруба.

Кирпа́тий — курпосый.

Клопо́татись — хлопотать, беспокоиться, заботиться.

Княги́ня — княгиня; невѣста; князь — князь; женихъ.

Колыва́ти — медленно, прихрамывая идти.

Колі́ска — зыбка, колыбель.

Колува́ти — кружить.

Кома́ха — муравья.

Комашні́ — муравейникъ.

Копа́ти — умирать, кончаться.

Кошъ — корзина; Кошъ (Запорожскій).

Кр(е)іпа́къ — крѣпостной.

Кришка́ — крышка; крошка.

Крулевщина́ — королевское швѣтіе.

Кужиль — льняное прядево.

Кухова́рь — поварь.

Лады́ — порядокъ, способъ, лады, согласіе.

Ла́ститься — ласкаться.

Лі́жка — ложе, кровать.

Либонь — чуть ли не.

Лука́шъ — Лукьянъ.

Люди́на — человекъ въ смыслѣ единичности, безразлично — мужскаго и женскаго полу.

Ляско́тити — хлопать (плетью и т. п.).

Маэто́къ — мѣтле.

Мандра́вка — путешествіе, бродяничество.

Міа́ний — мѣдный.

Молоды́а — молодые люди.

Моргъ — мѣра — участокъ — земли.

Мо́(і)щный — мощный, сильный.

Мурі́гъ — мурава.

Нава́дниця — наговорщица, лбедница.

На-вѣрсі́ — наверху.

Наіди́и — сивды, кушанья.

Намену́ти — напомнить, наекнуть.

Напни́тись — накрываться (покрываломъ).

Наріка́ти — роптать.

Насу́питись — надуться, нахмуриться (о человекѣ).

На-ході — на ходу.
Невідхідно — неотходя.
Непитущий — непьющий
Несеитиця — галиматья, ви сѣ,
ни то.

Обертати — поворачивать, (въ перепосномъ смыслѣ — бить).
Обѣдва — оба. **Обѣдві** — обѣ.
Обійняти — обнять.
Обікъ — возлѣ, сбоку.
Обіручъ — обѣими руками.
Обома — обоими.
Обрати — выбрать, избрать.
Овѣрко — Аверьянъ.
Огѣватися — обжиться, свыкнуться.

Оддалекі — издали.
Оддѣчити — отблагодарить.
Оксамітъ — бархатъ.
Олѣся — Александра, —ъ.
Опѣка — няня.
Опівдня — въ полдень.
Опівночі — въ полночь.
Освіта — просвѣщеніе.
Оступѣчити — удивить, обойти, поставити въ тупикъ.
Ось — вотъ.
Отъ — вотъ.
Охжіти — озлится, разъяриться.

Падкатися — хлопотать, возиться, ухаживать.
Панцерний (полкъ) — родъ кирасиръ.

Пара — паръ.
Перерѣпанка — распозшлася одежда.

Перешкода — помѣха, препятствіе.
Помісь — вмѣсто, намѣсто.
Пітьо — питье.
Плѣвле — плыветь.
Полиця — полка въ хатѣ для посуды.
Помѣкшати — сдѣлаться мягче.
Побочі — въ потьмахъ.
Попричиняти — притворить.
Потѣха — выпить на потѣху — опохмѣляться.

Погоріджа — пожарище, остатки послѣ пожара.

Пожежа — пожаръ.
Поміста — отмщеніе.
Посагъ — приданое.
Посімянінъ — семейный, свой чедовѣкъ.

Поскорѣтця — поторопиться.
Потѣвлюватися — мѣститься, пробыраться въ толпѣ.
Поханцемъ — поскоряся; въ-попыхахъ.
Прагнути — жадать.

Привиджуватися — привидѣться (во снѣ).

Приручити — поручить.
Присмеркомъ — сумерками.
Присолоджувати — подслащать.
Причілокъ — передняя *вильшня* сторона хаты, гдѣ ставятся образы.
Причіпка — привязка, придирка.
Причишкнути — притихнуть, замолчать.

Прозвѣдникъ — лицедѣй.
Прокіпъ — Прокофій.
Промінь — лучъ.
Прощтрафность — проступокъ.
Прочвара — пройдоха.
Прочуханка — сѣчка (розгамн и т. п.).

Пугу, пугу! — крикъ Филипа и Запорожца.

Пуць — баць. хлопъ (напр. пуць ѣму въ ноги — хлопъ ему въ ноги).

Ранокъ — утро.
Рантухъ, або лантухъ — большой кусокъ (родъ простыни) толстаго полотна, предназначенный для ссымки въ него разнаго зерна.

Раптомъ — разомъ, вдругъ.
Розволочитися — избаловаться.
Розжалобити — расстрогать, умилостивить.

Розсипатися — (переносн.) родить; разрѣшиться отъ бремени.

Рубки — платья.
Рядина — самый грубый холстъ.

Садовляти — усаживать (о многихъ).
Самісінько такъ — именно такъ.
Сварливо — сердито.
Свінути — блеснуть; разсвѣтать.
Світличка — чистая комната, горница.

Сивѣнький — (ум.) — сдѣой.
Силечка (одъ сила) — множество.
Скосирний —
Смикати — дергать.
Сніпокъ — (умен.) — снопъ.
Совманути — сунуть, толкнуть, двинуть.

Сонейко — солнышко.
Спадокъ — наслѣдство.
Спершу — спервоначала.
Спродувати — сбывать съ рукъ, про-давать.

Старці — нище.
Стѣженька — дорожка.
Стеменний — настоящий, дѣйствительный, точъ-въ-точъ.
Сумирний — смиренный.
Стільчикъ — стулъ.
Стійшити — стихнуть.

Стрепехáтисъ — пугаться, встре-
вожиться.

Студень —

Ступи́й — ступень; шагъ.

Стусувáти — бить.

Счннйтисъ — случиться, сбыться.

Супонити — (переносн.) — бить.

Ськати — искагъ (въ головѣ).

Сягну́ти — хватить; достать.

Сяющій — сияющій.

Т! — тѣ.

Титарь — церковный староста.

Тѣша — тишь.

Товчѣнники — родъ кушавья; (пере-
носи.) толчки.

Тѣе-то — вотъ это-то.

Травичка — травка.

Транилось — случилось, пришлось,
попалось кстати.

Туряти — гопять.

Тутича — тутъ; здѣсь.

Убрáнне — нарядъ.

Удвѣхъ, у-двѣизи — въ-двоемъ.

У-двѣковъ — парю лошадей.

Укорпнѣти — колупнуть.

Унита — увіать.

Уну́чечка — ввучка.

Усѣмá (увѣсь, ввесь, весь — и
всей — весь) — всѣми.

Уста — Устинья.

Утнѣти — хватить; отрѣзать; понять
и сдѣлать.

Фáска — небольшая деревянная по-
судина.

Хвѣська — Феодосія.

Хлопченята — дѣти — мальчики.

Хурдига — бѣдствіе, иго.

Ху́тиръ — выселокъ, поселокъ, мыза.

Цвѣитарь — паперть.

Ціка́ве (око) — любопытный (глазъ).

Чарівни́ца — колдунья.

Ча́ти — засада.

Чѣргá — очередь.

Човгъ — слово, обозначающее гори-
зонтальное движеніе по землѣ, напр.
ползаніе змѣи.

Чу́лка — чулокъ.

Шкадронъ — эскадронъ.

Шпилька — булавка.

Шпорнѣшъ — мелкая травка (*poly-
gonum aviculare, L.*)?

Штовхи́ти — толкнуть.

Щеміти — болѣть (о сердцѣ).

Юрко́ — Юрій.

Яковó — каково.

Янгелѣточко — (ум.) — ангельчикъ.